СВЕТОВОЙ ГОД

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ ИЗ НИЖНЕГО ТАГИЛА

МЕСТО
территория для молодежи

Световой год

литературный альманах
из нижнего тагила
книга третья

Нижний Тагил
2022

ББК 84 (235.55)
С24

Данное издание подготовлено с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

АВТОРЫ

Андросенко Анна, Арсина Ольга, Аршук Анастасия, Бондырева Анна, Васьковская Ирина, Волохин Никита, Генкин Александр, Горянец Дарья, Дмитриева Алиса, Дронов Игорь, Епишин Сергей, Жилицкая Юлия, Зудова Марина, Зыкова Софья, Исакова Анастасия, Исмагилова Екатерина, Исупова Оксана, Казанова Мария, Киселькова Елена, Колбин Михаил, Коренистова Софья, Кропотов Мирон, Культикова Александра, Ларионова Татьяна, Лопаева Мария, Майданов Андрей, Макушина Юлия, Малышев Владислав, Мальцева Ольга, Назарова Мария, Неугодникова Анна, Орлова Екатерина, Павлюкова Галина, Печенежский Эдуард, Прямкова Екатерина, Приймакова Ольга, Радаева Анна, Разливинский Ян, Рид Екатерина, Русских Олеся, Сведущева Варвара, Соловьева Екатерина, Сорочкина Екатерина, Ставцев Евгений, Степанова Анастасия, Судьина Юлия, Суханова Ольга, Табатчикова Елизавета, Телегина Алёна, Толстых Ксения, Тюкавкина Ирина, Харитонова Марина, Худякова Ирина, Чавбан Алексей, Чернавская Надежда, Шахова Дарья, Шмелёва Римма

ХУДОЖНИКИ

Аганичева Ольга, Вострилов Филипп, Зуев Михаил, Павленко Вероника, Пинтелин Анатолий, Стрелкова Екатерина, Шипицова Елена, Шамаев Иван, Худякова Ирина

Световой год: литературный альманах из Нижнего Тагила. Вып. 3 / составитель Я. Разливинский. – Нижний Тагил: Объединение «Союз», 2022. – 248 с.: ил.

С24

Третий выпуск альманаха «Световой год» представляет новые произведения тагильских авторов.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Обложка: ***Иван Шамаев.***

Литературная студия «ВМесто тысячи слов» выражает глубокую благодарность Центральной городской библиотеке г. Нижний Тагил (директор Наталья Петровна Якимова) и МОО «Клуб любителей книги города Нижнего Тагила» (руководитель Марина Леонидовна Попова) за неоценимую помощь в появлении на свет этой книги.

© Клуб любителей книги города Нижнего Тагила, 2022

И СНОВА ЗДРАВСТВУЙТЕ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ студия «ВМесто тысячи слов» вступила в свой новый сезон. А наш альманах – уже третий по счету – подводит очередной итог работы.

Уходящий год был памятен нам самыми разными событиями и встречами, новыми идеями и планами. Что-то уже удалось воплотить в жизнь, что-то отложилось на ближайшее будущее.

В прошедшем сезоне мы, расширяя возможности студийцев, разработали своеобразную «линейку», позволяющую наиболее полно представлять читателю результаты творческого труда.

Основной единицей в этой «линейке» является, конечно же, альманах. Он – итог работы за год, своеобразная витрина студии. Несомненный плюс альманаха в том, что он позволяет публиковать объемные вещи: уже во втором выпуске читатель смог найти несколько повестей наших авторов, представлена крупная форма и в нынешнем.

Но есть и свой минус: студийцы – а у нас несколько десятков – постоянно находятся в творческом процессе. Сколько стихотворений напишет поэт за год? Двадцать? Пятьдесят? А сколько войдёт в альманах? В лучшем случае десять – ведь каким бы талантливым и плодовитым ни был автор, нужно уделить место и другим. А что делать со стихами, не вошедшими в альманах? Класть в стол? И это после почти годового ожидания?

Это несправедливо.

Поэтому вторым элементом «линейки» должен стать журнал «Пульсар». Сейчас, когда вы читаете эти строки, готов к выходу (или уже вышел) второй его номер. «Пульсар» рассчитан на более оперативную работу с авторами – он будет выходить три-четыре раза в год, собирая на своих страницах как студийцев, так и других прозаиков и поэтов из нашего города.

И, наконец, третий элемент «линейки» – издание книг. Это будут как коллективные сборники, так и авторские. В серии «Световой год» уже вышли поэтические книги Е. Табатчиковой «ЛистьЯ», Г. Коркиной «Тропинка к дому», прозаический сборник Е. Ставцева «Хозяйка Рая», коллективные сборники «Лакуны» и «Истории из старой бутылки». На очереди – новые как коллективные, так и индивидуальные сборники студийцев.

Разумеется, не только своими изданиями мы пополняли копилку творческих успехов. Уже традиционно стихи и небольшие рассказы студийцев регулярно появляются на страницах молодёжного журнала «Макар». В этом году одна из повестей Екатерины Соловьёвой была напечатана во всероссийском журнале «Искатель».

В уходящем году мы продолжали расширять и круг участников студии, и круг их возможностей. Летом нынешнего года, отслужив в армии, вернулся в Нижний Тагил Владислав Малышев – и снова мы видим его на наших встречах. Нужно сказать, что и в армии Владислав не оставлял творчество, находя для этого и время, и вдохновение. Пока же его не было, ряды студийцев пополнили более десяти новых участников.

В этом году мы провели интересный эксперимент. Несколько участников студии составили молодежное жюри Всероссийского литературного конкурса «Серая Шейка». Им пришлось прочитать более двухсот работ, прошедших в финал конкурса, и дать каждой свою оценку. На мой взгляд, это был очень ценный опыт: студийцы учились анализировать чужие тексты, вырабатывать критический взгляд, аргументировать свой выбор. Немаловажно и то, что участие в жюри позволило познакомиться с большим количеством текстов, многие из которых написаны сверстниками – то есть сравнить уровни мастерства.

В следующем году работа молодежного жюри «Серой Шейки» будет продолжена.

Члены студии в прошлом сезоне принимали участие в самых разных литературных конкурсах. А в этом им самим предстоит побыть в роли организаторов: весной 2023 года стартует первый детско-юношеский литературный конкурс Горноуральского округа, который организует уже наша студия. Вполне возможно, что после подведения итогов конкурса ряды студийцев пополнятся новыми талантливыми участниками.

В июле этого года Екатерина Прямкова приняла участие в работе масштабной Межрегиональной творческой мастерской, проходившей в Екатеринбурге. Организованная Ассоциацией писателей и издателей, она свела вместе несколько десятков молодых поэтов и прозаиков Урала, Сибири и Дальнего Востока. Надеюсь, что и следующий год будет отмечен участием в подобных событиях и мероприятиях.

Нынешний год был отмечен знаменательной датой – 300-летием со дня основания Нижнего Тагила. В большой культурной программе нашлось место и студии: мы с удовольствием поучаствовали в работе «Киндерграда», который городская библиотека организовала в сквере у Театральной площади.

Студия живёт, развивается. Она по-прежнему, кроме своей основной миссии – работа с начинающими писателями – нацелена на более высокую задачу: объединить под одной крышей как можно больше творческих людей Нижнего Тагила. В этом у нас общая цель с нашим добрым покровителем – городской библиотекой, которая на протяжении нескольких лет оказывает всемерную поддержку и внимание не только нам, но и многим другим творческим объединениям, сплотившимся под знаменем проекта «Вместо. Распаковка».

Ян Разливинский,
руководитель литературной студии
«ВМесто тысячи слов»,
редактор-составитель.

Продолжение следует...

В этом разделе, открывающем книгу, вас ждут истории, начало или финал которых остаются за границами альманаха.

Открывает его повесть Е. Соловьевой «Тайна старого дома». Впервые читатель встретился с Верой и таинственными Стрелками на страницах повести «Белый ветер, черный парус» (журнал «Пульсар»). Эта история была продолжена в повести «Быня» (альманах «Световой год», книга вторая). И вот сейчас наш автор представляет третью, заключительную повесть трилогии.

Повесть «Кащеева ладья» Я. Разливинского увидит свет в следующем, 2023 году. А в альманахе читатели могут ознакомиться с первой ее частью – «Плотогоны».

Шайрэ, Ози, Юхнель, Чиклозар... Эти странные имена впервые возникли на страницах рассказа «Архитектура ночного ветра» тагильчанки И. Устюговой (первый выпуск альманаха «Световой год»), и читатели вновь встретят их в рассказе «Могло быть так...». Мир, который описывает Ирина, одновременно прост и причудлив, и читателю самому придётся разобраться: начало ли это истории, или ее завершение...

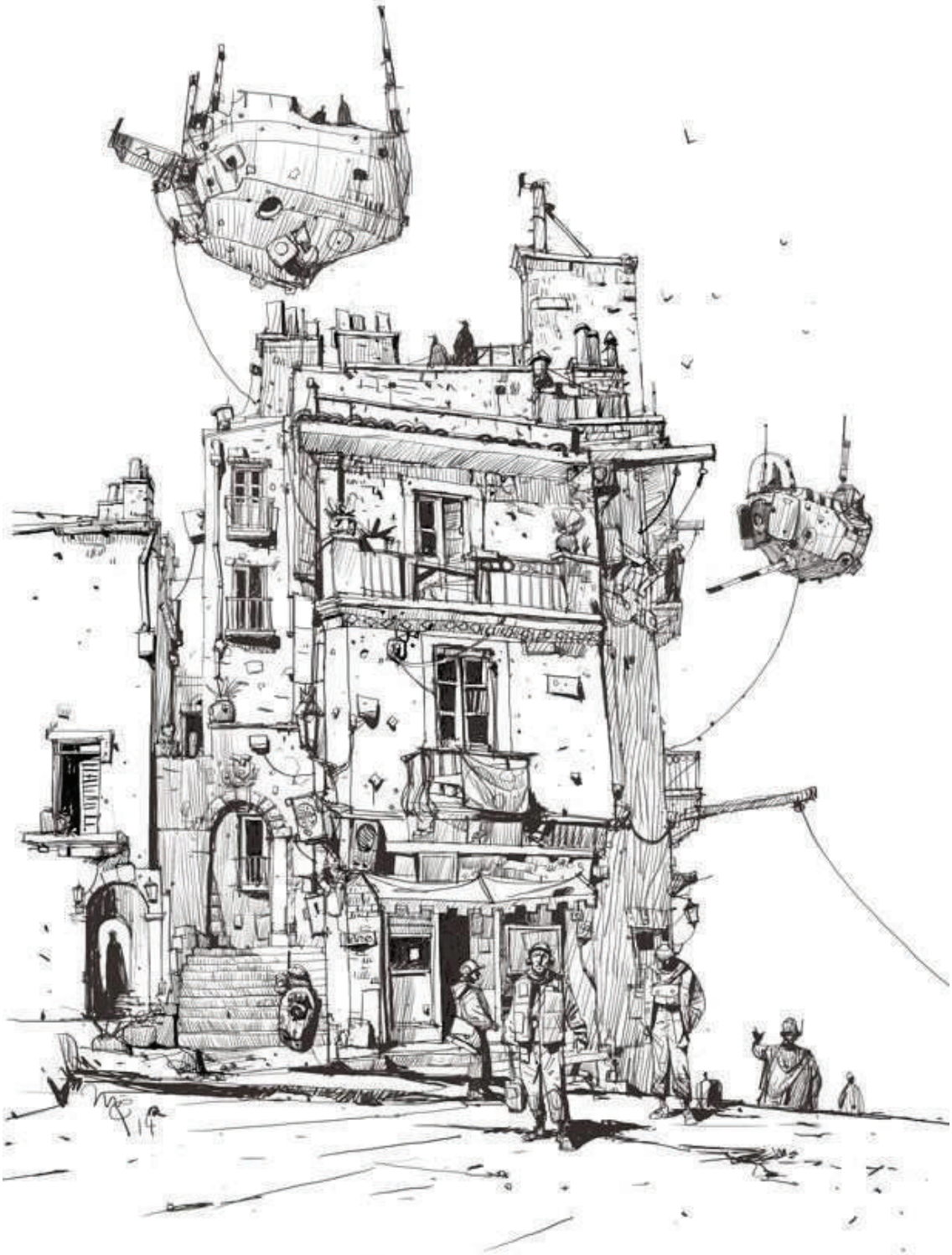

Иллюстрация Анатолия Пинтелина к рассказу «Могло быть так...»

Екатерина Соловьева

Тайна старого дома

Среди болот, укрытый мхом,
Стоит проклятый старый дом
И ни во что уже не верит.
Пройдёт немало долгих лет
И вдруг внутри зажжётся свет,
Со скрипом отворятся двери.
Спасибо всем, кто в это верит.

Сплин

СОЛНЦЕ сияло так ярко, что с трудом верилось, будто на дворе сентябрь. Но кроны берёз и тополей переливались золотом, листья на ветру дрожали, будто монетки. Синий океан неба так и манил распахнуть зонт и отправиться в путешествие под парусом, полным ветра.

Было то хорошее время, когда занятия в школе уже закончились, а время делать уроки ещё не началось. Мишка и Антон шли домой через парк. На дощатой сцене старой веранды, усыпанной хрустящими листьями, они устроили еженедельный бой на зонтиках. Оружие выбирал последний победитель – Антон. Позавчера это были шпаги, на той неделе – сабли, а сегодня – мечи. По рукам, ногам и лицу бить было запрещено, а выигрывал тот, кто выбивал оружие из рук противника или приставлял к горлу наконечник зонтика. При этом нужно было громко сказать: «Сдавайтесь, сударь! Победа за мной!»

Сегодня выиграл Мишка, он припёр противника к стене веранды и прокричал заветные слова.

– Сдаюсь, – засмеялся Антон. – Ладно.

Мишка вздохнул, опуская «оружие»:

– Ты же мне поддался…

Антон открыл и закрыл старый зонтик, проверяя, не сломался ли.

– Зато ты выиграл. А то опять бы дулся с неделю.

Мишка опять вздохнул. Тоха был прав, проигрывать он не любил.

Он вдруг огляделся по сторонам, нет ли кого рядом, чтобы не подслушали, напустил на себя таинственный вид и зашептал:

– Короче, Тоха, дело такое… слышал когда-нибудь про Чёрный Автобус?

Антоха помотал головой.

– А про Стрелков?

– Неа.

– Короче, слушай. Говорят, есть дом, старый такой, деревянный. Была одна девчонка из Стрелков. Из первых, которые защитники. Она в таком доме была. И потом поехала на Чёрном Автобусе. И попала на Остров Покинутых детей… Короче, она спасла всех, могла из простого камешка офигенный факел сделать. А ещё летучий корабль водила.

– Да ладно, – Антоха помотал вихрастой головой, – врёшь. Блогеров в ютьюбе насмотрелся.

– Не только она в том доме была. Хозяин, который детей воровал, тоже там был. Когда пацаном был, как мы щас. И он… он мог всё. И Остров этот создал, и всех, кто его обижал, превратил в слуг. Прикинь?

– А зачем он детей воровал? – с подозрением спросил Антоха.

Мишка закатил глаза и издал стон разочарования.

– Тоха… Ты ничего не понял, да? Пофигу на детей! Тот дом силу даёт! Суперспособности! Можно стать настоящим магом. Или супергероем. Вещи оживлять! Ну ты хоть прикинь, чё будет, если я стул оживлю, а Барацкий на него сядет?

– А-а, так ты ради Барацкого…

– Дурак, – разозлился Мишка. – Я тоже хочу Стрелком стать. Хочу наказывать этих уродов. Хочу слабых защищать. Тех, кто драться не может. Как в девизе у них: защищать слабых. Не отступать и не сдаваться...

– Верить, что ты победишь… – машинально добавил Тоха. Где-то он слышал про Стрелков, но не помнил, где.

– Значит, слышал! – обрадовался Мишка. – Короче, у меня теория есть. Этот дом, он то пропадает, то появляется. Говорят, снесли его. А он раз! – и уже в другом месте стоит. Короче, мигрирует он. Я тут через Тополёвку ехал… – он запнулся. Обидно было сознавать, что пришлось ехать домой в объезд, чтобы не встретить Барацкого с дружками. – И там видел такой дом. Он старый такой, двухэтажный. Вот прямо как рассказывают... И я знаю, что дом мигрирует не просто так. Он появляется там, где больше всего нужен. Он нам нужен. И сегодня мы возьмём у дома силу!

– Не, я сегодня не могу. Рыло приезжает, – Антон скривился, будто рядом кто-то испортил воздух. – С ночёвкой.

Мишка поник. Рылом звали двоюродного брата Антона – Димона. Он мало того, что был похож на огромного хряка, так ещё и вёл себя так же. Антон невзлюбил его ещё с малых лет, когда Рыло обкусал и обслюнявил его любимые игрушки. Потом, став постарше, он стал их ломать, ломать специально, с тупыми шуточками, чтобы посмотреть, как злится их хозяин. Антон даже плакал, когда увидел сломанных роботов из коллекции, которую он собирал несколько лет. За это он крепко врезал братцу, а Рыло завизжал, как свинья, побежал жаловаться мамочке. В итоге та подняла такой скандал, что родители Антона отдали любимый планер Рылу. И плевать, что он кричал матери и отцу про сломанные игрушки, игрушки же мёртвые, а Рыло – вот он, живой, только хнычет, как малышня и кровь из расквашенного носа размазывает. Ладно хоть до тайника не добрался. Кусок ламината у стены отходил почти свободно, Антон складывал в подпол мешок с накоплениями и секретными тетрадками, в которых прятались его истории. Сверху он надвигал тяжёлый письменный стол и приваливал коробки с пластилином.

Мишка друга прекрасно понимал, потому что тоже имел несчастье быть братом. Только у него брат был родным. Сега, здоровенный лось на одиннадцать лет старше. Источник постоянного унижения и синяков, любимец матери и местной шайки алкоголиков. Мишку он ненавидел чисто и искренне, часто с гордостью вспоминая о том, как мать заставляла его возиться с младшим, а он бросал коляску с братом во дворе и убегал с пацанами. Но самое противное было, когда Сега оставался с Женькой, когда тот был маленьким. Родители были на работе, а Мишка, забившись в угол, слушал сказки старшего брата. И в этих сказках всегда был кровожадный людоед, который кого-нибудь да сжирал, хрустя косточками. Этот людоед в козьей шкуре, с лысым черепом и волосатыми ручищами надолго поселился в Мишкиных кошмарах.

Поэтому Мишка жил мечтой о том, что когда-нибудь братец уедет в армию (а ещё лучше – женится), съедет – и можно будет жить нормальной жизнью. Ну или вот есть шанс обрести суперспособности.

– Слушай, Тоха, – Мишка стал предельно серьёзен, – складывай всё ценное в отцовский рюкзак и скажи родителям, что идёшь ко мне с ночёвкой. Я своим скажу то же самое. И вещи спасёшь, и суперменом станешь.

– Ладно, – Антоха даже улыбнулся. – Давай! Лучше заночевать в старом доме, чем в одной комнате с Рылом. Я же рассказывал, как он храпит?

* * *

ЧТОБЫ не нарваться на ненужные неприятности, друзья решили пробраться в старый дом в десять вечера. Мишкины родители легенду про ночёвку одобрили; мать работала в ночную смену, она ушла в семь, а отец сел смотреть хоккейный чемпионат. Братец Сега после привычной серии тычков под рёбра Мишке куда-то слинял. Тыл был прикрыт надёжно. Напихав в рюкзаки термосы и бутерброды, ребята доехали до конечной трамвая, и Мишка отправил отцу контрольную смску: «Пап, я у Антохи».

Тополёвкой район назвали из-за тополей, густыми рядами росшими вдоль улиц и во дворах. Их много лет не кронировали, и деревья разрослись до чудовищных размеров. Когда-то здесь была бумажная фабрика, эта громада двумя башнями высилась на холме по правую руку. Её отходы в земле и должны были впитывать корни тополей. Фабрику давно закрыли, а деревья-стражники остались. Они нависали над ребятами жутковатым конвоем в старых мундирах. Фонари тускло сеяли свет в их чёрных листьях.

Всю осень было сухо и солнечно, но тут вдруг полил дождь. Резкий, холодный, он настиг друзей почти у самого крыльца заколдованного дома и рвался внутрь до тех пор, пока они не захлопнули за собой скрипучую дверь.

– Фух, успели, – выдохнул Мишка, мотая головой. – Только дождя нам и не хватало…

– Темнотища, – Антон сбросил рюкзак и вытащил фонарик. – Есть тут кто?

Белый луч фонаря обшарил чёрные провалы коридоров, уходящих вглубь, двери с ободранным дерматином и широкую лестницу слева. На полу валялся ряд ржавых почтовых ящиков с полустёртыми номерами квартир. Пахло промасленной бумагой и маринованными огурцами. Из-за шума дождя дом казался живым: где-то скрипели деревянные рамы, в коридорах призраком стенал ветер.

– Пошли наверх, – скомандовал Мишка. Он наконец достал свой фонарик. – Осмотримся.

И тут же заорал. Его фонарик осветил какую-то чёрную фигуру в подъезде у самого входа. Антон направил свой фонарик туда и с облегчением выдохнул:

– Ты чё ж так орёшь… Это же статуя…

Скульптура казалась угольно-чёрной из-за чугуна, из которого её когда-то отлили. Она изображала ребёнка в полный рост.

– Стрёмная какая… – пробормотал Мишка. – Из фильма ужасов сбежала. Откуда она тут взялась?

– Это девочка, – заметил Антон. – Смотри, косички у неё.

И правда, у статуи были косички. А ещё книга в левой руке. Судя по полуулыбке, она читала что-то интересное.

На втором этаже казалось уютнее, даже несмотря на то, что с потолка вместо люстр свисали лохмотья паутины, которые трепал сквозняк. В последней, угловой квартире остался старый диван и стол. Антон сбросил рюкзак и зажёг свечи на железной этажерке. Стало видно, как вокруг пыльно и как-то тоскливо.

Мишка фыркнул:

– Нафига свечки? Ты чё, обряд какой тут проводить будешь?

– Вообще-то с фонариками мы все батарейки посадим. И останемся в темноте.

Мишка засопел, досадуя, что сам не додумался свечек прихватить, и решил реабилитироваться:

– Зато я бутеры взял!

Он вытащил тощий рекламный журнал и выложил на него пакет с бутербродами. Антон пошарился в рюкзаке и поставил рядом две кружки и термос. Друзья устроились на той части дивана, из которой не торчали ржавые пружины. Они ужинали в молчании, прислушиваясь к скрипам и вою ветра где-то на чердаке. Свечки горели неровно, сквозняки старого дома трепали пламя туда-сюда. Из-за этого по вспухшим обоям плясами чёрные тени.

После бутеров и чая, друзей стало клонить в сон. Мишка зевнул и спросил:

– Слушай, а чего ты вещи не припёр? Ну которые от Рыла спрятать хотел.

– Да я подумал, чего далеко тащить. Лерке отнёс.

У Мишки зудело на языке что-то ревнивое вроде: «ты мне так не доверяешь, как какой-то девчонке», но он смолчал. Они уже это проходили. И после таких слов Антон мгновенно вскипал.

Лерку эту Мишка не видел никогда, поэтому временами вообще сомневался в её существовании. Она доводилась Тохе соседкой по лестничной клетке, ровесницей и другом. При этом из квартиры никогда не выходила. Её семья заехала в новый дом вместе с семьёй Антона, и тогда он впервые увидел девочку в инвалидной коляске. Тоха говорил, что иногда заходил к ней, мол, она хорошо помогала с уроками по литературе, но Мишка подозревал, что друг гостил у соседки намного чаще. Просто помалкивал об этом, потому что Мишка как-то очень неудачно и зло пошутил о Лерке, сказанул что-то вроде: «Тоже мне фифа! Хотела бы с нами потусить, взяла бы да и приехала на своей коляске!» Они тогда сильно поругались, и Мишка искренне извинялся.

Антон думал о том, что только зря теряет здесь время.

«Лучше бы в новой игре по сети порубились. Ну как дом может что-то там дать?»

Глядя на свечку, он вспомнил Лерку. Вспомнил, как с ней познакомился.

В тот день он посеял ключ от домофона и ждал, когда кто-нибудь их соседей выйдет. Пробовал сначала набирать разные квартиры, но никто не отзывался: видимо, все на работе. С тоски Антон бродил под балконами, когда вдруг сверху спланировал лист бумаги. Он поднял его и понял, что это рисунок. Но какой-то жуткий. Чёрные фигуры нависали и тянулись когтистыми лапами. Ощущение было, будто ты маленький, а фигуры сейчас схватят и… ничего хорошего из этого не будет.

Он машинально скомкал лист, как нечто мерзкое, и тут же его расправил. Задрал голову и увидел испуганное лицо девчонки, которая выглядывала с балкона.

Вечером он решил вернуть рисунок. Дверь открыла женщина в очках с тёмно-рыжими короткими волосами. Антон решил, что это мама девочки.

– Это вашей дочки, – он протянул лист и увидел, как побледнело её лицо. – Она рисовала, и он просто с балкона упал.

– Спасибо.

– А можно с ней погулять?

– Калерия больше не гуляет! Мы иногда гуляем за городом. Там, где нет людей.

– А…

– Спасибо. И до свидания.

– Мама, погоди, – из-за спины женщины послышался тонкий голос и в коридор на инвалидной коляске въехала девочка.

Вблизи она казалась куклой – симпатичная, с испуганными глазами. Куклой, которую кто-то сломал. В свете коридорного бра её косички отливали рыжим. Будто свечка, дунь – и погаснет.

Антон растерялся. А потом неожиданно сказал:

– Я хотел с тобой погулять. Там, в парке, коляска точно проедет. Но если не хочешь, можем сыграть в «Дженгу». Спорим, я тебя сделаю?

В коридоре повисла мучительная тишина, будто он выругался матом, а не предложил пойти на прогулку. Наконец Калерия твёрдо сказала:

– Шиш тебе с маслом. Я чемпион по «дженге». Заходи, я тебя обставлю, как нефиг делать.

Сначала они играли на интерес. Потом просто болтали о всяком: про кино, про литературу с алгеброй, про новые компьютерные игры. Хорошая девчонка эта Калерия оказалась, хоть и бледная очень. Умная. Вот только улыбалась редко, очень осторожно. Будто боялась чего-то. Антон взял привычку забегать к ней иногда по вечерам. А чтобы вопросы у взрослых отпали, брал учебник литературы – позаниматься. Лерка, конечно, хорошо объясняла литературу, иногда даже лучше Марии Леонидовны в школе. Но чаще они рубились в компьютерные игры и собирали паззлы под фантастические киношки. Через год, весной, Антон не выдержал и предложил то, что зрело у него в душе столько времени:

– Хватит дома сидеть. Пошли в парк! Я тебя сам отвезу и привезу.

Он даже испугался от того, как побледнело Леркино лицо после этих слов. Она вся сжалась в кресле, как от занесённой для удара руки. Голос стал холодным, чужим:

– Иди домой, Антон.

Уже у двери её мама вышла с ним на лестничную клетку и негромко заговорила:

– Ты, конечно, хороший мальчик. Только я знала, что это ненадолго у вас. Думаешь, зря она в инвалидном кресле сидит и из дома не выходит? Мы в другом городе жили, понимаешь? И был тогда ещё у Леры папа. А я месяцами моталась по командировкам, и не знала ничего… пока мне не позвонили из больницы: «ваша дочь без сознания». Я мигом прилетела. На Лере от синяков места живого не было. Оказалось, в класс пришла новая девочка и стала травить Леру. А потом к ней остальные присоединились. Лера мне ничего не говорила, сама справиться хотела. Как ни звоню «всё хорошо, мам»… они, школьники, выложили в интернет видео, как над ней издевались: это сейчас модно. Конечно, была полиция, разбирательство… Только что взять с несовершеннолетних? Их даже на принудительные работы не отправили, какой уж там суд. А Лера больше не смогла ходить. Замкнулась. Кричала во сне. От всех незнакомых шарахалась. Ты же видел её рисунки? – она показала стопку листов, на которых были те же чёрные фигуры. – Это её до сих пор мучает. А потом я узнала, что папа Лерин обо всех издевательствах знал. И ничего не сделал. Вот мы и уехали… Так что знай, Антон, если ты причинишь Лере боль, ты её убьёшь.

– Я завтра принесу овсяное печенье, – упрямо ответил Антон. – Я знаю, Лерка его любит.

Следующим вечером они с Леркой хрустели печеньем за учебником английского, а он смотрел на стопку страшных рисунков и хотел их сжечь. Может, так они исчезнут, и Лерка расколдуется. И хоть одним глазком глянет на его истории из секретной тетрадки, которая хранится в тайнике под столом. Истории про бравого капитана Огнена, служившего в разведке, виртуозно владевшего шпагой и хитростью. Антон эти тетрадки даже Мишке стеснялся показывать. А Лерка не такая, она не засмеёт. И в литературе понимает, может, подскажет что дельное.

Антон сам не заметил, как задремал. Ему снилось, что они с Леркой бегут наперегонки по аллее, залитой светом. Сзади догоняет Мишка и обиженно кричит:

– Стой! Да стой ты!

Но они смеются и даже не думают притормаживать. Антон смеялся… И тут Мишка наконец догнал и хлопнул его по плечу:

– Тоха! Проснись!

Антон вздрогнул и проснулся.

– Тихо! – зашипел перепуганный Мишка. – Слышишь?

С первого этажа доносился шум. Больше всего звуки походили на чьи-то шаги. Безмолвные, но очень тяжёлые, будто незнакомец весил полтонны. И шаги эти раздавались уже на лестнице.

– Мама… Кто это, Тох? – забормотал Мишка. Его трясло.

– Не знаю… – Антон лихорадочно соображал, как выйти со второго этажа и не столкнуться с незнакомцем на лестнице. – Мих, тут есть пожарная лестница?

– Да откуда?! Тут два этажа всего!

– Тогда прячемся за диван. Как дойдёт до окна – валим.

Сидя за толстой фанерной спинкой, они прислушивались к неторопливому: бух… бух… бух… Антон вдруг подумал о том, что люди так обычно не ходят. Это же неудобно – идти так медленно. И шаги какие-то слишком тяжёлые, даже берцы так не бухают. У него на затылке зашевелились волосы при мысли о том, кто это поднимается по лестнице.

– Слушай, Миха… – зашептал он. – Я знаю, кто это идёт… Миха?

Мишка что-то пытался сказать, но выходило только мычание: млы-млы, млы-млы. Он ничего больше не слышал, кроме равномерно бухающих шагов. Кое-как выдавил из себя:

– Лю-лю-до-е-ед…

– Нет, это не… – Антон вдруг замолчал и прислушался. – Тихо!

Судя по звукам, которые стали ближе, незнакомец уже поднялся на второй этаж. Скрипнула одна дверь. Другая. Снова забухали шаги.

– Миха, – Антон потряс друга. – Она комнаты проверяет. Бежим! Прямо сейчас!

Они рванули разом, бросив рюкзаки и свечи. Мишка достал фонарик и шустро побежал по лестнице. Антон чуть задержался, бросив взгляд на тёмную фигуру в конце коридора – далеко ли? Бросился следом за другом… и вдруг с треском провалился по пояс. Гнилые доски не выдержали и взяли беглеца в плен. Антон подтянулся на руках и почти вылез из ямы в полу. Ему удалось высвободить одну ногу, а вторая намертво застряла. Лодыжку крепко держали какие-то деревяшки.

– Миха! – закричал он. – Миха, помоги! Миха, я застрял! Миха…

Он дёргал ногу, шипя от боли, но ничего не получалось. Старое дерево держало крепко, не давая вырваться из ловушки. А за спиной уже раздавались тяжёлые шаги. Антон в последний раз отчаянно крикнул:

– Мишка, помоги!

Но никто ему не ответил. Только брякнула на прощание входная дверь.

Антон остался почти в полной темноте. Только синий лунный свет сквозь круглое слуховое окно падал на площадку.

Антон считал удары сердца, пока статуя медленно обходила его. Он понятия не имел, что она собирается с ним делать.

– Привет, Антон.

Статуя с противным скрежетом присела на корточки. Антон сидел ни жив ни мёртв. Он пытался рассмотреть, моргает она или нет: если моргает, значит, живая, а если нет...

– Он тебя бросил, – вдруг заговорила статуя. Нечеловеческий голос звенел металлом. – Не прошёл испытание. А ведь я хотела его наградить. Приглядывалась.

Антон растерялся: да откуда у неё голос-то идёт?! И выкрикнул то, что кричат обычно в таких случаях:

– Отпустите меня, пожалуйста! Я ничего не сделал!

Статуя подняла руку с приваренной к ней книгой и заглянула в неё.

– Думаешь, вы останетесь друзьями, когда он узнает, что ты получил силу? Силу, о которой он так мечтал.

Антон засопел. Конечно, обидно, что Мишка сбежал и бросил.

– Останемся... Этим дружбу не разрушишь.

Статуя затряслась. С неё просыпалась серая пыль. Антон понял: смеётся.

– Я когда-то жила тут с братом. Мы тоже были друзьями. Давно. Я писала разные истории, вкладывала в них всю душу. Они ему нравились. Он даже просил прочитать их вслух. А потом уехал... Вместе с моими историями в тетрадках. А через несколько лет я узнала, что он стал известным автором. Даже разбогател... Он украл у меня самое дорогое, а я умерла здесь, одна, без лекарств.

Антон пробубнил:

– Я бы так никогда не сделал. Он был плохим братом и другом.

Статуя склонила голову с чугунными косичками набок:

– Но перед тем, как он меня обокрал, перед самой смертью, я успела кое-что сделать. Я начала одну, самую последнюю историю. Историю, которая не будет закончена никогда. Она рассказывает про всех. Про меня, про тебя, про Мишку. Про многих других.

– Вы… про меня написали историю? – с недоверием переспросил Антон.

– И ты продолжишь её. Пока история пишется, существует волшебство и творятся чудеса. Я даю тебе свою силу. Это сила жизни. Я оживляла вас, персонажей. Ты найдёшь ей своё применение. Найди трамвай, который ходит по кругу. Он отвезёт тебя в Серебряный город. Найди его и…

Слова статуи заглушил треск гнилых досок, и Антон провалился в бездонную яму. Крик его потерялся во тьме. А когда он упал на что-то мягкое,

то вскочил и понял, что за окном утро, а сам он в своей комнате на кровати. Рядом валялись оба рюкзака, брошенные в старом доме.

* * *

В ШКОЛЕ он протянул Мишке его рюкзак, забытый в старом доме:

– Привет, держи.

Тот молча взял его и повесил на крючок в раздевалке.

– Ничего мне не скажешь? – разозлился Антон. – Не спросишь, как я выжил?

Мишка молчал. Он достал телефон и открыл на нём компьютерную игру.

– Вот ты как? Ладно… – Антон развернулся и пошёл в класс. Как раз прозвенел звонок на урок.

За партой они всегда старались садиться вместе. Но на этот раз Мишка отсел к Еве Лаптевой. Антона грызла обида: «и правда, друг так друг. Статуя была права!»

Они дружили больше года, с тех пор, как семья Антона переехала в этот район. И никогда ни с кем Антон так больше не дружил. Были, конечно, так, приятели во дворе: Севка Радостин, Игорь Вахрушев. Но Мишка…

«Предатель!»

* * *

ИЗ ШКОЛЫ Антон шёл в печальном одиночестве. Одному было непривычно. Сколько он себя здесь помнил, они всегда шли из школы вместе с Мишкой. Потом сражались на старой сцене зонтиками, а зимой – палками. И постоянно обходили двор с рядом гаражей и розовой трансформаторной будкой, где прочно обосновался Барацкий с дружками. Потому что Мишка в красках рассказал, как они его побили, и строил планы мести. Антон и сам подумывал отомстить, но не вдвоём же идти против всей шайки. Но сегодня он не стал сворачивать да обходить, а пошёл прямо через тот двор.

У гаражей тёрлись Барацкий с дружками. Увидев Антона, они окружили его, отрезав путь к отступлению. Но он даже не дрогнул. После вчерашнего было не страшно. Вблизи Барацкий оказался коротко стриженным с шапкой набекрень: настоящая уличная шпана. Вокруг недобро поглядывали ещё десять пацанов. Главарь ухмыльнулся:

– Что это ты без друга своего? Или он из-за угла подглядывает, весь обделался от страха?

– За что вы его побили?

– А что, он сам тебе не сказал? Отличный друг!

– Да что бы там ни было! – перебил Антон. – Шестеро на одного!

Хулиганьё возмущённо загудело. Барацкий нахмурился:

– Шестеро на одного, говоришь? А ну рассказывай, что он тебе ещё про нас напел! Что мы гопники? У школьников деньги на обеды отбираем?

После рассказа Антона шайка долго и матерно ругалась. Барацкий смотрел в землю и угрюмо молчал. Потом исподлобья глянул на Антона и бросил:

– Ты, видать, неместный. Вроде не совсем дурак. Мишка обгадился, а вонять теперь нам всем. Иди-ка за мной. Покажу кой-чего.

Они завернули за гаражи, позади которых всё густо заросло сиренью и черёмухой. Где к задней стене крайнего из них была прислонена лестница, так грубо сколоченная, что сразу стало ясно: делали они её сами. Мальчишки влезли на крышу гаража, которая была надёжно скрыта от постороннего взгляда ветками и листьями. Барацкий пригнул ладонью голову Антона:

– Ниже давай, не пали контору…

Они поползли на коленях по крыше. Туда, где у края на туристической пенке пластом лежал ещё один мальчишка.

– Докладывай, боец, – приказал Барацкий.

– Пока всё тихо, кэп, – отозвался боец, оторвавшись от бинокля. – Объект не проявляет активности.

– Да у вас тут целый штаб… – удивился Антон.

Барацкий зашипел:

– Тихо! Вон, видишь? Это моя сестра в синей куртке. Олька. А там кто рядом – не знаю что за дети. А теперь смотри вон на ту лавку у кустов. Видишь?

– Нет.

– Да нет, левее гляди!

Антон разглядел толстенького мужичка в чёрном пальто и кепке. Он сидел на скамейке и крутил в руках фотоаппарат. Если приглядеться, было видно, что фотограф периодически фиксировал его, чтобы заснять детей на площадке.

– Кто это?

– Любитель маленьких деточек. Любит им шоколадки раздавать. А тем, кто постарше, может и телефончик подарить.

– И чего вы сами? А в полицию позвонить?

– Ползи назад, – скомандовал Барацкий и приказал бойцу: – Гляди в оба! Если что, сигналь!

Они спустились и отошли к турникам, на которых кто-то из жильцов развесил свежевыстиранные ковры.

– Так что, звонили в полицию? – переспросил Антон.

– Полиция… – Барацкий презрительно фыркнул. – Мать ходила и соседки тоже. Толку-то… посидел в участке сутки, документы проверили да и выпустили. А в другой раз была подписка о невыезде. На целый месяц!

– И всё?!

Барацкий скривился и пискляво спародировал кого-то взрослого:

– Ну ничего же не случилось! – и тут же совершенно серьёзно добавил: – вот мы и следим, чтобы оно не случилось…

Он наполовину вытащил из кармана здоровенную рогатку и тут же спрятал. Огляделся – не видел ли кто. И продолжил:

– Ты сам всё видел. Своими глазами. Так вот Мишаня твой с поста ушёл. Когда его сменять пришли, тот придурок, что на лавочке сейчас сидит, уже девочку в свою машину запихивал! Еле отбили. И знаешь, нисколько я не жалею, что Мишке тогда врезал. Много кто хотел ему за это морду начистить. Но я не дал. Он уже своё получил.

– Так вы и есть Стрелки? – Антон грустно усмехнулся. – Защищать слабых… Не отступать и не сдаваться...

Барацкий нахмурился.

– Это всё детские байки, а мы тут серьёзным делом занимаемся. Ладно… Вроде нормальный ты. А Мишане передай, чтобы к нам больше не совался. Нам тут предатели не нужны.

Антон вспомнил, как сам назвал бывшего друга предателем. И не ответил. Только спросил:

– Слушай, а ты не знаешь, где у нас в городе ходят трамваи? Я ни одного не видел.

* * *

АНТОН хотел забрать свои вещи, но, как выяснилось, братец Рыло ещё не уехал. Поэтому он стоял на площадке и смотрел на дверь Лерки. Он, конечно, хотел похвастаться непонятной новой силой. И вдруг подумал, что это для него всё изменилось. Но не для неё. Лерка так и останется в инвалидной коляске. Наедине со своими кошмарами. А он будет швырять своей силой направо-налево… Нет.

Антон решительно нажал кнопку её звонка.

Они пообедали супом с лапшой, сделали уроки, и только тогда Антон решился рассказать обо всём, что случилось накануне. Кроме всего прочего ему до зарезу нужен был совет мудрого человека, а то, как Лерка разбирала хитрые поступки литературных персонажей, ничем другим как мудростью назвать нельзя. Да и не поверил бы ему никто кроме неё.

Подруга слушала, открыв рот. На Мишку она сильно ругалась, но потом сказала: «Во он страху-то натерпелся!»

– Вот ты вли-ип! – Лерка покачала головой с рыжими хвостиками.

– Ты не знаешь, в каком районе трамваи ходят? – грустно вздохнул Антон.

– Ты что, я же не местная, как ты. И вообще, трамваи как раз должны из одного районы в другой ходить. Иначе зачем они нужны? Лучше у местных спросить.

– В общем, я спросил у местных. У Барацкого этого. Он сказал, сроду у них тут трамваев не было. Одни троллейбусы да автобусы.

– Ты прямо как в сказке…

– Ага, – буркнул Антон. – Поди туда, не знаю куда, сделай то, не знаю что.

– А что за сила теперь у тебя, как думаешь?

– Вот давай и проверим! Я подумал сначала про пандус в подъезде. Что я его сделаю, а ты сможешь выезжать из дома. А потом понял: не в пандусе дело. Я знаю, для чего мне дали эту силу.

Он прижал ладони к щиколоткам Лерки и сжал. Зажмурился и что есть силы пожелал: «Пусть вся сила перейдёт к Лерке! Только бы она могла снова ходить!» На мгновение ему показалось, что кончики пальцев больно защипало (так щипало, когда он случайно взялся за порванный провод от зарядника) и немного обожгло. Посмотрел – нет, ожогов не было. Глянул на Лерку снизу вверх:

– Чувствуешь что-нибудь?

Она нахмурилась. Попыталась дёрнуть ногой и вдруг попала ему по носу пяткой.

– Ай! – Антон отскочил, зажав нос. – Больно же! Эй, ты чего?

Лерка тихо всхлипывала. Она поднимала то одну ногу, то другую, боясь поверить в то, что они снова двигаются.

– Я их чувствую... Понимаешь? Чувствую!

Она встала, но ноги ещё дрожали с непривычки. Шаг, другой, третий. Что-то неуловимо изменилось в самой Лерке. Она так оглядывалась вокруг, будто очнулась от долгого сна. Вдруг развернулась и удивлённо улыбнулась Антону:

– Спасибо!

От входа в комнату раздался грохот. В дверях стояла плачущая Леркина мама. У её ног лежала какая-то коробка, а она закрывала рот руками, боясь спугнуть чудо.

* * *

МИШКА после школы мёрз на лавке. Он сидел у подъезда в соседнем от дома квартале. Пятиэтажки стояли треугольником и его подъезд просматривался в узком пространстве между ними. Мишка выглядывал, не вышел ли Сега, старший брат. По вечерам он уходил с друзьями, и можно было спокойно поесть и вообще побыть дома. Без тычков, пинков и всего остального, что прилагается к старшим братьям.

Мишка мёрз. Когда становилось совсем невтерпёж от холода, он забегал в местный магазинчик и отогревался там. На последние деньги он купил газировки и выпил её вместе с кусками хлеба, натыренными из школьной столовой. Когда голод утих, стало не так погано.

Потом Мишка тоскливо поглядывал из широких окон магазина на подъезд и возвращался на свою точку обзора.

Мишка ненавидел свою жизнь и самого себя. Что это за жизнь такая, спрашивается? Дома ему не рады. Не рады в компании у Барацкого. Но что самое плохое: не рад Тоха, лучший друг.

В ту проклятую ночь Мишка и сам не помнил, как добежал до дома и нырнул под одеяло. И только когда понял, что наделал, разревелся. Он-то думал, что больше никогда Тоху не увидит, что эта статуя его убила или ещё что похуже. А когда он появился в школе, Мишка струхнул снова. Наверняка, Тоха его теперь считает за жалкого слизняка, который чуть что друзей бросает и драпает. Не простит он его ни за что и никогда. Поэтому и промолчал.

Мишка не понимал, как такое случилось. Его же с детства учили, что есть люди хорошие и плохие, и жизнь это всегда подтверждала. Вот Тоха хороший, а Сега – плохой. И Мишка как раз хотел стать хорошим, чтобы стало меньше плохих. Это ведь хороший план, верно? Только как стать хорошим теперь, когда стал плохим?

Мишка который день ломал голову. Как так получилось? Почему? Он ведь хотел как лучше! Но позорно струсил... Что теперь делать? Теперь у Тохи волшебная сила, а у него, у труса несчастного, ничего. Как всегда. Он всхлипнул, жалея себя, и чуть не пропустил момент, когда из подъезда вышел Сега.

* * *

АНТОН так и не смог найти ни одного трамвая в городе. А уж особенного – тем более.

Время шло своим чередом: сентябрь сменил октябрь, а октябрь – ноябрь. Школьники мучились с контрольными, защищали проекты, подходила к концу первая четверть. Уже запахло первым снегом и по утрам засохшая трава была белой от инея.

Лерка после домашнего обучения начала ходить в школу, в класс Антона и Мишки. Она ещё побаивалась общаться со всеми, но уже не вздрагивала от каждого шороха.

Лерка сделала себе косу набок, и выбившиеся рыжие волосы обрамляли лицо так, что казалось, вся она охвачена пламенем. Это было очень красиво. Она теперь улыбалась, совсем чуть-чуть, уголками губ, но сердце у Антона от этого билось сильнее. Приятно было знать, что эта улыбка – его рук дело. Капитан Огнен внутри него был очень горд собой.

А ещё Лерка нашла на каком-то сайте упоминания про Серебряный город и шептала ему на перемене тихо, чтоб никто не услышал:

– Знаешь, мне это всё очень не нравится... Дети пропали. В соседней области дети пошли искать этот Серебряный город и пропали. Уже год ищут.

– Значит, мы не одни такие, кто этот город ищет, – отвечал Антон. – Знать бы ещё, как найти... А если эта статуя и просила спасти тех, кто пропал? А мы тут…

И снова потянулись бесконечные скучные будни. Уроки. Экскурсия в музей. Квест в местной библиотеке. Олимпиада по русскому. «Весёлые старты» на физре.

А Мишка по-прежнему проходил мимо, не здоровался, будто Антона и нет. Это было очень обидно, и Антон не понимал, почему он с ним так. За что? Но сам подойти не мог: ждал, что бывший друг осознает и извинится за то, что бросил. Это было бы справедливо!

Перед самыми каникулами в школе объявили встречу с детским писателем. В рекреацию сначала нагнали младшеклассников, а потом пятые-шестые-седьмые классы. Антон чуть не задохнулся от духоты и шума вокруг. В центре за столом со стопкой книжек сидел седой дядька в пиджачке с добренькой улыбкой. Он всё время шарил взглядом по школьникам, будто искал кого-то. Завуч Вера Геннадьевна постучала указкой по столу, призывая к тишине. Когда все утихли, сказала поставленным голосом:

– Ребята! Сегодня у нас в гостях детский писатель Людвиг Севостьянов. Он написал много книг. Все ведь читали «Тополиные мундиры» Или «Старый дом»? Ну-ка, поднимите руки, кто читал!

Потянулись руки, и довольно много. Антон переглянулся с Леркой и пожал плечами: эти книжки прошли мимо него. Таких названий он не знал.

Писатель сухо откашлялся:

– Здравствуйте, ребята. Я хочу вам рассказать, что писать хорошие рассказы непросто. Это уметь надо. Вот я сейчас набираю команду школьников, буду учить их писать книжки. Хорошие книжки. А того, у кого получится лучший рассказ, я награжу пером, да непростым. Этим пером можно писать волшебные рассказы… Давайте вы мне расскажете, какой из моих рассказов вы больше любите. А потом я запишу всех желающих в свой кружок.

Антон дождался, пока завуч отвлечётся на двоечника Махина, и выскользнул из рекреации. Ещё б немного – и он свалился в обморок от духоты. Навстречу шла класснуха, и Антон поспешил скрыться в туалете.

Помыв руки, он вдруг услышал всхлипывания за последней кабиной у окна. Оказалось, там сидел Мишка и шмыгал носом.

– Привет, – сказал Антон. Ему стало жалко Мишку.

– Привет, – неохотно отозвался тот, вытирая красные глаза. – Чего тебе?

– Да так, хотел узнать, почему ты сбежал. И меня одного бросил.

Мишка опустил голову. Он молчал, и Антон уже хотел уйти, но Мишка заговорил:

– Я не хотел. Я даже не помню, как бежал... Мне почему-то казалось, что это людоед, про которого брат всё время рассказывал. Я думал, мне конец... И я трус! Я знаю! – он снова завсхлипывал.

Антон не знал, что делать. Обида вроде стала поменьше, но совсем не ушла. Топталась рядом, ждала чего-то. Он спросил:

– А у Стрелков... Почему ты ушёл с поста?

Мишка сглотнул и поднял на него измученный взгляд:

– Почему ушёл... Потому! Тебе легко так говорить, тебя никто не бил с самого детства... А когда у тебя выбор между тем, что тебя побьют и всё равно побьют, но сильнее...

– Это из-за Сеги, да?

Мишка опустил голову.

– Я не знал, – Антон пощупал обиду: нет, здесь ещё, но уже тает, полупрозрачная, как мыльный пузырь

– Извини меня, – глухо пробормотал Мишка. – Плохой я друг.

Антон почти услышал, как исчезла с хлопком обида. И неожиданно для себя сказал:

– А ты хочешь узнать, что сказала мне та статуя?

* * *

ЛЕРКА собрала их на перемене после английского. Антон обернулся, убедился, что никто не подслушивает, кивнул ей: можно.

Она зашептала:

– Я порылась на местных краеведческих сайтах и нашла одно место. Там был старый трамвайный парк. Его закрыли лет двадцать назад.

У Антона загорелись глаза:

– Надо пойти проверить!

Мишка потёр руки:

– Надо запасы сделать и идти! Послезавтра же каникулы. Я возьму фонарик, фляжки и спички.

– Класс! Я сделаю бутеров. Ещё у меня пенка есть для походов, ну, знаете, которую на землю кладут, чтобы сидеть было не холодно? И кружки пластиковые, лёгкие.

– А меня мама не отпустит… – расстроилась Лерка. – А вдруг мы там надолго?

Но вечером оказалось, что мама у Лерки дома тоже собирала сумку. Ей дали недельную командировку, и она договаривалась с соседями, родителями Антона, чтобы заходили, проверяли дочку. Она страшно нервничала и несколько раз спросила:

– Лерочка, может, не ехать никуда? Давай я позвоню, откажусь? Чёрт с ними, с деньгами…

– Не надо, мам, – успокоила Лерка. – Суп я варить умею. Уроки сделаю. Антон мне помогать будет.

Мама только тяжело вздохнула:

– Антона твоего нам бог послал, не иначе.

* * *

СТАРОЕ депо пряталось на окраине города, за заброшенной фабрикой на станции Смычка. Было раннее утро, холодное от инея, когда трое ребят пробрались сквозь погнутые железные ворота. Туман густо окутывал высокое здание депо, а откуда-то издалека разносился тягучий свист колёс тормозящего поезда – будто крик диковинной птицы. Ветер сердито гудел в проводах, натянутых над головой.

Антон зябко передёрнул плечами. Они стояли у густого переплетения рельсов, заросших травой, грязно-рыжих от ржавчины, не решаясь войти в само здание. Несмотря на то, что дверей никаких не было, и три огромных чёрных проёма глазели на них, приглашая внутрь.

– И что дальше? – Мишка озирался, ожидая, что откуда-нибудь снова выйдет чугунная статуя. – Здесь же рухлядь одна. И трамваев нет.

Лерка вздохнула и зашла в депо. Увидев, как её фонарик шарит по стенам, мальчики последовали за ней. Внутри было темно, как в тоннеле и пахло мазутом. Ветер выл и раскачивал лампы в железной обрешётке под потолком. Два пути

были пусты, а третий занимал трамвай. Лучи фонариков скрестились на нём, показывая ржавчину под слоем белой и красной краски.

– Восьмёрка, – Мишка посветил выше лобового стекла. – А маршрут не написан.

Он отодвинул дверь-гармошку и залез внутрь. На полу хрустело битое стекло и мусор. Антон попытался отодвинуть дверь в кабине машиниста, но она не поддалась ни на миллиметр. Лерка залезла внутрь и тут вдруг в вагоне зажёгся свет, а двери закрылись. Металлический голос произнёс:

– Остановка «Депо». Следующая остановка – «Серебряный город».

Ребят только успели ухватиться за поручни, как трамвай резко рванул вперёд и мягко покатил по рельсам. В самом вагоне происходили чудеса: исчез мусор и пыль с сидений, пропала ржавчина. Он выглядел будто после ремонта, стареньким, но очень уютным.

– Не забудьте оплатить проезд, – вдруг напомнил тот же голос.

– Кому? – удивился Мишка. – Здесь же нет никого.

И будто услышав его, звякнула мелочью деревянная коробка с прорезью, которая откуда ни возьмись появилась рядом с дверью водителя.

– И сколько стоит проезд? – Лерка пошарилась в карманах куртки. – У меня с собой только десятка.

Антон вздохнул:

– У меня есть пятнадцать. Надеюсь, нас не высадят.

Они бросили монетки в прорезь. Мишка бросил десятку. Подумал, добавил ещё десять. А через мгновение Антону вернулась пятёрка, а Мишке – десятка: прямо на ладони появились монеты.

– Это что, сдача? – Мишка засмеялся.

А за окнами бежал сонный город, весь в осеннем тумане и дымке серых туч. Мелькали многоэтажки и пустые школы, библиотеки и магазины. Редкие прохожие спешили на работу, мимо проносились машины и автобусы.

– Интересно, как он едет, – задумчиво пробормотал Мишка, – если в городе рельсов нет?

Город постепенно сменился ноябрьским лесом, таким густым и тёмным, какого они никогда не видели. Деревья были такими большими, что виднелись только их чудовищные корни, вылезающие из земли. А между ними во мраке сквозили разноцветные огоньки.

Лерка приникла к стеклу, когда за ним показалось море: бескрайнее, синее-синее, с лениво набегающими волнами. Сквозь приоткрытые окна пахнуло солью и йодом, пиратскими кораблями, приключениями и тайнами. А трамвай так и ехал – по воде, не снижая скорости.

– Вот бы вечно так ехать, – пожелал Мишка. – Лишь бы домой не возвращаться!

Но трамвай всё же затормозил. Двери с шипением открылись.

– Остановка – «Серебряный город».

Ребята вышли в зелёной долине, окутанной сизым туманом. В её центре за изумрудной стеной раскинулся город с высокими шпилями на башнях, круглыми зданиями и арочными мостами. Когда туман таял и солнце попадало на шпили, они сверкали настоящим серебром.

– Народ, – почему-то шёпотом позвала Лерка. – Вы слышите?

– Чего? – нахмурился Мишка.

– Это же город, правильно? А в городе должно быть шумно.

– Да, точно, – Антон для уверенности сжал в кармане складной ножик. – Может, засада?

Он подошёл к воротам, обитым серебряными пластинами, погладил отчеканенных единорогов и джиннов, и громко постучал.

– Эй! Там есть кто-нибудь?

Никто не ответил. Звуки тонули в густом тумане. Было так тихо, что казалось, они одни в целом мире.

Мишка с силой толкнул створки, и они медленно разошлись, открывая дорогу. Ребята зашли внутрь, оглядываясь по сторонам. Под ногами хрустел песок. Там, где ветер не намёл его в барханы, проглядывала разноцветная брусчатка: тускло поблёскивали синие и зелёные камни. На воротах и шпилях башен блестело серебро, но в

самом городе от не него не было и следа. Кованые мостики и стены домов чернели провалами от накопившейся пыли, будто из этих провалов вынули какие-то украшения.

Антон счистил пыль и грязь с фасада дома:

– Смотрите, кто-то тут был до нас. Кто-то грабил город…

Дома были настолько разными, что Мишка просто диву давался: их будто строили разные люди каждый на свой вкус. Один был круглым, как яблоко, и окна в нём тоже круглые. Другой, из которого сыпался хрипловатый шёпот, был квадратным, дверной проём у него то сжимался, то разжимался, как рот, а сама дверь висела на одной петле. И тут Мишка понял, что дом пел.

– Старый Серебряный город
Спит заколдованным сном.
Снится ему, будто кто-то вернётся,
Чтоб разбудить волшебство…

И куда ни глянь, везде по домам бежали толстые чёрные трещины, будто ядовитая паутина. Искривлённые сухие деревья напоминали сгорбленных ведьм, которые затаились, чтобы потом превратить во что-нибудь противное.

А ещё вокруг валялись горы игрушек. В новеньких коробках, ещё никем не распакованные: роботы, кукольные дома, световые мечи, машинки на радиоуправлении, дроны, золотоволосые куклы в нарядах, говорящие зверюшки, конструкторы...

Лерка подобрала одну куклу и восхищённо выдохнула:

– Какая прелесть! Я давно о такой мечтала! Только она дорогущая…

Антон задрал голову:

– Кто-нибудь знает, что случилось с небом?

В вышине плыли облака то зелёные, то фиолетовые, то розовые. Вдруг Антон с криком отскочил, прикрывая макушку.

– Ай! – Лерка тоже потёрла затылок и спряталась под крышей ближайшего крылечка.

Сверху посыпало разноцветным градом, и на асфальте запрыгали леденцы и шоколадки. Мишка вытянул руку и ему на ладонь упала вафля в яркой упаковке.

– Конфетный дождь… – он рассмеялся. – Я мечтал о таком в детстве. Мне нельзя было много конфет.

– Мечтал… – эхом повторил Антон. – Это всё вокруг – мечты. Серебряный город – город мечты.

Вафля в руке Мишки и конфеты вдруг рассыпались песком. Ветер подхватил его и понёс по цветной брусчатке. Лерка ойкнула и выронила кукольный прах.

Ветер завёл заунывную песню. Он вздымал песок, нанося барханы на игрушки и сладости, валяющиеся вдоль улиц. Всё здесь казалось каким-то сломанным, нездоровым. Хотелось что-то исправить, повернуть какую-то шестерёнку в нужном направлении, чтобы механизм Серебряного города работал, а не ржавел и пылился.

– С этим городом что-то не так, – Мишка взрыл мыском кроссовка песок. – Какие-то мёртвые мечты.

– Причём конкретно не так, – Антон подбежал к белой статуе у засохшего фонтана. – Смотрите!

Мишка и Лерка подошли ближе. Гипсовая статуя казалась живой. Это был мальчик в обычном худи и джинсах. Во вскинутой перед собой руке он держал старинный фонарь, будто отгонял кого-то его светом.

Лерка прошептала:

– Ребят, обернитесь.

Антон и Мишка увидели ещё двоих, у стены дома – мальчик и девочка. Похожи, как брат и сестра. Девочка с короткой стрижкой, а мальчик сжимал какой-то свёрнутый лист, будто карту.

– Это ведь не статуи, – голос Лерки дрогнул. – Кто их так?

– Хотел бы я знать, – Мишка огляделся. – Тоха, давай, расколдуй их!

Антон побледнел. Он вытер ладони о джинсы и приложил их к статуе девочки. Потом к холодному боку её брата. Ничего не происходило.

Он подошёл к «фонарщику» и потёр его белый бок.

– Странно, ничего не получается, – Антон коснулся статуи ещё раз и горестно вздохнул. – Всё? Магия кончилась?

– Как кончилась? – Мишка побелел от ужаса. – Как она могла кончиться?

– Ну, а как ты думаешь Лера из инвалидной коляски встала? – сердито отозвался Антон. – Я ей эту силу волшебную отдал.

Мишка перевёл ошарашенный взгляд на Лерку. Он даже не задумался о том, как она начала внезапно ходить, слишком обрадовался тому, что друг его простил.

– Ты что... – он не мог поверить, – ей всю волшебную силу отдал? Ей?

– Да. Отдал. А ты хотел, чтобы она тебе досталась?

– У меня же жизни никакой нет... – забормотал Мишка. – Ты же знал, ты же всё, блин, знал. Про Сегу... Я тебя другом считал...

– Так послушай меня, друг, – разозлился Антон. – С Сегой можно что-то сделать! Телефон доверия там, соцзащита какая-нибудь! А кто её на ноги поставит? – он ткнул пальцем в сторону Лерки. – Только чудо! Вот я и сделал чудо! И знаешь, не жалею! Если б ещё раз выбирать пришлось, я бы снова ей всё отдал! Потому что не должен человек так мучиться!

– А я? – тоскливо спросил Мишка и шмыгнул. – А я должен? Иди-ка ты к чёрту... друг... Променял меня на девчонку какую-то...

Он повернулся и пошёл прочь.

Антону вдруг показалось, что всё вокруг потемнело. Он понимал, что всё пошло не так. Всё неправильно. И Мишку надо вернуть. Но злость удержала его на месте. Он повернулся к Лерке: она обнимала себя за плечи. Тихо сказала:

– Я думала, ты ему рассказал.

– Я думал, силы хоть немного осталось… – буркнул Антон. – Хочешь всё вернуть назад?!

Лерка покачала головой.

– Ты почему на меня злишься?

Антон опустил голову.

– Я не на тебя. На себя… Мы друзья, а я ему не помог ничем. Хотя всё знал про Сегу. Это брат его. Тот ещё урод. Надо было что-то сделать… Я всех подвёл.

– Тоша, погоди. Дай я попробую, – она мягко погладила его по плечу и коснулась статуи «фонарщика», – если ты на меня всё потратил, значит, во мне эта сила и осталась.

Она прижала ладони к белой окаменелой руке и попросила:

– Если ты не статуя, оживи, пожалуйста! Я тебя очень прошу!

Сначала ничего не происходило, а потом вдруг вокруг Леркиных ладоней полыхнула вспышка. Такая яркая, что осветила всю площадь в занимающихся сумерках. Белое пламя с рёвом охватило статую и тут же погасло, как метеор, сгоревший в атмосфере. Лерка потрясла руками:

– Ой! Думала, обожглась!

Раздался треск. По статуе побежали паутинки чёрных трещин. Куски гипса с глухим стуком падали на мостовую, а под ними двигался живой человек. Он ломал остатки белой корки, и, наконец, высвободился весь, чихая и почёсываясь.

Незнакомец оказался мальчиком чуть старше их. Фонарь в его руке замигал и ярко вспыхнул. Подступивший синий вечер окрасился в уютные жёлтые тона. По стенам домов побежали оранжевые блики.

– Кто вы такие? – спросил мальчик.

– Я – Антон. Это – Лера, – Антон протянул руку.

Мальчик пожал её, почти не глядя. Он оглядывался, отыскивая взглядом кого-то.

– Семён... Ё-моё! Света! Данька! – он подбежал к паре статуй у дома и осветил их. – Как вы меня расколдовали? Помогите им тоже! Пожалуйста!

– Сейчас попробую, – Лерка сжала пальцы каждой статуи.

– Кто вас заколдовал? – спросил Антон. Ему очень не нравилось, что где-то рядом ходит кто-то превращающий детей в статуи.

– Это Людвиг, – бросил Семён с ненавистью. – Это всё из-за него!

– Людвиг Севостьянов? – Лерка захлопала глазами. – Детский писатель?

* * *

МИШКА сжимал фонарик. Ему везде мерещилась фигура огромного людоеда в козлиной шкуре – будто он прятался за каждым углом с острым тесаком. Белый кругляш луча шарил по стенам пустых домов и улиц. Но одиночество не пугало. Лишь бы достать еду, воду и желательно такую, чтобы она не превращалась в песок. Запасов в рюкзаке хватит ненадолго. А остаться здесь Мишка хотел навсегда. Потому что всё пошло не по плану. Всё полетело к чертям. Без волшебной силы даже пытаться не стоит вернуться домой. Сега убьёт его. Не в этом году, так в следующем. Когда-нибудь точно убьёт. И всем снова будет пофиг. А здесь нет ни его, ни Барацкого. Здесь наверняка можно выжить.

Вдруг луч упёрся в две гипсовые статуи. Мишка уже подумал, что дал кругаля, но эти статуи были другими. Какими-то ненастоящими, что ли, будто их слепил он сам. Так дети рисуют и лепят: палка, палка, огуречик, вот и вышел человечек. Мишка прошёл между ними и уже хотел идти дальше, как вдруг его схватили. Гипсовые человечки сжали плечи стальной хваткой:

– Чужак! – их голоса звучали нечеловечески жутко, будто кто-то скрёб по камню. – Чужак!

– Пустите! – орал Мишка в безуспешной попытке вырваться. – Помогите!

Но статуям было всё равно. Они, будто роботы, тащили его куда-то сквозь тьму, ведь фонарик свой он выронил, когда его сцапали. Мишке пришлось перебирать ногами, когда он попытался повиснуть и один кроссовок чуть не свалился со ступни. Его охватила паника, когда его втащили в какое-то подземелье. В кромешной темноте он ничего не видел и только хныкал «Отпустите». Пару раз его волокли по лестнице вверх, а потом по лестнице вниз. Когда он почти смирился со своей гибелью, статуи встали, как вкопанные, а в глаза ударил яркий свет.

– Ты кто такой? – голос был хриплым, мужским.

Мишка щурился и молчал, и статуи резко дёрнули его, давая понять, что молчать на допросе не стоит. Он облизал пересохшие губы и выдохнул:

– Мишка…

Когда глаза немного привыкли, ему удалось рассмотреть какого-то пожилого дядьку со взъерошенной сединой. Он, тоже щурясь, разглядывал его как муху в своём компоте. Вокруг настенные светильники обрисовывали большой зал с кучей книжек, тяжёлый стол. Дядька заслонил его:

– Как ты сюда попал?

– На трамвае приехал.

Дядька замер. Достал очки из кармана, напялил на нос и принялся изучать Мишку с новым интересом.

– А откуда ты про трамвай узнал? Я про него ничего не писал! И про Город тоже.

– Я был в Старом доме, – вздохнул Мишка. И решил приврать: – Там и подсказали.

«Не писал? Точно! Эта писала та статуя из старого дома!»

Лицо дядьки расцвело от счастья.

– Ты-то мне и нужен!

– Почему я?

– Мне нужен человек, который верит в чудеса. Не знает, а верит, что они есть. Так, болваны, отпустите его!

Ледяные пальцы разжались, и Мишка наконец растёр затёкшие руки, поправил рюкзак на плечах. Статуи замерли по бокам, ожидая приказа. А дядька суетился. Он хватал какие-то бумажки со стола, читал и бросал. Потом повернулся к Мишке и торжественно заявил:

– Мальчик! Тебе сегодня сказочно повезло, – он катнул ему облезлое кресло на колёсиках, и Мишка сел. – Ты можешь обрести волшебную силу, о которой даже мечтать не мог! Но тебе надо будет кое-что для этого сделать. Кое-что достать. Здесь, в Серебряном городе.

Мишка сглотнул и понял, что горло пересохло. Значит, не всё ещё потеряно. Шанс получить волшебную силу всё-таки есть.

– И что мне надо достать?

Дядька довольно ухмыльнулся и придвинул к Мишке вазу с конфетами:

– Волшебное перо. Что им ни напишешь – всё сбудется. Хочешь быть крутым блогером с кучей подписчиков – пожалуйста! Хочешь – будешь самым крутым в любой компании!

Мишка хмыкнул.

– Мне б лучше просто силу волшебную…

– Да какую хочешь ты силу получишь! Только достань мне это перо!

– А вы кто, джинн? Как… как вас зовут-то?

– Ты что же, – дядька захихикал, но как-то ненатурально, будто обиделся, – меня не узнал? Меня же каждый ребёнок знает. Я детский писатель. Людвиг Севостьянов.

* * *

В КРУГЛОМ домике, похожем на толстую ножку гигантского белого гриба, было странно, как во сне. Семён плотно зашторил окна, подпёр стулом дверь. Фонарь свой он поставил в центре комнаты. По стенам побежали узорчатые отсветы.

– За другом вашим пойдём как рассветёт. Ночью здесь небезопасно, лучше переждать. Если поймают всех, нам хана. Не смогу всех вывести.

Антон вдруг подумал о том, как Мишка, превращённый в статую, стоит тут годами, пока не осыплется песком на мостовую. Стало жутко.

– Чего нам надо бояться?

– Нежити, – Данил обнимал сестру, которая не отрывала взгляд от двери. – Повезло, что вас не сцапали. Есть статуи живые, а есть мёртвые. Неживые. Нежить. Нас притащили к Людвигу, а мы сбежали. Почти…

Лерка раздала всем крекеры и воду. В домике потеплело, стало уютно, словно Лерка была вторым фонарём. Ребята будто оттаяли, Света даже смогла улыбнуться.

Антон вздохнул:

– Лера нашла про вас в интернете. Про вас писали, что вы ушли искать Серебряный город. И не вернулись. Вас где-то с год не было.

– У нас было своё место, – ответил Семён. – Волшебное депо. Там Даня нашёл старую карту. Расшифровал и мы решили найти Серебряный город.

– Карта очень старая, – Данил развернул плотный лист с полустёртыми надписями. – Я восстановил не всё. Но если кто-то её создал, он тоже был здесь. А потом куда-то пропал. И это был не взрослый. Мы нашли карту в детском домике на дереве. А вы как сюда попали?

Антон рассказал о Старом доме и чугунной девочке с книгой. И о Лерке, которой он всё отдал – хватит с него секретов, они могут стоить жизни. О Мишке сказал только: «надеюсь, он жив».

После его рассказа все надолго замолчали. Только Семён улыбнулся и прошептал: «Тройка всегда ходит по кругу, а восьмёрка идёт в бесконечность…»

Света сказала:

– Значит, правду говорят про Старый дом… Я думала, и Быня враньё. А это правда.

– Эта статуя, – Семён задумчиво взлохматил отросшие до плеч волосы, – получается, она была раньше человеком. Девочкой. Писательницей какой-то, что ли. И брат украл её истории. И сам стал писателем.

Данил хмыкнул:

– И все мы знаем, кто этот писатель. И плохой брат.

Лерка помотала головой, встряхнув рыжими косичками.

– Севостьянов? Не могу поверить! Он же просто детские книжки писал. Давно, правда. Я читала у него «Летучий корабль» и «Первый стрелок».

– Не он, – поправил Данил, – а его сестра. А мы даже её имени не знаем. А ведь она просила найти Серебряный город! Наверное, хотела, чтобы мы доказали, что автор – она. Антон, что она там точно сказала?

– Вроде как перед смертью она начала историю, которая никогда не закончится. Про меня, про неё, про Мишку. А потом брат украл у неё что-то дорогое. Что-то такое, чем она оживляла персонажей. И она дала мне силу, чтобы я… – он замолчал. – Что-то ерунда какая-то получается… что мы – персонажи…

– И про нас всё уже написано? – удивилась Света. – А где это почитать?

– У статуи на руке была книжка приварена, – Антон нахмурился. – Может, там.

– А может, ещё не написано? – Семён хитро улыбнулся. – Может, мы сами сейчас пишем эту историю?

– Погодите, – Лерка потёрла виски, – мы упускаем самое главное. Что Людвиг у неё украл?

– Волшебное перо! – крикнула Света и зажала себе рот ладонью. Потом продолжила шёпотом. – Когда статуи притащили нас в подземелье, Людвиг приказывал нам достать волшебное перо!

– Оно заколдовано, – Данил покачал головой. – Каждый из нас коснулся его и обжёгся. Его не взять. А если не можешь взять перо, Людвигу ты нафиг не нужен. Мы хотели сбежать через Сенин туннель, но статуи нас удержали. А Людвиг заколдовал… Если бы не вы, мы бы стали нежитью.

Семён снова взлохматил волосы и нахмурился:

– Ты сказал, статуя дала тебе силу не просто так. Для чего-то. Для чего?

Антон вспомнил дождливую ночь в старом доме, где пахло промасленной бумагой и маринованными огурцами. Вспомнил металлическую чёрную фигуру и звенящий голос.

– Она сказала, что выбрала меня. Я должен продолжить эту историю.

* * *

– МНОГО по свету летает волшебных перьев? Как думаешь?

Мишка с трудом оторвался от пирогов, такие они вкусные были. Они с Севостьяновым сидели за столом друг напротив друга и завтракали. Окон в подземной библиотеке не было, и только узорчатые фонари освещали торт, куски шоколада с орехами и банки с лимонадом на столе. Статуи периодически притаскивали из города что-то новое, потому что какая-то еда рассыпалась песком, и Людвиг стряхивал его на пол. Мишка поначалу боялся, что такая еда станет песком и в животе, но потом выяснил, что отпитое или откушенное остаётся едой навсегда. Видимо, когда ты веришь, что пирог – это пирог, он остаётся пирогом. Ты сам делаешь его настоящим.

– Перьев? – переспросил Мишка.

– Ты не читал мои книжки? – в голосе Людвига слышалось плохо скрытое раздражение. – Совсем?

Мальчик помотал головой.

– Тогда расскажи мне о себе. Откуда ты узнал про Старый дом? Есть у тебя друзья?

Мишка опустошил банку с газировкой и бросил её в гипсового истукана. Сыто рыгнул и откинулся в кресле. Он уже понял, что нужен Людвигу позарез, и можно расслабиться. Поэтому рассказывал неспеша, про Тоху, про Сегу, про Барацкого. Людвиг слушал внимательно.

– Так магия нужна тебе, чтобы убить брата?

Мишка вздрогнул.

– Почему убить… Осадить хотя бы. Пусть меня все уважают.

Людвиг откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Мечтательно протянул:

– Скажи, Михаил… ты никогда никому не завидовал? Вот есть у тебя, допустим, друг, и всё у него классно: все любят, всё получается. А у тебя нет.

Мишка поперхнулся и замер. Самодовольная улыбка сползла с его лица. Людвиг будто без спроса заглянул в один из тайников его души, тайник настолько тайный и тёмный, что поневоле прячешь его сам от себя. Знаешь, что он есть, но заглядывать – всё равно, что… признать, что Антон – лучше тебя во всём. Он и сильный, и смелый, и Барацкий с Сегой его не гоняют. Он даже Рылу однажды начистил рыло. А ещё он красавчик, конечно: спортивный, улыбка, как солнце. Учителя любят – пятёрки ставят. Лерка, рыжая, эта его – как собака на хозяина смотрит. Да его все любят! Не то, что его – Мишку… Вот и сила волшебная Тохе досталась. А почему всё ему, спрашивается? У него же и так всё есть! Почему другим шиш с маслом?

– Есть, – почему-то хрипло ответил он. Злость

на недавнее предательство снова поднялась со дна души. – Есть такой человек.

Людвиг поднялся и с понимающей улыбкой протянул Мишке руку:

– Сдаётся мне, мы – родственные души, Михаил. Идём. Добудешь мне перо, а себе счастье.

* * *

НА СЕРЕБРЯНЫЙ город спустилась ночь, за стенами шуршали невидимые жители. Ребята сидели на спальных мешках и не могли уснуть, вслушиваясь в звуки снаружи.

– Как Людвиг вас заколдовал? – недоумевал Антон. – Он что, колдун? Я же видел его у нас в школе. Обычный такой дядька на пенсии.

– А его сестра? – Света встряхнула короткими волосами. – Ты сказал, она вкладывала в истории всю душу. Может, поэтому они стали живыми. И «восьмёрка», и Серебряный город, и Старый дом.

– Причём тут Людвиг? – Антон наморщил лоб.

– А притом, – она будто объясняла что-то совсем простое. – Раз он предал сестру, значит, у него больше нет души. Он её потерял, когда на обложке её книжки появилось его имя.

– Значит, он отбирает душу? – Лерка поёжилась. – Это жутко!

– Может, что-то большее, – задумчиво протянул Семён. – Те статуи, что схватили нас, были почти без лиц.

– Надо найти Мишку! – Антон схватился за голову. – Он не знает, в какой опасности!

– Нам нужен план, – сказал Данил.

* * *

– ЗНАЕШЬ, у меня многое было, – рассказывал Людвиг.

Они шли по широким арочным тоннелям подземелья, а гипсовые болваны брели следом. Мокрые кирпичные стены кое-где блестели от влаги, сквозняк приносил откуда-то звук падающих капель. Пахло чем-то затхлым, заброшенным. Под ногами валялись электросамокаты, квадроциклы. Мигали разноцветной подсветкой корпуса игровых компьютеров – Мишка такие только в рекламе видел. Видимо, здесь, в подземелье, копились подростковые мечты.

– Известность была, – продолжал Людвиг. – Любили меня очень. Дети, их родители. Издатели. На всякие приёмы-торжества приглашали. Аж к президенту. Интервью в лучших журналах, дорогие фотосессии… Это я потом до выступлений в школах скатился. А знаешь, какая у меня квартира была? Не знаешь… Пятикомнатная! Стол из морёного дуба, техника по последнему слову. И дача в Куракино… – Людвиг от души пнул игрушечный мотоцикл. – А потом всё забрали. За долги. Им всем только и надо было – денег! Денег! Пришлось даже здешнее серебро продать. У меня остались только книжки. Хотел сжечь их, но начал читать от скуки. И знаешь, что я там нашёл?

– Что? – Мишка спросил больше из вежливости. Он знал, что пожилые вечно треплются о своей жизни, будто кому-то это интересно.

– Историю о девочке. Она случайно нашла перо. И верила, что перо прилетело из волшебного места, где живут мечты. Это перо могло превращаться в карандаш, кисточку, в ручку… Даже в мел! И всё, что им ни напишешь – становилось настоящим, живым. Обретало, так сказать, реальность.

– Ты что, не знал, что написано в твоих же книжках?

Людвиг с досадой махнул рукой:

– Какая разница, чьи книжки! Главное – кто их пристроить сумел! Я вот сумел! А ты чего добился?

– Попал в Старый дом, а потом в Серебряный город, – самодовольно ухмыльнулся Мишка. – Скоро я всё смогу.

Людвиг внезапно успокоился и снисходительно улыбнулся.

– А ты бы что написал этим пером? – спросил Мишка.

– Счёт в швейцарском банке, – отчеканил Людвиг. А потом задумчиво протянул: – Историю

про мальчика. Который хотел, чтобы все его любили и обожали. Ну вот мы и пришли.

Они остановились у полукруглой деревянной двери с множеством замков. Людвиг отпирал их неторопливо, что-то напевая себе под нос. Наконец он отворил дверь и посветил внутрь фонариком. Мишка увидел крохотную комнатку, в центре которой на подставке под стеклянным колпаком парило перо. Оно было белое – большое, похожее на гусиное, самое обычное перо. Когда на него попадал луч света, перо сверкало, отражая его.

Людвиг толкнул Мишку в спину:

– Ну! Давай!

Мишка сглотнул и вдруг подумал, что не должен быть здесь. На его месте должен быть кто-то другой – Тоха, там, или Лерка эта рыжая, раз он ей силу отдал. Но не он.

– Ну что ты встал? – раздражённо руганулся Людвиг. – Зря, что ли, сюда тащился?

Мишка снял колпак и поставил на пол. Вот сейчас он возьмёт перо и напишет «Сега извинится за всё, что сделал». Пальцы коснулись кончика стержня и… Мишка с воплем отпрянул назад. Всю руку стегануло так, будто коснулся оголённого провода.

– А-а-а-а, блин! Что это? – он дул на пальцы и тряс ими, прогоняя боль. – Оно под током, что ли?!

Людвиг молча вздохнул и покачал головой.

– Не везёт мне. Зараза… Взять его!

Мишка охнул, когда гипсовые болваны больно схватили его за руки.

– Ты что? – в панике кричал он Людвигу. – Зачем? Мы же друзья!

– У меня нет друзей, – скривился тот и больно сжал его плечо. – Только слуги. И ты будешь одним из них.

* * *

АНТОН был в панике. Он не знал, что делать в этом странном мире. Всё было просто, когда он был капитаном Огненом в тетрадке или когда побеждал Мишку в битве на зонтиках, вот преступники, а вот им наручники, вот белое, а вот чёрное.

А теперь Антон растерялся. Быть героем было страшно и непонятно. Он был благодарен Семёну за то, что тот взял руководство на себя. Он казался старше, чем есть: выше, спокойнее. Когда рассвело, поднял свой фонарь и повернулся к стене. А через мгновение там зиял прямоугольный ход. Они пошли следом, девчонки в середине, потом Данил, Антон замыкал.

Свет бежал по кирпичным стенам мрачного подземелья, густо изрисованным граффити: «Не ходи», «Улетай отсюда», «Верь в себя». Где-то капало, пахло гнилой картошкой. Под ногами хрустел какой-то мусор. Антон даже думать не хотел, что Мишка может быть где-то здесь. Мир стал непонятным и опасным, но отступать было нельзя.

– Здесь, – Семён остановился у какой-то полукруглой двери с множеством замков. – Сюда он нас приводил. Беритесь за руки!

Антон сжал похолодевшую руку Лерки и испуганно охнул: ребята шли за Семёном прямо в стену. Он зажмурился, а когда открыл глаза, оказался внутри тесной комнатки. Все стояли вокруг подставки, на которой под стеклянным колпаком висело в воздухе белое перо.

«Вот оно какое. Простое, птичье».

– Ну что, раз его так взять нельзя, давайте его заберём вместе с колпаком, – предложил Данил. – Обменяем на вашего друга и валим отсюда!

Антон слышал его будто сквозь толстый слой ваты. Сердце, казалось, стучит во всём теле. Он снял прозрачный колпак и отбросил его – и даже не услышал звона разбитого стекла, только в висках застучало громче, будто африканские барабаны. Антон сжал «ножку»

(очин, её называют очин, когда заостряют, чтобы написать)

пера, висящего в воздухе, и по телу будто прошла волна. Такая тёплая, что растрепала волосы. И мысли. И всё сразу стало ясно.

(…Людвигу нужно перо, потому что всё, что он пишет – ненастоящее. Его книжки издают, но

дети давно перестали читать их. Читают только старые, те, что писал не он, а…)

– Народ… – он хотел объяснить друзьям, он всё понял. – Я теперь знаю…

В этот момент дверь затрещала и внутрь ворвались гипсовые статуи. Настал хаос. Статуи хватали кричащих детей и тащили их наружу, в коридор. Антон увидел, как Семён ухитрился вывернуться; пинками по ногам он обрушил болванов, что держали Свету и Данила, и те с грохотом рухнули. Их изогнутые под углом руки не выдержали и отвалились. Ребята, недолго думая, рванулись прочь. Семён выхватил из воздуха фонарь и открыл проход прямо в стене.

Антон рванул следом, схватив Лерку за руку. Но не успел. Её схватили первой так, что она пискнула от боли. Статуй вокруг столпилось столько, что пробиться стало невозможно.

Антон рвался, как мог, но руки будто сдавили железные тиски, он из последних сил держал Перо. Его вытащили в коридор вслед за напуганной Леркой, и он увидел того самого дядьку из школы, что собирал себе учеников. Семёна, Данила и Светы не было. Наверное, им удалось сбежать.

– Это ты! – Севостьянов схватил Антона за руку с Пером, выпучив глаза за очками. – Засранец мелкий! А ну отдай!

Он сжал Перо, но тут же с воплем отдёрнул руку – больно. Лицо Людвига перекосило от ярости. Он грязно выругался и с ненавистью глядя на Антона, бросил:

– Отдай. Это моё.

Антон молча помотал головой:

– Не твоё. Это она нашла Перо. И отдала его мне.

– Ты, сопляк, понятия не имеешь, как долго я этого ждал! Собирал всех этих юных писателей... по школам ездил. Я знал, что она однажды кому-нибудь передаст Перо. Кому-нибудь из таких, как ты. А я уж такое не упущу! И ты мне его отдашь, – Людвиг зло усмехнулся. – Добровольно. Тащите всех в мой кабинет.

* * *

КАБИНЕТ больше всего напоминал заброшенную библиотеку в сказочном замке: вместо двери в коридор зияла огромная каменная арка. Полки с книгами уходили высоко вверх, куда не доставал свет от маленьких фонариков, развешанных по стенам. Тяжёлый стол был тоже завален книжками с авторством Севостьянова, исписанными листами и какими-то распечатками, придавленными мраморным пресс-папье с круглой ручкой. Можно было бы подумать, что они попали в кабинет к знаменитому детскому писателю, только вот дети здесь оказались в качестве пленников. Гипсовые статуи крепко держали их перед Севостьяновым, который прогуливался вдоль бархатных кушеток и с улыбочкой потирал руки. Команда Семёна с фонарём пропала, и, казалось, вместе с ним погасла надежда выбраться отсюда. Людвиг протянул руку Антону:

– Ну так что, отдашь Перо?

– Нет. Ты детей заколдовал! Разрушил Серебряный город, – сурово обвинил Антон. – Ты не веришь в чудеса, ты всё ломаешь. Ты все мечты сгноил!

Лерка вытаращила глаза и зашептала:

– А Мишка? Мишка!

Но Севостьянов услышал и злорадно усмехнулся:

– Вот именно. Мишка.

Он отошёл к деревянной этажерке, где справа от стола темнело покрывало, наброшенное на что-то выпуклое, небольшое, будто гипсовый бюст на полуколонне. Жестом фокусника отбросил пыльную ткань, и Антон сразу понял, что проиграл. Он тихо выдохнул:

– Мишка…

Мишка был уже наполовину статуей. Одна нога, половина руки, половина шеи и рот были каменно-бледные, мёртвые. Глаза его открылись, нашли друзей, и из них потекли слёзы. Хуже, чем сейчас, Антон себя не чувствовал никогда. Не отдашь Перо – убьёшь Мишку, отдашь – всех. Что делать?

– Ладно, – он сглотнул подступивший к горлу ком. – Я отдам Перо. Скажи им, пусть отпустят. Пальцы свело.

Людвиг скривился, что-то там себе прикинул и махнул рукой:

– Пустите его. Ладно.

Антон почувствовал, как каменные тиски разжались и растёр пустые руки. Он шагнул к столу и Людвиг дёрнулся вперёд. Антон примирительно выставил ладони:

– Я просто хотел посмотреть твои книги. Хоть одну. Никогда не читал.

Севостьянов сощурился:

– Где Перо? В каком кармане?

Антон похлопал по левому карману джинсов и аккуратно взял книгу, что лежала сверху; это был «Старый дом» с потрёпанным корешком. Он задумчиво провёл большим пальцем по золочёным буквам названия, а потом по имени и фамилии автора. Чуть задержался на «двиг» и в самом конце фамилии. Людвиг всё понял, но было уже поздно: на обложке вместо «Людвиг Севостьянов» золотились буквы «Любовь Севостьянова».

Где-то наверху раздался протяжный стон и скрип, словно сам город проснулся ото сна и с хрустом потягивался. Что-то завозилось, зашумело, зазвенело. Книги посыпались с полок, зашелестели страницами, как птицы крыльями.

– Взять его! – истошно заорал Людвиг. – Взять сопляка!

Гипсовые болваны послушно вцепились в плечи Антона так, что он застонал. Людвиг в ярости подскочил к нему:

– Ты думал, я с тобой шутки шучу?! Добрый дядя не сможет ребёнка обидеть? Перо! Быстро! Иначе своего дружка будешь по кускам собирать.

Антон помотал головой:

– Не могу! Даже если б захотел, не могу. Посмотри на мою руку.

Людвиг задрал рукав его куртки и оголил предплечье. На нём чернела красивая татуировка в виде птичьего пера. В миг, когда на неё попал луч света, она отразила его и заискрилась.

Севостьянов невидяще шагнул назад, к Мишке, и положил руку ему на плечо.

– Слушай меня, мальчик, – хрипло заговорил он Антону. – Слушай внимательно. Я знаю, что Перо ты можешь передать. Отдать, кому захочешь. И отдашь ты его мне. Видимо, ты не понял, когда я говорил, что настроен серьёзно. Так я тебе это докажу.

Он схватил со стола мраморное пресс-папье и со всей дури ударил по Мишкиной гипсовой руке. Она с треском отломилась, рухнув на пол, и Мишка завыл тихо и страшно.

Антон закричал. В этом вопле, эхом отразившемся от стен библиотеки, был весь ужас от бессилия что-то сделать. Он дёрнулся из рук статуй так, что в плече что хрустнуло и заболело.

– Забери! Забери его! – кричал он Людвигу. – Я не знаю, как отдать! Бери! Не трогай Мишку! Не трогай!

За спиной Лерка, как заведённая, отчаянно кричала какое-то слово, но Антон слышал только как подвывает Мишка. В его стоне Антону слышалось: «предатель». И где-то в душе капитан Огнен, эталон справедливости, с презрением отвернулся от своего создателя. Он бы умер, но спас друга. Отдал бы Перо.

Мишка вдруг согнул живую ещё ногу и упал. Сцапал отломанную руку и, размахнувшись, долбанул ею Людвига по колену. Тот взвыл и, выронив пресс-папье, схватился за больное место.

– Убью, – пообещал он, – щас точно убью! – Приложил ладонь рупором ко рту и истошно заорал: – Сюда, болваны! Все ко мне!

Из арки загрохотало и в кабинет ринулись новые статуи. Одна, другая, третья. Они тяжело топали по гранитному полу, будто марширующие солдаты.

Людвиг зло рассмеялся:

– Вам конец, сопляки, – он повернулся к Антону с ножом для резки бумаги. – Если надо будет, я срежу Перо с твоей руки.

Антон больше боялся за Мишку. Когда он нашёл его взглядом, тот ухитрился отползти за спи-

ну Людвигу и вооружиться пресс-папье. Он больше не плакал.

– Тебе друзей своих не жалко? – Людвиг бросил взгляд за спину Антону и тот понял, что он смотрит на Лерку. – А если я подружкой твоей займусь?

– Давай, режь! – закричал Антон. – Иди сюда! Я же сказал, отдам!

Но Людвиг его будто не слышал. А может, понимал, что Перо уже не достать, даже если срезать с кожи. Он крутил перед глазами нож, напевая под нос:

– Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана,
Буду резать, буду бить,
Всё равно тебе не жить…

Антон зарычал от бессилия. На глазах выступили слёзы. Он дёргался в руках болванов и ничего не мог сделать. Наконец он расслышал, что повторяла Лерка: «Оживи, оживи!» Она пыталась превратить статуи обратно в детей, чтобы спасти всех их, но, судя по отчаянию в голосе, ничего у неё не получалось.

Из тоннеля вдруг послышался шум, крики, многократно отразившиеся эхом от стен. Во тьме арки вспыхнул яркий свет, будто кто-то светил огромным фонариком. Оттуда с воинственными воплями бежали дети. Антон узнал Семёна, Свету и Данила. Впереди всех бежала темноволосая девушка, в её поднятой вверх руке ослепительно сиял источник света. Она решительно указала на обалдевшего Людвига и яростно крикнула:

– Стрелки! Огонь! Огонь по врагу!

Дети нацелили на Севостьянова рогатки и принялись обстреливать. Много камней летело мимо, но те, что попадали, отзывались стонами и руганью Людвига. Он согнулся в три погибели, прячась за спинами статуй. Шквальный огонь застал его врасплох и не давал распрямиться, чтобы отдать новый приказ. Антон расплакался от облегчения: казнь откладывалась.

Но Людвиг довольно быстро пришёл в себя:

– Болваны! – заорал он. – Закрыть меня собой! Изловить всех поганых детей! Всех!

Раз-два! Статуи сомкнулись вокруг него плотной стеной, а те, что стояли дальше, развернулись и пошли прямо на Стрелков. Поднялся визг, суматоха. Кто-то успел отбежать, кого-то хватали. Часть детей влезла на полки и со свистом обстреливала болванов бомбочками с краской. Красные пятна заливали тем обзор, и они размазывали краску по гипсовым лицам. Книги со стола взлетели и, хлопая страницами, со всей дури врезались в статуи, и те неуклюже махали руками. Данилу повезло оседлать гипсового врага и он, закрыв ему глаза, сшибал остальных. Что-то неразборчиво орал Людвиг, но его уже никто не слышал. Света швыряла на пол стеклянные шарики; болваны поскальзывались на них и с грохотом падали друг на друга. Но, несмотря на понесённые потери, всё равно поднимались и шли в атаку. Где-то у стены слева Семён уводил часть отряда через потайной ход. Девушка со светом в руке закричала:

– Отступаем! Все назад!

Антон сглотнул. Он должен что-то сделать. Огнен бы сделал. Какая же пытка – обладать самой могущественной силой в мире и не иметь возможности её использовать! Он придвинулся ближе к правой статуе, что сжимала руку, и вывернул запястье так, чтобы коснуться холодного гипса. Предплечье адски заныло, но указательный палец всё же коснулся гипса. В глазах темнело от боли, но Антон начал выцарапывать ногтем буквы одну за другой. Пока не получилось «исчезни». Он зажмурился, представив, как Людвига засасывает в круглую чёрную дыру позади него, и он уносится туда с немым криком.

– Исчезни, исчезни, исчезни, – как заклинание бормотал он.

И боялся открыть глаза, чтобы увидеть, что ничего не сработало. Потому что большего он бы сделать не смог. Но когда всё же решился, то не поверил глазам. В воздухе прямо над Людвигом центрифугой кружился громадный чёрный круг, а сам Людвиг истошно орал, вцепившись в ящик письменного стола. Потому что его будто мощным пылесосом засасывало в тёмную бездну; он уже висел головой вниз, но всё ещё кричал:

– Перо! Отдай моё Перо!

Наконец крепления не выдержали, и Людвиг вместе с ящиком со свистом исчез в дыре. Она тут же схлопнулась, оставив после себя облако серой пыли.

Антон выдохнул, но рано: статуи так и держали его железной хваткой. Они продолжали исполнять приказы, отданные Людвигом: будто роботы, ловили детей и тащили их в центр библиотеки, хотя полководца больше не было. А Мишка, наполовину каменный Мишка, вовсю ставил статуям подножки гипсовой ногой, и те падали, не успев схватить очередного Стрелка. Других он умело молотил отломанной рукой и не давал прохода, стоя живым заслоном между болванами и детьми. Антон вдруг понял, что Мишка повторяет все движения боя на зонтиках. Он и подумать не мог, что такое может пригодиться.

– Почему? – закричал Антон. – Почему статуи не остановятся?

И Лерка ответила ему:

– Прикажи им! Теперь ты – хозяин Города! Они тебя послушают!

– Стойте, болваны! – проорал Антон. – Отпустить всех немедленно!

И тут случилось чудо. Капканы гипсовых рук, что держали его, разжались, и он со стоном упал на колени. Освободившаяся Лерка пулей полетела... нет, не к нему, а к Мишке. Антон смотрел, как она расколдовывает его: осторожно прикладывает отбитую гипсовую руку к окаменевшему локтю, гладит её и повторяет: «Оживи, оживи». С её пальцев срываются ослепительные белые огни и кружат-кружат вокруг руки, пока не сливаются в сплошное пятно. Оно вспыхивает шаровой молнией и гаснет. И видно, что рука прирастает к локтю, становится единым целым. А потом трескается, и гипс пыльно осыпается на пол. Мишка крутит рукой, сжимает и разжимает пальцы… и благодарно обнимает Лерку. Его плечи трясутся, будто он плачет.

Антон смотрел и тихо охал, потирая вывихнутое плечо. Это было красивое волшебство. Точно такое же красивое, когда Лерка встала из инвалидной коляски. Хотя он предпочёл бы, чтобы Лерка обнимала его, а не Мишку.

Битва была выиграна.

* * *

НАВЕРХУ в Городе время клонилось к вечеру и облака налились розовым, хотя, казалось, там, в подземелье прошла целая жизнь. Антон, Ленка и Мишка сидели на скамейке и смотрели, как серебро Города на башнях и фасадах домов сияет в предзакатных отблесках. Людвиг отправился неизвестно куда, статуи остались стоять в подземелье, а Стрелки вовсю праздновали победу здесь, наверху. Лерка залечила руку Антона, и он то и дело шевелил плечом, проверяя, не вернулась ли боль.

Город наполнился шумом, смехом. Люди появились словно ниоткуда, одни совсем обычные, а другие полупрозрачные, третьих едва можно было рассмотреть.

В переулке обнималась счастливая семья: мама подняла на руки девочку, а папа – маму.

– Кто это? – удивился Антон. – Тоже чьи-то мечты?

– Ага, – Лерка шмыгнула носом. – Мне кажется, это разведённые родители. И она, вон та девочка, мечтает, чтобы они все снова жили вместе.

Антон вспомнил, что у Лерки где-то есть отец, и, наверное, она скучает по нему.

Мимо пробежал мужчина, он тянул за собой на верёвке воздушного змея. Следом за ним с восторженным визгом пронёсся мальчик, видимо, его сын – он не сводил глаз с неба и длинного змеиного хвоста. В изумрудном фонтане кто-то отфыркивался и хохотал, а дальше, в широких дренажных канавах, дети пускали кораблики, а их родители свистели и громко делали ставки, какое судно дольше продержится. Стрелки во главе с Данилом исследовали дома, носились друг за дружкой, играли в «рыбака и рыбку», будто и не было никакой битвы пару часов назад. Оказалось, что Света – скрипачка, она нашла скрипку своей мечты и, попискивая от радости, настраивал её.

Вокруг вкусно пахло мёдом и пряниками. Антон только теперь заметил, что сухие деревья утопали в зелени и благоухали. На некоторых из них, и правда, висели пряники, а на других – бутылки с газировкой или соком. Были и такие, у которых вместо кроны шелестели деньги. Но чаще всего игрушки, которые совсем недавно валялись в песке. Под ногами поблёскивала брусчатка, теперь, когда песок исчез, стало видно, что она из разноцветных камней и кристаллов.

Трещины на домах пропали, над некоторыми входами появились таблички «Самыи вкусные пираги» или «Только для друзей!». Поющий дом не хрипел, а красиво выводил:

– Дом, дом, старый дом,
Много тайн скрыто в нём,
Волшебство, волшебство!
Мы посмотрим кто кого!

Антон повернулся к Мишке:

– Я всё понять не могу... Как Людвиг превращал всех в статуи? Он всё-таки был колдуном?

Мишка помолчал.

– Он сказал мне, что я тупой болван, который не заслуживает жить среди людей. И знаешь, я ему поверил. Я ведь тебя предал. И стрелков тоже. Повёлся на его слова... Я поверил, что без меня миру будет лучше. Так что это я сам себя заколдовал.

– А как же те, остальные дети? Они тоже сами себя заколдовали?

– А думаешь, нас мало? Таких, которые считают, что миру без них лучше будет? Таких, которые слушают всех, кроме себя?

Антон вздохнул.

– Надеюсь, теперь Людвиг больше никому это не скажет в Серебряном городе. Статуи ведь были только тут. Значит, он пользовался магией Города.

– Мне их так жалко, – Лерка покачала головой с огненными косичками. – Ни одного не смогла расколдовать. Вообще ни одного! – Она вздохнула. – А почему, не понимаю...

– Наверное, не всех можно спасти, – Антону не нравились эти слова. Но это была правда. – Я хотел оживить их Пером, и тоже ничего не получилось. Я писал им и на статуях, и на бумаге, и на стенах. Может, они погибли ещё до того, как мы сюда приехали...

К троице подошла девушка, которая возглавляла атаку на подземелье. У неё было синее платье и длинные тёмные волосы, которые перебирал ветер. Антон узнал, что её зовут Вера и она из Стрелков, тех самых, первых.

– Вы не сердитесь, что мы так долго шли на помощь, – она подмигнула. – Семён нам как дал сигнал, мы сразу и рванули. Тим на всех парусах летел.

– Тим? – недоумённо переспросил Мишка и завертел головой. – Кто это?

– Да вон он, – Вера кивнула на небо, где из-за деревьев выплыл старинный корабль. Белоснежные паруса порозовели от заката, и казалось, будто он смущён новым знакомством. Ткань расправилась и захлопала на ветру, приглашая в путешествие. Вера посмотрела на судно с нежностью.

– Вот это да! – закричала Лерка. – Летучий корабль! Настоящий! А вы нас прокатите?

– Прямо до дома, – Вера улыбнулась. – Думаю, Тим будет не против. У меня вопрос к тебе, Антон. Город больше не Людвига. Он теперь твой. Что ты будешь делать с Пером?

– Нет, – Антон покачал головой. – Это не мой город. Он наш. Каждый сможет прийти сюда. А Перо... Перо в этом поможет. Оно будет входным билетом...

– Ты что делаешь? – Мишка округлил глаза. – Ты дар отдал и Перо отдаёшь?!

– Да, – Антон сглотнул. – Я хотел бы оставить его себе. Очень. Колдовать, что захочу. Но так нельзя. Это неправильно. Это испытание, понимаешь? И я пройду его до конца... Я не хочу стать таким, как Людвиг. Он же просто с катушек слетел! Не хочу я никого убивать из-за всемогущества...

Антон замолчал, вспомнив, как Людвиг смотрел на них, своих пленников, и был готов убивать и калечить. Что должно случиться с человеком, чтобы он дошёл до такого?

Он не заметил, как к скамейке будто по волшебству стали стягиваться Стрелки. Они подходили и смотрели на него с любопытством: веснушчатые и полные, в очках или брекетах; у каждого из кармана куртки торчала самодельная рогатка, а глаза были полны решимости. Защищать слабых. Не отступать и не сдаваться. Верить, что ты победишь. И идти до конца… Это были настоящие воины и они ждали его решения. Конечно, он же теперь глава Серебряного города.

Наконец Антон снова заговорил.

– В общем… я должен поступить правильно, – он бросил взгляд на Мишку. – И сделать то, что давно должен был.

Он поднялся и взмахнул рукой, словно стряхивая капли воды. В воздухе вопросительным знаком повисло Перо. Настала тишина, будто все вокруг задержали дыхание. Антон сглотнул и решился:

– Пусть Серебряный город станет убежищем для тех детей, кто попал в беду. Для тех, кому некуда идти, для тех, кому нужна защита, для всех, кто загнан в угол… – он повернулся к Мишке: – и пусть никто больше не мёрзнет на улице… никогда!

Антон обратился к Перу:

– Стань стражем Города. Тем, кто будет встречать гостей. И тем, кто будет защищать от врагов. Пусть гипсовые болваны подчиняются тебе, пока их кто-нибудь не расколдует. С этой минуты, они не болваны, а стражники Серебряного города.

Он опять зажмурился: хоть бы получилось! Открыв глаза, Антон ахнул. Такое увидеть он точно не ожидал. Перед ним стоял капитан Огнен собственной персоной. Такой, каким он его себе и представлял: в кожаной куртке и штанах, в портупее с саблей и пистолетом в кобуре. Чёрные пряди выбивались из-под шляпы с пером, залихватски сдвинутой набок. Голубоглазый Огнен подмигнул ему и ослепительно улыбнулся, приложив два пальца козырьком ко лбу:

– Есть, Антонио! Благодарю за такое доверие! Но как люди будут попадать сюда?

– Вот, – Антон порылся в кармане куртки и потянул ему монетку. – Скопируй их и раздай всем нам. А чтобы было ясно, что она не для покупки, отчекань на ней эмблему Города.

Жестом фокусника Огнен подбросил монетку и шустро сдёрнул с пояса мешочек, в который из воздуха посыпались монеты одна за другой. А потом он раздал их Стрелкам. Кто-то брал по одной, а кто-то целой горстью:

– Будем подкидывать тайно. На всякий случай.

Антон взял несколько и подумал, что их можно только Мишке отдать. А ведь он, наверное, рассчитывал на силу Пера...

А потом был концерт. Света хотела отблагодарить Город и играла на своей скрипке мечты. Это была самая красивая музыка, которую слышал Антон. Под медленную и печальную мелодию на бархатной синеве неба вспыхнули яркие звёзды. Зажглись разноцветные уличные фонари в ажурных оправах. Настало время и для весёлых ритмов: Светин смычок высекал музыкальные искры, которые так и жгли: пляши, притопывай, кружись!.. Первым в пляс пустился Огнен, Антон и не знал, что он так круто умеет отстукивать сапогами джигу. Все, кто не стеснялся, танцевали, и камни мостовой отзывалась волшебными переливами на каждый шаг. Вера стояла у колонны, задумчиво глядя в небо. В тёмных глазах отражались ночные огни, а длинные волосы плыли по ветру, будто волны неведомого моря.

Антон смотрел, как танцует Лерка, и думал о том, что получи он этот дар снова, всё равно бы отдал его ей, а не Мишке. Это стоило того, чтобы видеть, как здорово она танцует, а не тоскует в инвалидном кресле.

Корабельный колокол пробил ровно в полночь. Тим созывал всех на борт. Полная луна качалась над Серебряным городом, и дети карабкались по трапу вверх, а кто-то шептал Городу свои мечты в надежде на то, что они сбудутся. Вера поднялась на фок-мачту и зажгла там свет, мощным прожектором рассекающий тьму. Он сиял так ярко, что на палубе стало светло и тепло.

– Лети, Тим, – сказала она. – Вези нас домой. Вперёд!

Паруса на мачтах распустились, затрепетали на ветру. Корабль сделал прощальный круг над Серебряным городом и поднялся ввысь.

* * *

МИШКА сидел в комнате и перебирал тетрадки, книжки. Постеры с чародеями и файерболами сейчас казались такими глупыми. Детскими. Будто из другой жизни.

Он зажмурился и вспомнил, как они летели на корабле в густой тьме. В бесконечности. Казалось, кроме света на мачте нигде больше ничего нет. Это пугало и завораживало. А потом вдруг показались какие-то светящиеся тени, они были огромными и плыли по воздуху вдоль борта. Мишка различил огромный хвост и плавники.

– Киты! – закричал кто-то из детей. – Смотрите, воздушные киты!

Многие бросились к носу корабля поглазеть на диковинку. Мишка остался у борта, провожая взглядом световой след от кита. Антон подошёл и встал рядом.

– Миха, – он понизил голос, – Сега больше тебя пальцем не тронет, слово даю. Вот, возьми, – он протянул ему ладонь, на которой темнели монеты. – Чуть что, подкидывай монетку и иди в Город.

Мишка хмыкнул:

– Я не смогу сидеть там вечно. А когда вернусь, начнётся то же самое.

– Тогда давай сделаем доказательства. Видео, на котором он тебя бьёт. Отнесём в какую-нибудь соцзащиту. Или типа того.

– Будет хуже. Родителей оштрафуют. Он меня снова изобьёт. Знаешь, что я видел, пока все танцевали? – Мишка прищурился и посмотрел ему в глаза. – Сегу. Брата моего. Он звал меня в футбол мячик попинать. Он мне улыбался. Он называл меня по имени, братом, а не «соплёй» или «уродом». А я испугался, понимаешь? Испугался, что всё это – очередное враньё, чтобы я поверил, а он поиздевался. Это была моя мечта, чтобы мой брат был братом. И она была такая слабая, что тут же растаяла. От неё ничего не осталось. Когда мы приехали сюда, я хотел заставить его извиниться, дружить со мной. А теперь, я понимаю – зря. Ничего не осталось. Он всё уничтожил.

– Ты был, прав. Я мог бы написать Пером «исчезни», – вздохнул Антон. – И он бы исчез, как Людвиг. Но с Людвигом не было выбора и...

– Да. Можно Сегу и Пером, – Мишка рассуждал пугающе спокойно. – Только потом появится кто-то другой. И ещё один. Можно так со всеми врагами расправляться. Стирать их, как ластиком. И жить спокойно. А потом кто-то приедет на волшебном трамвае и сотрёт тебя. Отправит падать в бесконечную пустоту. Потому что ты станешь Людвигом, у которого кругом одни враги…

– Надо же что-то делать… – Антон ударил по борту. – Давай его вместе отлупим!..

Мишка вздрогнул, когда хлопнула дверь квартиры, и вернулся в реальность. Так хлопал брат, когда заваливался домой. Так звучали неприятности. Он застыл, съёжился, будто от удара.

И точно, бритый наголо Сега ввалился в комнату, мимоходом глянул на брата:

– Нарисовался! – швырнул в него ботинками. – На, берцы мои почисти!

Мишка пригнулся, но грязная обувь всё равно задела плечо. Он сгрёб ботинки и бросил в коридоре. Он знал, что будет, когда вернулся в комнату и увидел свирепое лицо брата. Но всё же ответил:

– Сам чисти свои берцы!

Страх мерзко скрёб своими лапками на затылке, но Мишка дёрнул плечами, сбрасывая его.

Так дальше нельзя. Хватит!

Сега даже растерялся. Но потом пошёл на Мишку с кулачищами:

– Ах ты мелкая ленивая гнида...

Удар был такой силы, что Мишка отлетел в платяной шкаф. Жалобно сбрякали вешалки на рейлинге. Мишка поднялся. Кровь заливала глаза. От этого весь мир казался кроваво-красным.

Было больно. Но больше не было обидно. Больше не было страшно. Будто ещё в Серебряном городе что-то внутри него навсегда осталось каменно-белым алебастром. Мишка сжал кулаки

и прыгнул на Сегу. Зажмурившись, ударил куда-то, пнул под колено.

И тот внезапно осел, застонал. Как по волшебству превратился в человека, которому тоже больно.

Мишка взял свой зонтик, направил его наконечник в горло брату и, как полагалось по правилам, потребовал:

– Сдавайтесь, сударь! Победа за мной!

– Урод! Ты мне ногу сломал! – с обидой и злобой в голосе заявил брат. – Ща предки придут, тебе капец.

И действительно, в замке заскворчали ключи. Родители ставили в прихожей сумки, снимали ботинки.

Мишка понимал, что сейчас получит ещё и от матери. Но ему стало уже всё равно. Он даже удивился своему спокойствию, когда доставал из шкафа аптечку, чтобы продезинфицировать рану на лбу.

* * *

МИШКА шёл по знакомой тропинке к гаражам и солнце слепило глаза, отражаясь от выпавшего за ночь снега. Он хрустел под ногами вперемешку с сухими, как старая бумага, листьями. Моргать и щуриться было больно, бровь над глазом была рассечена и заклеена пластырем. Может быть, даже шрам останется. Когда он остановился за гаражами, из-за зарослей черёмухи, закамуфлированной снегом, вылез часовой – Валерка Кондратьев.

Мишка кивнул:

– Здорово, Кондрат. Я к Барацкому.

– Не будет он с тобой говорить!

– Будет. Скажи, что я по делу.

Кондрат сплюнул. Но всё-таки пошёл. Какое-то время Мишка стоял и рассматривал розовый бок трансформаторной будки и пустые скамейки на детской площадке. Сегодня холодно, охотиться не на кого. Значит, Барацкий придёт. И точно, из зарослей появился Барацкий и деловито подошёл. Он стоял, не поздоровавшись и не говоря ни слова, всем своим видом выражая презрение.

И Мишка заговорил первым:

– Ты тогда спрашивал, почему я ушёл с поста. Меня старший брат бьёт. Давно. С детства.

Барацкий помолчал и нахмурился:

– А предки твои чё?

– Пофиг им, – Мишка пожал плечами. – Я говорил. Сега всем рулит, а я никто. Вот весь сказ. Короче, в тот день, когда я на пост зашёл, он здесь, рядом с гаражами, шнырял. Злой, как собака. Видеть он меня не видел, но, видимо, проследил, что я куда-то сюда пошёл. Решил, что я от него спрятался. И стал орать, что если я не выйду, он со мной такое сделает... Ну я и вышел.

– И чё дальше?

– Избил. Как всегда. И домой пинками погнал. А потом ты добавил. За предательство.

Барацкий стоял, сжав кулаки. В глазах горела злость. Сквозь зубы бросил:

– Чё ты молчал? Надо было сразу! Мы своих в обиду не даём!

Мишка грустно усмехнулся:

–Так ты мне даже шанса не дал. И стыдно было.

– Ладно, – Барацкий покивал, будто признавая вину, – ладно. Я не знал... Девчонку тогда чуть... Да ты сам знаешь! Злился я очень... А насчёт брата твоего... Скажи, где он бывает. И когда. Нас много. И мы с него за тебя спросим.

– Не надо, – Мишка улыбнулся. – Я сам. Он в больнице с переломом. Сдачи я ему дал.

Барацкий с уважением глянул на его пластырь на брови. Кивнул:

– Он тебя так? А предки твои?

Мишка пожал плечами.

– А что им. Мать кричала, как я мог. Отец промолчал. Как всегда.

– Короче... Если выгонят, у меня поживёшь. Недолго можно. К нам обратно пойдёшь?

– Пойду, – Мишка улыбнулся. – Для Стрелков ещё много дел.

Барацкий протянул ему руку и Мишка крепко пожал её.

* * *

ДЕКАБРЬ пролетел незаметно. В город пришли снегопады и укутали его в тёплые одеяла, навешали на деревья белые шапки. Метели заметали тропинки, во дворах появились горки, с которых с визгом каталась малышня. В сумерках загорались огоньки гирлянд на окнах и витринах, напоминая о другом городе, том, что из серебра. Год заканчивался. За контрольными, срезами знаний и проверочными работами наступили каникулы.

Почти месяц Мишка жил один в комнате, как в раю: Сега с переломом лежал в больнице и выписали его только к Новому году. Дома он лежал и стонал, как ему плохо, хотя сам шустро ковылял к холодильнику, когда родителей не было дома. Правда, больше не обзывался и драться не лез. Мишка относился к нему теперь, как к соседу по палате: равнодушно, страх исчез месяц назад, когда он понял, что может себя защитить. Что он всё ещё Стрелок.

Дома он теперь бывал редко. Бегал на дежурство к Стрелкам в гаражи или к заброшке старого военкомата, там появился новый пост. А в свободные дни бежал в парк, на старую веранду. Там его уже ждали Антон и Лерка. На стене веранды Лерка нарисовала дверь и переслала её снимок Семёну. Тот выходил из неё и они все вместе шли в Серебряный город.

Антона всегда это восхищало: никакой траты времени и денег на дорогу. И шли всегда разными путями.

– А ты в любой стене проход можешь сделать? – спрашивал он.

– Только в Городе, там особое место. А в обычных местах только через дверь, конечно.

– Эх, всё-таки у тебя самый лучший дар! – не выдержал Антон. – В любое время можешь оказаться в любом месте!

– Не в любом, – поправил Семён. – А только в том, которое я видел... или слышал...

Семён просто открывал дверь какого-нибудь дома, и они выходили прямо в Город. Огнен всегда тепло встречал их и уже приготовил на площади горки, каток и кучу разных аттракционов. На площади Стрелки носились с хохотом, перемешавшись с мечтами: кто-то рыл снежный тоннель, кто-то играл в снежки, кто-то ловил языком кружевные снежинки.

А потом, вечером, когда совсем темнело и на фасадах домов загорались гирлянды, Данил и Мишка запускали фейерверки. Не простые, а «живые»: по чёрному небу прыгал плоский камень-блинчик, рассеивая вокруг огромные световые круги, пронёсся золотистый гепард и исчез в фонтане. И каждый залп встречался дружным воплем восторга: ну где ещё такое увидишь?!

Под ночь они устраивались в зале главной башни, прямо над подземельем. Разбирали вкусные пироги и горячий шоколад в стаканах с эмблемой Города. Рассказывали друг другу последние новости, делились переживаниями, потому что все свои и никто не засмеёт. Устраивали мастер-классы по самым крутым рогаткам. Сидели у огромного камина и травили байки. Про Остров потерянных детей, и про Быню. И про трамвай номер восемь, который возит только друзей в волшебное депо. Снаружи ветер звенел гирляндами сосулек, а внутри было хорошо и уютно. Потрескивали поленья и шишки в камине, было тепло в зале и на душе.

В один из таких вечеров, когда все уже наговорились, думали каждый о своём и смотрели на пламя камина, Огнен хрипло завёл песню:

– Посмотри, капитан, вперёд,
Почернел к беде горизонт,
Буревестники над тобой
Так и кличут: проигран бой.
Хочешь – верь, а хочешь – не верь,
Твой корабль идёт на мель.

Посмотри, капитан, вперёд,
Лютый шторм на тебя идёт,
Ветер в клочья рвёт паруса,
Ты усмешку прячешь в усах...
Ты услышь меня, пока жив:
Твой корабль идёт на риф!

Посмотри, капитан, я здесь!
Что дороже: жизнь или честь?
Как готов умереть? Скажи!
И почём твоя нынче жизнь?
Твой корабль идёт ко дну.
Знать, с тобою я утону...

Со всех сторон на капитана посыпались вопросы:

– Что это за песня? Про кого ты пел? Ты плавал на корабле? Ты тонул?

Огнен пожал широкими плечами и вздохнул:

– Не знаю. Я о себе вообще мало знаю. Знаю только, что я капитан.

Антон виновато опустил голову. Но Лерка тут же толкнула его в бок:

– Давай! Покажи им! Увидишь, всем понравится! Они же классные!

– Что там у тебя? – зашумели ребята. – Что такое?

– У меня тут... Вот...

Антон, леденея от страха, достал из рюкзака тетрадку. Он взглянул на Огнена:

– Здесь всё о тебе. О твоих приключениях.

– Почитай! Почитай нам! – начали просить Стрелки. – Мы хотим знать!

Запинаясь, Антон начал читать. Он сбивался, но никто не смеялся и не перебивал. Поэтому дальше он сам не заметил, как увлёкся и продолжал уверенно. А когда закончил читать первую часть, ему громко зааплодировали, а Данил и Мишка засвистели. Больше всех был рад капитан Огнен: он вышел в центр зала и всем продемонстрировал пару крутых приёмов фехтования:

– Вот откуда я знаю, как биться на саблях! Я сражался с головорезом по кличке Бешеный бык и победил! Я был в битве у бухты Трёх ведьм!

Было поздно, нужно было уже расходиться по домам, но Стрелки ушли только когда Огнен пообещал научить их фехтованию.

Когда почти все разошлись, Семён подошёл к Антону и пожал ему руку:

– Знаешь, всё-таки самый лучший дар у тебя. Тебе, чтобы путешествовать в самые крутые места, никакой волшебный фонарь не нужен. Наверное, часть Пера всё-таки в тебе осталась.

Антон покачал головой.

– Помнишь ту девочку, она ещё придумала Серебряный город и всё остальное? Когда я дотронулся до Пера, она мне через него кое-что сказала. Важно не само волшебное Перо. Оно делает вещи реальными, да. Но само волшебство в душе. В том, что ты отдаёшь читателю. Пишет не Перо, пишешь ты. Если ты не вложил часть души в своё творение – не поможет никакое перо, ничто не оживёт. Поэтому у Людвига ничего не получалось.

– И всё-таки татуировка у тебя осталась, – заметил Мишка. Он подошёл сзади вместе с друзьями, которые невольно прислушались к разговору.

Антон задрал рукав на предплечье, показывая татуировку в виде Пера. Семён завернул свой рукав, там был нарисован фонарь. У Веры оказалась семиконечная звезда. У Светы – скрипичный ключ, а у Данила – гаечный. У Лерки – пламя. А Мишкино предплечье было пустым.

– А у Мишки, между прочим, тоже есть отметина, – заметила Лерка. – У него от гипса на руке кусочек откололся, и когда я его вылечила, остался шрам.

– Зачем они нам? – спросил Антон. – Кто-нибудь знает?

– Чтобы помнить, как мы их получили, – сказал Мишка.

– Чтобы помнить, что мы за них отдали, – сказал Семён.

– Чтобы помнить, ради чего мы сражаемся, – сказала Света.

– Чтобы помнить, кто мы такие, – сказала Вера. – Мы – Стрелки. Мы защищаем слабых. Не отступаем и не сдаёмся. Верим, что победим. И всегда идём до конца…

Ян Разливинский

Плотогоны

1.

ОЙ, ЛИХО НАМ сделалось, братие, тако лихо, что и не пересказати. Завели нас стежки-дорожки да неразумие наше на края неведомые, на просторы незнаемые. Все, что было с нами, потеряли и еще лодку с тремя хвостовыми тож. Всю последнюю седьмицу молитвой истовой да волей Клима-кормчего держалась ватага наша, ведя ладью на Стожары яркие.

А на день седьмой ужо и Клим-батюшко головой поник: нет ни вешек, ни знаков, ни примет тайных али явных – чуждо все в округе, куда не взглянь: заблудилися, аки слепцы в чаще лесной, в дубраве густой.

Мы уже и молиться-то притомились, како нам новую придумку изобразило провидение: узрели мы среди просторов корабль чудной, каковый из нас даже Клим, исходивший все пути от Златограда до Стужего острова, не видал, в чем тут же и побожился. Не иначе, перст судьбы тыкнул нам в бок, ибо пройди мы чуток сторонкой, и растрялись[1] бы, како две соломки на озере. Подплыли ближе. Один коловорот округ корабля сделали, второй, сигналы подаем беспрестанно. Ай и видим: не одни мы горе мыкаем – ненаши-то совсем беспомощны оказались, лежат недвижно, аки рыба дохлая. Лишь по вешки тайной, Климу известной и распознали их во мраке. Как говаривал книголюбец Лисициан – царствие ему небесное – мистерия, братия, вон оно что!

– И ипохонов видал, – бормотал Клим, подводя нашу ладью встык к страдальцу, – и шатогоровские[2] барки встречал, и корабли фряжские, а такового нигде узреть не довелось. Как така штука двигаться-то могёт?

– На все воля Божия, – отвечал старшой наш, сударь Симеон, запахивая тулупчик – на лодье-то у нас почитай две седьмицы уже не топлено ладом: в дальних каморах по стенам иней, что дедушкина борода, висит. – Плотно сели-то, Климушка?

– Как две ладошки приложил, сударь Симеон. Тока ты остерегись – одному Богу ведомо, яко у них сходни смастрячены.

Симеон лишь зыркнул из-под бровей лохматых да кашлянул в сторонку:

– Шапку подай.

Вот тут я, подавая убор, и изникнул:

– Сударь Симеон, дозволь с тобой!

Мне-то по младости да по способностям моим шибко воли не давали и на берег не брали. А тута така оказия выявилась. Наш толмач Евпатий, егда буря случилась, ногу повредил зело и лежкой ле-

[1] Коликратно Константинушко молвил мне: сотвори для пущего разумения сочинения сего Лексикон – иначе словницу. Истинно се, ибо не везде нашу речь понимают. Однакож, ежели всем словесам толкование давать – проще оную историю перевесть на язык вам ясный. Оттого, с помощью Константина, толкование даю лишь части изрядно редких слов, а коли что запамятовал и упустил – не взыщите, люди добрые. Одного роду мы, знать уразуметь друг дружку должны… А «растрялись» – разминулись по-вашемски.

[2] Шатогривцы – суть христиане, обаче кривоверцы, проживающие в стороне Шатогривье. Лодейщики их борзы, во все концы океана присносущего заплывают…

В сем месте Константин, за мной смотрящий, вздох учинил и перо у мя забрав, сам почал править. Отсель все слова толкованы его дланью.

жал, я же памятью был наделен отменной и быстро все схватывал.

– Михей, – сказал старшой, нахлобучивая шапку на седой чуб, – накинь-ка на себя чо. Можа помощь им потребна – не одни мы мыкаемся.

И уже к дверям поворотясь, чтоб из кормовой выйти, слово кинул:

– Ступай и ты.

Так втроем и направились.

2.

СКОЛЬКО не плавай, а вот так в пути, редко когда стыкаться приходится. Оттого, прежде чем запор с нашей стороны сдвинуть, механикус Михей крест на себя наложил да через плечо кликнул:

– Ну, чай не подкачал Климушка наш!

И мы перекрестились тож.

Отворил Михей дверь сосновую, до дегтярной черноты просмоленную. А за ней, побожусь, ей-ей не клюкаю, аккурат пред нами в рост ворота кованные. Клепки – что пятака рассыпанные, а вот ни рукояти, ни замка нет, как нет. Михей пошарил-пошарил, да и руками-то развел:

– Что делать будем, сударь Симеон? Постучать, что ль?

– Ну постучи, постучи, – велел Симеон, пряча нагрудный знак командорский да и чрево свое немалое командорское под шубы отворот: стыло в сеннике было изрядно. У меня в онучах пальцы, будто камешки сделались, только что не гремят, а нос промерз как кладезь в зиму лютую – ни чихнуть, ни шмыргнуть.

Михей сперва рукавицей приложился. Потом кулаком пару раз. Потом вздохнул да задом к воротам поворотясь стал сапогом охаживать железяку.

– Можа, лодья-то брошена, оттого и ворота заперты? – раззявил я рот, – а тож чо не попросили нас, как все людие делают?

– Я не кобник[1], чтоб гадати. Видишь, какая у них лодья-то, – отвечал Михей, долбить не переставая. – Как Кощеев корабль, чисто брус железный, ни одного оконца. Через чо им зрить-то на свет божий, через очко гальюнное? Головой думай, чадо неразум…

И осекся, как ножом отсеченный: что-то зазудело за вратами кованными и зачали они отворяться.

Сударь Симеон приосанился:

– Лапами ничего не шупайте, рот схлопнитя… да, Антоха, тебе наперед говорю: колганом-то[2] не крути, чай не дикие.

– Мать честна! – ахнул тут Михей и вперед дернулся, да Симеон отстранил, первым протиснувшись:

– Поперек батьки-то не лезь, не лезь… Чой-то неприветливо встречают гостей. Гля-ко, даже рогожку под ноги не бросили. Али за незваных держат?

Михей же меня задвинул да все равно вперед пролез:

– Ну так что, сударь Симеон, натопчем – не наша забота.

Комнатка, куда ворота открылись, изнутри мала оказалась, да сотворена хитро: комаром, то бишь сводом сделана да вся железом же и оббита. Как и в самом деле Кощеев корабль.

Тут Михей снова матушку помянул гласом дрогнувшим, едва порог переступил вслед за сударем: вместо ламп нашенских на огне греческом висят вокруг светильники чудные – словно покрали с райской яблони яблочек волшебных, да средь железа и укрепили. Смотрим мы друг на дружку, на рожи, как у водяных, зеленоватые и не знаем, что далее вершить. Нет как нет хозяев – может, и вправду не живы уже?

Тут ворота за нами затворилися, невидимкой будто подтолкнутые, а вторые, что пред нами, стали в сторону сдвигаться.

– Ой, куда-то мы приплыли… – закручинил-

[1] *Кобник – тот, кто гадает.*

[2] *Колган – голова..*

ся Михей, на волшебство сие глядючи – да только волю чувствам дать не сумел, ибо предстал пред нами проход, светом озаренный, аки в солнечный денечек – тута не с одной яблони яблочек натаскали, а, видать, весь сад эдемский обтрясли. А в проходе том, посреди света яркого стоят и хозяева лодейные, живы и здравы.

Трое их оказалось. На нас похожие, только один худей другого – чисто отроки. А пригляделся – что за напасть! – словно личины на всех напялены: кожа-то хоть гладкая, да белая, а глаза-то в полукружиях темных по-старому смотрят, вот и гадай, скока им: то ли по двадцать годков, то ли весь век прожили. Ну и обряжены тожа на оборотно: вроде и наша одежка и не наша: есть портки и рубахи есть, только чудные. Все словно из железа выкованы, серые да блестящие. Рубахи в портки заправлены, а те – что чулки на дамочках фрязьских, узкие до смеху. И ни цветочка нигде не вышито, ни узорчика. Бабы у них неудалые, чо ли – ни справности в теле, ни вышивки на одёже. Иль вообще бобылями живут? Одни только обувки у них ладные – хоть сей час меняйся. Чудные, одним словом, хозяева-то. Ну все хоть не ипохоны – те в рубахи до пят рядятся, а на голову такое нахлобучивают, что лишь у митрополита и узришь.

Сударь Симеон глазами повел, да иконы не найдя так перекрестился.

– Здоровы будете ли? – рек Симеон по нашенски, ибо наш язык всем языкам язык, не сбрешу, если скажу, что и за Порубежьем его разумеют.

И в самом деле – хозяева вроде бы поняли, о чем Симеон бает, да только стоят, как чурбаны отесанные и пялятся на нас очами своими умными.

– Ежали подмогнуть чем сможем, скажите, – прогудел Симеон, робея отчего-то.

– Подмогнуть!.. – звонко да громко выговорил вдруг тот, что слева, желтенький, как подсолнух, – Рудольф, разрази меня гром, я ведь не брежу?

Тот отчего-то принюхался:

– Похоже, нет.

Тут и средний ожил, склонил черну шевелюру перед сударем Симеоном:

– Добро пожаловать на борт, – рёк как-то неуверенно, сам будто прислушиваясь к чему. – Извините, что встреча не торжественной получилась, как-то все неожиданно… И авария тут у нас – так что обстановка нестандартная.

Не знаю, чего у них с обстановкой случилось, что она такой стала, но механикус Михей видно что-то понял и из-за широкого плеча старшого высунулся:

– Авария, – говорит, – всяка бывает. Ее ведь, господа хозяева, посмотреть нужно, пошшупать, а тогда и разуметь, что сотворить-то. Нам бы руки погреть, а потом бы и за аварию взялись. Где тут у вас печка?

Тот, что Рудольфом был назван, сморщился, будто квасу перестоявшегося хлебанул:

– Печка? Пачка?

– Ну, где вы руки греете? Огонь, фоейр, – добавил Михей по-фряжски – может, гости странные тот язык лучше разумеют.

– Дас ист фантастиш… – и в самом деле высказался Рудольф, руки разводя.

– Проходите, – снова отмер старший. – Не знаю, поможете ли, но… Проходите.

Странные люди.

3.

…Корабль у них только с виду диковина, а так, если разобраться, ничего особого. Проходы узки, а клети малы. Куда не пойдешь, везде то боком приходится, то угнувшись. Аз за миг шишку на макушке набил… Наша-то ладья перед ними что княжеский корабль перед челном.

Ихний старшой Симеона к себе в капитанскую клеть зазвал, а Михея с желтеньким – того Константином величали – по делу отправил. Ну а я, стало быть, за ними увязался.

На кухню греться нас Константин не повел, тока чую, что чем дальше мы по проходам ихним тискаемся, тем теплее становится.

– Однако, топят у них исправно, – прошептал Михею на ухо. – Может, батюшка, дров у них испросити?

– Цыть, – выдавил в ответ Михей, – слыхал, бестолочь, к людям авария пришла, а ты со дровами своими… Забыл, чо сударь Симеон тебе велел?

Как же, забудешь…

Ну, ладно, походили-походили, по ступеням железным полазили, через двери стальные похаживали да и пришли куда-то. Камора – чуть других поболе, вся в трубах, от пола до потолка. Я такие у нас в Муроме видал – по ним вода из речки в княжеские палаты идет. Посередке стоит котел как бы медный, а вокруг – Пресвятая Богородица, спаси и защити! – снуют тараканы железные, ростом что твой Полкан-волкодав. Лапки тонкие да длинные, усы мотаются, друг о дружку скребутся. Мерзость такая, что и не выговоришь.

Один нас как узрел, тут же подскочил, на лапы задние поднялся, передними замахал… Я так и обмер. А Константин таракану что-то велел, и как ни в чем не бывало к нам поворотился. Видно рожи наши-то изрядно на сторону свернуло, ибо и сам он в лице как-то переменился:

– Да вы что, – сказал. – Не бойтесь, это же просто роботы. Господи, как живые…

Сдается мне, что слова последние к нам относились... Но я их мимо ушей пропустил, другому порадовавшись: хотя, ни одного лика святого до сих пор мы не видели, Константин все же Господа нашего помянул. Знать, не иноверец все ж.

Тут сел Константин на приступочек какой-то и взглянул на нас снизу вверх глазами печальными:

– Ну вот – наш реактор. Что делать изволите?

Михей не дурак, чтобы без дела языком чесать. Он печку ихнюю обошел, по бокам похлопал, ухо приложил.

– Хороший, – рассудительно сказал, – реактор. Только тяжелый больно. Одного железа пудов пятьдесят, не меньше. Али печки класть не научились?

– Можа уклад у них такой, печек не разрешает, – высказался тут я.

– Можа и так, – согласился Михей. – Ты-то, Антоха, согрелся чай? Теперь бы нам в камору путевую попасть, посмотреть, чой-там засорилося.

– Елки-палки, – сказал вдруг Константин со слезою в голосе. – Что ж это такое-то? Ходят, говорят… пахнут… Ребята, милые мои, что ж это за глюки?

– Не глюки мы, а православные, – тут же отмел подозрения Михей. – А ты что ж, Бога нашего поминаешь, а православных доселе не встречал? Из иконоборцев чо ль, или из унитов[1]?

– Какие на фиг униты? Это ведь вас не должно быть! – взмолился Константин, руками потрясая. – Не-ет, пусть Рудик с шефом в эти игры играют, но я-то знаю, что вас нет! Исчезните! – и очи зажмурил.

– Знамо дело, не должно, – несколько озадачено, но охотно согласился Михей, исчезать не думая. – Проплыви мы чуток стороной – и не свиделись бы.

– Так вы, оказывается, плыли? – отворил один глаз Константин. – Бред какой-то…

– А как же. Заблудились вот чуток.

– И как вы… это… плыли… чуток?.. Под парусами?

– Чудак человек! Кто ж в окияне присносущном под парусом ходит? Чисто дитя по разумению!.. Парус, он ведь для тех, кто рядом с берегом плавает!..

– Ну да…

– Да что ж ты убиваешься, Константинушка? – похлопал его по поникшему плечу механикус. – Ты шустрилок своих разгони, да веди в камору путевую, показывай, что делать будем.

– С ума сходить будем, – предложил Константинушка. – А вы еще что-то делать собрались?

– Ну да, иначе зачем я тута? Да ты не сумневайся, я механикус известный! Антошка ведает: меня Никифор Лось переманивал в свою ватагу, вона как!

[1] *Униты – представители какой-то иной религиозной конфессии, кажется, католики.*

– А ты, значит, не пошел… – вяло поддержал его Константин.

– Дядюшка Михей, сдается мне, он за морок нас принимает…

– Да ты чо такое гуторишь? Какой из тебя морок, лохматина? Несчастье одно! – отмахнулся было Михей, да тут же и задумался. – Э, Константинушко, а можа правду малец сказывает?

Константин наш устало головой покивал.

– А что же в нас такого не такого? Люди как люди. Вы вот в портках чудных обряжены и говорите по иному, а нам и то не в диво, – ласково запел Михей, подсаживаясь на приступочек рядом. Хотя где там ни диво, когда у меня от чудес виденых очи что у плоскорыбицы выпучились …

– Значит, вы плыли, – снова-здорово начал Константин.

– Плыли, плыли. Как же мы до вас-то добрались иначе?

– Значит, и мы плыли?

– И вы, – охотно откликнулся Михей, поглаживая по плечу дрогнувшему.

– Ага. И в этом плаванье полетел на бравом звездолете «Гарибальди» гипердвигатель, вчистую полетел, хоть на тостеры его разбирай. До крайней базы – семь парсек, а до ближайшей звезды – полтора, висим как мухи в янтаре, реактор холодный, шансов выжить – ноль целых шиш десятых и тут кто-то начинает упорно долбить в шлюз. Мы в шоке, мы в прострации, мы в трансе, а тем временем на борт вваливаются не инопланетные монстры, а три мужика в вот этих… как их там… больших сапогах, полушубках овчинных, больших рукавицах… и далее по Некрасову…

– В пути дальнем всяк другому помочь должон. Али у вас не так?

– Так-то так, только у меня, чувствую, крыша уже едет…

– По крышам у нас Филарет мастер, плотник небывалый. Одним топором избу выставит. Ему твоя крыша – плевое дело.

Константин было рот открыл ответствовать, но раздался тут громкий глас с небес:

– Костя! Зайдите, пожалуйста, в рубку. И гостей наших… тоже с собой ведите.

Я, дурень, на колени пал, Михей, в лике переменившись, тоже сползать с приступочка начал, а Константин на ноги встал, как ни в чем не бывало, и пошел прочь, головой удрученно мотая.

Поглядели мы друг на друга – старый дурень да малый – отряхнулись и следом пошли. Хотя чего отряхивались, сам не знаю – чисто у них везде, как в светлице у князя нашего. Я-то там не был, но сударь Симеон, однажды меду испив, долго излагал о житие княжеском.

4.

– Ну, – како в горницу командорскую взошли, вопросил сударь Симеон, – Еже там приключилоси? Разобрался ли?

– Зело хитра заморская штуковина, сударь Симеон, – крякнул механикус, очи отводя. – Сказать, не поверишь, как устроена…

– По делу глаголь.

– Мудрено разобраться мне, – поник Михеюшка. – Дондеже[1] не изведаю, како их лодья движется – не смогу помочь. Я ему про камору путевую, а он и не знат, что сие такое.

– Илья Борисович! – возмутился Константин под взглядом строгим. – Какие на фиг каморы? Я что, должен курс ядерной физики прочесть? Мы в цирк играть будем или как-то выпутываться?

– Надо будет – прочтешь, – осадил меньшого командор.

– Разберетесь, не дети малые, – дополнил сударь Симеон. Ах, мать честна, спелись старшие-то наши – и когда только поспели?.. Ну, то их забота – верно началить.

Константин помотал главой кудрявой да и сел в кресло кожаное. А кресел в той каморе было четыре и все, как изба у Бабы Яги, об одной лапе. А стояли эти кресла вдоль стола странного. Стол тот скатертью не крыт. Лежат по всему столу пу-

[1] *Дондеже – до тех пор, пока.*

говицы да бляшки, да клетки разноцветные, да тарелки стеклянные. А на стене, что за столом – не тарелки, а блюда целые: разведешь руками – и то до краев не достанешь.

Пощупал Константин каку-то бляшку и тут блюдо, прямо пред ним висящее, загорелось узором точечным: белым, желтым, красным да голубым. Как кто бисер по бархату черному раскидал-рассыпал. Забавна придумка у хозяев.

– Грядут для нас деньки смутные, сударь командор, – начал тем временем наш старшой. – Промысел у нас ныне общий: до берегов родимых добраться. Покумекают наши механикусы – глядишь и спридумают чо.

– Может, и так, Симеон Трофимович, – отвечает командор, подбородок бритый шоркая, – только нет у нас времени на придумки. Реактор у нас… ну, как сердце для человека, а сердце это сейчас не бьется. Умирает наш корабль. Может, через неделю роботы запустят реактор, да мы к этому времени уже погибнем.

– Чур тебя! Зачем ЕЕ кликаешь? Не вам судити, сколько жити, – перекрестился сударь Симеон. – И нам не сладко, да не ропщем.

Ничего не пойму. Я бы средь таких чудес жил да не помирал, а эти… Зрю, Константин опять бляшечку – щуп, и узоры по бархату поползли вниз блюда, а на их место другие объявляться стали.

Тут Михей, что тоже очи свои пялил на забаву, как от шила подскочил:

– Что тако?!.

Константин сперва ничего не понял, а потом плечами пожал:

– Курсовой колиматор, – говорит. – Интересно, что ли?

– По сути скажи! – взмолился Михеюшко, вперив взгляд в точки яркие.

– Электронный прибор, показывающий, где в настоящее время мы находимся, хотя фактически мы, простите, в полной заднице, – пояснил Константин, снова бляшечку трогая и узор на прежнее место двигая.

– Верни как было! – заблаговал механикус.

– Ты чего, Михей, глотку дерешь? Не в своей хате!..

– Сударь Симеон, взгляните сами! Не лодейщик азм, но токма и я родимую землицу среди других спознаю!..

– Чего баешь такого? – говорит сударь Симеон, с кресла подымаясь. – Пресвятая Богородица! Что за чудо чудное? Это ж Лихоград наш порубежный! А далее – узрите – и Муром, град родной!..

– Костя?..

– Сейчас, сейчас, – засуетился Константин, а руки аки по струнам гусельным замелькали.

– Пять с половиной парсек… Не дойдем, Илья Борисович. Что на нашем ходу, что на их…

– Да о чем вы? С такой гляделкой мы враз до дома доберемся! – расправил плечи сударь Симеон. – Тотчас Клима велю звать, пущай ваш молодец обучит его путь прокладывать по сей штуковине.

– Симеон Трофимыч, – говорит старшой, – у нас энергии – на три дня, не больше, а в эвклидовом пространстве до этой вот звезды, – указал он на Лихоград, – почти полгода лететь.

– Говорил же, – радуется Михей, только что не приплясывает, – Слаба их лодья против нашей. Заделали железом, вот и не плывет, как следует. Эх, братие, да мы же дотель[1] за седьмицу доплывем, али вру я, сударь Симеон?

– Не врешь, Михеюшка, – улыбается в бородищу сударь. – Коли сами без помощи вы, прошу милости на мою лодью. В тесноте, как известно, да не в обиде. Закрепим суда друг за дружку, да и поплывем. С вашим железом за седьмицу не управимся, да за десять дён ей-ей в Лихограде будем. С харчами не туго, и место имеется.

Переглянулись хозяева, в очах огоньки затеплились.

– А чем, собственно, рискуем, Илья Борисович? Отключим резервные источники, оставим здесь роботов – пусть копаются. А сами к приведениям в гости – чем не шанс?

[1] *Дотель – до туда.*

– Шанс, Костя, шанс, – подтвердил старшой, только не радостно как-то, а задумчиво, да на нас испытно поглядывая. – Вызывай Рудика, собираться будем.

5.

В ТОТ ДЕНЬ и собралися. Люди-то не жадные оказались. Пожитков – три сумы заплечные, да вместо пса таракан один усатый. Надели на себя одежку новую, еще чуднее прежнего: так она излажена, что не поймешь, где сапоги, где портки, а где зипун – все заедино. А на голову нацепили шары стеклянные. Мне, братие, даже страшно за них сделалось: они ж сразу пыхати начнут, ей-ей! Но, оказалось, ничего, дышат.

Вывели мы их в саму первую камору. Отворились двери, шлюзом называемые, а за ними уже и наши сени. Гости как увидали нашу ладью, так и встали, будто вкопанные. Что-то залопотали-заспорили, а Рудольф было назад повернул – да старшой его за руку споймал. И стоят они друг перед дружкой, как рыбищи, да рты разевают. Не ведаю, сколько бы так длилося, если б Константин первым не шагнул. Пошатал дверь просмоленную – крепка ли, запор потрогал… А на половик так взглянул, будто отродясь рогожницы ножной[1] не видывал. Я пред ним особливо пошаркал онучами, хотя на кощеевом корабле-то и босым бегать льяз – не замараешься. Понял он, покивал…

Ну, зашли, двери за собой плотно притворили, на засов закрылися. В одну клеть зашли, в другу. Тут сударь Симеон чой-то шептанул Михею, на гостей зыркая. Тот юлой крутанулся вокруг троицы:

– Однако, любопытно: присно в скляницах своих будете ходить, али сымите когда? У нас дальше теплее будет, не застудитесь, ей-ей!

Они опять промеж собой рты поразевали, на запястья друг другу поглядели. А на запястьях-то – браслеты широкие, а на тех браслетах – стеколки темные да по стеколкам знаки разные яко мураши ползут. Я туды заглянул, ногтем зацепить хотел – ан нет, не споймал, уползла буковка. А понять и вообще не понял: и так в грамоте слаб еще, а тут така тарабарщина – разве поймешь? Там и цифирь арабская, и кириллица, и латиница вперемежку… Но гостям это не в диво. Они по стеколкам постучали, руками помахали да и сговорились всеж. Сняли скляницы с голов.

– Фу, – тут же говорит Рудольф. – Вы, граждане, как пожелаете, а я все равно фильтрами воспользуюсь. Нам «добро пожаловать!» люди сказали, а не вирусы. Посмотрю я на вас, когда навалится что-нибудь дремучее…

– Боится чего? – шепчу Михею.

– Сам видишь, соображай! Медведей каких-то испугался.

– Так медведи по латинскому не «вирусы», а «урсусы»…

– Одна малина. Не медведь, так еще кто.

– Что мы, дикари? У нас, окромя двух лошадок, и нет никого на лодье…

– Ты им это вразуми… – шепчет Михей.

Рудольф тем временем из котомочки поясной достал две бляшки да в нос себе и сунул:

– Кр-расота! – говорит.

– Вообще-то я тоже… – неуверенно рек и Константин. – Как-то непривычно мне.

– Не люб им русский дух, – втихую поджал губы Михей. – Э-эх, будто немчура какая…

А чего серчать. У гостей наших на лодье куды не пойди, воздух не жив ни мертв, везде одно: как камешек нагретый. Мне вот у них непросто дышалось. А у нас – другое: как зайдешь, сразу чуется, что двадцать душ взаперти обитаются. А нам вот, напротив, привычно.

То я Михею сказал. Но Михей лишь головой помотал:

[1] *Рогожница ножная – кусок материала, обычно очень грубого, сплетенного из какого-то природного материала. Используется для того, чтобы придя «с улицы», вытереть ноги. В местах, лишенных биопоглотителей грязи – предмет, отчасти могущий заменить последний.*

– Не, не люб мне Рудольф. Шебутной[1] больно, да с гонором. Видал чо: старшому поперек говорит, себя умным выставлят.

Тут уж прав: неспокойный этот Рудольф. Пока в трапезную шли, он яко древоточец все доски исковырял: то там щепочку подцепит, то сям. То пакли клочок отщипнет, то смолы соскребет… А ухватив кусочек тут же таракана своего железного кормит. Ой, надо сказать сударю Симеону: пусть насчет брашно для твари небожеской разузнает-пораспрашивает, а не то она нам весь корабль сгрызет… А корабль-то наш не мал – от «гуська» на штевне до кормы – целых сто локтей, есть где разгуляться твари, ежели сбежать вздумает.

Пока мы по ладье шли, за нами почти вся ватага увязалась: кто сам увидал да рот раззявил, кого Михей попутно кликнул. А нашим-то любопытно – все одно без дела сидят по полатям. Так что сошлись в трапезной, как на торжище, ну а чо, глаза продавать-то всяк может, запрета нет. Пока Нюшка еду не подала, обступили гостей. Любопытничают, спрашивают. Те, как могут отвечают – где в попад, а где и нет: языку-то нашему плохо обучены. Забавно, братие!..

Но тут явился Микола, Силой прозванный. Гоголем обошел, всех наших плечом отодвинул да и встал пред троицей, как свая рудокопская – от пола до потолка – и сверху вниз куражась глянул:

– Ой, что за диво к нам пожаловало. Из какой-такой царствы-государствы? А чой-то гостюшки наши тонки зело? Али лодка железна только таких везти могёт?

Наши, знамо дело, подхихикивают помалу. Люба забава – чай не над ними потешаются. Сударь же Симеон хоть и не веселится, а и поперек разговора не лезет: обаче[2] это по службе он хозяин, а в беседе все равны. А Микола видит, что люду весело и таже не унимается:

– Ой, а руки-то каки тонки да белы! Кольми гости прясть ловки, али кудельку сбивати?

Переглянулись гости наши, плечами пожали. И то верно: куды им против Миколы. У того персты что краковски колбаски, а сожмет их в кулак – така кувалда волосата выйдет, что бык трехлеток стороночкой оскачет.

Мда… Так-то, видать, наши бычки, учены… А вот Рудольф который, выступил вперед, грудь выгнул колесиком – как раз она Миколе под дыхалку пришлась – да петухом на него воззрился.

– И где, человече, таких тошших выращивают, в каком уезде? – выглумился над ним Микола. – Что? Чой-то не то сказал что ли, сударь иноземный? Чой-то вы на меня очи жгучие наставили?

Михей Миколу сзаду-то подпер, на цыпки встал да до уха дотянувшись шептанул:

– Оне, Сила, по-нашенски-то не хуже тебя разумеют. Как бы чего не вышло.

Но Михею слово се не указ.

– Ой уже и вижу, что выходит! Принесите, люде, портки новы – сей же час чей-то выйдет из мене!

Шагнул тут Рудольф к перегородке, снял с кованного крюка кафтанов охапку да кому-то из наших передал:

– Подержите, пожалуйста.

А опосля одним ударом ладошки вбил крюк по само дерево.

Тишина воцарилась в трапезной.

– По куделькам мы больше, – пояснил Рудольф.

– Зря, Рудик, зря, – сказал их старшой. – Демонстрировать физическое превосходство заведомо более слабым, к тому же в такой форме….

– Ну да, а ему, шкафу без антресолей, значит, можно? Да пошел он на фиг!

– Все равно, – строго сказал старшой. – Вы же взрослый мужчина, астронавт. Костя, поправь.

Константин двумя перстами зацепил крюк и, губы поджав, вытянул из бревна аки занозку малую. Потом кафтаны забрал да аккуратненько навесил обратно на страдальца железного.

– Ну, можа и не такие уж тошшие, – сказал Микола неуверенно, всех троих разглядывая, да снова тут оживился. – А на кулачках не изволите, судари? – и кажет гирю свою мясную.

[1] *Шебутной – суетливый.*

[2] *Обаче – но, однако.*

– Остынь, Микола! – вмешаться порешил сударь Симеон. – Вы нам, махаючи, всю лодью по щепочкам разнесете!

В сей момент поспела Нюшка с первым горшком. Ой как зелияницей[1] сдобно пахнуло! Сразу воспомнилось мне, что с утра крошки во чреве не гуляло. Прошла Нюшка меж нами, аки старец Моисей меж вод моря Красного, а за ней в облаке парном и народ к столу потянулся. Гостям места рядом с сударем освободили. Весело дело пошло, со стуком да со чавком.

– Ноне стол наш не щедр – да чем богаты, тем и рады. Угощайтесь, – повел рукой сударь Симеон.

Только гляжу, гости-то ложек своих не достали, с нами не трапезничают.

– Спасибо за хлеб-соль, – привстав да неловко кланяясь, ответил старшой. – Не хотим обидеть, только ваша еда нам непривычна. Может расстройство произойти. Мы пока свое поедим, хорошо?

Ну, у всяк свои причуды. Свое так свое. Только наши, кто услыхал, переглянулись да перемигнулись. Можа, кто и посчитал, дескать, стерегутся чужаки: как бы зелья не подмешали. Так ведь артельно едим, из одних горшков черпаем, из одних криниц пьем… Чай не кудеярствуем по столбовым-то, горбом алтыны скребем. Как-то обидно даже сделалось.

А гости наши, на обиды не глядючи, достали снедание собственное – кусочки малые, щепочки наструганные. Кажный кус обернут чем-то – будто с воды срезали ленточку, прозрачну да блестящу, и таку тонку, что лепестки ромашки и те крепче. По рукам пошли те облаточки. Всяк их трогал да ногтем тыкал. Кто потянет, кто потрет, а Микола отщипнул клочок. Остался клочок на большом пальце прилипши, и Сила-то его и так рассмотрит и этак, аж про кашу позабыл – чисто дитятя десятипудовое.

Во-первой раз мне тогда стало гостей наших жаль – уж на что мы бедствуем, да крохами-то не питаемся…

[1] *Зеляница – род густой похлебки.*

6.

ЧТОБЫ не замерзати, мы покучно спим. Вместо двух по четыре на камору. Полати тесно стоят, как в берлоге. К нам с Михеем да Евдохом Константина подселили, аккурат напроть меня, на втором ярусе.

Михей где-то пропадал еще, а мы уже отмолились.

– Это что такое? Настоящая шкура? – Константин запустил пальцы в мех густой. Игде уж он ненастоящий видал, на каком таком звере?

– Нас, – говорю, – с тобой волчишки греют, а вот у Евдоха-то поглянь – рухлядь отборная.

Он так и присел на карачки:

– Хороший мех, лучше, чем у нас. Почему рухлядь? У нас рухлядью всякую дрянь ненужную зовут.

– А шкурки собольи у вас как величают? – обиделся Евдох, под себя укрывало подтыкая.

– Да так, наверное, и зовут, шкурками… Ой!!!

Вот те и ой. Я-то думал оне одне диковинкам хозяева, ан нет – и мы не лыком шиты, не долотом сделаны: испужало его Михеевское укрывало. Знать к теплу потянулось, волосатое.

А Константин-то шустр: тока на кортках сидел, ан уже в углу волчком юзанулся да трубочкой какой-то пред собой грозит. Оберег, знать, какой.

– Не боись, – говорю. – Это Михеевское. – И как само собой поправляю его. По шкуре черноатласной волна прошла, волоски вздыбились, навстречь мне потянулись. Константин смутился, трубочку на пояс спрятал и опять склонился, зачарованный.

– Мать честная. Живая, что ли?

– Знамо дело. Меж собой мы ее шкурой индрик-зверя величаем, понеже как и индрика, зверя сего никто не видал. Михей ее годов пять как выменял у фрягов, а те, сказывали, сменяли у людей магогских, а как она до магогов попала, одному идолу их басурманскому ведомо.

Осмелев, Константин пошарил по шкуре,

край отвернул – совсем как Силыч давеча облаточку ихнюю изучал. А волоски-то дурные, им хоть свой, хоть чужой: тянутся, жмутся к ладошке Константиновой.

– Надо же… Нигде таких не встречал. Вроде белки-летяги, только… елочки зеленые, это же ботаническое что-то! – и видя, что не разумеем, пояснил: – Ну как бы растение, цветок! Все признаки налицо.

Эвон хватанул! Мы с Евдохом таких врак отродясь не слыхивали!

– Завтра Рудику скажу – он обалдеет… – подхихикнул Константин, интерес теряя.

Потоптался, наряд свой сымая да на пол у стены укладывая, а потом на полати забрался. В одном белье тонком – а мы-то в верхнем, только армяки скинули да разулись.

– Не замерзнешь ли? – баю.

– Да у меня с подогревом.

Не уразумел я.

– Потрогай.

Отвернул край рукава, я туда ладошку втиснул. Как в печь попал – тепла ткань изнутри, будто заслонка! Нам бы исподне[1] тако!

– Ну, улеглись, что ль? – вопросил снизу Евдох.

– Улеглись, батюшко.

– Спитя с Богом. – И лучину погасил.

7.

НЕ ЗНАЮ УЖ сколько часцов[2] пролежал я. Можа, и целый час. Ан не идет марь, хоть ты что. Видятся вьяви мне коридоры железные, огнем ненашим озаренные – хоть клепочки считай, хоть царапинки. А то видятся механизмы их непонятные да тараканы железные вокруг… Повернулся к Константину. Вижу, белье-то его во тьме чуток мерцает – до того белое.

– Константинушко, спишь? – шепчу.

– Нет, читаю.

– Это как?

– Шучу. Я и без сна, как во сне. Странно все, Антон, странно и непонятно. А проснуться боюсь: вдруг открою глаза, и окажусь на «Гарибальди»: кислород на исходе, стены вокруг стальные, холодные и за ними тоже холод могильный…

Вижу, Константин повернулся навзничь, руки под голову подложив.

– И мне со сном морока… Слышь… А тебя на берег брали когда?

– Это куда на берег? На планеты, что ли? Высаживался…

– Да ты чо?!. Расскажь…

– Всего не расскажешь. Одни на нашу Землю похожи, другие – и сравнить не с чем. Я на Нереиде был. Вот вы космос океаном называете, а там океан настоящий – на всю планету. Мы почти сутки отдыхали – там база есть наша, плавучая. Огромная, как целый остров…

– Железная, чай?

– Пластик, сплавы… Ну, и железная тоже. Палуба под солнцем теплая-теплая… У меня на родине, в городке деревянные тротуары летом такие же – пятки жгут, если босиком. Солнце – в полнеба, малиновое, в лохмотьях протуберанцев и волны по океану – от горизонта до горизонта – тоже багряные идут, как будто вода горит. Илья Борисович с Рудиком сразу купаться полезли, а я не стал.

– Чего так?

– Не знаю. Не по себе сделалось. Представил, что подо мной темная-темная бездна… Илья Борисович называет это излишне богатым воображением и осуждает. Сейчас вот тоже что-то разыгралось…

– А мня вот берегут, не пушшают. В последний раз така обида сделалась – хоть бери котомку да домой ступай.

[1] Исподнее – одежда, надеваемая на тело, под так называемую «верхнюю». В результате наблюдений я пришел к выводу, что она служит не только и не столько гигиеническим целям, сколько ритуальным. Так, отправляясь в опасное предприятие, принято одевать «чистое исподнее», хотя до этого позволительно носить его по две-три недели.

[2] Часец – минута.

– А почему не берут?

– Голос у меня зело силен, – пожаловался я. – Наши-то и боятся, что прознает кто, да переманит. Слышь, в самом деле ж: иной раз и крадут голосистых то! Но это больше по неразумию: в неволе не шибко поется.

– Надо же. А я думал: толпа мужиков. А у вас искусство ценят.

– Ценят, – согласился я, хотя и не понял, что за штука така «искусство». – Тока вон как: когда в каморе путеводной, то Антон Тимофеев, а как за порог, так «Антоха, принеси!» да не так, а «быстро ташшы!..» Эвон! – осерчал я. – Восемнадцать годов ноне, а все как малолетку держат на подсобе всякой, как побегушку худого, один Лисициан, царствие ему небесное, разуму учил. Че так: как борода, так и умен, а как без ус, так и слушай сам, будто и не разумеешь. А можа я и сам много могу, тогда как?

– Конфликт поколений, – зевнул Константин.

– Чего?

– Да ты не загружайся сильно – везде так. Сначала тебя учат, потом ты.

– И у вас?

– Шесть лет в институте учился, – побожился Константин. – Знаешь, какие у нас препы были? О-о!.. А ректор? Зверь, а не мужик!

– Свят-свят! – перекрестился я. – Наш-то еще ничо, значит?

– Симеон?.. Слушай, Антон, а он у вас кто – князь?

– Князь! Эвон хватил! Князь в светлом тереме сидит, законы чинит. Симеон наш товару господин да ватаге хозяин. Как придем в Лихоград, так всяк получит от него по две гривны и крестец…

– Что-что?…

– Крестец, говорю. Когда пути вот так да вот так, – показал я пальцами, как будто видел он. Но Константин не глуп, понял.

– А… То есть на все четыре стороны вам дорожки будут.

– Верно… Слышь, а Рудольф давече-то того, Силу послал… Это как? Чур меня, али по иному?

– Заметил?.. Надо же… Ну, это, наверное, как к черту послать, только покруче.

– Ишь ты, покруче!... А у нас…

– Гей, шептуны! – раздалося снизу. – Вы долго там словоблудить будитя? Завтра сызранья лодью железну крепить нам, спитя ужо!

– Извините, – сказал Константин. Еще одно слово ненашенско, хотя и понятно: из вины хочет выйти, прощения то есть просит.

8.

ЭТО В ОХОТКУ кисло яблочко сжуешь, да второ не попросишь. На след день пригляделись наши к гостям, пригляделись, да и отстали. Свои дела объявились. Господа навигаторы новый курс прокладывали, картами-лоциями обложившись, да споря друг с дружкой как цыгане на торгах. Наш Клим по-нашенски стежку корабельную ведет: где пальцем тыкнет, где кружалом обведет, где по памяти, а где по книжке. А ихний старшой, Илья Борисович, все на цифрах да на цифрах показыват – мало, вишь, ему пальцев-то одних. У него машинка така объявилась: он ей в бока ногтем шырк-шырк, а она давай цифирью плеваться; вся тарелочка малая в знаках, а та все одно не унимается, чирик да чирик! Впялит Илья Борисович очи в тарелочку, почешет макушку стрижену и к нашему пристает:

– Клим Степанович, надо бы около этой звезды курс поправить, а то полдня потеряем.

– Окстись, Илья Борисович, – отвечает сударь Клим. – Завсегда у этого солнышка так ходили. Вот от сих до сих тропка протоптана…

– А я говорю, что траекторию надо на шесть минут спрямить!..

– Ах, борсучье копыто! Да зачем то, ежели еще Мартын Владимирский в «Поучениях о плавании солнечном» сею дорогу указал?..

– Так вот же расчеты, елки-палки! – кипятится Илья Борисович.

– А вона книга! Накось, поглянь! – кипятится и Клим, да сует под нос фолиант замшелый, в

коем Илья Борисович акромя «аз» да «буки» ничего и не разберет. Ну ничо, как-то ладили.

Пока они спор вели, пустолазы наружу выходили, да железный корабль крепко к нашему привязали. Мы в ту пору моление за их животы совершали. Слава Богу обошлось все, тока Никитка по неопытности палец указной отморозил. С седьмицу в носу не поковырят, потом сноровистей будет.

Моление за пустолазов несложно, да долго – час и еще полчас стояли. Константин-то меня и потерял. А как вышли гурьбой из каморы путевой, вот он и объявился. Зырк-зырк по привычке своей да за коломаря нашего зацепился.

– А это еще что за старичок-боровичок? – тут же подтолкнул в бок. – Я его у вас раньше не видел.

– Это коломарь наш, сударь Тихон. Он по лодье редко хаживат. Его умением наш корабль и движется.

– Навигатор что ли? А я думал у вас Клим навигатором.

– Климушко наш лодью ведет, а Тихон ее движет.

– Не понял, – воззрился на меня Константин. – Вместо реактора он у вас, что ли?

Зрю: смеется он, скоморошничает. Не ведает, что не шуточное се дело.

– Я, – говорю, – шуток твоих здесь не приемлю. Это у вас железяка всем управляет, а у нас как Бог уложил: человече всему царствию природному повелитель.

– Не обижайся, – говорит Константин, паки серьезным становясь, – Не пойму я вас: где традиции ваши замшелые, где религия доисторическая, где правда… Вот ты говоришь: движет. А я же не понимаю, как… Объясни мне, серому.

– Путеводство объясняти – дело последнее. Поклонимся сударю Тихону – авось дозволит в каморе путеводной побывати, когда вечернее движение зачнем.

На том и сшептались.

9.

ВВЕЧЁР и правда сошлись на движение в камору путеводную. По дорожкам войлочным разошлись по местам своим. Встали за столпами, руки на них возложили. Гордо мне перед Константином: остальны – кто где встал, а я-то – по главному, в серединке.

Константин, чтобы не мешати, как сговорились, на карачки в сторонку сел: у нас тут не театр латинский, беспутных действ не кажем, лавок не ставим. Хотя посмотреть-то есть на что: обставлена камора путеводная богато, ин храм божий. Хоть, отчего ин? По всем законам камора наша и есть храм. Пол кедровыми дощечками выложен, а из пола восстают семь столпов каменных. А на каждом столпе шары из хрусталя черного, да таки больши, что только Силыч пальцы вкруг их сведет. Все столпы из бела мрамора, а мой-то из алого гранита. А и стены-то в каморе тоже кедром крыты да изузорены зело – да не для красы, а для смысла. В кажном узоре да кажном завитке мудрость плавателей былых сокрыта. Узорье ручейками по стенам разливается, да вокруг отверстиёв двигательных кружится.

Ну так-то не всё. Прям пред нами престол, да не простой, а самим архиереем освещенный, оттого вервие опоясывает его не просто, а крест накрест, а под престолом сокрыты мощи святого Филимония. Меж престолом и нами должны врата быти, но на то нам церковь скидку дала: тесно на ладьях, оттого мы не на земном царствии молимся, а как бы на царствии небесном уже, пред престолом. Но то только на ладьях принято. Не приведи ж господь в земном храме такое свершить – живо в притворе месяц стоять будешь отлученным, или того хуже что случится. А на ладье – можно. Вот и Константина на земле далее притвора не пустили бы, а тут коломарь потер бороденочку, да и разрешил иноверцу.

За престолом все как надо – и дароносницы, и семисвечник горит, а далее – окно великое из стек-

ла цельного, мастерами венцейскими выделанного. Стекла те – как и нет стекла, до того чисты да прозрачны. Переплеты суть медные, а вот вставочки – все серебрены. У гостей-то наших блюда тоже небо звездное кажут, так то марь одна: те блюда не наружу ведут, а в машины ихние, и оттуда картинки кажут. А за нашим окном – истинное мироздание, Океан-батюшка присносущный. А по черным водам его огоньки горят – солнца-малые. Ровненько горят, не мигаючи – не треплет их воздух земной, не качает. Я как гляну на красу сию, так благолепие во мне разливается. И по каждой-то мышце, и по каждой-то жилке! Чую рачение великое к миру звездному – ибо меж огоньками и мой край родной затерялся. Знать бы где она – без ладьи в путь отправился, как пращуры-первоходцы наши. Подскажите, святы угодники!

Не, молчат. Вкруг окна столпилися на досках расписных. Лики темные, строгие, неживые – одни глаза сияют, будто вот-вот сморгнут. Тем ликам лет по двести, не менее – Симеон их добыл невесть как, когда еще в большом богатстве был, не пожалел на то гривен. Постарались иконописцы, ибо святые чрез глаза-то на нас, грешных, смотрят. А знаменовать им Господом не велено, тока благословлять. Вот оне и кажут двоеперстие святое.

Пока мы духом собирались, вошел коломарь Тихон. Встал проть нас. Освятил певчих, молитву прочел с нами. А опосля, перекрестя лист, разложил на престоле бумагу путеводную, что Клим с Ильей Борисовичем артельно сладили. На бумаге на той, приглядеться коль, видны черточки, что батюшка Тихон наставил. Ныне пометочек много, знать, сложно пение-то будет. Ну, не в первой.

Воцарались тут тишь первородная, аки на тверди до начала времен. И коломарь наш, седенький, аки лунь, улыбнулся нам ласково, знамение трепетно на себя наложил и земной поклон отвесил. Поклонились и мы.

– Виждь небе, виждь звезды на небе сем, ови высоци, ови же нижайше… и в сих прохлаждайся, смотря на доброту и прослави тех твора Христа бога!... – рёк Тихон привычно, опосля, сменив кротость во взгляде на строгость, зыркнул на меня из под лобия. Аз тотчас же вывел слово первое:

– Радуйтесь, праведные, о Господе: правым прилично славословить…

Зачал тихонько, проверяючи – так ли слово заветное ложится, верный тон ли, не обманный ли…

Второе уже громче дал:

– Ибо слово Господне право, и все дела Его верны.

Если первое растеклося молоком парным, то второе-то волной студеной пошло: по каморе всей окружилося, как сосуд всю ее обмыло. Ну, наполним теперь чисту криницу словом Божием, как живой водой!

Рядом братие загудели однотонно. Звук густой пошел, медом полился. У меня от него озноб сделался, волос на руках восстал. Краем ока зрю: Константинушко-то уж не лыбается, насторожился – не поймет, в чем суть, головой вертит да носом водит – никак и его проняло.

А робя-то ведут ноту да ведут, тянут вверх не уставая, и когда уже стало пальцы мне сводить, паки вывел аз слово новое, отпустил его птицей вольною:

– Да боится Господа вся земля: да трепещут пред Ним все, живущие во вселенной.

Абие и Онуфрий вступил, помагаючи:

– Ибо Он сказал – и сделалось; Он велел, – и явилось.

У меня-то голос силен, как вол, а его глас – звонок да тонок, аки плеть. Како вывели мы, как скрутили звук, а за нами-то остальны пошли, слово подняли:

– О Нем веселится сердце наше; ибо на святое имя Его мы уповали!..

Заплелося враз звуков кружево, закрутилося да завьюжилось. Содрагнулась враз лодья нашенска – скрип как стон прошел сверху донизу. И пошло у нас наздание[1] славное: мы поем себя,

[1] *Наздание – честное слово не помню. Кажется, созидание. В общем, творческая, искусная работа. Лепота, одним словом…*

братие, не чувствуя, душу в голос отдавая, а коломарь наш по бумаге путеводной свое ведет, да ладонью узкой звуки нами порожденные трогает: один к себе подгребает, другой в нужну сторону отводит, плетет из них косы да ленты, плетет и отринывает.

Озарились тут лики темные на досках святых. Чую, двигаться начинаем мы. Восперва звезды пред нами ярче вспыхнули, аки очи ангельски. Допреж все пылью было, а теперь цветами налилося, самоцветами, смарагдами да яхонтами. Налилися да пошли-пошли нам на сретение[1]… Вот где чудеса, вот где слава Господня-то! Будто ко вратам Царствия Небесного мы приблизились… И от вида сего мы тако взвились, что ладья наша инда буйный конь встрепенулась, встрепенувшись же понеслась вперед. И ужо не средь звезд мы плывем, а по водоврату широкому со стенами огнем голубым пылающими…

Скока длилось действо это – не скажу, можа час аль два, а можа несколько часцов лишь: как узнать, если весь ты в пение, аки в омуте? А когда уж очнулися, воссияли пред нами в окне иные звезды, инда сгреб Господь десницей своей угли прежние, да насыпал на черное новый свет…

Константин-то где посажен был, там и сидел. Ликом окаменел, глаза – как смальты мозаичные, с губы слюнка текёт. Проняло, болезного. Я его за руку поднимать, ан у него рука в крови: так кулак свой сжал, что ногтями поранился. Ребяты помогли, подняли. Потрясли маненько. Очухался. Глядит, как конь шальной – ей-ей – только что не кусает:

– Ну, Антон… Ну, блин… «Глаголом жечь сердца людей» – это я понимаю. Но чтобы… вот так…

Уж не знаю, что он понял, а я вот ничего в речи его не распознал.

Повели его.

– Где? – зашумел. – Где?

Чо где, кого где?

Оказалось, бумажку обронил. Пока не свело его совсем, что-то писал на ней. Я глянул: мудрены надписи. Можа, и вправду чо понял?

– Поди-ко сюда, Антошенька, – воззвал коломарь меня. – Ступай-ка на кухню, пусть Анютка подкормит тебя, сердешного. Да дружка сваво не брось – чую, худо ему свершилось.

– Много ли нагребли нонче, сударь Тихон?

– Скоро ведать будем. Да и без числения зрю, что много: как осунулся-то ты, Антоха, одни глаза остались. Видно вдохновение на вас, милые, нашло.

10.

СКОРО сказка сказывается – да не скоро дело делается.

Не десять дён, а две седьмицы шли мы по окияну присносущному, надеждой питаемые да словом Божьим ободряемые. Гости наши совсем осмелели, обвыклись. У Ильи Борисовича с Климом прочно общее рачение объявилось: искусство плавания. Оставив презорство[2], оба днями сиживали в кормчей, нанося острова новые на лист бумажный. До того досиживались, что Нюшка, жалеючи, стала им отдельно снедание подносить. Оне пожуют неглядючи, да опять за перья хватаются – и до вечерней молитвы так. Илья Борисович, хоть иной раз и жевал коренья свои, а чаще все ж кашу нашу трескал, да солонину, да хлебушек – и про расстройство боле не вспоминал.

Константин же, как со мной на движении побывал, совсем извелся: как я в камору путеводну, так и он за мной, аки ниточка за иголкой. В морок боле не впадал, но как мы петь зачнем, так он словно реханутый давай значки свои чертить – бумаги-то вволю. Один раз машинку свою принес: она голоса морозит, а потом опять выдает. Коломарь как услыхал, что вдругоряд пение началось, так перекрестился да и отнял машинку ту, гостя сгоряча срамным словом приложив. И то

[1] *На сретенье – навстречу.*

[2] *Презорство – здесь: важность.*

верно: голос не волос, упал – не подбирай, а то и до беды недалеко будет. С тех пор Константин бумагой обходился.

А Рудольф, тот особнячком держался. Ни с кем не сошелся, один ходил-бродил по кораблю нашему. Все постукивал, да поглядывал – чисто прелагатий[1] иноземный. Находится всласть, сядет с тараканом своим в обнимку и чей-то бормочет ему в ухо железное. Я послушал единожды, да ничо не понял. То алгоритм какой-то поминает, то молекулярным покрытием грозится, а то, прости Господи, высокосортными связующими полимерами чёй-то обзывает. Аз про него Константину в беседе вечерней сказал.

– Ой, братие, – говорю, – боюсь я за разум его. Ты вот истов, да он еще борзее в познании. День и ночь со своим торопыжкой возится. Заговаривается, сердешный. Давеча, знаешь, что сказал? Дескать, на лодье у нас поле особливое, оттого мы по каморам не летаем, аки ангелы, а по полу шлепаем. Это где ж он поле углядел, в закутке каком?

– Поле, это такая сила невидимая, – пояснил Константин. – Мы сквозь него, как сквозь воздух двигаемся, не замечая. А оно, между тем, существует. Вот ты задумывался, отчего в невесомости не летаешь, а ходишь, как будто в башмаках магнитных?

– Не птица, вот и не летаю, – резонно ответил я. Пустолазцы за борта ныряют – так там стоять не на чем, вот и летают. А тут у нас пол. Что ж непонятного-то?

– А, ладно, – вздохнул Константин. – Про гравитацию мы с тобой потом поговорим. А за Рудика не беспокойся. У него крыша крепкая. А торопыжка его – самоходная биохимическая полевая лаборатория, мы ее на планетах – землях, по-вашему – всегда используем. Рудик на ладье вашей – как Алиса в Стране Чудес. Виданное ли дело: на деревянных кораблях, да по межзвездной пустоте, да с субстветовой скоростью… Да еще, судя по всему дедушка Эйнштейн вам не указ – что на ладье неделя проходит, что на планете вашей… Я пока что с невежеством своим смирился, а вот Рудик покуда до сути не докопается – не уймется.

Забеспокоился тогда я:

– Как так, – говорю. – Нельзя это. Ежели он ковырять зачнет, да дыру наружу сделает…

– Аллегория это, оборот речи, – рассмеялся Константин. – Ну, понарошку, то есть.

Утешил. Но с той поры я за Рудольфом сим нет-нет да и подсмотрю: вдруг и впрямь копати примется.

А в то утро памятное я поздно восстал с полатей. Третьего дню коломарь замучил нас совсем: пóтом умылись все певчие, покуда замолчать велел. А затем объявил, чтобы отдыхали без срока: отныне сам двигать будет. Знать, приблизились до тех пор, что сила уже и не потребна – а умение лишь одно. Мы с того часу отсыпалися во сласть, и лодырничать нам запрета не было.

Евдох с Константином знать, давно ушли, один Михей, запалив светильник, кряхтел чой-то над столом согнувшись. Я сверху чрез плечо его заглянул.

Стоит пред ним на тряпице чистой машинка ненаша. Ну, раз ненаша, знамо чья. Освежевал ее Михей, как белку: и крышечку снял, и стеночки, и из нутра все повынул. Остался один скелетик решетчатый на лапках. А вкруг него, по всему столу, аки косточки обглоданны, гвоздики чудные разложены, да пружинки как бы, да еще что-то.

Услыхал он, что я завозился, и обратился ко мне. Зрю: харя-то зело красна, да вся в слезах. Будто наш механикус крепко пьянству предался.

– Что тако, батюшка? – всполошился я.

– Ой, Антоха, – отвечал механикус, – худо мне, неразумному. Грош моим умениям стоимость. Отпросил у Ильи Борисовича механизму, что хлебцы сама жарит, аки печь… На горе себе отпросил, на позорище! Цельный час бьюсь над треклятой: не могу уразуметь, как дело она свое творит. Нету ведь ни дровишек, ни огня… Куда ломти сувать – ведаю, на каку пуговку нажать –

[1] *Прелагатий – человек, скрытно пытающийся получить нужную информацию. Как я узнал, у нас в старину таких людей называли разведчиками.*

тоже знаю. А вот прынцип-то мне неподвластен! Можа, насмеялись надо мной, можа, слово заповедное не шепнули? А я… тут… – зашмыгал носярой механикус, пальцы корявы над злосчастной машинкой разведя. Чую я: будь в ней хоть гран жизни – задушил бы, заразу.

Да-а, знатно расстройство приключилось. Оставил я его горевати, а сам пошел в кормчую.

Тамо Клим как заведено с Ильей Борисовичем сиживают, да Евдох каку-то деревяшечку чинит, топориком тюкает. Поклонился я им, да и сел в сторонке от руля, чтобы не мешати. Сел и в оконце очи уставил. Смурно на душе сделалось, неспокойно, и ести не желаю, и спати не хочу… хоть самому, как Михей, стенай, а отчего так – не ведаю.

Тут по праву руку солнышко замаячило – аки свеча во мраке. Огонек ласковый такой, теплый… Я хоть и росток среди дубов, да все одно сторонку родимую почуял… Ай и защемило-то сердечко, ай и душа-то из тела рванулась поперед ладьи, огоньку тому на сретение…

– Ах, сердечный, – потрепал по плечу Клим, сзади подошедши. – Заприметил, чаю, разглядел? Полюбуйся, Илья Борисыч, вон оно, солнышко-то знамое! Ну, тапереча глядите в оба: где-то тут и Лихоград назданный обретается.

Ну, тут кликнули и сударя Симеона, и Константин рядом оказался тож, и Нюшка с котелком возникла, хоть и не время ей. Так-то знаю: из-за Константина – к нему, глупая, глаза прилепила. Прижались все к оконцу, дыхание стаили…

Нюшка не сдержалася, слезу пустила Константину в плечо. Рубаха влагу не приняла, как по воску скатилася, мне на ухо капнула.

– Не реви, дура, – утешил я девку. – К полудню у тивуна[1] в хороме сиживать будем, да мед пити, а не твою кашу исти.

А солнышко-то алое ужо и с яблоко спелое, а вот ужо и со срез арбузный. И во свет его выплывает из мрака мрачного жданный град Лихой.

Ладен да красив Лихоград порубежный. Стеной прочной опоясан, башнями высокими укреплен: бревнышко к бревнышку, дощечка к дощечке, да просмолен накрепко. По стенам бойницы узкие для огня пищального – видимо-невидимо. А по башням каморы со стеклами – для нашего брата, певчего.

Клим повел чуток кормило, дабы Лихоград обогнути по кругу. Вошли мы в тень глубокую, по огням меточным двинулись. А чрез пять часцов вновь на свет божий вынырнули, аккурат проть солнышка. Увидали мы мостки длинные да крытые, в Окиян далеко уходящие. А мостков-то пять, а ин кажный в семь сажен, да у кажного-то ладья, то лодочка. И хоть не слышно ничто, а кажется нам, будто и шум и глас далеко окрест разносятся, и в душе у нас колокола звучат звуком малевским[2], звоном сладостным… Тут Клим местечко свободное заприметил, да и повел корабль к отоку Лихоградскому.

– Почитай, дома мы, – прогудел сударь Симеон не без грусти: пусты ныне пришли, без товару.

– Слава тебе, Господи – нужничество наше завершилось! – сказал Клим, ладью бортом точнехонько в пазы крепежные затираючи. Ой и прав он. Вот они, рядышком: возносятся над нами стены кремлевские, а над стенами кремлевскими башни терема княжеского, с петушками, да с ко-

[1] Тивун – Иерархия смутна и маловразумительна. По идее, тивуном должен именоваться человек, наделенный ответственностью за определенный участок работы. Но оказывается, что на деле главное занятие тивуна жить в определенном месте (кремль, хоромы) и предаваться увеселениям, основательно подрывающим здоровье (пиры, приемы и т.д.. Я не ханжа: когда Рудик защищал кандидатскую, мы пили не лимонад, а вино, но так то один раз и в «Арбате»...). Возможно, в этом постоянном самопожертвовании и заключается роль тивуна, равно как и столоначальника, старшого, управляющего и еще дюжины иных чинов, вплоть до князя.

[2] Малевским – сделанным в городе Малеве. Правда, у них такового нет, и населенный пункт этот скорее мифический или апокрифический – считайте как угодно. Хотя Антошка объяснил, что от имени города пошло словосочетание «малиновый звон».

няшками резными. А еще выше восстают над всем красномедные купола церквей, да с крестами-то восьмихвостыми, золочеными.

– Мама мия! – только и рёк Константин, бросив Нюшку глупую утешати и – ей-ей, не клюкаю – перекрестился со всеми заодно.

Чудно имя у твоей матушки, наши-то попонятнее будут – помыслил я, а Евдох, рядом случившийся, ткнул меня в бок:

– Велика сила Господня: чужеродны людия, а наш крест все равно почитают.

Обнялись мы, радуясь избавлению.

Тута двери в кормчую распахнулися с грохотом немалым и в запахе паленом предстал пред нами счастливый Михеюшка с машинкой хлебопечной в охапке:

– Ребятушки, ро́дные! Сделал я треклятую: заробила!

Ирина Устюгова

А могло быть так...

– ПРИЧИНА её нынешнего состояния неизвестна. Мы не сможем лечить то, что не в силах понять. Это может быть кома, летаргический сон, действие какого-нибудь замедленного яда, заклинания, сильный шок...

– А может она уснула и не может проснуться, – добавил практикант. – Или не хочет. Сильные воины могут так настроить свой организм. Чтобы мы голову поломали...

– Все процессы в норме. Вообще нет никаких отклонений. Разве что, она никак не реагирует на внешние раздражители. И ещё, иногда учащённое сердцебиение. Как будто она волнуется.

– Почему? – растерянно спросил Тихоми, глядя на подключённую к аппаратам подругу.

– Ну, вам лучше знать, cheer Тихоми, – пожал плечами практикант.

– И долго она так продержится? – юноша нервно теребил медицинский халатик.

– Мы не знаем, – ответил главврач, – мы ничего не знаем. А если бы хоть что-нибудь знали, то уж точно не сидели бы, сложа руки. Возможно, вы найдёте способ ей помочь.

– Я? – рассеянно спросил Тихоми. – Но... как?

Врач уже долго разглядывал посетителя.

– Хотя, в таком состоянии... скорее вам тоже следует немного подлечиться. Может, останетесь на пару дней, душу в порядок приведёте?..

– Нет.

– Вы измотались, – настаивал врач.

– Лечить душу – наше дело.

Доктор бессильно развёл руками. «Мы» – башня воинов. «Мы» никогда не признают медицину, и, честно сказать, неизвестно к чему это приводит. Ни один воин ещё не лечился в больнице – это точный факт. Точно так же и медиками не зарегистрирована ни одна смерть воина. Значит, они действительно помогают себе сами. Но, с другой стороны, этот юноша... Симптомы налицо: бледен, руки трясутся, все время отводит покрасневшие от бессонницы глаза, шаркающая походка, рассеянное поведение, и, наверняка, сильно кружится голова. Доктор лишь пожал плечами: отказываться от помощи – чистой воды безумие.

А Тихоми находился будто совсем в другом мире. Изучал паркет. Потом вдруг резко поднял

голову и с интересом начал рассматривать приборы, к которым был подключён воин.

– Она сможет без аппаратов?

– Ну...– задумчиво протянул врач, – дышит она самостоятельно, необходимо лишь поддерживать обмен веществ, – Тихоми ничего не отвечал. Врач добавил, – кормить.

– Отключайте.

– Сейчас... – засуетился доктор. – Сестра, принесите памятку и баллоны.

– Не нужно.

– А чем... как... – начал было врач, но тут же махнул рукой. – А, как хотите.

«Странные эти воины, все из себя. Смотрят – сметают взглядом. А сами – постоянно в трансе. Нет, все-таки, как хорошо, что живут они на своём Чиклозаре и не пугают простых мирных жителей своей Силой» – думал врач, снимая девушку с аппарата. Но внутренне радовался – заберут эту непутёвую пациентку и дело в шляпе.

Вдвоём с практикантом они переложили девушку на носилки и прикрыли простыней.

– Три, четыре, взяли.

Носилки оказались удивительно лёгкими. Но, прежде чем медики удивились, Тихоми сделал знак рукой:

– Спасибо, не надо.

И взял её на руки. Повернулся и ушёл, не сказав больше ни слова. Практикант неопределённо хмыкнул. Доктор смотрел вслед, потом тряхнул головой и побрёл в кабинет, оформлять выписку.

В КОМНАТУ вошли служанка и cheer Теодорик. Женщина мелко поклонилась – дань уважения воину – и приступила к работе. Сняла шторы, и в комнате стало обжигающе светло.

– Уже утро, Тихоми, – начал Теодорик, его лучший друг, присаживаясь на скамью у стола, заваленного пергаментом и толстыми пыльными томами. Тихоми, казалось, не замечал гостей – слишком высоки были книжные баррикады.

– Тихоми!

Юноша оторвался от энциклопедии потусторонних миров. Тео с уважением отметил, что это уже 22 том. Изучающее посмотрел на Тихоми.

– Да ты, кажется, всю библиотеку намерен...

Замер, в ожидании возмущения, объяснения... да хоть чего-нибудь! Но Тихоми не ответил. Откинулся на спинку кресла, утонул в его мохнатых лапах. Расправил затёкшие плечи – и тут же опустились руки... Повисли, как беспомощная листва.

Паузу прервала служанка.

– Юзель Хаку просил вас, cheer Тихоми, зайти за зельем для юзель Шайрэ, – она поставила на тумбочку графин с водой и два стакана. Проворно выскользнула, бесшумно прикрыв дверь.

– Ничего не понимаю... – очнулся Тихоми. – Где-то же должно быть... Хоть строчка, хоть намёк... Тэо, – беспомощные, опустевшие глаза, – что мне делать?

У Тэо что-то ёкнуло. Как помочь парню? Он ещё так молод, а берет на себя такую ответственность...

«Не стал бы я соваться... Кто знает, что это? Шайрэ – ящик Пандоры... Нет, такие шутки не по мне...».

Приходили воины ранга Шайрэ, но лишь удивлённо пожимали плечами. Бедный Тихоми. Нужен тебе совет мудрого человека.

Тихоми закрыл глаза. Бог знает, где он пытается собрать свои мысли воедино. Тео тут же взял лист с пером и написал послание. В три строчки. Немного помедлил и навёл снотворную руну на стража, налил стакан воды и разбавил им валерьянку. Осторожно пододвинул стакан ближе к спящему. Тэо, как никто, знал, что после магического сна захочется пить. «А зелье принесу сам», – пробормотал он, закрывая снаружи дверь и запечатывая её руной.

СОЛНЦЕ прочертило последний зигзаг. Весёлое небо над ним хохотало. Взошла Луна. А вслед с балов вернулись младшие. Рассказывали Старушке о звёздах Чиклозара. Но та бранила неразумных: не чета Лунам Горной звезды водиться с осколками...

Стыдливая скрипка пела. Она хотела разуверить людей, сидящих у костра, сказать им, что есть разлука. Что она уезжает... навсегда.

А они не верят. Жарят картофель на костре и шутят о Дороти и Михо, поют «тили-тесто» на французский манер.

Должно быть, как миллиарды лет назад.

Настойчиво скрипка пела. Она хотела... Увы, не могла.

– Шайрэ! На бис!

– Контрадансу!

Мир застыл. Затихли шепотки. Что-то новое в изученной годами мелодии. Новый голос. Исчезла самоуверенность. Сомнение сквозило в каждой фразе скрипачки.

Не доиграв до конца, Шайрэ опустилась на колени и замерла, закутавшись в темно-рыжие локоны. Лишь смычок ещё дрожал в её пальцах. Она слышала мелодию, и не могла понять, что происходит. Почему вдруг вспомнились забытые в детстве холщевые рубашки, первая скрипка и дельтаплан. Она летала и пела. Наяву? И десятки, сотни костров мелькали перед глазами. Исчезали. Вместе с ней.

Понятная в детстве истина была написана на двери дощатого сарая. Мудрецы...

«Остается только ветер».

– ПОЧТИ ЗА ЧЕСТЬ стать воином Чиклозара. Это нелёгкая ноша сынов той планеты и достойнейших иноземцев, – говорил Лео, глядя дочери в печальные глаза. Он пытался убедить её в правоте сделанного за неё выбора. Шайрэ плакала, но молчала.

– Я тоже служил в Ордене. Это увлекательнейшая жизнь, наполненная риском, приключениями. Обширнейшая библиотек, учителя-таланты. Самородки.

Шайрэ отошла к стене, прислонилась, подперев родной дом, слилась с ним, будто она – тополь. Младший брат терема.

– Там, в королевском дворце я и встретил твою мать.

– Слышала я о своём благородном происхождении. И о том, что тогда ещё она не была королевой.

– Может быть, ты станешь?.. – с надеждой начал было отец. Он, как и всякий родитель, желал дочери всех благ.

– Я не пойду в политику, – с расстановкой ответила дочь. И опять взглянула на Лео, уже сухими, холодными глазами. – А здесь остаются дорогие мне люди. Ты. Друзья. И ещё, я знаю, что больше сюда никогда не вернусь.

– Такая – нет.

– Да и другая... наверное, – Шайрэ задумалась. – Думаешь, стоит?

– Иначе бы не отправлял.

– Тогда – еду. Завтра. Скажи Юхнелю, – Шайрэ уже повернулась, чтобы уйти.

– Они тебя ждут. Сейчас, – Лео развёл руками.

– Мне нужно... попрощаться.

ВЕСЬ ВЕЧЕР она стояла на вершине обрыва. Там, где на поросших валунах легко убеждала Чиклозара, что этот день никогда не наступит.

Он смеялся, но не спорил.

Он знал.

Все так же неслась река, цепляясь за скалы. И кричала: «Дождусь!».

В ТУМАНЕ мелькнул разговор с Дороти. Она что-то щебетала про Михо.

Ей нет дела ни до кого.

Упоённая. Окрылённая.

Лети!..

ЮХНЕЛЬ не дождался. Оставил своего друга, чтобы тот забрал Шайрэ, а сам улетел. Дело Ордена.

На космодроме толпился народ. Друзья, знакомые и просто люди с улицы, желавшие поглазеть на чудесную девочку достойную обучения в башне воинов. Кто-то невпопад крикнул «Ура!».

Народ расступался, пропуская Шайрэ с отцом. Они никого не видели, шли, держась за руки и наслаждаясь последними минутами.

Трап.

Шёпот чьей-то матери: «Я бы свою дочь не отпустила...»

Дочь бы сама ушла...

Думаю, что если забыть о всей важности прощания, заглушить разум, цепляющийся за каждую чёрточку лица, то расставание проходит легче.

Нужно твердить про себя: «Не навсегда».

И запоминать каждую секунду – чтобы было что вспомнить.

Папа. Я чувствую твой страх. Он у меня на пальцах. В твоём дыхании и глазах.

Ты вспоминаешь мать, обнимая меня. Ведь когда-то ты так же остался здесь, а она улетела на Чиклозар

Я слышу, как бьётся сердце. Тяжело.

«Прошлого не воротишь»

«И не бойся. Я справлюсь. Я вернусь».

«С щитом аль на щите...».

"КОМУ НУЖНЫ слова? – думала Шайрэ. – Они лживы, – вспоминала костёр, – беспомощны, как чтобы я сейчас ни говорила. Они не передадут всех ощущений, как тех, когда обнимает любимый человек, или просто прикасается». Зачем столько слов? Они не помогут вспомнить.

ОРЛЕНИУМ попрощался. Швыркнул дюзами, смахнул слезу отца и отпустил корабль в черноту невесомости.

А ШАЙРЭ стояла у иллюминатора и молчала. Запоминала каждую мелочь, потому что в них и есть жизнь.

ТИХОМИ вспоминал свою жизнь. Как учился при клане, все свои успехи и неудачи. Смотрел, будто кино о жизни воина, неизвестного и очень далёкого от себя.

Знания, полученные в клане, не могут помочь спасти Шайрэ. «Долго ли она так продержится?» – с содроганием думал юноша и поддавался плавному течению времени.

Преодолев долгий период обучения на разных планетах, он вместе с однокашниками предстал перед выбором: кем стать? Выбор же, в принципе, был невелик: влиться в политику, став консулом, встать на тропу воина либо его стража, или же стать мирным обывателем – торговцем, пилотом... Последние профессии обычно выбирали те, кто, не взирая на способности, был ленив в обучении. А он, Тихоми, чувствовал в себе силы на большее, чем быть оператором космопорта, пусть даже и оснащённого смертельными пушками. Он признавал, что для воина слишком медлителен, да и с единоборствами не дружил. Политика его не привлекала: не хватало Тихоми немного такта и немного лукавства.

Стать целителем его подтолкнула судьба. Курс скорой помощи, полученный на Даромире, был уже забыт, но когда увлекающийся геолог нашёл в расщелине у гнезда сорона горсть лазурных камешков, внутри которых, словно за толщей стекла плескалась лазурная вода, он вспомнил, что они каким-то образом относятся к медицине. Опустошив месторождение, он отправился к себе в горнянку. Там, устроившись поудобнее, Тихоми рассматривал находку через линзы при ярком свете. Многочисленные грани поверхности камня, местами сколотые, носили хаотичный порядок. По ним катилась красная жилка. Она убегала от ловких пальцев геолога, оставляя за собой сверкающий зеркальный след. Тихоми накрыл жилку большим пальцем, а та продолжала своё движение, и тогда геолог понял, что она – внутри. Когда надоедало шлифовать грани, жилка растворялась в жидкости, чтобы потом появиться вновь. Кажется, это живой камень, удивился Тихоми и, несмотря на позднее время, сгрёб все камни в мешочек и отправился в лазарет, оставив только один экземпляр в свою коллекцию.

– Удивительно! – восхитилась целительница. – Вы уверены в своём решении? – Тихоми кивнул. Образец у него есть, а находка важнее здесь. Юноша уже хотел развернулся – уходить, когда сестра-целительница поймала его за рукав.

– Подождите. Пойдёмте, – она понизила голос. Из кучки соронинов – так назывались эти камни по их месторождению, сестра ухватила самый маленький и юркий: он едва не выпрыгнул из её ладони. Не говоря больше ни слова, она увлекла ученика клана в глубины лазарета.

В полуосвещённой комнате курились травы, источая мягкий, успокаивающий аромат.

– Она отчаялась, – прошептала сестра.

Тихоми знал, что нужно делать. Он взял у целительницы соронин и подошёл к единственной кровати в центре комнаты. Сел на край льняного покрывала. Она – девочка с потухшими глазами, беспокойно заворочалась, зашептав что-то себе под нос. Чуть приподнимаясь на локте, она скользила по посетителю безнадёжным, потерянным взглядом, и, обессилевшая, снова ложилась. Тихоми чувствовал её страх, боль, читал обрывочные мысли, которые с каждой минутой становились короче. Сила текла мимо неё. Тихоми понял: девочка уже на грани. Он положил на грудь, в месте, где исступлённо бьётся сердце, замирая через каждые семь ударов, соронин. Лазурь засветилась тихим пламенем, тёплым и успокаивающим, и, проникнув сквозь плоть, направила силу сквозь девочку. По венам заструилось тепло соронина, а потухшие глаза скрылись под внезапно отяжелевшими веками. Тихоми застыл, держа руку первой пациентки, и впитывая ощущение исцеляющейся ауры.

Когда пришёл час выбора, пятеро друзей разбрелись по системе, а Тихоми сменил одежды ученика на плащ целителя.

ЗАКОНЧИЛАСЬ война. Из горячей точки прилетел последний уцелевший корабль. Все жители Чиклозара вышли встречать победителей. Гром фанфар, аплодисменты, цветы!.. Но воины не разделяли радости мирных жителей. Те, кто шли со стягами и отряхивали лепестки роз с плеч, знали, что в пяти кварталах от них приземлился ещё один корабль, с которого многие даже не в состоянии выйти. В конце этой невесёлой процессии шли послы с других планет, чтобы принести поздравления Пограничью и заключить мир.

Этим же вечером, после застолья с политиканами, Тихоми навестили воины. Откинулся полог, и в горнянку вошли двое, поддерживая третьего в плаще с накинутым на лицо капюшоном. Тихоми оторвался от книги, встал и поклонился гостям. Те в ответ оказали знак почтения и посадили третьего на стул.

– Говорят, что вы – мудрый целитель. Нам нужна ваша помощь.

С этими словами воин снял капюшон. Девушка, сидящая на стуле, не шевелилась. Она что-то считала про себя, словно сдерживая слезы. А потом открыла глаза. Целитель покачнулся. Её глаза – они... сияли молочной пустотой – зрачков и радужки не было.

– Может быть это бельма? – неуверенно начал Тихоми, не веря своим глазам. Нет, бельма не такие. Кто-то нарушил структуру глаза. Вот это мощь!

– У меня есть одна догадка, – Тихоми присел на корточки рядом со стулом и взял девушку за руку. – Как вас зовут?

– Шайрэ, – прошептала воин.

– Лучше, если бы вы остались здесь, Шайрэ.

Провожатые поставили сумку с вещами рядом со стулом, ещё раз поклонились целителю и молча вышли.

А Тихоми тут же приступил к работе...

За те четыре дня они с Шайрэ сдружились. Тихоми узнал, что в том бою мало кто выжил, и Шайрэ потеряла своего стража. Девушка мало спала, больше медитировала и рассуждала. Пока готовились настои, они вдвоём могли многое обсудить. Возможно, искренность и добродушие Шайрэ помогли целителю справиться с необычным, если можно так сказать, проклятием. И через четыре дня из горнянки Тихоми вышла cheer Шайрэ, щурясь от непривычно яркого солнечного света.

ШАЙРЭ открыла ещё много земель. И перед каждым рейсом она заходила в деревню целителей, находила знакомую горнянку, чтобы сказать на прощанье пару тёплых слов. А

потом улетала, боролась и возвращалась к своему другу. Возможно, она и могла бы уговорить его стать воином, или даже своим стражем, но зачем? Она уважала выбор Тихоми. И он стал ей самым близким другом во всей пустой Вселенной. Даже когда спала, Шайрэ не снимала медальон. Что было внутри – никто не видел, но об этом ходили легенды. Поговаривали, например, что это амулет Силы: камень со стержнем Силы, как у человека. Впрочем, они были правы. Только Силу она черпала не в камне, а в том, кто его подарил. Тихоми, Тихоми...

Она приезжала и, вся пропесоченная, шла в его тёплую горнянку. Обнимала, целовала, они сидели у негреющего камина и смотрели на огонь. А тот рассказывал им истории.

– ВОТ и Чиклозар, – произнёс проводник и подозвал Шайрэ к иллюминатору. Неприветливый жёлто-коричневый шарик, на котором, кажется, ничто живое не могло существовать. Шайрэ отвернулась и ушла вглубь каюты.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Это не так. Чиклозар за несколько лет стал моим домом, в который я с удовольствием возвращаюсь каждый раз.

– Тебя покорила пустыня? – девушка прикрыла глаза, стараясь скрыть слезы. Зачем она согласилась? Зачем не осталась дома? «Теперь это мой дом. И каждый раз, когда я буду возвращаться на Чиклозар, я буду видеть лишь этот сухой подгоревший шарик. Но нет пути назад».

Проводник оказался немногословен. Поняв, что попытка переубедить упрямую девчонку не увенчалась успехом, он ушёл в рубку – садить корабль.

«Прости меня, папа».

НЕСМОТРЯ на ночное время в космопорте не горели огни. Один только маяк был ориентиром для посадки. Корабль мягко приземлился на утрамбованный песок.

– Вот мы и дома, – раздался голос проводника. – Накинь-ка плащ, а то прохладно стало.

Шайрэ осторожно спустилась по трапу. Под плащ задувал холодный ветер. В непроглядной темноте приходилось пробираться почти на ощупь. Наконец Шайрэ грузно спрыгнула с последней ступени на песок, тут же почувствовав себя тяжелее на несколько g. Вскоре с трапа спустился проводник с фонарём и, взяв Шайрэ под руку, посветил вперёд. В десятке метров от них показалось движение. Да, так и есть. В плащах, зелёных от пыльцы тумана, подошли Юхнель и Ози.

– Здравствуй, Шайрэ. Как прошла дорога?

Шайрэ молчала. Что она могла сказать? Что ненавидит этого проводника, и ненавидит Юхнеля, который заманил её сюда? Что она решительно ненавидит эту планету: пустую, сухую, холодную и неприветливую? Так и не дождавшись ответа, Юхнель поблагодарил проводника, который совершил этот перелёт, и добавил:

– Юри (так звали проводника), скоро у её величества праздник. Мы с тобой приглашены.

– Очень рад, – с усмешкой ответил Юри, – а как там насчёт парадного костюма?

– Юри, – понизив голос, отвечал Юхнель. – Ты же сам все понимаешь.

– Ага. Личной охраны её высочеству уже не достаточно. Кого она так боится?

– Не знаю, – в голосе Юхнеля сквозило сожаление. – Царский дворец для меня потёмки. Что больше меня волнует, так вот это, – захрустела бумага, Юхнель разворачивал свиток. – Посвети, – фонарь выхватил из темноты напряжённое лицо Юхнеля, склонившегося над листом:

– Её высочество Карена… просит прийти на бал учеников первого года обучения, – бумага свернулась в рулон. – Недоученных, значит. Не знаю, чем sher Хаку думал, когда это пописывал.

– Ты же сам понимаешь, в чем дело!

– Зачем именно воина?

– Может быть, это тонкий политический ход?

– Быть может…

– А ты куда собрался?

– За партией алмазов на Огни. Оттуда их на Орлениум поставляют, а нам нужно сделать достойный подарок на день рождения королевы.

– Удачи тебе, Юхнель…

– Мир твоему дому, Юри.

– Мир твоему дому, Юхнель.

Проводник повернулся и побрёл в сторону корабля, унося с собой пылающего светляка. Вот чем оказался этот фонарь.

– Пойдёмте, – раздался голос Юхнеля.

Юри поднимался по трапу медленно, будто хотел развернуться и броситься к Юхнелю. Вместе с Юри уходила последняя возможность вернуться домой, с ним отдалялся Орлениум, с каждым его шагом время… накладывались временные рамки заключения на Чиклозаре.

Они шли в полной темноте. Видимо Ози с Юхнелем привыкли к подобным ночным прогулкам, но для Шайрэ это было впервой. Ветер-бандит продувал плащ насквозь, залетал во все щёлки. Шайрэ чувствовала, как её волосы начинают шевелиться – от холода и злости. «Если бы хоть немного света! Я бы их в камень превратила!», – подумалось новоявленной Медузе Горгоне.

Они остановились у какой-то дырки в песчаной скале. Вместо двери висела шкура непонятного зверя. Ози с трудом приподнял её край, пропуская Шайрэ в тепло. Так хотелось лечь, забыться! Сложить куда-нибудь окоченевшие руки и ноги, забыть про все переживания, про угрызения совести и просто отдохнуть. И, главное, поспать.

Шайрэ что-то ела. Нечто, напоминающее кисель с травами плескалось в пиале. Откуда на этой песчаной планете травы?

Что-то говорил Юхнель, ему отвечал хозяин жилища. Кажется, они ругались, потом помирились. Хозяин сходил куда-то за одеялами. Юхнель укрыл Шайрэ и Ози. Потом куда-то вышел, зашёл, хлопнул себя по лбу, что-то сказал, снова вышел.

Не было уже никаких сил разбираться в происходящем. Все куда-то ходили, что-то говорили, что-то собирали. Пару раз упоминали Чиклозара. Шайрэ хотела прислушаться к разговору, но глаза уже слипались, и эту сцену заменили спокойное течение реки Орлениума и отец.

Вдруг в спокойную жизнь снова ворвался Юхнель. Он опять что-то говорил, кажется, просил куда-то идти, Шайрэ тоже попросила его куда-то пойти. Юхнель злился, на чем-то настаивал…

Шайрэ повернулась на бок и заснула.

В КОМНАТУ вошёл хозяин.

– Ты не боишься её одну оставлять? Девочка же, считай, не здесь родилась. Ей привычка нужна, – хозяин расстилал постель.

– Отказался бы ты, Юхнель, рискованное это дело. Слыхано ли, алмазы для королевы! Не помрёт же она без них… – хозяин подождал ответа, но Юхнель утомлённо опустился на стул и молча смотрел на свечу.

– Не могу отказаться, – наконец его хриплый голос разорвал тишину. – Очень Хаку просил.

– А ты объясни ему, что ситуация немного изменилась, – хозяин кивнул на спящую в углу Шайрэ. – Неужели ребёнка одного здесь бросишь?

– Может… ты… поможешь, – неуверенно начал воин.

– Ну, нет! Я своё время и силы берегу для дела. Тем более, не люблю я в Башню ходить. Пусть лучше она ко мне ходит, – хозяин лукаво подмигнул Юхнелю, надеясь хоть немного растормошить озабоченного гостя. Безрезультатно. Тогда хозяин присел к столу.

– Не могу я, Юхнель, не умею я с детьми.

В комнате снова все стихло.

– Когда вылетаешь-то?

– Через час.

– Ну, часок у нас есть, чтобы покумекать. А второй-то, мальчонка. Может он за девочкой приглядит?

– Не знаю я.… Вообще, не нравится мне эта поездка. Словно подвох в ней есть, а какой – не вижу.

– Откажись, Юхнель. Это сердце тебе говорит, а ты не слушаешь его.

– Не могу. Поздно уже.

– Чай будешь? Похолодало на улице-то.

– Буду, – Юхнель уронил голову на руки. – Чайку сейчас самое-то.

– ШАЙРЭ, проснись, Шайрэ, – кто-то неуверенно тыкал одеяло и почти шёпотом заклинал. – Шайрэ, проснись.

Девушка запыхтела, но глаза открыла.

– Меня зовут Ози.

«Ози. Что за Ози?»

– Где я? – спросила Шайрэ, постепенно припоминая все случившееся: прощальный костёр, отъезд, космопорт...

– В гостях. Нас на ночь приютил работник космопорта. Шайрэ, вставай.

– Встаю, встаю, – лениво протянула девушка.

Ози мигом вылетел из комнаты.

У кровати лежала стопка одежды. Видимо форма воинов. Белоснежная футболка с рубашечным воротником, брюки клёш от бедра и курточка с капюшоном песочного цвета. Костюмчик тяжёлый, да и Шайрэ ещё не привыкла к своему весу на этой планете. Было тяжеловато ходить – не то, что прыгать или кувыркаться. Закончив причёсываться, Шайрэ попробовала выполнить кувырок в воздухе, но тут же растянулась на полу – высоты прыжка не хватило. По песчаному полу, видимо, прокатилась волна, потому что почти сразу прибежал Ози с чайником в одной руке и полотенцем в другой. Мгновенно оценив ситуацию, он протянул руку помощи, оставив чайник с полотенцем на полу.

Вот они и встретились: рука в руке, глаза в глаза. «Кто он?» – думала Шайрэ, всматриваясь в бездонно-карие глаза. «Знаю, его зовут Ози, но не более того. Что занесло его на эту планету?».

– Я не знал, что ты акробатка, – ослепительная улыбка мелькнула в сознании Шайрэ. Ей это не показалось? Внешне немного отрешённое от эмоций лицо оставалось серьёзным. Значит, Шайрэ просто хотела увидеть эту улыбку?

– Я… я, – немного растерялась от такого начала Шайрэ, – была когда-то. Здесь все по-другому…

– Хорошо, что ты это заметила, – тень иронии была то ли в голосе, то ли в мимике. В какой мимике? Кроме произнесения этой фразы, лицо оставалось неподвижным! А Шайрэ снова померещилась улыбка…

– Нет, я серьёзно. Здесь все придётся начинать с нуля, – Ози успел поднять чайник и жестом пригласил Шайрэ следовать за собой. В его движениях чувствовалась спокойная уверенность. Не было никакой скованности, будто они с Шайрэ знакомы лет сто.

Кухня, в которую Ози привёл её, была очень скромная. Ничего лишнего. Шайрэ уже заметила, что в этом доме живёт аскет: в спальне лишь ночник на тумбочке, платяной шкаф, а вернее полка с несколькими ящиками, низкая самодельная кровать. Кровать только одна – не было видно даже раскладушки, значит, Ози пришлось спать на полу. У стола стояло только два стула: для хозяина и одного гостя.

Опять-таки жестом, Ози пригласил даму за стол. В этой горнянке (это небольшая квартира, выдолбленная в песчаных горах, преобладающих на Чиклозаре) он чувствовал себя как дома. Возможно, Ози вполне разделял мнение хозяина относительно вещей.

– Попробуй чай. Он, наверное, не такой, как у тебя… на родине, – Ози с трудом подобрал слово родина. Создавалось впечатление, что этот парень весь в себе и редко общается – только по необходимости. А это выражение лица, честно, немного застывшее... оно и отталкивает, и говорит о том, что Ози словно решает какую-то проблему. Решает и никак не может решить.

В чае опять плавали мелко порубленные травинки. Именно они придавали всему своеобразный вкус. Что-то вроде смеси чая с бергамотом и чем-то очень горьким.

– Как это можно пить? – Шайрэ резко отодвинула кружку. Ози удивлённо взглянул исподлобья. Этот взгляд можно было отнести к разряду: «Бери, что дают».

– Придётся. У нас еда не слишком разнообразна. Хочешь пышности – иди в королевский дворец. – Ози снова уткнулся в кружку.

– Прости. Я не хотела тебя обидеть, – Шайрэ, стараясь загладить свою вину, глотнула ещё чая а ля Чиклозар. Тошнота рывками подкатывала к горлу. Старательно сглатывая, девушка допила кружку до конца.

Ози с интересом смотрел на представление.

– Прямо по коридору и направо.

Зажав рот ладонью, Шайрэ рванула на выход.

СПАСИТЕЛЬНЫЙ глоток воздуха. Горьковатая смесь заполнила лёгкие. Приступ прошёл, только слегка кружилась голова. Шайрэ осторожно присела на валун, коих в округе было великое множество.

А вокруг были горы. Они окольцевали горизонт и просто не оставляли никакой лазейки наружу. Где-то вдали, на фоне песчано-бежевых склонов, сновали люди по своим, неведомым делам.

Видны были только горы и небо, давящее своей тяжестью на обывателей. Оно словно старалось приплюснуть планету. Тяжёлая розовато-красная губка…

Однообразие песчаной планеты поглощало, давило на душу. Оно словно высасывало силы. А, главное, желание что-либо на этой планете поменять.

Здесь живут воины…

– Я ДУМАЛ, что ты уже не вернёшься.– Шайрэ и не заметила, как Ози вышел ей навстречу.

– Я решила немного прогуляться. Ты же не против?

– Нет, просто волновался. Ты ушла в опасную прогулку.

– Да что вы говорите!

– Не смешно. Это же не простая планета. Тем более на ней живут непростые люди, – немного промолчав, Ози добавил. – Элита…

– Элита? – протянула Шайрэ. Ей не очень нравился гонор этого юноши.

– Да. Здесь и Башня воинов и королевская чета…

– Которых вы так ненавидите!

– У нас одни цели, но нам не по пути.

– Что за система? Все друг с другом несогласны!

– Cet la vite, sher Шайрэ. Пойдём домой.

Не дождавшись ответа, Ози подхватил беглянку под локоть и повёл. Со всех сторон на них смотрели одинаково прикрытые глаза уставших за день горнянок. В этом разнообразии и в самом деле можно заблудиться.

– Это горнянки работников космопорта. Вот и наша. Переночуем у гостеприимного хозяина, а с утра приедет Юхнель и заберёт в Орден.

– В Орден? – к вечеру ноги не держали бедную Шайрэ. Пусть она и начала привыкать к своему новому весу, но все равно очень сильно устала – весь день бродила по песчаным горам.

– В Орден, – Шайрэ снова померещилась улыбка. – Все с утра, спать пора.

– А я не хочу спать. Рано ещё. На улице даже светло, – как же хотелось поперечить новоявленному руководителю!.. Да и в самом деле, спать ещё не хотелось.

Ози, расстилающий постель, замер. Видимо медленно переваривал услышанное. Расправив одеяло, он сел на кровать и растерянно взглянул на часы.

– И что мы будем делать?

– Во-первых, побеседуем. О Чиклозаре, о жизни на этой планете, о жизни воинов. И, конкретно о тебе.

Удивлённый взгляд.

– Во-вторых, будем пить чай.

Скептический взгляд.

– А потом, когда наступит ночь, ляжем спать.

Ози, кажется, не испытывал особой радости.

НА СТОЛЕ стояли две чашки чая. Две чашки чая взгляду моему мешали. Одну чашку выпить я обещала. Насчёт другой ничего не знаю.

Это словно пытка, причём, для обоих. Я терпеть не могла этот чай, а он терпеть не мог пустую болтовню.

– Может, поговорим? – попыталась начать разговор Шайрэ, делая мощный глоток чая.

– О чем? Спрашивай, я постараюсь ответить, – удивительный человек этот Ози! Ему бы самое место в китайской чайной церемонии – он больше не пьёт чай, а наслаждается «его прият-

ным ароматом». Скромно смотрит на дощатый столик.

– Как твоё полное имя? Ози, это ведь сокращение?

– Озимберра. Зачем тебе это знать?

– Просто интересно… – Шайрэ смешалась. Раньше она не задавалась вопросом, зачем что-то спрашивает. Чтобы уточнить, поинтересоваться, да мало ли зачем!

– Это пустая болтовня, – Ози оторвал взгляд он стола и второй раз за день посмотрел прямо Шайрэ в глаза. Как она в этот момент жалела, что плохо разбирается в людях! Что означал этот взгляд? Какие чувства боролись в душе этого каменного рыцаря?

Перед глазами девушки проплыли клубы тумана, в которых мелькало лицо недавнего собеседника. Оно ухмылялось, злилось, смеялось, что-то говорило, но слов нельзя было разобрать. Невнятное шептание давило со всех сторон.

И вдруг все исчезло. Вернулась реальность.

«Нет, я, в самом деле, схожу с ума. То мне мерещатся эмоции на каменном лице, то какой-то бред про туманы. Так будет каждый раз, когда я встречаюсь с воином? Может, мне все-таки лучше вернуться домой?»

– Нам лучше пойти спать, – Ози допил свой чай и собрал посуду со стола. Говорить ему больше не хотелось.

– Хорошо. Спокойной ночи.

– Пусть Чиклозар хранит твой разум в ночном странствии.

Шайрэ в растерянности застыла. Это такой обычай, или Ози искренне ей этого желает? Чтобы не повторяться, она ответила тем, что вспомнила из разговоров воинов.

– Мир твоему дому, Ози.

Кажется, воин улыбнулся. Или это фантазии больного рассудком?

"КОГДА великие воины бессильны, думаю, стоит искать того, кто обратил их в эту веру, кто дал им умения использовать Силу. Он гораздо мудрее, чем его ученики, ведь, к сожалению, не все сказанное им перенимается. Ты сам творишь чудеса. Поверишь ли в это? Величие Тени – всюду. Её источник – разум каждого человека».

Тео.

Чиклозар...

Тот, кто дал мир, но, поняв, что дар ненадёжен, скрылся в тени.

Кто передал знания только двум ученикам, но чей опыт и открытия лежат в сердцах тысяч его последователей.

Чья тень незримо присутствует в городе воинов.

Многие знали его, но никто так и не может сказать, кем он был на самом деле.

Его именем названа система, в которой он правил в молодости.

Тот, чьё имя окутано тонкой сетью легенд. Очевидцев, что могли бы привести доказательства – нет. По самым скромным меркам ему уже немногим больше трёхсот лет.

Одна из легенд гласит, что он открыл вселенское знание.

И исчез.

Эта легенда живёт в сердцах отчаявшихся. Сказка, в которую верят только они.

Чиклозар так же неуловим, как жилка соронина.

Стоит ли идти за шлейфом домыслов и фантазий, чтобы найти безмолвную тень или вселенскую пустоту.

Ведь наверняка он открыл знание пустоты.

Стоит. Но только тем, кто отчаялся.

Отчаянье придаёт Силу. Но не ту, что используют воины и целители. Она редко опирается на знания, её ведут эмоции, возрождая сердце из пепла. Она способна на многое.

ТИХОМИ вышел на балкончик в конце коридора. Все скрылось в ночной мгле, только изредка поблёскивали огоньки кристаллов – готовят корабль к отправке. Вдали поселение, окружённое мерцающим ореолом света. Это сияют листья роверы. Они вбирают в себя энер-

гию солнца, чтобы светить всю ночь, защищаясь от травоядных кувалок. Свет отпугивает некоторых хищников и приманивает вредных насекомых, что устраивают по ночам летучие дискотеки у роверы.

Вечером приходил хмурый Теодорик. Его вызывали на Совет, спрашивали, какие шансы на исцеление cheer Шайрэ.

– Я ответил как есть. Шансов столько же, сколько и света ночью: он есть, но его очень мало, на то она и ночь.

– Ты правда так считаешь? – Тихоми напрягся.

Тео положил руку другу на плечо.

– Ты сделал все, что в твоих силах, Тихоми.

Тот с яростью сбросил руку и взглянул на Тео с таким презрением, какое только мог выразить. Тео попятился к двери, но Тихоми угас так же быстро, как и вспыхнул.

– Её увезут завтрашним утром, Тихоми.

– Неужели вы думаете...

– Да. Это вполне может произойти.

Тихоми медленно опустился на стол. Время было последней надеждой. Но и его отняли.

– Тихоми, ты сам знаешь, насколько это необходимо.

– Так и совсем не остаётся шансов... Вы не хотите ей помочь? Так и скажите! Я все пойму! Я пойму, что кому-то она перешла дорогу, что кто-то ей мстит, что кто-то её просто не любит... Но не так... «Она хорошая, сильная, внесла свой вклад в разведку Пограничья, но сейчас мы ничем ей помочь не можем...» Лицемеры!

– Пора заботиться не о ней, а о себе. Если мы не увезём её на родину – туда, откуда произошла её Сила, то опасности будет подвержена наша планета. Что жизнь одного воина в сравнении с тысячами жизней? Тихоми, ты ослеплён...

– Да, жизнь Силы должна замкнуться: где она берет начало, там она должна породить следующую жизнь. Иначе, не найдя воплощения из того же мира, она взорвётся.

– А Сила Шайрэ просто невероятна. Представь последствия.

– Да... – рассеянно ответил Тихоми. Мыслями он был уже далеко, на Орлениуме – родине Шайрэ – и даже не заметил ухода Тэо.

А СЕЙЧАС он стоял на балконе и смотрел в ночь. Тихоми окидывал взглядом все огни. Внезапно ему представилось солнце, раскалывающееся на куски. Вот они, эти кусочки, их можно собрать и рассеять тьму, поглотившую часть планеты. Целитель вздохнул – ему это было не по силам. А может быть, если не ему, то...

Б ЕЛЫЕ кружева...

«Снег», – догадалась Шайрэ.

Экипаж сошёл с борта корабля и строем двинулся по заснеженной тропке. Никого не очаровала ни малютка-ёлочка, ни деревянные избы временного поселения. По временам Империи – эксклюзив.

Все лишь ёжились, когда тонкие нити снега залетали под одежду.

Зябко быть пойманным в белые сети.

«Дом, – обозначила Шайрэ это место. Избу, натопленную печь, тепло. Когда нечто снаружи разошлось и начало метать комки паутинки.

У ТРО встретили молча.

Неохотно выбредали на улицу, застёгивая комбинезоны. Когда вышло начальство, построились.

Как и пять лет подряд.

Только тогда их было десять, а осталось четверо. Шайрэ, Ози, Вольф и Нина.

Четверо отсеялись ещё на Чиклозаре. Расхныкались. Потерялись в многочисленных правилах, инструкциях и обязанностях. Они ещё не понимали, что думать не нужно.

Чих вспыхнул во время тренировки на истребителях. Зацепился крылом об арку Затерянного храма и...

Ещё год пятеро оттачивали полёты. Сосредоточенно поворачивали машины на крыло, выполняли петли, бочки, штопоры…

...Четыре года они летают...

А сейчас Цок пришлась по вкусу работорговцам...

...Все замерли...

– Мы не можем продолжать поиски Цок. Сейчас мы на последней планете исследованного Пограничья. Дальше ничего нет.

Дети сверлили наставника в четыре пары глаз, но тот ушёл в прострацию. Тупо смотрел мимо.

Кажется, то была минута молчания.

...Но шапки никто не снял...

ОЗИ РАЗУЧИВАЛ Шнитке. Как и все ребята, он играл на скрипке. Благородный инструмент. Элегантный, величественный и мобильный – вот для таких перелётов.

…Вот в таких вот перелётах они уже четыре года. И ребята уже послали ко всем чертям классическую планетологию. Мол, видите ли, в Пограничье только две планеты: Орлениум и Чиклозар. И множество Солнц и Лун, звёзд. Так было в детстве. К моменту интервенции – полуфантастического происшествия – обозначилась ещё одна планета – Ангел, на которой проводились секретные разработки Теней. «Видимо Ангел был исключением», – сделала вывод Шайрэ, занося на карту сто восьмую планету – Снежок, на которой вся группа так дружно мёрзла.

...Чиклозар и Орлениум – военно-правительственный и продовольственный центры. Все. Больше не то что центров, по теории больше вообще ничего не было. Середина, равновесие – Пограничье.

Но из-за страха учёных и самонадеянности военных, карты в диаметре охватывали не более десяти парсеков. Вот эта территория, названная Пограничьем, и принадлежала королевской власти.

Все остальное, в принципе, тоже являлось Пограничьем, но принадлежало уже персонам «нон грата», которые знали, куда нужно уходить от власти. Это те, кого в рамках системы ожидал смертный приговор.

Они и владели этой Вселенной.

Они забрали Цок.

Вот вам и коврижки: сотня неучтённых планет. И кто сказал, что это – последняя? Дай Бог – не последняя.

Цок, мы придём...

ТИХОМИ стоял на пороге горнянки, отодвинув полог. Старый воин смотрел на него и сквозь него, не замечая такого явления, как появившийся целитель. Ночью здесь царил полумрак – светились проращиваемые кристаллы для мечей, пылая под пыльным покрывалом. Фигура воина угадывалась едва-едва. Голова была направлена на вход, но где был взор его, и что он выражал – неизвестно. Выждав для верности пару минут, Тихоми сел напротив старого воина и сотворил сияющую сферу. Она ничего пока не отражала, давая понять вошедшему, что видения старейшины не его ума дело. Но воин оценил нахальство целителя и вынырнул из-под завесы будущего. Взгляды встретились: сильнейший из оставшихся и решающий непосильную загадку целитель. На сфере появилось лицо Шайрэ. Тихоми кивнул, воин покачал головой, и картинка исчезла.

Его длинные пальцы перебирали нити жизни. В другой руке лежал амулет. «Направляет энергию источника через свой стержень» – догадался Тихоми. Камешек он узнал сразу – такой был у Теодорика. Камень со священного места придаёт силу любому, кто им воспользуется. Только вот священных мест уже не осталось...

– Помогите мне найти Чиклозара, – Тихоми постарался произнести это твёрдо и уверенно.

Старик пристально смотрел на юнца, чьё нахальство уже выходило из берегов.

– До глубинной мудрости – воплощения великого змия – добраться никто не мог. А ты? – насмешливо отозвался старейшина. – Я ищу его долгие годы. Каждый должен найти его сам – так гласит легенда. Он – в каждом воине. До сих пор каждый, кто выбрал путь воина, проходит обучение под его руководством. Но это тренировка в полном смысле этого слова. Духовная. Воин – это далеко не меч, а мысль, образ жизни, мировоззре-

ние и особая Сила. У Силы после этого обучения появляется привкус.

– Вы хотите сказать, для того, чтобы найти его, нужно стать одним из вас?

– Не знаю, единственный ли это, но – выход.

– Но я уже сделал свой выбор.

– Н-да.

Старик, кажется, погрузился в транс.

– Ты думаешь, что знаешь Шайрэ?

– Да.

– Ошибаешься... Но ведь и не просто так взялся её лечить.

– Мне поручил Совет, – Тихоми пытался скрыть краску в голосе.

– Завтра её увозят.

Повисла пауза. Воин поднял усталые глаза на юношу.

– Сила у тебя ещё мала. Не выросла. Спасти её может только необыкновенная Сила.

Потом, поразмыслив, спросил:

– Ты её чувствуешь?

Целитель подобрался. Нужно собрать всю Силу в сердце, пылающее огнём и погрузиться в тень для того, чтобы пройти знакомой дорогой через хитросплетения жизненных нитей и найти вместо такого же огня потухшие угли. Их окольцовывал аркан из сияющей нити, ведущей... в горнянку старейшины. Тихоми вернулся и изумлению его не было предела. Вопросы застряли в горле, борясь за право стать первым. Так ничего и не спросив, он уставился в песчаный пол и задумался. Воин одобрительно качнул головой.

– Нити жизни ты видел не в первый раз, не это тебя поразило. В каждом из нас живёт огонь, жизнь. Знающие люди его контролируют, чтобы не разгорался сверх меры и не подчинял своей воле, а воля огня – страсть, и чтобы не потух, как у Шайрэ. Этот камень, воин поместил его в сферу и тот, словно призма, преломил её сияние в радугу, – камень этот – амулет Шайрэ. Многие годы собирала она в него свою Силу – теперь он же спасёт многие жизни.

– А её? – в Тихоми родилась надежда. Может быть, старейшина найдёт выход?

– Возможно. Тихоми, ты не станешь полноценным воином, ты никогда не сможешь убить, зная точную цену жизни. Но ты сможешь принять обряд посвящения и пройти дорогой воина-стража Шайрэ. Пожалуй это – выход, Тихоми.

– Да. Да, я согласен. – Оберегать её жизнь, быть всегда рядом – не об этом ли он мечтал? Но это потом. Сначала нужно её найти. Шайрэ...

– На верхней полке чаша. В ней порошок. Разведи отваром чертополоха и выпей.

– И все? Не нужно ничего говорить, к примеру, торжественной клятвы воина? – недоверчиво уточнил Тихоми.

– А ты думаешь в словах Сила? Если так, то можешь что-нибудь и сказать. Это ничего не изменит... После этого ты войдёшь в транс и Чиклозар сам тебя найдёт.

– Я успею до отлёта?

Воин на секунду помедлил.

– Все зависит только от тебя, но страховка никогда не повредит, правда? – старейшина лукаво подмигнул новоиспечённому воину и потушил сферу, забрав из неё камень Шайрэ. Тихоми отправился к склянкам.

ТИХОМИ застыл с чашей около кровати Шайрэ. Пора было в последний раз задуматься над словами старейшины. Совет заставит взять его её стражем, пусть даже и против её воли. Оценит ли она его шаг? Сможет ли он её спасти? Неизвестно, что его там ждёт, и эта неизвестность пугает больше всего. Он оставил записку на столе. Потом ещё раз посмотрел на свою подругу: спокойное лицо, чуть вздёрнутый нос, сохранился даже остаточный румянец на щеках. Тихоми положил руку на её влажный лоб, провёл по мягким, непослушным волосам. Вспомнил, как каждое утро она подолгу заплетала их и складывала в замысловатую корзинку. Затем, чтобы вечером, смеясь, стряхнуть это «гнездо» с головы.

Как же несправедливы воины, видя в ней только символ: холодный ум, твёрдая рука, красивые речи, все пропитано воинской идеологией. «Рыцарь без страха и упрека», подумалось вдруг

ему, но он тут же изменил эту фразу, преобразил до единственного слова – «Тень» – вот кто она. И никто не видит в ней человека – красивую девушку, чуть более упрямую, чуть более строгую к себе и окружающим, которая любит музыку и танцы, которая постоянно чему-то учится. Долго, может всю жизнь, она ищет друга. Пусть неосознанно, но она ищет семью, дом, очаг. Поэтому и возвращается каждый раз к Тихоми. Всем когда-нибудь да и надоедает непостоянство. Сегодня ты здесь, завтра в Совете, вечером в Сенате, с утра – в бой, а к обеду – на границу системы – улаживать конфликт. И полдня трясёшься на корабле.

Зелья осталось немного – три мощных глотка. Тихоми успел поставить чашу на пол и опуститься рядом с кроватью. Перед глазами поплыл туман, вскоре он сменился мерцанием многочисленных сфер, а потом все исчезло.

ТИХОМИ застонал. Болело все: кажется, он упал и не успел сгруппироваться. Лёжа на спине, он открыл глаза и тут же зажмурился – яркий свет просто сводил с ума. Прислушавшись к боли, он решил повернуться на бок. Сильно кружилась голова, кажется, тошнило, он не был уверен. Встав на четвереньки, Тихоми попытался понять, где он, но вокруг была только стена и бесконечное пространство, проявляющееся частями. Некоторых его фрагментов просто не существовало. Руки подчерпнули песок. «Хорошо, – обрадовался Тихоми, – хоть что-то есть знакомое». И тут же закашлялся – кажется, поперхнулся воздухом.

Стена медленно приближалась. Целитель не был уверен, что устоит на ногах, поэтому так и полз, на четвереньках. Кладка оказалась из песчаника, пополам с речной галькой. И все это было пропитано чем-то вязким. Лицо Тихоми горело от прихлынувшей к голове крови, а стена казалась очень холодной, отрезвляющей. Он и не заметил, как встал и прижался всем телом к кладке. Увидел только съехавшую на верёвке девочку.

– Кто вы? – без обиняков спросила она, сматывая верёвку в клубок. Тихоми следил за её движениями: чёткие, привычные, почти доведённые до автоматизма. Волосы у неё были заплетены в две чёрные косы. Плащ она не носила: рубашки и брюк песочного цвета вполне хватало. Не дождавшись ответа, ученица, а это именно чья-то ученица, заключил Тихоми, подняла грузило и сунула его с верёвкой в висевшую на поясе сумку. Вздохнув, она опустилась на колени и, успокоив дыхание, повторила:

– Кто вы?

– Целитель Тихоми Варо.

У него было много вопросов, но он чувствовал, что это все лишнее.

– Целитель? – она не сдержала удивления. – Этот путь не для целителей.

– Я ищу Чиклозара.

– Пойдём.

Тим чувствовал на себе чей-то взгляд. Обернувшись на стену, он никого не обнаружил, но ощущение не исчезало всю дорогу.

Девочка шла быстро и уверенно, не оглядываясь. Лишь изредка останавливаясь, чтобы, якобы, соизмерить высоту тропы до земли с длиной верёвки. Тихоми уже не мог смотреть по сторонам, весь сосредоточился на одном – как успеть за юрким песчаным маячком. Когда они подобрались ближе к вершине, стали появляться знакомые горнянки. Как на Чиклозаре. Около одной проводница остановилась, и, откинув полог, пропустила гостя вперёд. Не в силах больше ни о чем думать, он сел на ближайшую лежанку и попытался прийти в себя. Замедлить дыхание, успокоить сердце, положить ладони на стопы, замкнуть энергию в кольцо и расслабиться. Да уж, силы уже не те. Он едва почувствовал возникшего в коридоре мужчину.

– Добрый день, Лайла, – произнёс тот тихим, но твёрдым голосом.

– День добрый, учитель.

– Лара на стрельбище, вечером разожжём костёр.

– На шестом подуровне?

– Да. Залатай там, пожалуйста, дыры.

Лайла поклонилась и вышла. Учитель сел на лежанку рядом с Тихоми.

– Я ищу Чиклозара, – произнёс после паузы Тихоми.

– Ты нашёл, что искал, – ответил Чиклозар, продолжая смотреть в стену. За стену. Куда-то далеко-далеко, не сюда, не здесь.

– Мне нужна ваша помощь.

Чиклозар терпеливо дожидался продолжения.

– Вы можете сказать, где Шайрэ? Вы знаете, где она?

– Да, знаю, – прозвучал ответ.

– Вы поможете мне её найти? – у Тихоми не хватило даже сил подтвердить свою просьбу глазами. Он продолжал сидеть в собственной темноте.

– Терпение, мой друг, ты увидишь её вечером. А пока – отдохни.

Словно из воздуха появилось тёплое-тёплое одеяло, подушка. Лёгким прикосновением ко лбу Тихоми Чиклозар снял тяжесть в голове. Пробежав пальцами по позвоночнику, приглушил боль.

– Выспись хорошенько. До вечера, – воин приподнялся и исчез.

Тихоми укрылся одеялом до подбородка. Но перед тем как уснуть, он повернулся на бок – падать больше не хотелось.

– ШАЙРЭ, не уходи, побудь ещё со мной, пожалуйста.

– Тише, Тихоми, я лишь твой сон.

– Почему ничего не видно? Шайрэ?

– Потому что ты спишь во сне. Здесь всегда так.

– Шайрэ, а если я проснусь, то я увижу тебя?

– Не надо. Спи. Тебе пора уходить. Я помогу найти тебе дорогу.

– Дорогу? Я не хочу. Я пришёл за тобой. Ты пойдёшь со мной?

– Нет, я остаюсь. Я уже сделала свой выбор.

– Твоё тело уничтожат... На рассвете.

– Мне оно не нужно. Не волнуйся, милый, я буду приходить к тебе... во сне.

– Я хочу остаться с тобой. Мне хватит даже твоего голоса. Не уходи, мы будем...

– Пора... Тебе пора...

– Шайрэ?!

– Тш-ш-ш-ш-ш...

БЕЛЫЕ ступени песчаного храма чуть приподнялись и расступились. Это Тихоми возвращался сразу с шестого подуровня Силы в свой мир, где во сне ты видишь любимых. А ещё, где сны исполняют все твои желания. Тени расступались. Тихоми летел куда-то вверх и вдаль, цепляясь за протянутые в прощании руки жителей града Теней. Но его ладонь пронизывала всех. Насквозь. Тогда он закричал. Громко и отчаянно. Так, что горнянки осыпали пылью своих жителей, а Тени завибрировали, словно сгустки энергии.

Полет прекратился.

Тихоми снова упал. Только теперь он был рад. Сам нашёл дорогу к горнянке Чиклозара и, отдёрнув полог, воровато оглянулся. Не найдя поблизости ничего деревянного, он просто сказал:

«Тук-тук. Здравствуйте».

Чиклозар появился в коридоре, как и в первый раз.

«Найдется ли мне работа?» – поинтересовался Тихоми.

«Вы уверены, что хотите остаться?» – Чиклозар буднично вытирал жирные руки о фартук.

«Да. Мой поезд уже ушёл. Так найдётся ли мне здесь работа?» – Тихоми улыбнулся так широко, как только мог. И помахал рукой Шайрэ, что была за спиной Чиклозара.

Расскажу вам историю...

Рассказы – самая распространённая форма, в которой работают наши студийцы. Во многом это первый этап в творчестве любого начинающего автора. Рассказ компактен, его легче выстроить, проще написать, с ним намного удобнее работать при правке. И, кстати, не так обидно, если твоё творение в конце концов вдруг отвергнет редакция. Согласитесь, эмоции будут разные, если «завернут» рассказ, который был написан за несколько дней или повесть, над которой бился несколько месяцев...

Поэтому и на собраниях студии не раз звучало: «Пишите вначале рассказы, оттачивайте на них слово, образы, стиль». А как это получается – судить уже читателям.

Иллюстрация Ирины Худяковой к рассказу «Где-то совсем рядом»

Екатерина Прямкова

Где-то совсем рядом

Летом на широкой набережной всегда было многолюдно. Неспешно прогуливались семьи с детьми, а влюбленные парочки и собачники неустанно, словно дозором, обходили широкое зеркало пруда, где даже в самый жаркий день было свежо. Но сейчас мне не встретился ни один прохожий. Я шла то в тени высоких тополей, то греясь лучами закатного солнца. Деревья шумно качали ветвями, а вдалеке по водной глади медленно скользил парусник.

Мне были знакомы каждая тропинка и лавочка этой аллеи. Как много времени я провела здесь в детстве, и как же далеко позади оно осталось теперь! Возле этого памятника мы с ребятами бегали, пытаясь друг друга заляпать, а вот за теми кустами меня никто не мог найти, когда мы играли в прятки. Поддавшись внезапному порыву, я направилась к своему тайному месту. В густой листве послышалось шуршание, но стоило ветке под моей ногой хрустнуть, как оно стихло. Я обошла кусты и увидела девочку лет семи-восьми с выпачканным лицом. Футболка тоже была грязной, а на правой коленке сквозь дыру на джинсах алела большая ссадина.

– Что случилось?

Девочка потерла нос, но ничего не ответила. Я шагнула к ней, а она попятилась и посмотрела на меня – в глазах блестели слезинки. Я вздрогнула. Её лицо… оно было таким знакомым. Может я видела ее где-то раньше?

– Не бойся. Я тебя не обижу. Что произошло? Ты упала?

Её губы задрожали, и она бросила взгляд на лежащий в траве велосипед.

– А, так ты с велика упала? – догадалась я. – Это ерунда, с каждым бывает. Беги домой и попроси родителей обработать рану.

– Нет, – тихо ответила она.

– Что?

– Не пойду домой, – уже более решительно проговорила девочка.

– Почему? Тебе ведь больно, вон, колено все в кровь и на лице ссадина.

Она отвернулась и стала поднимать велосипед. Я заметила, что колесо погнулось, и когда девочка покатила велик по дорожке, оно завиляло. Ехать на нем она уже точно не могла, к тому же колено было повреждено достаточно серьёзно. Нужно промыть рану и как можно скорее!

Но девочка, прихрамывая, докатила велосипед до ближайшей лавочки и села на нее, шмыгая носом. Я осмотрелась по сторонам – набережная по-прежнему была пуста, выходит, она гуляла здесь одна.

– Ты не против, если я присяду рядом?

Девочка снова шмыгнула, даже не подняв взгляда. Странно. Дети обычно охотно общались со мной, но эта девочка... Я не могла просто встать и спокойно уйти. Эта малышка мне смутно кого-то напоминала, но я никак не могла вспомнить, где я её видела. Может, живет где-то рядом? Тогда, тем более, нужно помочь…

Я устроилась на другом конце скамьи и молча

уставилась на воду. На фоне розовато-оранжевого неба парусник почти дошел до плотины и теперь разворачивался. Тут у меня неожиданно зазвонил телефон.

– Привет, мам, – ответила я. – Да вот, на набережной. Нет, одна. Слушай… Давай я тебе позже наберу. Ага, да, пока.

Я вздохнула. Мне не нравилось говорить с мамой по телефону. Она никогда не звонила по делу, могла долго молчать в трубку и вообще, я была у нее на той неделе. Было вовсе необязательно вот так резко прерывать разговор, но и продолжать его не хотелось.

– Вы не хотите говорить со своей мамой? – неожиданно спросил тонкий голосок.

Я постарался скрыть удивление.

– Ну… не то, чтобы не хочу… А чего ты домой не идешь?

Она пожала плечами.

– Тоже не хочу.

– Но ведь калено болит и его нужно намазать зеленкой. Знаешь, когда я была как ты, я частенько разбивала коленки. А однажды и подбородок… Не знаю даже, сколько литров зеленки потратила моя мама.

– И она вас совсем не ругала?

– Эм-м… ну, всякое бывало. Но я уже почти ничего не помню. А… так ты боишься, что тебя отругают? Может, и нет?

– Обязательно отругают. Когда я приду… – она запнулась, – мама даст мне по лицу и отправит стоять в углу.

Она произнесла это так, как будто описывала уже увиденное.

– Да ладно…

– Ага, – обреченно подтвердил девочка. – Уже очень поздно.

– Двадцать пять минут девятого…

– Ну вот. Меня точно накажут. Я должна прийти домой в восемь.

– Но ты же поранилась. Я думаю, родители поймут тебя.

– Нет, не поймут, – настойчиво проговорил она. – Меня накажут, и я неделю не выйду даже во двор. И еще это колесо… И джинсы… Теперь мне не видать куклы на день рождения. А я так ее хотела!

– Неужели тебя так часто наказывают?

Девочка молчала. Она разглядывала мою сумку, а я все всматривалась в ее почти черные глаза, веснушчатые щеки, пуговку-нос и сжатые в полоску губы. Как могут наказывать такого чудесного ребенка? Она ведь… черт, да она, точь-в-точь, моя Каринка! Только вот ее я не наказывала никогда. Для меня не было ничего печальнее, чем грустные глаза ребенка. Знакомые часто ругали меня, что я балую свою дочь, разрешая ей слишком много. Но мне всегда казалось, что это как раз-таки те, кто ругали меня, слишком многое запрещают своим детям. Что может быть плохого в том, чтобы бегать по лужам? Или опоздать, заглядевшись на божью коровку на ромашке? Или вместо того, чтобы играть в телефон и смотреть мультики, сочинять целый мир сказок? Наверное, и меня, и Каринку считали не от мира сего, особенно учитывая, что все это и многое другое мы делали вместе. И потому на случай, если у нее иной раз бывали такие же печальные глаза, у меня всегда была припрятана шоколадка.

– Хочешь сникерс? – я протянула девочке батончик. – Бери, не стесняйся!

– Спасибо, – наконец улыбнулась девочка, а я облегченно вздохнула.

– Знаешь… Ты очень похожа на мою дочку. У нее тоже волосы длинные, только она не любит, когда я ей косички заплетаю, а у тебя вон какие косы…

– Я тоже не люблю, – она продолжала есть шоколадку и говорила с набитым ртом, – но бабушка не разрешает мне ходить даже с хвостиком. А косички очень туго плетет.

– Моя тоже так делала! Мне казалось, у меня глаза становятся узкие-узкие, как у китайца, – я показала ей «китайца», потянув пальцами края глаз, а она захохотала. Мне стало еще спокойнее. Быть может удастся уговорить ее пойти домой?

– Сейчас подкрепишься и можно идти, а то ранку то обработать надо.

Девочка посмотрела на меня обреченно. Этот взгляд… В нем я вновь уловила что-то очень близкое. Нет, Каринка так не смотрела.

– Что такое?

– Почему вы гоните меня домой? – спросила она серьезно.

– Я не гоню, я… переживаю. Я ведь уже говорила, у меня дочка совсем, как ты… И я бы очень волновалась на месте твоей мамы.

– Она точно будет ругаться.

– Ты уверена? Может обойдется, – мне казалось, я обязана убедить ее.

– Недавно я опоздала домой на пятнадцать минут и потом мне нельзя было гулять три дня. Потому что я безответственная, – повторила она, видимо, слова взрослых. – А когда я разбила тарелку, мама кричала очень громко и долго. Я плакала так, что заболела голова и меня затошнило. Но не вырвало, мама дала мне какую-то таблетку, а сама сильно плакала и целовала мне лоб.

Девочка рассказывала это, болтая ногами.

– Выходит, у тебя очень строгая мама?

– Не очень. Она на самом деле добрая и весёлая. Мы вместе играем в настольные игры, и она помогает мне с уроками. Это папе не нравятся, какая я.

– Но ты же говорила, что это мама тебя наказывает?

– Да. Просто папа часто приходит домой злой и ругает маму за то, что она за мной не следит. Иногда они закрывают двери, но я слышу, как мама громко плачет, а папа ругается на нее плохими словами. Я обычно сразу иду гулять или к бабушке… – малышка вздохнула. – А потом меня наказывают за то, что я не спросила разрешения. Однажды я спросила у папы, можно ли мне пойти во двор, когда он спал, и он мне разрешил, я слышала! Честно! Но когда я вернулась… получила ремня от мамы.

Я снова вздрогнула и тяжело сглотнула.

– Но ты ведь спросила у папы..?

– Да, но мама очень сильно ругалась и не слушала, что я ей говорила, что папа меня отпустил. Говорила, я вру и что теперь из-за меня они с отцом опять поругались. Он часто куда-то уходит, а когда возвращается сразу ложиться спать. Мама даже помогает ему раздеться, а на утро папу тошнит. Мне говорят бежать за минералкой, а иногда даже пишут записку, и продавщица ларька возле дома дает мне черный пакет с двумя бутылками пива. Я очень не люблю ходить за пивом или сигаретами с запиской, мне кажется, я какая-то преступница.

– А почему мама не может сходить сама? Ты говорила им, что тебе это не нравится?

Она кивнула.

– Ты боишься своих родителей?

– Нет, – она осторожно почесала коленку возле раны. – Я очень боюсь их расстроить.

– Но они ведь не всегда только ругают тебя?

– Иногда мне устраивают праздники. В этом году я закончила второй класс. Меня очень хвалили на линейке в конце года. Я получила пять грамот! Больше никто столько не получал. Мама сказала, что я молодец. Папа тоже меня похвалил. Мы даже ездили в кино и пиццу, а потом пошли гулять. Я каталась на самых страшных аттракционах и выиграла игрушку в тире. Это было здорово!

– Вот видишь, они очень тебя любят. И ты их, конечно, тоже, да?

– Да, я их очень люблю!

– Тогда тебе лучше пойти домой, чтобы они не волновались. Помочь тебе с велосипедом?

– Да, я пойду, но я сама его довезу. Тут рядом. И я сильная. Когда я вырасту, стану доктором и сама буду всем-всем помогать!

– Конечно! Только не забудь обработать ранки.

Девочка встала, подняла свой велосипед и покатила его по тропинке, а я все смотрела ей вслед.

Вдруг зазвенел телефон. Я проснулась в своей спальне и нехотя села на край кровати. Звонил отец, но я не стала отвечать. Нечеткие кадры из сна все еще кружились у меня в голове.

Зачесалась нога. Я опустила взгляд и увидела тонкий, уже почти невидимый шрам на правой коленке.

Ольга Приймакова

Не нашей породы

ВАЛЕНТИНА просто ошарашила самую активную часть своего коллектива новостью: «Мальчишки мои женятся».

– Валюша, да ты что! Оба?!

– На то и близнецы – все вместе делают. Сколько им уже? По тридцать лет? Пора, пора.

– А невесты, невесты – кто? – отдел бухгалтерии загудел, словно улей.

– У Димы очень хорошая девочка. Из интеллигентной семьи, обеспеченная, образованная. Нашей породы. И с жильём проблем нет: у Наташеньки квартира, а мы там ремонт делаем.

– А про Саньку что не говоришь?

– Саша меня огорчил, конечно. Я надеялась, что он повстречается, повстречается и поймёт, что нянечка из детского сада – не его партия. Да ещё и родителей у неё нет. Будет на нашей шее сидеть. Жить тоже у нас будут. Квартиру снимать дорого, он же один, по сути, деньги зарабатывает. В общем, он не угадал с женой.

– Она не беременная ли?

– Я сначала тоже подумала, что по залёту жениться сына заставляют. Но нет, говорит, по любви.

– Запретила бы, да и все, – басом постановила Вера Павловна. – Хорошим парням невесты хорошие нужны.

– Она по характеру вроде бы и неплохая, и на личико симпатичная, но все равно не нашего круга. Одевается скромно: джинсы да две кофты. А Саша по должности с такими людьми общается, что соответствовать надо. Не знаю, не знаю, что с неё будет. Она в таких кругах и не общалась никогда. Не то что Наталья.

– А как Сашину невесту зовут?

– Э-мм. Анька... Аня.

– Валюша, и что, свадьба у ребят в один день?

– Нет. У Димочки – через месяц. Ребята почти год готовятся. Надо, чтобы все по высшему классу. И мы денег не пожалели, и с той стороны вложились по полной программе. У Саши уже на следующей неделе. Ой, не знаю, что из его брака получится.

– Говорю: сразу надо запретить, чтобы потом не расхлёбывать, – снова раздался зычный голос Веры Павловны, но Валентина лишь вздохнула…

АНЯ СОБИРАЛА свои скромные пожитки с огромным волнением. Семья Саши казалась ей чем-то неприступным. Все такие важные, пафосные. Его брат-близнец смотрел на неё свысока, а его невеста каждый раз подчёркивала свою принадлежность к высшему обществу: папа как-никак при крутой должности.

Сашка был совсем другим. Простой, душевный, словно из другого теста. Хотя, может, Аня ошибалась насчёт его родителей: в плохой семье хороший человек вырасти не может…

САША заехал за ней, как и обещал, сразу после работы.

– Ну что, дорогая моя, готова бросить свою общагу и пойти со мной?

– Почти готова, – она бросила взгляд на сумку с одеждой и пакет с бытовой мелочёвкой.

– Готова завтра пойти со мной в ЗАГС?

– Готова! – и Аня повисла на шее любимого.

"НА НОВОМ месте приснись жених невесте», – прошептала Аня и утонула в мягких подушках и крепком сне. Кто ей приснился, она так и не вспомнила. Наутро её разбудили голоса. Говорили Саша с матерью. О чем, Аня не поняла, но ей страшно было вылезать из-под одеяла, она очень смущалась, не представляя, как сейчас пройдёт в ванную мимо почти уже свекрови, но все равно чужой женщины. Но, расслышав за дверью: «Саша, а что, невеста до обеда спать будет?» – все-таки осторожно встала, чтоб не скрипеть кроватью, надела свой халатик и по стеночке проскользнула в ванную.

Это первое утро в её новом доме было волнительным не только потому, что сегодня она выходит замуж. Она каждую минуту проходила тест на «пригодность». Сашина мать следила за каждым её движением. Чтобы не раздражать её лишний раз, Аня отказалась от завтрака (а вдруг она ест не так, как надо), не решалась выйти из комнаты, боясь, что новые родители осудят её свадебный наряд.

Осудили. И самое первое и веское слово сказала невеста Сашиного брата:

– Вау! Димочка, я, наверное, на свою свадьбу у Анны платье в прокат возьму. Смотри, какой тренд. Даже на распродажах такое не найдёшь. Почём драпчик?

Вот уж перед кем, но перед Натальей Аня трепета никакого не испытывала.

– Во-первых, ты в него не влезешь, во-вторых, тебе не по карману, – отрубила она порыв будущей свояченицы.

Саша тоже вступился за свою невесту:

– А что, тебе драпчик не нравится? Я сам платье выбирал. И денег оно стоит не меньших, чем твоё.

Он, конечно, лукавил. Он бы мог купить своей Анечке самый дорогой наряд, но она, очень экономная и скромная, выбрала именно это симпатичное платьице, которое потом не надо будет прятать в шкаф на годы годные, а можно будет надевать и в пир, и в мир. Наташа обиженно фыркнула: наезд не удался, но этого она уж точно не простит этой выскочке.

В ЗАГСе прошло все очень быстро. Счастливая Аня держала два букета – от мужа и свёкра. Женская часть пережила регистрацию сдержанно-вежливо. И на том спасибо. Аня и без того знала, что непросто будет ей, потерявшей родителей в 15 лет, жившей в интернате, потом в общаге, не имеющей должного образования, влиться в это высшее общество.

Хотя и не за обществом она шла. Даже если бы Саша был не из такой обеспеченной семьи, если бы он не занимал хорошую должность, она все равно любила бы его. Так же, как он полюбил её всем сердцем. Об этом думала Аня, засыпая в свою первую брачную ночь в Сашиных объятиях...

– НУ ЧТО, Валюша, как тебе невестка?

– Да никак. Сидит в своей комнате, если выйдет, так по стеночке, по стеночке прошмыгнёт. С нами не ужинает. Вся извыделывалась.

– Может, стесняется?

– Если бы стеснялась, так и искала бы себе ровню. А уж если залезла в такую порядочную семью, так пусть не обижается, – прогрохотала Вера Павловна.

– Наташенька приедет, и новости расскажет, и чайку с нами выпьет, сразу видно – своя. Через две недели у них свадьба. Я за них даже не переживаю. У Димочки все хорошо будет. А вот Сашенька не в ту сторону посмотрел.

– А я говорила: надо было сразу эту нянечку отшивать, – Вера Павловна стояла на своём, а Валентина в подтверждение её слов лишь вздохнула...

АНЯ РЕШИЛАСЬ поговорить с мужем.

– Саша, я вижу, что твоя семья так и не приняла меня. И тебя это очень напрягает. Может, съедем на квартиру, там сами себе хозяева будем. Я тут даже ужин тебе по-человечески приготовить не могу. Все, как под микроскопом. То сковородку не ту взяла, то соли много кладу...

– Да не волнуйся, солнышко. Все будет хорошо. Мама привыкнет, ты тоже. А насчёт переезда я подумаю.

Обнадёженная Аня прильнула к мужу...

...НАТАША словно с обложки свадебного каталога сошла. Красивая.

– Александр, иди к нам, я хочу между тобой и Димочкой сфотографироваться. Пусть потом гадают, с какой стороны мой муж, – окликнула она Сашу.

Аня со стороны наблюдала, как умело позирует её новая родственница, стоя между братьями-близнецами. Закончив фотосессию, она взяла Сашу за руку и повела в сторону. Со стороны было видно, что ему не очень-то нравится повод для «аудиенции». А Наташа не выпускала его руки и что-то заговорщицки шептала. Потом кивнула головой в сторону одного из столиков. Аня невольно повторила траекторию её взгляда. За тем столиком сидели подружки невесты. Аня стала их изучать: квартет ярких красоток в таких же ярких вызывающих нарядах. Когда Саша вернулся, Аня, конечно же, поинтересовалась, о чем он шушукался с Натальей.

– Так, ни о чем. Спросила, как она выглядит.

Сашино объяснение прервала невеста:

– Аня, что ты сидишь и сидишь. Идём, я тебя познакомлю со своими родными и подругами. Мы же теперь с тобой родня. Как-никак Сашу знают, а тебя нет.

Аня сопротивляться не стала. У каждого столика, где расположилась «ее сторона», Наталья обязательно говорила: «Анечка у нас нянечка в садике, представитель благородной профессии. У нас с ней чудесные отношения. Она на мою свадьбу в своём шикарном свадебном платье пришла. Видите, какая нарядная Анечка брак с Сашей зарегистрировала».

Гламурный квартет после этого представления не скрыл своих эмоций, громко и дружно прыснув в кулачки. Аня поняла, что это была страшная месть Натальи. Но ей было все равно. Она умела фильтровать: на что обращать внимание, а на что наплевать. На Наталью она наплевала...

Но легче ей от этого не стало. Наталья теперь уже на правах законного члена семьи регулярно приезжала к родителям мужа. И вела себя так, словно не Анна тут живёт, а она. Наталья, по-хозяйски располагаясь на диванах, проверяя холодильник, беседуя со свекровью и свёкром. Однажды заглянула и в комнату, где жили Саша с Аней.

– Привет всем. Саша, Лика ждёт твоего звонка. Ты не забыл?

– Не забыл. Завтра с работы и позвоню, – ответил он, а Аня заметила в его голосе волнение и тут же поймала взгляд Натальи – как обычно, насмешливый и с долей превосходства, но сейчас в нем явно преобладало чувство победы. И Анна поняла, что против неё замышляют что-то очень серьёзное...

...ВАЛЕНТИНА просто ошарашила самую активную часть своего коллектива новостью: «Саша разводится».

– Что, довела его нянька?

– А нечего было не в своё корыто лезть!

– Конечно, не по Сеньке шапка.

– А я сразу говорила, что ничего хорошего не выйдет, – Вера Павловна была довольна своими сбывшимися прогнозами.

– Я даже не знаю, как на это реагировать. Вроде бы уж и привыкла к ней – два года все-таки у нас прожила. Плохого слова никому не сказала, и видно, что Сашеньку любит. А он взял и в другую влюбился.

– Как так? Он вроде бы порядочный парень, негулящий.

– Порядочный. И не гулял.

– Ветром надуло?

– Да нет. Это лучшая подруга Наташи, моей снохи. Она с ней несколько раз у нас в гостях была. А он же видит, что девушка ухоженная, воспитанная, обеспеченная. Наверное, понял, что с Аней поторопился.

– Ну он даёт! А потом встретит ещё лучше, чем – как её зовут? – и опять разведётся?

– Лика её зовут, Анжелика. Я уж сама его ругала. Но видно, Наталья его хорошо обработала. Я её просила, чтобы не вмешивалась, А она мне одно говорит: «Валентина Петровна, я вам и Саше добра желаю. Лика – нашего круга, нашей породы», – Валентина закончила новость долгим вздохом...

...АНЯ СИДЕЛА в комнате, которая почти два года была для неё уютным гнёздышком любви и счастья. Она уже не плакала. Она рисовала. На первом листке – она с Сашей, обнявшись, смотрят вдаль. На втором – Наталья в образе ведьмы. На третьем – Саша задумчиво смотрит на девушку. На четвёртом – он уже держит её за руку. Последний лист самый страшный: на нем Аня стоит у могилки своего не успевшего родиться ребёнка.

Его она потеряла, когда узнала, что муж тайком встречается с той крашеной особой, которую Наталья несколько раз приводила к ним домой, «за компанию», как друга семьи. Тогда у Ани сложились все кадры в одну линию: вот на своей свадьбе Наталья показывает Александру на Лику, потом подсовывает ему её телефон. Потом зачастила с ней якобы к свекрови в гости. Саша держался до последнего. Два года его технично обрабатывали. Нет, Аня не оправдывала его, просто пыталась найти объяснение тому, как её любящий муж (а она уверена, что он любил её по-настоящему) мог повестись на другую женщину. Может, квартира? Но он, если бы захотел, мог купить и сам. Может, образование? Но какое отношение диплом вуза имеет к семейной жизни? Деньги? Да, Аня не была наследницей богатого папы, но и запросы у неё были более чем скромные. В общем, оправданий не находилось.

Саша, по всей видимости, тоже их не находил. Поэтому ушёл в квартиру Лики молча. Его мать сначала повесила всех собак на Аню – на кого ж ещё? – предположив, что сын покинул дом из-за ссоры с женой. Но увидев, что та вообще не в курсе, что происходит, призвала Александра к ответу. Аня не знала содержания разговора, но именно свекровь сообщила ей, что Саша подал на развод. И, конечно же, Валентина Петровна сразу поинтересовалась, что Аня намерена делать.

– А я не знаю... – честно и растерянно призналась девушка.

Идти ей было некуда: комнату в общаге сдали давно, сразу после свадьбы. И девушка уже знала, что беременна. Только не смогла сообщить об этом Саше. Он узнал только о выкидыше. Мать позвонила ему и сказала, что Аню увезли в больницу с кровотечением. Он, конечно, пришёл её навестить. Но это выглядело как жестокая насмешка: с апельсинами и виноватым «Прости меня, ладно?». Аня умела прощать. Аня умела забывать. Но только не сейчас. То, что сделала для неё Наталья, не простить и не забыть. Никогда.

Никогда бы Аня не подумала, что свекровь так проникнется её безвыходным положением. Когда Аня после выписки робко постучала в дверь квартиры, её неожиданно встретили пусть не очень удобным, но очень обнадёживающим предложением:

– Живи пока в Сашиной комнате, куда тебя девать... Но вопрос с жильём решай как можно быстрее.

ВАЛЕНТИНА снова отбивалась от своих соседок по кабинету.

– Валюша, ты что, её у себя оставила?! Зачем она тебе?

– Временно. Вот оклемается после выкидыша, будем думать.

– А почему ты должна думать?

– Это грех моего сына, значит, мне его и расхлёбывать.

– Сердобольная ты наша, – припечатала Вера Павловна.

Но сердоболию Валентины ответило такое же чувство со стороны Анны. Бывший свекр слёг неожиданно. Гипертонический криз поразил его посреди бела дня, и если бы дома не оказалось Ани, которая работала во вторую смену, скорее всего, он не выжил бы. Девушка, услышав из соседней комнаты подозрительные звуки, поспе-

шила узнать, в чем дело. О, господи! Вызвала «скорую», оказала, как учили, первую помощь. Потом доктор благодарил её за правильные действия.

Свёкра увезли в больницу, а Аня поспешила сообщить свекрови о несчастье. Та завыла в трубку, и Аня, понимая, что женщина самостоятельно не сможет добраться до дома, позвонила бывшему мужу. Саша трубку не взял.

– Что ж ты – дурак такой! Я не просто так звоню!

Нашла в своём справочнике номер Димы, но телефон взяла Наталья: «Забудь этот номер», – услышала Аня.

Что делать? Рванула на такси (взятое на последние деньги) на работу к Валентине Петровне.

– Что с ним, Аня?! Как он?! Скорее, скорее! – паниковала встревоженная женщина. Аня осторожно поддерживала её под руку.

В палате, увидев мужа, Валентина Петровна немного успокоилась, но после слов врача снова встревожилась:

– Все так серьёзно? Ухаживать? Я работаю на руководящей должности, никак не могу. У ребят тоже нет возможности... Что же делать, что же делать?.. Аня?..

– Конечно, Валентина Петровна, какой разговор, – и Анна подписалась на должность сиделки.

Из больницы их выписали через четыре недели. Саша с Димой были у отца всего два раза. Аня предпочитала в этот момент выходить из палаты – чтобы не смущать бывшего мужа. И даже когда Валентина Петровна устроила званый ужин с приглашением сыновей и их жён по поводу возвращения больного домой, хотела тихонько посидеть в своей комнате.

– Нет уж, девонька, выходи, никого не бойся.

– Я и не боюсь, – с вызовом заявила Аня, а у самой все равно дрожали руки от предчувствия. Ей не хотелось видеть смущённого Александра, его беременную Анжелику, было мало желания натыкаться на равнодушный взгляд Димы и, конечно же, меньше всего она хотела сидеть за одним столом с царицей мира, разрушившей её жизнь. Предчувствия оправдались. Наталья встретила её холодной усмешкой. Она явно хотела сопроводить своё выражение лица язвительной репликой, но слово уже взяла Валентина Петровна.

– Друзья мои, мы пережили очень трудный момент. Слава богу, что кризис миновал, и наш папочка идёт на поправку, – папочка в этот момент улыбался во весь рот, полулёжа в подушках на диване. – Давайте выпьем за его здоровье.

Все дружно подняли бокалы, а больной чокнулся со всеми минеральной водичкой.

– А я думала, что это семейный праздник, – пригубив вино, сказала Наталья.

– Правильно ты думала, за этим столом посторонних нет, – ответила счастливая Валентина.

– Тогда что тут делает эта особа?

– Кого ты имеешь в виду? – Валентина начала нервничать. – Уж не себя ли?

– Ну, Валентина Петровна, это уже слишком! – Наталья вскочила из-за стола, всем своим видом показывая, что намерена немедленно покинуть это помещение.

– Значит, себя, раз собралась уходить.

– Я – законная жена вашего сына! Анжелика – законная жена вашего сына. А эта на каких правах здесь? – через толстый слой макияжа стали проступать красные пятна, и Наталья с каждым словом только усиливала их насыщенность.

– На законных тоже, – встрял отец. – Если бы не Аня, вы собрались бы за столом гораздо раньше, и это были бы поминки.

– Сиделка должна знать своё место! Её задача – утку выносить и лекарство вовремя дать.

– Это тебе надо лекарство вовремя дать, – неожиданно вступился за Аню Саша, чем вызвал нервный тик на лице своей беременной Лики.

Аня молча вышла. Она не умела вести «светских» бесед. Из «своей» комнаты она слышала, как её бывшее семейство спорило насчёт законности пребывания Ани в этой квартире. Она лежала на кровати и смотрела в потолок...

ВАЛЕНТИНА снова шокировала свой женский коллектив:

– Вчера с Анечкой по магазинам ходили, обновок себе набрали.

– С Анечкой? Ты не перепутала? – грозно спросила Вера Павловна. – Мало того, что она живёт у тебя уже который год, так ты ещё и дружить с ней придумала.

– Платье ей купили – просто отпад, – не обращая внимания на коллегу, продолжала Валентина, – она в нем такая красотка! Шубку ей с отцом присмотрели, но ни в какую не согласилась, скромничает. Хорошая она у нас. Надо девочке жениха, но не абы кого, а чтоб нашего круга, нашей породы...

Женщины переглянулись, и даже Вера Павловна не нашлась, что сказать на это заявление...

Анна Неугодникова

Дерево счастья

Сердце радуется в другой раз посмотреть на божью тварь… У всякой свой порядок и свой ум.

Д.Н. Мамин-Сибиряк «Приемыш»

Я – ЯБЛОНЯ. Самая счастливая яблоня на Земле. Пусть не благородная садовая, а дикая, но зато самая счастливая. Да, я пережила много горя и трудностей, но сейчас-то я самая счастливая…

Я появилась на свет от маленькой косточки из огрызка, брошенного в траву маленьким мальчишкой. И надо сказать, что я ему очень благодарна за то, что он бросил этот огрызок именно здесь, в этом прекрасном месте, на берегу небольшого чистейшего озера, где бархатным ковром расстилается зелёная поляна. Сначала я была маленьким беззащитным росточком, но со временем стала настоящей красавицей с раскидистой кроной.

Однажды, прекрасным весенним днём, когда я впервые зацвела нежными бело-розовыми цветами, на берег пришла девушка. Она была такая же нежная и юная, как и я, в белом платьице и с длинной косой. Она села в тени моей небольшой кроны и любовалась озером, напевая спокойную приятную мелодию и вдыхая запах моих цветов. Так мы с ней вместе наслаждались тёплым ветерком, рябью на воде и пением птиц, удобно устроившихся на моих ветвях.

Через некоторое время к нам подошёл юноша, присел рядом с девушкой и взял её за руку. Я чувствовала, что они счастливы, и поэтому меня тоже переполняло это чувство. Проводив закат, молодые люди встали, юноша бережно сорвал с моей самой низкой веточки букетик и украсил им косу своей спутницы со словами: «Давай каждый день сюда приходить, это будет наша яблоня». И вот тут я буквально задохнулась от счастья. Наша яблоня! Я – их яблоня! Я им нужна! Значит, и они МОИ тоже! И опустила свои ветви настолько низко, насколько могла, чтобы приобнять моих людей.

Они приходили ко мне всю весну, и, пока я цвела, всегда дарила им свой небольшой ароматный букетик. Приходили летом, и я укрывала их тенью, прятала от палящего солнца. Приходили

осенью, и я их угощала своими кислыми яблоками, а они морщились и смеялись.

Прошёл год с нашей первой встречи. Я снова была вся в цвету, нежная, красивая, благоухающая. Около меня стояли мои люди, Она тоже была вся в белом: длинное платье и накидка на голове, Она была прекрасна... Мы с Ней сегодня были очень похожи. Он тоже был очень красивый: тёмный костюм и белая рубашка. На этот раз Она сорвала букетик и украсила им карман Его пиджака. Затем Она сняла со своего запястья узкую белую ленточку и повязала на моей веточке со словами: «Эту ленточку я повяжу на яблоньку в знак благодарности за наше счастье. И каждый год в этот день мы будем приходить сюда и завязывать одну белую ленточку. Это – наше дерево счастья».

Прошло пять лет, я повзрослела, стала выше, моя крона стала более раскидистой. Но меня украшали всего две белые ленточки, потому что Мои люди, попрощавшись со мной, покинули эти края. Я очень переживала, даже одну весну не цвела… Но зато ко мне приходили другие люди и украшали другими ленточками: красными, жёлтыми, синими. Я снова чувствовала себя нужной, мне снова не было одиноко, и опять начала цвести. Каждый раз, повязывая ленточку, человек загадывал желание: он почему-то думал, что я – дерево желаний. Но я не сужу их, ведь они не знали, что я – дерево счастья. Но я все равно снова чувствовала себя счастливой и красивой, на мне был необыкновенный наряд из этих ленточек.

Прошло ещё два года. Постепенно все мои нижние ветки были полностью укутаны в эти ленты. С каждым днём мне становилось труднее дышать. Каждый человек, приходя на озеро, обязательно хотел загадать желание и завязать на мне ленту. Зачем? Почему? Я не умею исполнять желания, я могу только приносить счастье!.. Многие из старых лент уже были некрасивые: грязные, рваные, они продолжали висеть и их никто не снимал. Люди, у которых не было с собой красивой ленточки, завязывали шнурки, какие-то тряпки, и даже обрывки от полиэтиленовых пакетов. Они не понимали, что мне это не нравится, что меня это не украшает. Я задыхалась с каждым днём все больше и больше. Когда на нижних ветках не осталось свободного места, люди стали тянуться до верхних и обламывали их. Они не думали обо мне, думали только о своих желаниях. Люди, хватит! Я больше не могу так! Ау, люди, я не дерево желаний! Опомнитесь, разве вы не видите, что я болею из-за этого, что я стала некрасивая?!

Но они не понимали, что, гоняясь за своими желаниями, они убивают меня и моё счастье.

Но самое ужасное происходило дальше. Теперь ко мне перестали прилетать птицы, они боялись этих лент. Боялись приближаться ко мне, ведь я была похожа на пугало, на котором все шевелится и шуршит. Я очень скучала по их красивому пению, по играм, которые они устраивали на моих веточках. Птички, вернитесь, я всё та же яблоня! Однажды осенью одна пичуга запуталась в шнурке и повисла на лапке, не смогла освободиться самостоятельно. Как только она не пыталась выбраться из этого плена! Трепыхалась, звала на помощь и, наконец, выбилась из сил и просто повисла на лапке... Бедная. Это было ужасно. Я ничем не могла ей помочь. Все могло закончиться трагедией, если бы ни один добрый человек, который помог ей выпутаться и положил на траву. Я очень хотела, чтобы птичка подкрепилась, и сбросила ей на землю своё яблочко, ведь она столько пережила, проголодалась. Но нет, она, чуть-чуть оправившись, тут же улетела от меня подальше. Птицы стали облетать меня стороной. Я их прекрасно понимаю, ведь я ужасно выгляжу, может быть, даже зловеще. Теперь, когда ко мне перестали прилетать пернатые друзья, на моих цветах, листьях, коре и яблоках устроили пир жуки, гусеницы, червяки. Их стало слишком много, я от них устала, заболела, мои ветки стали сохнуть, листья желтеть.

Я стояла почти высохшая. От былой красоты не осталось и следа. Вместо красивых цветов, зелёных листьев или ярких сочных яблок меня «украшало» теперь множество лент, тряпок и прочего мусора. Трава на моей прекрасной поля-

не была вытоптана. Теперь, когда я стала ужасно выглядеть, люди, не стесняясь, оставляли возле моего ствола мусор: банки, бумагу и остатки еды после пикника, проведённого на берегу озера. И никому не было до меня дела, никто не замечал, как я страдаю. Мне было тоскливо, горько, одиноко и страшно.

Но однажды весной случилось чудо. Ко мне вернулись МОИ ЛЮДИ! Да, они вернулись, но теперь их уже было не двое, а четверо. Четыре МОИХ ЧЕЛОВЕКА! Он, Она и двое их чудесных детей, мальчик и девочка. Увидев меня после долгой разлуки, они не поверили своим глазам. Ведь они пришли к своему дереву счастья, пришли познакомить со мной своих детей и повязать свою белую ленточку!.. Они долго смотрели на меня, я чувствовала, как разрываются от боли их сердца. Они хотели увидеть большую цветущую яблоню, а не засохшую корягу. «Наша яблоня даже не цветёт. Что же люди с ней сделали!» – воскликнула Она. А я в этот момент думала: «Простите меня, мои милые люди, что я не смогла остаться для вас такой, как раньше». Они ушли, но совсем скоро вернулись и приступили к моему спасению. Он спиливал сухие ветки, Она и дети освобождали меня от ленточных оков и очищали полянку от мусора и дали попить воды из озера. О да! Я снова могла нормально дышать и расправить свои веточки.

Я снова была самой счастливой яблоней. Нет, не так – я была самым счастливым деревом! Птицы снова вернулись ко мне, запели свои прекрасные песни и вылечили от паразитов. Моя полянка снова зазеленела, зацвела, запорхали над ней разноцветные бабочки, полетели стремительные стрекозы, зажужжали пчёлки. Как же мне их всех не хватало! Это ли не счастье?

На следующую весну я снова зацвела. Сейчас мне уже много лет. Ко мне часто приходят мои люди: Он, Она, их дети, дети их детей. Я могу смело назвать себя самой счастливой яблоней с самой богатой историей. Я нужна людям, а люди нужны мне. Мы делаем друг друга счастливыми!

Екатерина Орлова

Я тебя помню

"НЕ БУДУ СПАТЬ», – капризничает Юлька. А это значит, что нужно отложить учебник географии и идти читать сказки. Юлька – соседская девчонка, ночует у нас, когда её мама уходит на завод в ночную смену, как, кстати, и моя. Помогаю по-соседски, так, кажется, называет это мама.

– Ну что, Юлька, сказку почитаем?

– Нет-нет, Катя, расскажи мне историю про волка…

– И Красную Шапочку?

– Нет, про того, который у тебя в учебнике нарисован, вот здесь, – тащит географию Юлька.

– Ну что ж, – разглядываю фотографию волка, – будем знакомы, серый обитатель Восточной Азии.

– Рассказывай, рассказывай, – торопит она.

– Рассвет. Восточная Азия. Племя Ма-Конг, – неуверенно начинаю я. – Глава семейства утром идёт на рыбалку, надевает накидку из клёна, чтобы утром согреться, а днём не сгореть под палящим солнцем, берет копье – и в путь. Кстати, накидка досталась ему от прадеда, исключительно редкая и очень красивая. Дорога предстояла долгая – до реки приблизительно два часа. Он бодро прошёл по своей родной тропинке между двух скал, с которых стекали тонкие струйки кристально чистой воды, он набрал полные ладони живительной влаги и отпил. Безграничный пейзаж вводил в эйфорию.

Юлька не спрашивает, что такое «эйфория», наверное, представляет пейзажи…

– Катя, а где волк?

– Не перебивай, сейчас будет. Пункт назначения – зацветший берег реки Меконг, на котором ещё давным-давно вырос ковёр из мхов. В честь реки и названо племя. Пройдя ещё совсем немного, он услышал слабый писк, доносящийся справа. Покрутил головой, но никого не увидел. «Наверное, показалось», – подумал он. Но только лишь шагнул вперёд, как снова услышал писк, уже с тихим подвыванием. Пройдя чуть в сторону и раздвинув кусты, он увидел маленького волчонка. Матери волчонка вблизи не оказалось. Осторожно взяв его на руки и прижав к себе, он осмотрел детёныша, вздохнул и побрёл обратно.

– Катя, а почему он вздохнул и побрёл?

– Потому что кто-то постоянно нарушает все планы… по-соседски.

Вернувшись домой, он опустил его на землю. Сначала волчонок испугался, запищал. На писк вышла хозяйка семейства и взяла волчонка на руки. Прижав к себе, начала напевать колыбельную, которую так любили слушать дети этого племени. На удивление волчонок затих, прижался ещё сильнее к груди и заснул. Слышишь, Юлька, заснул!

Волчонок рос очень быстро. Хозяин дома решил его брать с собой на охоту. Научил его выискивать добычу, ловить рыбу и всему, чему должен научиться волк. Но, несмотря на всю любовь, которую дарили волку люди, его сердце рвалось в свой дом, в свою дикую природу. И однажды он все-таки ушёл. Хозяин очень опечалился – настолько сильно он полюбил и привязался к своему новому питомцу и верному помощнику.

Шли дни, месяцы. И вот однажды ночью случилась беда. На жилище людей напал огромный медведь. Крики, паника. И на этот шум прибежал

из леса волк. Вместе с хозяином жилища он отважно дрался с медведем не на жизнь, а на смерть. Медведь был повержен, а волк и человек, хоть и ранены, но живы. Уходя, волк обернулся. «Я тебя помню», – прочитал хозяин в глазах теперь уже матёрого волка: столько в них было благодарности и преданности. «И я тебя никогда не забуду, – тихо сказал охотник, – беги и будь свободен»!

– Катя, а он в лес побежал? А у этого волка волчата есть? А волчица? А они его любят? Они его дома ждут?

– Да, Юлька, да. Конечно, любят. Как такого волка не любить!

– И я люблю,– уже сонно говорит Юлька,– и не забуду!

– Кого не забудешь?– улыбаясь, поправляю ей сбившееся одеяло.

– Тебя, Катя...

Мария Лопаева

Лесополитическая сказка

НАДОЕЛО зайцам медведю подчиняться. Уши свои длинные в кустах при первом шорохе прятать, да хвостиком-пушистиком потрясывать. Решили они пробу спробовать – медведя, царя лесного, главнокомандующего таёжного – победить.

Вот думают, как бы дело-то справить? У самих ни когтей, ни клыков. Только ноги длинные да уши торчком. Да голова пустая. Зато вон какие беленькие да пушистенькие! А всё под гнётом ходят. Пора и независимость приобресть. Думали-думали и решили: волков позвать. У них-то и клыки, и лапы с когтями, и силы-злости не занимать. Хищники, одно слово!

Волки-то, знамо дело, удивились сперва. А потом смекнули: почему бы и «не помочь» зайцам? «А соберитесь-ка вы с утречка на поляночке, – говорят – обсудим всё, да и в бой с медведем двинемся!»

Обрадовались остроухие, запрыгали: «Кто не скачет, тот не наш!». Прискакали все с утреца на горочку, веселятся, будущую победу празднуют.

А волки в сторонке уж наблюдают да облизываются. А один волчище из стаи не стерпел да как хвать самого хвастливого зайчишку за хвост. И вся стая туда же!

Выходит медведь на поляночку. А там ни тебе зайцев, ни тебе волков! Последние зайцев хорошо спрятали. Теперь-то уж им никакой Медведь не указ!

Софья Коренистова

Наш праздник

СУМРАК. Лакированный советский стол. На толстой белой пружине одиноко висит оранжевая люстра в белый горошек. Окно. Несмотря на поздний час, шторы были не задёрнуты: виднелась россыпь огоньков от низеньких пятиэтажек, громоздких уличных фонарей и фар машин. Хлопья белого снега медленно опускались в белые хрустящие сугробы. Я сидел за столом с большой кружкой, подаренной отцом на Новый год, и грел заледенелые руки. Я сидел в носках, связанных мамой. Обычно мне нравилось наблюдать за ночной неспешностью жизни, летящими частичками зимы. Но сегодня был особенный вечер. Люди веселились, шумно гуляли с бенгальскими огням в руках, один за другим пускали фейерверки. Я не мог веселиться с ними. Беспокойство крепко сжало меня в свои объятия, сердце кололо сотни маленьких иголочек. Я должен был позвонить ей, но не смог. Меня охватывал ужас от взгляда на телефон и мысли, что в ответ на мои слова она ничего не скажет, что будет молчать, тихо всхлипывая в трубку телефона. И я ничего не смогу с этим поделать, не найду нужных слов, чтобы успокоить её.

Мама и папа. Несмотря на то, что мой возраст перевалил за 30, я все ещё не представляю жизни без них. Уже давно я окончил институт, есть своя квартира и работа. Если бы не родители, то не знаю, как справился с быстрым течением своей жизни, кидающим в скалы и несущим в неизвестность. Родители всегда были опорой для меня. Они делали все, чтобы я ни в чем не нуждался, дали мне самое ценное, что у них было – любовь. Что бы не происходило, в какой ссоре не находились, я знал, что могу положиться на них, что я не один.

Я с теплотой вспоминаю о вечерах из детства, которые наша семья проводила вместе, сидя в комнате на большом персиковом диване. От маминой одежды исходил приятный аромат духов, нанесённый ещё утром перед работой. Мы часто проводили время за чтением, поэтому каждый такой вечер был долгожданнее любого праздника. Мне и маме нравилось слушать папин ласковый, хрипловато-выразительный голос. Отец увлекал нас детскими сказками, мифами и легендами, простыми рассказами и повестями. Чем старше я становился, тем серьёзнее в объёме и смыслах были книги. Мама тоже иногда читала вслух, но ей нравилось больше слушать, да и папа сам любил выбирать книги. Особенно он любил книги Дмитрия Мамина-Сибиряка. Живя рядом с Висимом, мы часто бывали в музее автора, открывшимся в конце прошлого века. Отец любил Сибиряка за его чуткость к природе Урала, его истории, писатель правдиво и красочно изложил самобытность уральского народа, его счастья и горечи; в произведениях герои, живущие в безнравственном мире, чаще обретают смысл жизни, находясь с простым работящим мужиком. Любовь к его творчеству он смог передать мне через «Алёнушкины сказки» и «Серую шейку» в детстве, в юности я уже сам знакомился с его произведениями: «Горное гнездо», «Хлеб», «Дикое счастье», «Приваловские миллионы».

Помню, прочитав рассказ «Кормилец (Из

жизни на Уральских заводах)», спросил под впечатлением у отца: «Неужели, тебе нравится читать такие жестокие книги?», – на что он ответил: «Мне нравится, что Мамин-Сибиряк – это писатель, которого волнует настоящее и будущее, не забывает о прошлом, он стремится показать незнающим деревенской жизни горожанам, что она трудна и жестока, но в ней есть отдушина – красота Уральской природы». Не меньше мы любили встречать Новый год вместе, правда, не всегда удавалось. Отец работал врачом в городской больнице, поэтому в праздники часто уходил в ночные смены. Мама расстраивалась, но папе старалась этого не показывать, заботливо завязывая шарф на его шее перед уходом. Но в тот год... в тот год настала его очередь провести праздник дома. Я часто думал, что могло произойти так много «если»: если бы он не торопился прийти домой, если бы сел на другой автобус, даже если бы ему выпала ночная смена в этом году... Но сейчас все эти «если» не имеют никакого значения. Они не вернут его.

Тот год мы встретили в городской больнице. Мама долго плакала, пряча лицо в холодные руки. Её хрупкие плечи вздрагивали в моих объятиях. Тогда я не знал, какие мои слова смогут принести ей покой. Кажется, что все сказанные мною слова были бессвязными звуками. Мне оставалось только быть рядом и крепко сжимать в своих руках подрагивающее от рыданий тело. Это давалось мне невероятно тяжело. В голове вспышками возникали вопросы: Почему он поехал на том автобусе? Почему уступил место, а не остался сидеть? Подумал ли перед смертью обо мне и маме? Почему, почему... Хотелось бегать по больнице и кричать, обвинять врачей в том, что не спасли его. Но разве это их вина?

Я очнулся от лёгкой дремоты. На часах было одиннадцать ночи. Рядом стояла кружка с остывшим чаем. На кружке были вразнобой напечатаны фотографии из семейного альбома. Я заметил фото двухлетней давности, сделанное папой перед смертью. На нём я и мама в новогодних колпаках рассматриваем книгу из моего детства. Это был сборник Мамина-Сибирика «Рассказы и сказки» 1952 года. Под фото подпись: мои любимые слушатели.

Я встал из-за стола и подошёл к книжному шкафу. В нём стояли отцовские книги и тома любимого писателя. Я открыл дверцу и потянулся за книгой, достал сборник с фотографии на кружке. Развернув потертую обложку, прочёл: «Жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец – вот где настоящая жизнь и настоящее счастье». У отца была привычка подписывать книги цитатами их авторов. Я закрыл глаза. Мне показалось, что папа стоит рядом, положив большую руку на моё плечо, будто я обернусь, и он будет стоять рядом, зовя вместе перечитать детские сказки Мамина-Сибиряка… Посмотрел на настенные часы – 23:40. Ещё успевал.

Я понял, что должен идти к ней. Мне страшно видеть её слёзы, страшно сорваться на резкий тон, но насколько ей страшнее оставаться сейчас одной? Я закрыл сборник с полки, накинул куртку, захлопнул дверь и помчался по лестнице. Хлопья снега падали на лицо и руки, обжигая холодом. Я тонул в сугробах, загребая их в сапоги, сложно было протаптывать заснеженные дорожки. Я бежал, чтобы прочесть ей сказку, как когда-то отец читал их нам с мамой.

Старый подъезд. Горло и щеки горели от мороза. Я упёрся руками в колени, отдышался и открыл дверь. Пройдя шесть ступенек, остановился. Звонок. Негромкие шаги за дверью. Задвижка глазка тихо скрипнула. Дверь медленно открылась. На пороге стояла мама.

– Здравствуй, сынок, – уголки её рта поднялись, в голубых глазах зажёгся огонёк – Ты давно не звонил, замёрз, пока шёл?

И правда, я совсем редко стал звонить и навещать её. Просто не мог. Не знал, как к ней подступиться. Любая мелочь, связанная с отцом, вызывала слёзы. Она понимала, чувствовала, что мне тяжело быть рядом. Ей и не хотелось этого. Каждый звонок был в радость, но если я не звонил, то она и не тревожила меня. Так прошёл целый год. Мы отвыкли получать безмерное тепло, отвыкли

делиться им друг с другом. Поэтому сейчас мы чувствовали неловкость, находясь рядом.

– Заходи, я чай тебе сделаю. На улице идёт снег? – эта улыбка: отсутствующая и пустая, будто она где-то далеко, в недосягаемости для меня… Когда отец был жив, она никогда так не улыбалась. Я переступил порог: всё тот же маленький коридор, те же комнаты, но им не хватало той живости, подвижности, которые были при отце. Мама усадила меня в гостиной и ушла на кухню. Через пару минут принесла фарфоровый белый чайничек и две кружки, разлила горячий чай и села напротив.

Мы молчали. Наше безмолвие могло длиться ещё долгие минуты.

– Мам, я пришёл без подарка, но принёс кое-что другое… – достал из-под куртки небольшой томик сказок. – Узнаешь?

Она посмотрела на меня, будто бы только поняла, кто к ней пришёл.

На мамином бледном лице распустилась светлая улыбка.

– Конечно, узнаю… – из голубых глаз побежали прозрачные капли.

Я вдохнул побольше воздуха, присел рядом с мамой на персиковый диван.

– Мама, давай ради папы, снова вместе почитаем?..

Я почувствовал, как по щеке стекает слезинка, словно с тающей сосульки. Мама прикоснулась тёплой рукой к моей щеке, вытерла след от слезы.

– Ты почитаешь мне?

Я кивнул. Мама положила голову мне на плечо.

За окном засвистели пёстрые салюты. На часах было двенадцать.

Эдуард Печенежский

Иль зверем стать мне суждено

СОЛНЦЕ ещё пыталось достать до небосвода из-за горизонта, но власть уже была передана в руки детей ночи. Я всегда просыпаюсь раньше всех. Прежде мне нравилось подолгу нежиться в постели после пробуждения, лениво перебирая в голове мысли и картинки, отпечатанные в памяти минувшими днями; затем шёл круговорот удалённой работы, еды из круглосуточных супермаркетов, грязных вечеринок и редких людей, которых с трудом можно было назвать друзьями. Я не жаловался на свою жизнь, но амбиции точили моё естество изнутри, а совесть кусала после каждой ночи, пущенной на ветер.

Теперь я чувствую только холод, сочащийся из моей проклятой души и чёрствого сердца. Моя жизнь оказалась рублевой монетой, жетоном метро, принимать который не желает ни один порядочный человек. Мой вагон уже давно несётся в

непроглядную тьму тоннеля, и никакие молитвы не помогут осветить его. У всех нас впереди – глухая стена, последнее препятствие на пути к блаженному забвению. Беги или будешь раздавлен.

Окружающим кажется, что мой образ жизни не поменялся. Замкнутость, редкие прогулки, дневной нездоровый сон. Для них ничего не изменилось, а меня ломало. Первое время было особенно непривычно: вчера вы могли мило беседовать при свете луны, а сегодня она – ночной перекус. Попытки одолеть внутреннего зверя никогда не заканчиваются победой, он всегда берет своё. Голод раздирает тебя на части, заставляет встать на колени и просить пощады: жжение начинается где-то в животе и поднимается до самого горла, а нескончаемый звон в голове мешает находить нужные слова и мысли. Окажись где-нибудь неподалёку человек, он всенепременно попробует помочь, вызовет «скорую» или просто косо посмотрит в твою сторону. И всенепременно станет жертвой спустя мгновение.

Я научился избегать таких срывов, но цена за это высока. Мне приходится осознанно выбирать, кем придётся питаться сегодня. Сначала я предпринимал попытки играть в героя: выслеживал во дворах пьяниц-дебоширов или мелкое жулье, рыщущее под покровом темноты в поисках опрометчивых и одиноких. Мне казалось, что если я не смогу побороть аппетит и досуха выпью одного из этих мерзавцев, ничего страшного не случится, возможно, мир даже станет чище. Но это была очередная сладкая ложь внутреннего демона, выжидающего часа слабости моей воли.

Сейчас я знаю ценность каждой капли крови смертного, не столько материальную, сколько духовную. Постоянно поддерживая в себе то, что даже жизнью считать не получается, мы теряем человечность и последнюю надежду на искупление грехов. Свет продолжает истираться со страниц нашей памяти, оставляя на своём месте ненасытную пустоту.

Уверен, кого-то из моих Сородичей прельщает бессмертие, несравненная сила или сверхъестественные способности, пробуждающиеся в нас с течением времени, но я не вижу в этих переменах ничего святого. Говорят, в минуты отчаяния люди бегут в объятия Бога, и это – незыблемый оплот всякого, кроме нас, отмеченных печатью вампиризма. Забавно, что «печать» так похожа на «печаль».

* * *

ДЕЖУРНЫЙ трамвай отходит из депо ровно в 23 часа 37 минут. Это время было выбрано неспроста: и зимой, и летом темнота уже спускается на город. С помощью общественного транспорта Сородичи могут практически незаметно переместиться из одного района в другой, а утром вернуться в свои убежища ещё до прихода рассвета. С автобусами и метро та же история, но люди в упор не замечают всех тонкостей, бережно встроенных в их общество, как насекомые до последнего не замечают паутины.

Ночные клубы, киносеансы, обустроенные лесопарки и набережные, будто нарочно слабо освещены в нескольких местах. Все это стало настолько привычно для нас, детей ночи, как для людей привычен список телеканалов. Меняются названия, часовые пояса, страны и континенты, но городская инфраструктура всегда приветлива к нам, ибо наш род стоит у самых истоков борьбы за власть, политики и прочей мишуры да лапши, развешанной тут и там.

Я как обычно оделся в то, что под руку попалось, но постарался сделать это со вкусом: поверх белой рубашки красовался старомодный клетчатый свитер, а сверху была накинута серая куртка. Очевидный плюс вампиризма – тебе не важно какая за окном погода, ведь твоё тело фактически мертво. Одежда выполняет роль очередной ширмы, благодаря которой смертные ничего не будут подозревать. Изобрази на лице усталость, задумчивость, искусственно разгони кровь, чтобы та прилила к лицу и создала некое подобие румянца на щеках, симулируй дыхание. Главное не пере-

борщить. Вампиры – прирождённые актёры, хищники, способные прятать клыки за дюжиной натянутых улыбок.

Моя остановка. Окраины города. Большинство Сородичей умеют подавлять сознание смертных, вторгаться в их мысли, навязывать желания. Очередной признак извращённости нашей сути. Заслужив наказание Господа, мы непримиримо гнём свою линию, сами пытаясь играть в богов и распоряжаясь судьбами тысяч и тысяч. Мы как дети, которых поставили в угол, не признаем собственных ошибок и порочности.

Заброшенная больница. Когда-то здесь был пожар, унёсший столько невинных и светлых жизней, теперь – пепелище, на котором подобные мне пытаются найти покой и утешение. Я подкармливаю стаю собак, поселившихся в подвальных помещениях заброшенного здания, кое-что оставляю для крыс по углам, а после использую свои ментальные способности гипноза, чтобы собрать этот зоопарк в бывшей приёмной. Их кровь пресна, вязка как резиновая каша, когда-то подававшаяся в стенах этой больницы, а на вкус похожа на придорожную траву с пылью, приправленную самой горькой таблеткой, из всех, что можно найти в аптеках. От этих сравнений тянет вырвать, но я делаю усилие над собой и удерживаю все в себе.

Такова цена моего относительного спокойствия. Только так я могу на время успокоить своего Зверя, внушив себе, что поступаю правильно. Но как долго он будет довольствоваться этими подачками? Как скоро он набросится на несчастного кондуктора трамвая, еле сводящего концы с концами на работе, и моими собственными руками разорвёт его в клочья?

Сидя на полуразрушенном карнизе больницы, я часто думаю о том, чтобы остаться здесь до утра и, в последний раз увидев Солнце, окончательно умереть в его тепле и заботе. Но страх спасает меня и уводит прочь прежде, чем это случится. А может меня спасает надежда на то, что когда-нибудь я научусь жить с этим, не причиняя никому вреда? Или эта мысль – очередной искусительный шёпот Зверя, новая ниточка, за которую он хочет подвязать меня к потолку и никогда не выпускать из своих рук?

Прошло много ночей с моего обращения в ужасного и бессмертного вампира. Раньше казалось, что в подобных мне есть только сила, величие и притягательная мрачность, которая нравится девушкам, а тяжкий крест, влачимый мной каждую ночь, никогда не был виден за тем романтическим образом, что создала современная попкультура. Новая сторона моей природы крадёт последние крохи человечности, попутно заявляя права на мою душу и жизни всех моих знакомых. Я не знаю, как и когда закончится эта борьба, но покуда рассудок, изрядно пострадавший в последнее время от инстинктивных повадок Зверя, принадлежит мне и только мне, я буду продолжать сражаться, пусть эта битва и заведомо обречена на провал.

Сидя на полуразрушенном карнизе больницы, я часто задаю себе вопрос: Зверь я, иль Зверем стать мне суждено?

Сергей Епишин

Счастье

ПЕРЕБИРАЯ старые вещи, я вдруг наткнулся на коробочку. Внутри лежал маленький камень.

Я бережно вынул его из коробочки, покатал в пальцах. Гладкая поверхность показалась тёплой, как будто он был живой – и память невольно унеслась в далёкое детство.

…Когда я был маленьким, то каждое лето проводил в Висиме у своего деда.

Однажды, тёплым летним вечером, мы сидели на крыльце дома. Звезды на небе сияли ярче обычного и я, как зачарованный, вглядывался в небесный хоровод. А мой дед рассказывал то ли сказки, то ли были, я уже не помню. Но одна из них мне запомнилась. В ней говорилось, что если постараться, то можно раскопать своё счастье.

На следующий день рано утром я взял на огороде лопату и отправился в лес, искать своё счастье. Выйдя на светлую полянку, на которой росли голубые, как небо колокольчики, я решил копать там. Копнул раз, второй, ямка становилась все глубже и глубже. И вот лопата стукнула обо что-то.

– Вот оно!

Бросив лопату, начал разрывать ямку руками и, наконец, достал камень.

– Ура, нашёл! – вот оно, счастье, лежит в ладонях. Оно было желтовато-зелёного цвета, в тонких, едва заметных трещинках. Я смотрел на него и внутрь меня словно бы проникали лучики тепла… Едва не забыв лопату, я помчался в деревню показывать необыкновенный камень дедушке.

– Деда, смотри! Ну смотри же! Я нашёл счастье, о котором ты рассказывал!

Дед отвлёкся от своих дел, улыбнулся, обнял и погладил меня по голове.

– Молодец! Не потеряй его.

С тех пор камень стал талисманом, сберегающим меня от бед. Когда становилось трудно, когда вставала передо мной сложная задача, я вспоминал, что у меня есть моё счастье – и с удвоенной силой брался за дело.

Талисман всегда был со мной, пока во времена бурой юности я его не потерял. И вот он нашёлся. Прижав камешек к сердцу, и вспомнив слова деда, я сказал:

– Я тебя больше не потеряю.

Оксана Исупова

Капсулина из будущего

– ВОТ ЭТО удача! – воскликнула старая музейная мышь.

Кто-то из посетителей обронил семечку. Грызунья, не помня себя от счастья, бросилась к находке.

– Меня ждёт шикарный ужин! – радовалась она, поправляя очки. – Честно сказать, все эти старые фотографии и исторические бумажки, за те пять лет, что я живу здесь, уже порядком поднадоели. Хотя, уж лучше питаться ими, чем собирать разную гадость с помоек, как это делают невежественные, бескультурные крысы. Какие же они мерзкие и совершенно необразованные личности!

Мышь любила порассуждать на подобные темы, ибо себя она считала существом особым, то есть музейным, благодаря чему чувствовала своё превосходство.

Закончив свой монолог о крысах, мышь, наконец, взяла семечко и начала приглядываться: где бы ей отужинать?

– Может, возле того прекрасного кресла? Или у витрины с посудой? Редкий фарфор – самый подходящий антураж для моего лакомства!

– Бом-м! – раздалось у неё за спиной.

Мышь подпрыгнула и оглянулась в самый страшный, как ей казалось, угол музея. Там стояли разные часы: напольные, настенные, будильники – все это были старинные экспонаты. Надо признаться, довольно ценные. Непонятно почему, но грызунья их жутко боялась.

– Фу ты! Нечисть! Расшумелись тут! Пойду-ка я от вас подальше, мало ли чего…

И тут за дверью послышались чьи-то шаги.

– О Боже! Люди! Мне крышка!

Мышь, забыв про свою семечку, заметалась по музейному залу. Несчастной показалось, будто к ней приближается огромная женщина с мышеловкой в руках. Не зная, куда деваться, бедная грызунья понеслась в самый опасный угол. И… врезалась в напольные часы.

– Бом!

– Бах!

– Тио-тио!

– Дрынь-дрынь!

Все вокруг запело, завизжало, заорало… Пол задрожал, заставив подпрыгивать лакированный столик. Грызунья съёжилась. В зале потемнело. Мышь молила только об одном, чтобы Господь послал ей быструю и лёгкую смерть.

– Дыщ!

С полки упала одна из четырёх серебристых труб и покатилась по полу.

– Бом! Бом! – ещё сильней забеспокоились старинные часы.

На секунду помещение озарилось, будто от всполоха молнии, а потом стало темно и тихо.

Мышь подняла голову. Нащупала очки, что свалились с носа.

– Интересно, я в раю или в аду? – спросила она себя.

Вдруг, с той стороны, куда укатилась блестящая труба, послышался чей-то голосок.

– Товарищи! Товарищи! Мы празднуем сегодня столетие Нижнетагильской городской комсомольской организации!

– Мамочки! Чудовище! – завопила мышь.

На серебристой трубе стояла девочка. На

ней была стройотрядовская куртка защитного цвета и тёмная юбка. На ногах сапоги, а голову покрывал красный платок, из-под которого торчали два светлых жгутика – косички. На груди красовался маленький значок в виде огненного знамени. В центре профиль Ленина (мышь знала его по фотокарточкам), а внизу пять больших букв: ВЛКСМ.

– Вот скоро дом она покинет, вот скоро вспыхнет бой кругом,

Но, комсомольская богиня, ах, это братцы, о другом… –

Запела девочка. По всему было видно, что она в отличном настроении.

– Товарищи, ну где же вы все?!

И тут она заметила мышь.

– А-а-а! – заорала незнакомка. – Мышь! Здесь повсюду грызуны!

– А-а-а! – закричало в ответ животное. – Не тронь меня, чудовище! На помойке полно крыс – забирай лучше их!

– Крысы?! Где?! Какой ужас! Мне плохо… Товарищи, товарищи, да что же это делается! На дворе 2019 год, а их ещё не вывели?!

– Да их и в 3019, похоже не выведут! – кричала в ответ мышь.

И так, перекрикиваясь, девочка и грызунья обнаружили, что уже не боятся друг друга.

– Неужели Великий Советский Союз до сих пор не победил крыс? – уже тихо спросила девочка.

– Кто? – переспросила мышь

– Советские граждане!

– Милочка, ты с Луны свалилась?

– Нет! Из капсулы времени!

– Откуда?

– Да вот отсюда! – девочка указала на серебристую трубку.

– Это так называется – «капсула времени»? А я все думала, что это за штуки-то такие.

К слову, в музее таких было пять. И каждая содержала в себе документы – послания потомкам. Одна – с надписью «Советский комсомолец. 30-летие Великой победы 6.05.1975» была вскрыта ещё в 90-е годы. Но документы, лежавшие в ней, пропали из музея таинственным образом. Ещё одна была адресована потомка 2022 года. А та, из которой, собственно, выпала девочка, имела гравировку: «Комсомольцам XXI века от участников торжественного митинга, посвящённого открытию памятника первым комсомольцам Нижнего Тагила. 29 октября 1981. Вскрыть 10 августа 2019 г. В день 100-летия Нижнетагильской городской комсомольской организации».

– Меня зовут Капсулина! – представилась девочка.

– Матильда – музейная мышь! Скажи, а для чего нужны все эти капсулы времени?

– Как? В них закладывают послания для потомков! А мы – капсульные человечки, охраняем их весь положенный срок.

Я гляжу на фотокарточку –
две косички, строгий взгляд.
И мальчишеская курточка,
и друзья кругом стоят… –

Девочка вновь запела.

– Булат Окуджава! Моя любимая песня! – пояснила она мыши. – А! Я же рассказывала про капсулы… Извини, отвлекалась… В назначенный час их вскрывают. Обычно, это происходит в какой-нибудь праздник. Ну вот, как сегодня – 10 августа 2019 год. 100-летие местной комсомольской организации!

– Чего?! – вспыхнула мышь. – Милочка, как там тебя Капсу…

– Капсулина! Для друзей можно просто Капа.

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет бой кругом,
Но, комсомольская богиня,
ах, это братцы, о другом… –

Хорошая песня, правда? Между прочим, поэт Окуджава немного жил и в нашем Тагиле… Сейчас, наверное, уже умер… Я же в капсуле сидела. Не знаю, сколько всего произошло в Союзе за эти годы… Хорошо помню, как в июле 1980 года народный агиттеатр «Факел» УВЗ участвовал в

поездке агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда» на БАМ. Ну и там ещё кое-что… Конечно, помню 29 октября 1981, когда открывали памятник первым комсомольца города. На площади Молодёжи у кинотеатра «Современник». Скульптор Неверов, между прочим – член Союза художников РСФСР, лауреат премии Свердловского обкома комсомола…

– Ты – как Джин из лампы… – мечтательно произнесла мышь.

– Только никаких желаний! Ладно, хватит! Где народ! Где комсомольцы?

– Какой ещё народ?! – испугалась мышь.

– Так праздник же!

– Капа! На дворе ноябрь 2017 года! Тебе ещё в капсуле сидеть и сидеть… Рано ты вышла!

– Как?

– Да и нет никаких комсомольцев больше!

– Как?!

– И СССР распался!

– Как распался? Когда?!

– А вот этого, прости, не помню! Я хоть и музейная мышь, но всего на свете знать не могу!

– Я не верю тебе! Ты врёшь! И вообще, это безумие – разговаривать с мышью!

– Пожалуйста, больно надо! Тоже мне – Комсомольская богиня нашлась!

Матильда отвернулась.

– Ладно, чего ты надулась, как эта… Как мышь на крупу! Ты, что, правда не обманываешь?

– Пошли ко мне, кое-что покажу.

Мышь пригласила Капу в свою нору, где показала настенный календарь, а ещё обрывки старых газет. Из них-то девочка и узнала, что СССР вправду распался в 1991 году.

– Что же мне теперь делать? – расплакалась Капа. – Ведь у меня миссия. Все мои братья и сестры охраняют послания в капсулах времени, а я… Что теперь будет…

– Ладно! Не кисни! Ты тоже выполняй свою миссию! – успокаивала мышь.

– Зачем? Страны, в которой я появилась, больше нет!

– Ты же в музее! Посмотри, сколько тут этих капсул?! Не зря же их собирают! Послания, говоришь, для потомков, ну так потомки-то, чай, не перевелись… И какая разница: СССР, Россия… Тагил остался Тагилом и его не переименовали.

– Но моё послание – для комсомольцев! – не унималась Капа.

– И что? Комсомольцы – не комсомольцы, современная молодёжь, знаешь, тоже люди… Хотя и опасные, впрочем: люди во все времена были опасны… – мышь начала философствовать.

– Ой, горе-то какое! – девочка прервала её. – Сегодня только 2017 год, а мою капсулу полагается вскрыть в 2019! Что сейчас-то будет. Ой-ей-ей!

– Ну, посидишь ещё два года в своём снаряде! Делов-то! Пошли, кстати, глянем, что там с ним.

Капа и мышь вернулись в просторный музейный зал.

– Ком-со-моль-цам… – принялась читать мышь гравировку на капсуле.

– Впервые вижу, чтобы мыши читали, – подметила девочка.

– Да я зрение потеряла на этом чтении! А что ещё делать в музее вечерами?!

Грызунья обошла капсулу:

– Как же она открылась?.. Ничего не понимаю…

– Матильда, вообще-то все капсулы открываются по времени…

– Так вот почему оно затрезвонило, причём разом! А до этого я слышала какие-то шаги… Испугалась… Подожди, наверное эти старинные часы дали сбой. Давно пора их выкинуть!

– Ты что! Это же музейный экспонат!

– Некачественный!

Мышь отыскала в капсуле небольшую дырку и заглянула туда: «Товарищи, в этот торжественный день…» – донеслось из капсулы.

– А-а!

– Чего? – удивилась Капсулина.

– Капа, там шумно, дует и полно людей!

– Ну так памятник открывают! Говорила же!

– Там что – 1981 год?!

– Ну… да… Хочешь – посмотри, потом внукам расскажешь! – улыбнулась Капа.

– Нет уж… Ты лучше полезай в эту штуку обратно…

– Мне не пролезть!

– Е-моё! А как ты вышла-то?

– Сама не знаю!

– Ладно, давай помогу!

Несколько часов Матильда пыталась засунуть Капу обратно в капсулу, но ничего не получалось. А между тем, прошла целая ночь. Утро давно наступило. За дверью зала вновь послышались шаги.

– Наверное сотрудники пришли на работу! – испугалась мышь.

Капа завопила:

– О, горе! Я пропала!

Шаги приближались.

– Тише ты! – прошипела мышь.

Но девочка не унималась. Матильда смекнула: «Капе не будет ничего – она почти музейный экспонат, да ещё с такой историей! А я всего лишь мышь! Меня живо прихлопнут!»

За дверью уже раздавались голоса.

Матильду вновь затрясло от страха, и она бросилась бежать. И снова с испугу врезалась в старинные часы.

– Бом!

– Бах!

– Тио-тио!

– Дрынь-дрынь!

Все повторилось, как по нотам. Мышь зажмурилась и вновь стала просить у Бога быстрой и лёгкой смерти. И опять пол задрожал, а лакированный стол запрыгал…Матильде казалось, что этот ужас длился вечно. И вроде бы в зал вошли люди. Что-то говорили, ругались…

А потом все снова стихло… Мышь открыла глаза. В зале никого не было.

– Капа! Капа! – зашептала грызунья.

Но никто не отвечал. Девочка куда-то исчезла. Матильда бросилась к капсуле времени, но та тоже пропала, вернее не пропала, а стояла на своём прежнем месте, на полочке, среди других капсул.

Мышь осмотрелась…

– Ну и дела… Чего только не случается в этом музее! А может, это я сошла с ума: 1981 год, Капа, комсомольцы… Или это вообще сон?!

Матильда вновь принялась рассуждать, но недолго, потому что вспомнила про семечку, с которой началась вся эта история. Кинулась туда, где она лежала. Семечка оказалась на месте.

– Фу, ну, слава Богу, что хоть она мне не привиделась. Хорошо, когда еда настоящая! Ужин я, конечно, пропустила, но хотя бы позавтракаю спокойно. Только уже не здесь, ну их, эти музейные штучки – лучше у себя в норе, так надёжнее.

Подхватив семечку, Матильда понеслась к прогрызенной ею дырке под плинтусом, по дороге напевая уже знакомую песню:

Вот скоро дом она покинет,
вот скоро вспыхнет бой кругом,
Но, комсомольская богиня,
ах, это братцы, о другом…

Анна Андросенко

Ты и я, и я

Я ПОССОРИЛАСЬ со своим отражением в зеркале. Иначе как объяснить, что я сижу в почти пустой комнате с заклеенным ртом и связанными руками?

На заре наших отношений муж сказал мне, что иногда в общении наступает пресыщение. Но он умолчал о том, когда это происходит, и что с этим потом делать.

Я чувствовала, что выгорела, но не знала, как себе помочь и стоит ли мне просить о помощи. А главное – как поговорить об этом с мужем? У нас в России от депрессии и хандры признают только одно лекарство – труд в темпе ломовой лошади. И после мужского «не выноси мне мозги!» женщина, наверное, должна тут же повеселеть. Или как это действует?

Идя с работы, я порой хотела свернуть куда угодно, но только не домой. Не хотела, чтобы любимый супруг видел мою кислую мину. Но вот вчера, какого-то ноября, я проходила мимо соседних с нашей высоток и прикидывала, насколько будет неприятно врезаться в землю при полёте с двадцатого этажа.

– Неприятно, – я поёжилась.

– Что неприятно? – спросил муж, проследив за моим взглядом.

– Да погода сейчас неприятная. Вроде уже не осень, но ещё и не зима.

Мне казалось, что я сломалась. С одной стороны общество голосами родителей и свекрови давило на меня на предмет родить им внуков и показывало на тикающие часики, а с другой стороны – супруг, которого все устраивало, отмалчивался. Предлагать развод у меня бы хватило духу, но причина неделания этого была банальной – я любила.

Выгорание проявлялось в мелочах. Я могла повысить голос в пылу бытовых разногласий, муж начинал ворчать в ответ, что его бесит моё поведение. Мы прекращали разговаривать на некоторое время, но потом мирились, готовили вместе еду и смотрели кино.

– Чего ты гружёная такая опять? – спрашивал он периодически. Я отворачивалась и бурчала в ответ: «Да ничего!». Не могла же я устроить скандал из-за того, что меня бесит то, не знаю, что, и при этом я чертовски устала. Единственным выходом видела я поход к психологу. Говорят, эти люди хорошо умеют направлять мысли пациентов в нужное русло.

Но больше всего волновали меня не вспышки гнева. За полгода с лишним после выхода очередной книги я не написала ни странички. Казалось, что все внутри меня противится писательской продуктивности, какая есть, например, у Кинга. К тому же, даже если бы я с бухты-барахты стала известной, в меня бы все равно тыкали пальцем, как в императрицу Елизавету Петровну: «А вот зато она детей не спешит рожать». Мы, людишки, любим кольнуть друг друга побольнее.

– Ты слишком много ноешь, – сказал мне както друг. А в ответ на мой убийственный взгляд добавил: – Нытиков никто не любит. Их даже не читают.

Я не стала продолжать беседу.

Это было трудно признать. Казалось, люди ждут именно от меня инициативы в каких бы то ни было отношениях. Может, на меня просто хотели спихнуть всю ответственность в случае провала брака или сотрудничества.

– ЭТО ВСЕ? – спросила сидящая передо мной женщина.

– Да.

Я не помню, откуда, но её черт лица были мне смутно знакомы. И это было исключено: я никогда бы не пошла к знакомому доктору.

– Вы не видите дальнейших перспектив? – уточнила она.

– Не вижу, – я опустила голову.

– Вы щуритесь. Часто работаете за компьютером?

– Да.

– Бывают мысли о том, чтобы покалечить себя? Может быть, вы думали о радикальных методах? Кивните, если да.

Голова сама по себе сделала кивок.

– Понятно.

Тело не слушалось меня.

– Мне видно, что вы переутомлены. Вы не слушаете меня и смотрите в окно, а также переспрашиваете меня или пропускаете мои вопросы. Где вы?

За окном шёл противный октябрьский ливень. Над соседним зданием – отделением полиции – кружили вороны. У них здесь каждое утро был слёт в то же время, что и у полицейских – построение.

– Вы хотите определить приоритеты в своей жизни?

– Я уже определила.

– Тогда вы не обращались бы ко мне за помощью, и ваше тело не желало бы покончить с жизнью.

Она встала с кресла.

– Вы готовы попробовать радикальные методы лечения?

– Я готова.

– Близким – ни слова!

– Хорошо.

Сеанс был окончен. Мы пожали друг другу руки. Хорошо, что выходной. Иначе бы на работе спрашивали, что это я все время бормочу себе под нос.

– ОЧНУЛАСЬ? – раздался где-то вдалеке голос.

Глаза резанул яркий свет. Я сидела со связанными руками и заклеенным скотчем ртом в комнате – своей же комнате, из которой исчезла вся мебель. Передо мной стоял только журнальный столик без всего, даже без моего компьютера, да ещё два сиденья. Одно я ощущала под собой – по крайней мере, мне было не холодно. На второе же приземлился тощий зад только что вошедшего. Он не закрывал лицо маской, не пытался отворачиваться от меня. Слишком наглый или слишком смелый?

– Ты в порядке? – спросил он немного манерным голосом.

Я молча протянула к нему связанные руки. Если он похититель, то зачем связал только руки? Ноги были свободны, и я в любой момент могла встать, надавать похитителю пинков и убежать. Но собеседник был мне точно знаком.

Рыжие, аккуратно причёсанные волосы давно выгорели от тысяч солнечных дней. Даже сидя он все равно смотрел на меня сверху вниз – возвышался, как небоскрёб над городом. Он задумчиво покусывал нижнюю губу.

Когда-то мы встречались, но эти отношения были, как модно сейчас говорить, токсичны. Расставание, однако, не мешало ему следить за моим творчеством, правда, молча и не давая никаких комментариев. И вот он здесь – в моей одиночной камере. Муж сейчас в длительной командировке и ничего не узнает о том, что я стала чьей-то заложницей…

Я в панике замотала головой, оценивая обстановку. Не было никаких пыточных инструментов или орудий убийства. Мы просто находились вдвоём в почти пустой комнате.

– Извини за вопрос. Сейчас освобожу.

Ладони-лопаты прикоснулись к путам на моих руках, и те распались сами. Но только я занесла руку, чтобы обезоружить его ударом в челюсть, как тот же манерный голос сказал уже с нотами скуки:

– Ну ударишь ты меня, и что?

Я постаралась вложить все свои чувства во взгляд, ведь говорить не могла.

– Я вижу в твоих глазах вопрос: «Зачем? Что

этот здесь делает?» – продолжал рыжий. – Но лишь могу сказать, что я твой поклонник номер один.

Знал ли Стивен Кинг, думала я, что его роман «Мизери» породит тучу подражателей?

– Кто-то позвонил мне и сказал, что ты в опасности и подумываешь наложить на себя руки. Я сказал, что у тебя есть супруг, вот пусть он и спасает, но женский голос ответил, что он тебе не поможет. Что именно я должен вернуть тебе писательство.

Меня сдала моя психотерапевтка!

– Я подумал, что это розыгрыш. Но голос был не твоим… не тем, который я знал когда-то.

Мужчина подал мне руку и помог встать. А потом обошёл вокруг и коснулся моего лица.

– Только не кричи, ладно?

Скотч тоже исчез. Пусть хотя бы так.

– Надо же, как повернулась жизнь. Ты ведь не могла и подумать, что бывший парень будет помогать тебе?

– Нет.

– Почему ты не пишешь ничего уже год?

– Мне не о чем писать.

– Я должен был не допустить этого!

– Этого чего?

– Выгорания! Кстати, я не подражаю этой тётке из романа Стивена Кинга, это не должно пугать тебя!

– Мизери? – подсказала я.

– Вот, именно ей. Но я тоже смогу заставить тебя снова писать.

– Как? – заинтересовалась я. – Будешь избивать и мучить?

– Не-а!

– Будешь морить голодом?

– Мимо.

– Так как же?

– Мы не расстанемся, пока ты не напишешь хоть что-нибудь законченное.

Я ужаснулась.

– Вот это уже перебор!

Рыжий ходил по комнате, сомкнув руки за спиной.

– Можешь тогда написать рассказ о том, какой я плохой.

«Много чести!» – подумала я.

– Ты не увидишь своего мужа, пока не напишешь хотя бы две главы.

Он хотя бы был в безопасности, в длительной командировке. А вот меня на работе хватятся…

– Он не узнает, где ты находишься.

Я выдохнула. Хорошо, что мы не завели пока детей, как ещё один рычаг шантажа для этого психа.

– Зачем ты меня связал?

– Это не я. Это сделал тот, кто мне звонил. Точнее, та. Я и пришёл из чистого альтруизма, чтобы ты и правда ничего не сделала с собой.

Прекрасно. Какая-то женщина насмотрелась пыточных фильмов со смыслом вроде «Пилы» и возомнила, что сможет помочь мне?

Рыжий тем временем обвёл взглядом комнату.

– Она сказала, что ты должна писать, но не оставила тебе никаких письменных принадлежностей. И компьютеров тоже нет.

– Компьютер исключён, я ведь пленница и могу позвать на помощь, – я грустно улыбнулась ему. – Да ещё и руки связала. Ногами мне тогда идеи записывать?

– Я и сам не знаю, где эта женщина. Приехал по указанному адресу, а здесь никого нет! Есть только ключи от двери под ковриком, да ты спишь в этой комнате, как сурок. Вот что я увидел. Ты уже довольно долго спишь!

Я была одета в своё длинное платье в кружочек.

– Я не вижу синяков и ссадин. Стало быть, тебя не мучили. Что из последнего ты помнишь?

– Я на сеансе психотерапевта, вернее, это она у меня дома. Она спрашивает, готова ли я попробовать радикальные методы борьбы с выгоранием.

– Как она выглядит?

– Не могу описать. Чем-то похожа на меня или на всех чертей, но смутно мне знакома.

– Почему ты хотела наложить на себя руки? – спросил он.

– Да не хотела я ничего на себя накладывать! Я сказала, что хочу просто исчезнуть с радаров этого мира.

– Вот об этом и напиши. А то в эпоху интернета никак нельзя исчезнуть полностью.

– Я хотела исчезнуть с исследовательской целью: чтобы узнать, возможно ли это вообще. Вопросом, будут ли обо мне беспокоиться, я не задавалась.

– Сейчас поищу что-нибудь для письма, стой здесь, – сдался он и вышел из комнаты в пустоту.

Я же добралась до огромного зеркала на стене.

В отражении на меня смотрела та самая психотерапевтка. Значит, я сама провела с собой сеанс, не имея на это лицензии? Я вообще-то переводчик по образованию!

В отчаянии я взяла обеими руками отломанное от стула сиденье и замахнулась им на саму себя.

– Почему ты себя не слушаешь? – спросило отражение. – Из-за этого ты и оказалась здесь.

– А он здесь при чем? – я кивнула в сторону только что ушедшего рыжего.

– Ты сказала мне о время сеанса…

– Ты не доктор! – оборвала я себя.

– Во время беседы ты сказала мне, что не хочешь втягивать своего мужа в тайны своего подсознания, и пообещала мне, что близким ни слова не скажешь.

Теперь понятно. Я убила себя и теперь вынуждена вечно находиться в лимбе. Я должна пребывать в почти пустом пространстве с человеком, которого я долгое время презирала за измены и оскорбления, а после случайно сделала своим фанатом. Кажется, он меня боится.

– Эй! – позвала я из комнаты. – Ты что-нибудь нашёл?

Тощая высокая фигура появилась в проёме.

– Вот тебе большой блокнот. Даже ручка есть.

– Так там тоже есть пространство? Мы не в одной маленькой комнате?

– Ну я же куда-то уходил!

Как бы отсюда выбраться?..

Я с новой силой замахнулась на своё отражение в зеркале.

– Ты не можешь заставить меня писать снова! Ты не врач, чтобы вылечить меня, и не муза, чтобы дать мне идею!

Рыжий похититель с ужасом наблюдал за мной. Кажется, он сбежит и перестанет быть моим «Мизери».

Его длиннющая ручища-лопата повисла на моей пухлой ручонке с давно облезшим маникюром.

– Пожалуйста, не надо! Пиши, когда только сможешь! Мне нужно твоё творчество!

Я замешкалась.

– Если она – это ты, то разбив зеркало, ты убьёшь и себя! – настаивал он.

– Да плевать! – заорала я что есть мочи. – И ты не мог сказать такое в реальности, ты когда-то презирал меня!

– Я больше не презираю!... Зато ты можешь отомстить мне в своей новой…

– Много чести! – теперь я сказала это вслух.

– Это твоя реальность! – подало голос отражение. – Почему ты не хочешь остаться в ней?

Наверное, они оба никогда никого не любили, если так говорили – рыжий и моё отражение. Ещё утром я хотела уснуть и остаться в вечном мире недописанных книг. Но на самом деле в мире есть ещё вещи, ради которых можно прервать сон. Это возможность писать истории и забота о ближнем, пусть даже этот ближний – старый потрёпанный жизнью кот. Это помощь людям. Даже если я навеки останусь без признания, я поживу на этом свете ещё, сколько смогу.

– Останься здесь и пиши! – хором набросились они на меня.

– Я знаю, где есть дверь в параллельный мир! – я кивнула своему отражению.

– НЕЕЕЕТ!

Сиденье полетело в стекло, которое отражало меня и рыжего. Осколки брызнули мне в лицо, поранили щеки и ладони, по ним потекли красные капельки.

УТРОМ я проснулась дома от режущей боли в руках. Вся постель была в крови,

а в ране – осколки зеркала. Однако, в нашей маленькой квартирке все зеркала были целёхоньки. Приснится же!

Хорошо, что есть бинт и пинцет! До какой-нибудь свадьбы заживёт, как говорили бабушки.

Телефон дважды пропищал о входящих сообщениях. Первое было от мужа – любит, скучает, скоро вернётся. А второе…

«Привет, короче, я сегодня видел сон, в котором я должен был заставить тебя писать, а ты разбила зеркало, и на этом сон закончился!»

Рыжий…

«Я поранила руки во сне, а проснулась с порезами наяву. Дома все зеркала целы».

«Какими были порезы?»

«В точности как во сне».

Через белую марлю на ладонях все ещё проступали красные капельки. Боль отступала.

«Мы видели один и тот же сон!»

«Да!»

«Пиши что-нибудь, пожалуйста. Если ты можешь своим разумом вызывать такие сны, то кто знает, на что ещё ты способна!»

Лучше ему не знать…

Екатерина Прямкова

Крестики-галочки

– УПАЛА… – беззвучно, одними губами произнесла девушка, стоявшая в первом ряду толпы.

– Ракета упала!

– Она упала!

Со всех сторон послышались крики сотен людей, собравшихся у голографического экрана в командном Центре, чтобы разделить этот исторический миг – запуск челнока с экипажем межзвёздного корабля. Несколько секунд назад громыхнуло пламя стартовых дюз, и челнок стал подниматься, все убыстряя и убыстряя ход – словно игла, прошивающая небо. На другом конце стёжки, на околоземной орбите, словно огромный кит, покоился сам звездолёт – чудо инженерной мысли, коллективный труд всех народов Земли. Он должен был, приняв на борт сотню астронавтов, двинуться за пределы Солнечной системы, отправиться туда, куда не залетали даже зонды и роботы-исследователи – к двойной системе Сириуса.

Рождённый несколько лет назад, проект по освоению обнаруженной у Сириуса B планеты, воплотился в жизнь необычно быстро. Казалось, учёные только начали корпеть над созданием межзвёздного корабля – и вот уже он смонтирован на орбите и готов к старту. Параллельно с его сборкой начался и отбор в команду. Люди с небывалым энтузиазмом и невероятным терпением простаивали в километровых очередях, чтобы узнать, смогут ли они попасть в ряды тех самых звёздных путешественников, на чьи плечи ляжет судьба всего человечества. Тысячи здоровых и крепких молодых людей с тяжёлым вздохом покидали здание Испытательного центра. Космосу были нужны лишь лучшие из лучших. Их тестировали, изнуряли упражнениями, различного рода физическими нагрузками и психологическими испытаниями. И когда, казалось бы, оставалось лишь услышать плановую дату запуска и приступить к основной части подготовки, мно-

гие отсеивались, даже не узнав точной причины отстранения. Говорили, что медики изучали генетику на предыдущих поколениях и даже малейшая предрасположенность к заболеваниям, особенно иммунной системы, являлась поводом для исключения курсанта.

И, наконец, наступил день, когда все должно было измениться…

* * *

– МАРИ, проснись! Уже пять минут, как объявили подъем!

– Что? Я не слышала гудка, Крис, – сонно ответила девушка, отрывая голову от подушки, и тут же услышала пронзительный сигнал, извещающий о наступлении нового дня. – О, ты уже оделась?

– Конечно! Сегодня же самый важный день!

– Ах да, тестирование…

– Именно. И не какое-нибудь, а итоговое. Так что, «пора, красавица, проснись!»

«И откуда в ней столько энергии? Ещё и до гудка ведь соскочила… Кто вообще придумал этот ранний подъем? В космосе все равно время идёт иначе. Если оно вообще идет», – думала Мари, шаркая в ванную комнату. Мокрая щётка её соседки уже сохла на зарядном устройстве, а голограмма часов в зеркале высвечивала лишь 5:31.

Когда девушка вернулась в спальню, Крис вовсю разминалась, делая приседания и выпады. Она уже обвела кружком дату 1 августа на настенной цифровой панели, и на её лице, словно выписанные неоновыми буквами, горели мысли о предстоящем тестировании. Именно оно решит дальнейшую судьбу курсантов – станут ли они первыми покорителями звёздного пути или останутся на родной увядающей планете.

В этом здании, которое само по себе напоминало гигантский космический корабль, вот уже почти год из страдавших от вечного голода, измученных климатическими аномалиями и просто потерявших всякий смысл людей создавали настоящих космических солдат, поселенцев нового мира. И, хотя по внешности Крис этого не скажешь, предыдущую ночь она почти не спала: девушка раз за разом прокручивала в голове все возможные вопросы и задания, которые ей предстояло пройти. Неуверенность? Отнюдь. Она прекрасно знала, что ей не было равных среди остальных девушек-курсанток. Едва переступив порог Испытательного центра, она была уверена, что сможет все. Абсолютно все. Она всегда отличалась упорством, физической выносливостью и старанием. Крис была сильна во всех областях знаний: физика, химия, генетика, биология – все эти науки она понимала без труда и легко могла объяснить что-то отстающим. Но ей всегда было мало. Занимая лидирующие строки в сравнительных таблицах общего зала, она со злостью отворачивалась, стоило ей оказаться не самой первой во всем испытательном центре. В отличие от Мари, стабильно ютившейся посередине таблицы. Она с трудом прошла отборочные испытания при поступлении, не понимала и половины того, что наизусть выучила по задачникам, и казалось, вообще не особо старалась, но все же была здесь и также хотела принести пользу человечеству.

Крис и Мари смешались с толпой других курсантов, спешащих по широкому коридору с большими окнами из толстого стекла на завтрак. Тяжёлые свинцовые тучи как всегда застилали Солнце. Они заставили людей позабыть о свете далёких звёзд. Казалось, ещё немного и человечество вымерло бы само по себе, не дожидаясь новой войны или пандемии. Но вдруг, словно воспрянув от глубокого сна, сверкнула тусклая надежда: мир будет спасён! Мы улетим с этой выжатой, вымученной планеты, мы снова научимся жить!

* * *

ТЕСТИРОВАНИЕ началось ровно в 10:00. Циферблат огромных часов на стене отмерял каждую секунду выполнения теоритических заданий, а их было не так уж и мало. Крис ставила галочки и прописывала ответы один за другим

так, словно они были отмечены заранее чьей-то доброй рукой. Мари, сидевшая через ряд от подруги, с восхищением засмотрелась на её сосредоточенное лицо. Ей всегда было жаль, что она так сильно уступала своей соседке. Стоило ей побить свой собственный рекорд, как Крис поднимала планку ещё выше, и казалось просто непобедимой. Но в тоже время, при всей своём превосходстве, по необъяснимой Мари причине, Крис всегда была добра к ней и никогда не подсмеивалась над промахами, а наоборот – спешила помочь и увлечь за собой вперёд. Мари была многому обязана своей соседке, которую по праву могла назвать не только своей настоящей подругой, но и наставницей. Вот только она никак не могла отделаться от мысли, что Крис должна будет полететь без неё. Что обеим им пройти не удастся, а значит все, через что она так упорно шла, напрасно. Единственное, что не давало ей сдаться прямо сейчас, оставив тест незаполненным, так это благодарность, которую она не могла проявить никак иначе, кроме как сделав последнее усилие.

В 12:00 все тесты автоматически закрылись на планшетах курсантов.

* * *

КРИС стояла в душе под прохладной струёй и пыталась перевести дух. Тесты на выносливость для неё не были проблемой, особенно учитывая, что результатов по ним ждать не было нужно – она точно справилась. Осталось только дойти до кабинета врача, услышать, что все в пределах нормы и расслабиться до вечерней церемонии, где огласят имена членов экипажа. Ещё раз глубоко вздохнув, девушка выключила воду и вышла в комнату.

– Я закончила, Мари. Воду я тебе оставила, так что ждать, пока нагреется, не придётся.

Мари молчала, лёжа на кровати и прикрыв лицо полотенцем.

– Эй, курсант, отставить! Сон-час наступит, когда сходим к медику.

Но подруга не отреагировала на её шуточный приказ.

– Ты что, уже уснула?

Крис стянула полотенце с лица Мари и смолкла. Щеки девушки были мокрыми от слез, а глаза красными и опухшими.

– Эй, детка, все уже позади. Мы все сделали, со всем справились. Чего это ты?

Но вместо ответа Мари крепко схватила Крис за руку и, притянув к себе, уткнулась подружке в плечо, заплакав ещё сильнее, тихонько подвывая и хлюпая носом.

– Мари, – прошептала Крис, гладя её по голове. – Я тоже ужасно устала. И я знаю, как сильно ты старалась. У тебя все получится, вот увидишь! Мы вместе улетим с тобой туда, где никто до нас ещё не был. Вместе построим дом и будем там жить, растить овощи и фрукты. У нас будет целых два солнца, значит, мы сможет дважды в день встречать рассвет и закат!.. Нас ждёт целый мир!

– Крис, я не полечу…

– Что? Почему ты так решила? Результаты тестов будут только вечером, а медик…

– Мне страшно…

С минуту обе молчали.

– Мне тоже.

– Что? – Мари хлюпнула носом и взглянула на подругу.

– Ты что, думаешь, я – робот? Нет. Мне так же, как и тебе, страшно. Но я знаю, что все будет хорошо. Ты мне веришь?

– Верю…

* * *

– ДЕСЯТЬ, девять, восемь, семь…

Диктор уверенным голосом продолжал отсчёт секунд до старта шатла. По всем экранам транслировалась взлётная площадка, уже утопающая в облаках дыма разогревающегося двигателя ракеты. И вот она оторвалась от земли, оставляя за собой острый, как кинжал, хвост голубого пламени. Ракета уверенно шла

вертикально вверх, и сотни глаз с замиранием смотрели на её полет.

Крис наблюдала за запуском из здания испытательного центра. Стартовая площадка находилась совсем рядом, поэтому можно было смотреть на ракету и без голографических экранов. Сейчас, когда отчаянье после недопуска к полёту отступило, она взволновано смотрела в небо, гадая, о чем думает Мари. Она так привыкла всегда быть рядом и поддерживать её, что по привычке и сейчас нашёптывала ей ободряющие слова:

– Давай, девочка, держись там крепче! Ты все сможешь. За нас двоих.

В мыслях снова появился образ огромных глаз подруги, когда на оглашении имён экипажа, прозвучало имя Мари, а Крис не упомянули. Вспомнила, как бросилась сквозь толпу к самому директору штаба подготовки, сбивчиво требуя объяснений, почему лучшая курсантка не полетит вместе с ней…

– Она может быть самой лучшей среди всех курсанток нашего центра, но есть кое-что, без чего все её навыки бессмысленны – она не сможет выносить и родить ребёнка.

– Но как же так?! При поступлении сюда, мы проходили обследование, и все было в порядке!

– Возможно, она переусердствовала на тренировках или перенервничала, готовясь к тесту, но так или иначе показатели упали, а при нашей миссии мы не можем рисковать, отправляя потенциально бесполезного курсанта.

…Крис слушала тогда молча. У неё не было сил ни плакать, ни ругаться, ни даже хоть что-то ответить. Люди вокруг двигались, как в странном туманном сне, и директор подплыл к ней очень медленно.

– Не расстраивайтесь, Крис. Мы очень ценим ваше упорство, поэтому вы останетесь в этом штабе и займётесь подготовкой следующей группы астронавтов, – сказал он, ободряюще похлопав по плечу. Рядом образовалась Мари и, хватая её за руки, говорила какие-то слова, но смысл их было совершенно неуловим…

И вот две недели, тянувшиеся бесконечно долго, прошли. Шатл все выше поднимался, и невооружённым взглядом её было уже не увидеть. Крис отступила от окна и повернулась к экрану, висящему на стене. Кибероператор едва поспевал за стремительным полётом космического судна, картинка подрагивала, подрагивал корпус, и Крис не сразу увидела, как он вдруг начал крениться вправо, уходить от вертикали, а дым от двигателя стал гуще и темнее, чем при запуске. Огонь вспыхнул оранжевым облаком и тут же потух, а корабль лёг на бок и начал падать. Три, пять, десять секунд ракета летела в этом положении, пока не перевернулась в воздухе носом к земле. Повсюду послышались крики, испуганные возгласы и плачь.

– Нет, нет, нет! Мари-и-и! – закричала Крис и из её глаз огромными градинами покатились слезы.

Ракета продолжала падать. Сотня людей была на борту. Сотня лучших выпускников, которые стали символом надежды, падали прямиком в объятья смерти. Можно было буквально слышать отчаянье толпы, собравшейся на улице, у экранов и в центре запуска. Каждый человек так свято верил в успех миссии, что то, что происходило сейчас, казалось невозможным, глупым сном, массовым помешательством…

Неожиданно корабль ощетинился острыми кинжалами пламени – включились аварийные двигатели. Ракета, словно в замедленной съёмке, перевернулась в прежнее положение и аккуратно приземлилась в точку запуска. Огонь у хвоста ракеты угасал в клубах сизого дыма, а Крис смотрела на него и улыбалась, вытирая ладонями слезы.

Светик

Я ШЁЛ К НЕЙ с цветами и не мог простить её, простить за то, что она мне ничего не сказала. Я бы смог поддержать её, но она решила все пройти в одиночку.

ЭТОТ ДЕНЬ казался таким же обычным, как и череда предшествующих. Уроки прошли быстро и незаметно. Я собрал портфель и уже хотел было идти домой, но меня остановила наша классная, Тамара Николаевна:

– Серёжа, постой-ка, – доброжелательно сказала она. – Нужна твоя помощь.

Я промолчал, ожидая продолжения.

– Нужно украсить актовый зал, – сказала Тамара Николаевна, поправляя очки.

– А почему именно я? – немного озадачился я.

– Потому что, Серёжа, ты ответственный и тебе я могу доверять, а то в прошлый раз кое-какие твои одноклассники – обойдёмся без имён – чуть там все не разнесли.

– Хорошо, – пожал плечами я. Нужно, так нужно…

– Ключ от зала возьмёшь на вахте. Удачи тебе.

СПУСТИВШИСЬ на первый этаж, я сразу же заметил Свету или как её все называли – Светик. Она всегда улыбалась и не унывала даже тогда, когда все опускали руки. Даже её внешний вид подчёркивал характер: джинсовый комбинезончик, жёлтая футболка и белые кроссовки с пёстрыми шнурками. Её золотистые, до плеч, чуть вьющиеся волосы и большие малахитовые глаза, в которых все время будто бы мерцали искорки, вызывали у меня трепет. Со Светиком всегда было весело. Светик часто устраивала вечеринки у себя дома и когда все собирались, доставала гитару и играла известные мелодии. В эти моменты я заглядывался на её золотистые волосы, малахитовые глаза и на то, как тонкие девичьи пальцы скользили по струнам гитары. Иногда она замечала мой взгляд и улыбнувшись, подмигивала мне, а все вокруг не замечали или делали вид, что не замечают этого…

Я забрал ключ и отправился туда.

Ключ от зала был необычным, большим, серебристым и в некоторых местах потёртым. Я вертел его в руке, внимательно разглядывая и вдруг резко с кем-то столкнулся. Подняв взгляд, я увидел Светика. Она растерянно смотрела на меня.

– Приветик! – пробормотал я.

Светик улыбнулась:

– Привет, Серый.

Она стояла в нескольких сантиметрах от меня, и я чувствовал еле уловимый цветочный аромат, приятный и нежный. По спине пробежали мурашки. Захотелось придвинуться ещё ближе, но я почему-то машинально сделал шаг назад.

– Ты куда идёшь? – спросила Светик.

– Тамара Николаевна попросила украсить актовый зал, туда и иду.

– О, круто! Можно с тобой? – обрадовалась Светик.

– Да, конечно, – ответил я. – Вдвоём веселее.

Светик одной рукой подхватила рюкзак, а другой сжала мою руку и потянула к актовому залу. Через минуту мы уже стояли у больших железных дверей. Щёлкнул замок – и мы оказались внутри.

Зал был непривычно пустым и тихим. Около небольшой сцены стояли коробки с украшения-

ми: воздушными шарами, гирляндой из флажков, разноцветными фонариками. Светик кинула рюкзак на пол и тут же вытянула из коробки бумажную гирлянду с надписью: «До свиданья, школа!».

– Её лучше всего повесить над сценой, – объявила Светик. – Там для этого как раз вбиты гвозди – видишь, по краям?

Светик поставила стул на краю сцены. Легко вскочив на него, она попыталась дотянуться до гвоздя и даже встала на цыпочки, но ничего не получилось. Тогда я решил помочь:

– Давай попробую я.

Я залез на табуретку, потянулся... Но, хотя и был выше Светика где-то на голову, у меня тоже ничего не получилось.

– Никак? – спросила снизу Светик.

– Никак!.. – с досадой ответил я.

Светик задумалась, театрально почёсывая затылок.

– У меня появилась гениальная идея! – воскликнула она. – Давай я заберусь тебе на плечи.

Я был немного ошарашен «гениальностью», но других вариантов у нас, похоже, не оставалось.

– Хорошо, – согласился я.

И начался наш акробатический номер. Я слез с табуретки на сцену, а Светик расшнуровала кроссовки и скинула их. Вначале она встала на табуретку и закинула правую ногу мне на плечо. Я аккуратно прижал её к себе. Потом наступила очередь второй ноги. Светик оказалась очень лёгкой и когда она сидела у меня на плечах, мне было даже приятно. Я осторожно взобрался на скрипнувший стул, выпрямился. Я не видел Светика, но почувствовал, как она потянулась, слегка прижавшись к моему затылку. Я боялся поднять голову и терпеливо ждал, когда Светик сама сообщит, что дело сделано. В эти мгновенья я думал лишь о том, чтобы сохранить равновесие, словно Светик была хрустальной вазой, которая могла вдребезги разбиться при падении…

Потом я осторожно слез со стула и, словно былинный богатырь, не снимая своей ноши, прошествовал на другой конец сцены. Там процесс повторился. И, хотя я чувствовал себя уже увереннее, я с облегчением вздохнул, когда Светик закончила со вторым гвоздём и снова ступила на сцену.

Мы подошли к коробке с украшениями, и Светик достала несколько упаковок с воздушными шарами, протянув пару мне.

– Слушай, Серый, а ты уже решил, с кем будешь танцевать на дискотеке? – поинтересовалась она.

Мне очень хотелось пригласить именно её, но… но сказать этого я не решился.

– Ещё нет, – пробормотал я.

– А ты танцевать умеешь? – продолжала Светик.

– Не очень, – ответил я.

– Давай, я тебя научу! – и, с этими словами, она схватила меня за руку и потащила в центр зала. Мне оставалось только подчиниться.

– Теперь правой рукой возьми мою руку, а левую положи на мою талию, – скомандовала Светик.

Едва я прикоснулся к её талии, как понял, насколько Светик стройная – она всегда надевала свободную одежду, скрывавшую фигуру.

– Раз, два, три… раз, два, три… – начала считать Светик.

Я неуверенно сделал первый шаг, потом ещё один, и ещё... Мы поплыли в танце, словно по волнам и с каждым шагом я двигался все увереннее. На лице Светика засияла улыбка, но она продолжала считать.

Через несколько минут мы закончили.

– У тебя неплохо получается, – проговорила чуть Светик.

Мы стояли буквально в сантиметре друг от друга и её тёплое дыхание щекотало подбородок. Я смотрел на Светика, на её большие глаза, на щеки, пылающие ярким румянцем, на её губы... Я не мог отвести глаз. Светик тоже смотрела на меня пристально, не моргая. Мы простояли так всего лишь несколько секунд, но для меня они были самыми длинными и прекрасными в жизни.

И ВОТ наступил день выпускного. Я думал, что приду одним из первых, но когда зашёл в актовый зал, в нем уже была большая часть моих одноклассников и выпускников из параллели. В круговороте людей я разглядел своего друга Саню и протолкался к нему.

– Привет, Сань!

– Здоров, Серый!

– Как дела? – произнёс я, высматривая в толпе Светика.

– Да нормально, – Саня о чем-то задумался. – А ты выбрал девчонку, с которой танцевать будешь?

– Я со Светиком хотел... Ты, кстати, её не видел? – сказал я, продолжая искать её взглядом.

– Она вроде ещё не пришла. Странно, обычно же раньше всех приходит.

– Действительно, странно… – произнёс я.

Саня ничего не ответил: к нему подошла какая-то девчонка и потащила танцевать.

Я остался ждать Светика. Мне показалось, что время потекло невероятно медленно, даже медленнее чем на контрольной. Несколько раз ко мне подходили девчонки, но я вежливо им отказывал. Спустя минут пятнадцать я, не выдержав, достал мобильник и позвонил Светику.

– Алло, – прозвучал знакомый голос.

– Привет, это Серёжа, – произнёс я.

– О, привет, Серый, – голос Светика показался мне немного печальным.

– Тебя нет на выпускном, что-то случилось? – я уже слегка нервничал и мой голос невольно дрогнул.

– Да… мне что-то нездоровиться сегодня, вот я и решила не идти, – ответила Светик.

– Если что, я могу прийти к тебе, – моё волнение уменьшилось.

– Не стоит, у меня ничего серьёзного, – тихо, почти шёпотом сказала она. – Не парься, Репка, – шутливо добавила Светик и отключилась.

ВЫПУСКНОЙ закончился и школьные годы тоже.

После школы я поступил в институт в другом городе. Хоть теперь между нами было большое расстояние, я не забывал про Светика. Я часто ей звонил и спрашивал, как у неё дела. Светик отвечала, что все хорошо и говорила, что занята и не может сейчас говорить. Что ж, после школы у всех нас началась горячая пора… Но через пару месяцев она совсем перестала отвечать на звонки. Я мучился в догадках, что же произошло, спрашивал у наших общих друзей, но они тоже ничего не знали…

ЯШЁЛ к ней с цветами и не мог простить её, простить за то, что она мне ничего не сказала тогда. Я бы смог поддержать её, но она решила все пройти в одиночку.

Вокруг не было ни души. Я положил цветы на могилу, на которой уже появилась молодая трава, и остановился, разглядывая выгравированный на надгробии Светин портрет. Она была очень похожа на себя живую, только вот в глазах не было той искры, которая всегда делала её весёлой.

Света умерла от лейкемии. Я не могу и, наверное, никогда не смогу понять, почему она ничего не сказала мне. Почему? Я сел на землю рядом со Светой и, глядя на заходящее за горизонт солнце, шёпотом произнёс то, что хотел сказать давно: «Я тебя люблю».

Владислав Малышев

Чёрный квадрат

БЫЛ САМЫЙ обычный день. Солнце лениво поднималось из-за горизонта. Город просыпался, улицы заполнялись пыхтящими машинами, люди спешили на фабрики, которые, казалось, и не засыпали. Оживали забегаловки: загорелись вывески, дверные таблички переворачивались на «открыто». День только начинался, и среди всей этой привычной суеты, внезапно, ниоткуда появился Черный Квадрат.

На широкой улице, по которой туда-сюда сновали люди, вдруг возникла таинственная фигура. Она мгновенно выросла из маленькой точки, растягиваясь во все стороны. У нее была только одна сторона, без объема – словно черный экран растянули над улицей. У людей, оказавшихся поблизости, помутнело в глазах, поднялось давление и закружилась голова.

Прохожие останавливались, кто с недоумением, а кто с испугом рассматривая явление. К ним подходило все больше людей, толпа росла, движение остановилось. Люди выходили из магазинов, офисов и киосков. Рабочие на дороге, разносчики газет и даже уличные собаки бросили свои дела. Все хотели посмотреть на диковинку, вглядеться в абсолютную темноту. Уже сотни людей смотрели и не понимали, что это: арт-инсталляция? Знак протеста или знак свыше?

Затем в дело пошли мобильные телефоны: они вознеслись из толпы вверх, словно знак приветствия современного мира. Происходящее транслировалось в сеть и как только к делу подключились журналисты, Чёрный Квадрат, заслоняемый сотнями людей, появилась на экранах телевизоров всей страны. Десятки журналистов пытались описать происходящее, но у них не хватало слов. Полиция, патрулировавшая в тот день район, даже не пыталась разогнать толпу. Люди в форме, крепко сжав рации, тоже не могли оторвать взгляды от Квадрата. Люди словно впали в транс.

Спустя какое-то время в толпе началось движение. К Квадрату, решительно раздвинув молчаливую толпу, подплыли люди в чёрных костюмах, черных очках и с черными чемоданчиками. Достав из чемоданов необычные приборы, они принялись делать какие-то замеры Чёрного Квадрата, который все так же невозмутимо висел в воздухе. Записав все данные, люди в костюмах аккуратно сложили аппаратуру, доложили в ларингофоны куда нужно и поспешно удалились.

Толпа их даже не заметила.

Интересно то, что фигура издавала звуки. Кто-то слышал простой радиошум, кто-то – звуки кита, другие же могли поклясться, что слышали, что фигура стонала, говорила с ними, зазывала прикоснутся к ней. Внезапно, мужчина, стоявший в передних рядах, очнулся, словно ото сна. Он начал пробираться к фигуре. Ему казалось, что грани расширяются, и все пространство заполняется чернотой. Квадрат отражался в зрачках. Вытянутая рука коснулась фигуры и утонула в ней, увлекая за собой все тело. Мужчина перешагнул через грань Квадрата – люди сбоку видели, как половину туловищу отрезало тонкой черной линией – какой-то миг колебался, а потом шагнул вперед, исчезнув из земного мира.

По толпе волной пронёсся вздох. Люди, наконец, начали подавать признаки жизни. Кто-то стонал и плакал. Кто-то во весь голос кричал и

ругался. Кто-то поторопился уйти, а другие повели себя агрессивно. В Квадрат полетели камни, бутылки, сумки, стулья уличного кафе.

Все исчезало в абсолютной темноте.

Среди толпы оказались и защитники Квадрата. Ругань и угрозы заполнили улицу, началась драка. Люди били друг друга, рвали одежду, валили на землю.

Через какое-то время улицу заполнили военные. Солдаты решительно вторглись в этот хаос. Людей пытались усмирить, скрутить, растолкать и выгнать с улицы. Но разгонять разъярённую толпу – все равно, что мешать горячие угли голыми руками. Очень скоро люди в форме отступили руки и по улице пустили усыпляющий газ. Люди безжизненными куклами падали на мостовую. Все это, конечно, продолжали транслировать в сеть многочисленные зеваки и вскоре мир узнал о произошедшем. Правительство попыталось замять все, ссылаясь на съемки очередного «блокбастера», но было уже поздно.

Весь мир, что до этого и так был напряжен, словно оголенный провод, теперь взорвался. Началась масштабная информационная война.

События развивались так стремительно, что другие проблемы планеты отошли на второй план. Страны начали спорить, как поступить с таинственным Чёрным Квадратом и кому он должен принадлежать. Одни хотели воздвигнуть вокруг него храм, другие желали уничтожить. Буквально за пару часов простейшая геометрическая фигура погрузила мир в хаос невиданных масштабов. Страны конфликтовали, в новостных лентах появлялись первые упоминания об угрозе применения ядерного оружия, по всему миру гремели протесты, погромы и только Чёрный Квадрат горделиво возвышался над всем этим, такой же непроницаемый и таинственный.

В итоге Правительство принято решение уничтожите Квадрат. К тому времени тела усыплённых газом людей уже убрали, а вокруг фигуры воздвигли ограждения и укрепления. Через сутки против Квадрата выступила армия: стреляли из автоматов и пулеметов, закидывали гранатами, но смертоносный металл без следа исчезал в недрах (а точнее – за плоскостью) Чёрного Квадрата.

Другие страны обвинили Правительство в недееспособности и сокрытии реальной мощи объекта. На внеочередном заседании ООН докладчики один за другим требовали передать Квадрат под эгиду организации.

Между тем страны начали спорить ещё острее. С грохотом вешались телефонные трубки, в ход пошли прямые оскорбления и появились первые случаи покушений на жизни лидеров. И вот угрозы превратились в реальность. Восточная террористическая организация, объявившая Чёрный Квадрат входом в Ад, взяла решение проблемы в свои руки и запустила ядерную боеголовку. По всему миру вспыхнула паника. Лидеры ядерных держав с отчаянной яростью застучали по своим «красным кнопкам». Вскоре небо планеты заполнили сотни ракет. Люди, пытаясь спастись, укрывались в бункерах, бежали в леса и пустыни, выходили в моря и понимались в небо.

А первая ракета уже подлетала к Квадрату. Военные побросали оружие, спасаясь бегством. Они смешивались с толпой, запрудившей улицы, ведущие из города. Были и те, кто кинулся к Квадрату в надежде на спасение. Люди забегали в темноту, исчезая один за другим.

И тут Квадрат вдруг сжался до точки и с хлопком исчез. Несчастные люди, не успевшие добежать, обратили свой взор в небеса. Ракета стрелой пронзила синеву и впилась в место, где миг назад висел Квадрат…

А следом по всей планете прогремели разрушительные взрывы, превратив ее поверхность в необитаемую радиоактивную пустыню.

…Последний человек, успевший пересечь плоскость Квадрата, врезался в толпу своих земляков. Фигура позади со свистом схлопнулась и исчезла. Люди стояли опустошенные, с застывшими лицами. Первое, что они увидели, это десятки осминогоподобных существ в белых, глянцевых скафандрах. В их телах зияли много-

численные раны, из которых вытекала синяя кровь. Вокруг все было разгромлено: валялись трупы инопланетян, различные, непонятные человеку устройства были уничтожены, выложенный плитами пол был усеян множеством воронок.

Остатки человечества были заточены в прозрачный купол, за стенами которого простирался необъятный подводный город. Сияние от построек разливалась в темной толще воды. Вдали виднелись станции и фабрики с огромными пропеллерами на конусовидных крышах. По протяженным улочкам проносились чудные подводные машины, напоминавшие морских жителей с щупальцами и плавниками. Вокруг зданий крутились существа, похожие на земных скатов и угрей, рыбы вперемешку с машинами неслись по автострадам по своим делам. Вокруг купола собралась толпа морских зевак, гудящих, журчащих, булькающих, размахивающих щупальцами, словно раздражённых чем-то. Совсем близко с куполом проплыл огромный кит со светящимися глазами и ртом – словно внутри его находились пассажиры. Чудом не задев стенки купола, он уплыл дальше, издав пронзительный вой, от которого завибрировал купол.

К сожалению, человечеству не было дано изучить этот мир. Перебирая щупальцами и странно причмокивая, к куполу подплыло несколько существ в чёрных, матовых скафандрах. Они выглядели внушительнее своих мертвых сородичей: головы скрывали массивные шлемы, грозная, угловатая броня внушала страх. Одно из существ двинулось вперёд. Оно коснулось купола и в том месте вспух пузырь. Пройдя сквозь него, существо оказалось в куполе, прямо напротив кучки последних землян. Откуда-то из недр своего скафандра оно достало продолговатый предмет и направило на людей. Внутри скафандра что-то булькнуло и люди услышали протяжный морской язык:

- Зззаааззз гаалллиииинн...

И в тот же миг резкий свист прорезал воздух и красные молнии полетели в землян. Оружие инопланетян было более эффективно – оно превращало плоть в пепел.

Через пару секунд от последних землян ничего не осталось.

А еще через час где-то над подводным плато в Индийском океане возник Чёрный Квадрат. Распуганные внезапным появлением рыбы могли наблюдать, как из него, один за другим, выплывают диковинные аппараты инопланетян.

Суша на многие столетия оставалась мертвой и безжизненной – но ведь им и не нужна была суша.

Евгений Ставцев

Арбалет

1.

Первые дни в Крыму, которые я провёл вместе с десятилетним сыном, можно было воспринимать, как неожиданный длинный, яркий и весёлый праздник. Все что нас окружало, выглядело необычно для нашего северного взгляда, привыкшего к пасмурному низкому небу и прохладному воздуху, даже летом иной раз пробирающему до дрожи. Крымский же воздух был тяжёл и неподвижен от сорокоградусной жары. Но, несмотря на это, зелень горных лесов, пески пляжей и морские просторы, выкрашенные южным солнцем в яркие тона, усиливали наши желания двигаться вперёд, идти, узнавать и пробовать на вкус этот мир, словно созданный для отдыха и радости.

Мы плавали на пароме через Керченский пролив; ныряли в накатывающую волну в Коктебеле; наблюдали стаю дельфинов, сопровождающую наш экскурсионный катер вдоль рыжих скал Карадага; карабкались по развалинам генуэзской крепости в Судаке; любовались романтичным видом замка Ласточкино гнездо. Мы, словно сумасшедшие, бегали от одной экскурсии к другой, боясь упустить время, отведённое на отдых.

Через три дня такого активного отдыха, мы почувствовали усталость. Утомляемость от всех этих походов стала наступать быстрее обычного. Жара заставляла все чаще прятаться в тени виноградных беседок и реже показываться на улице днём, предпочитая беречь силы для вечера. Как тут не вспомнить народную мудрость: «когда слишком хорошо, это уже не хорошо, а даже вредно».

Очередной приступ усталости неожиданно настиг нас во время визита на гору Ай-Петри. Поскольку билеты на экскурсионную поездку были куплены заранее, то отказываться от неё мы не стали и, несмотря на накопившуюся усталость, все же решили ехать, надеясь, что во время путешествия удастся развеяться. К сожалению, эти предположения не оправдались относительно Данила: детский организм, хотя и более подвижен, в силу своей физической неразвитости устаёт гораздо быстрее, чем у взрослого человека.

Уже в пункте начала пешеходного маршрута на Ай-Петри мне бросилось в глаза недовольное лицо сына.

– С тобой все в порядке? – поинтересовался я, хотя прекрасно понимал, в чем причина его плохого настроения.

Данил многозначительно кивнул головой, словно не желая ничего объяснять – мол сам все видишь и понимаешь – а может, просто не хотел меня расстраивать.

Я потрепал его по плечу и постарался убедить в том, что сейчас мы зайдём в тень горного леса и по тропе выйдем к интересному и красивому месту, где увидим грандиозное зрелище в виде низвергающего свои прохладные потоки водопада Учан-Су. Однако, здесь наши ожидания не оправдались. Вместо водопада мы увидели две тоненьких струйки: из-за установившейся жары водопад просто-напросто пересох.

Данил лишь недовольно поморщился и потащил меня обратно к автобусу. Я не стал противиться сыну. Мне стало жаль Данила, ведь это я заставил его ехать со мной, так сказать, отрабатывать деньги, потраченные на билеты. Данил совсем сник. Он морщился от жары, от усталости, от чувства неудовлетворённости.

Вдруг мне пришла в голову мысль. Когда мы шли к водопаду, то как-то незаметно миновали сувенирную лавку, наполненную всевозможной

яркой интересной всячиной. На обратном пути я решил завернуть туда, чтобы Данил смог немного отвлечься и что-нибудь купить на память.

Продавец, симпатичная татарка средних лет, ненавязчиво предлагала товар, позволяя покупателям потрогать некоторые изделия, взять их в руки и даже примерить на себя. Чего там только не было! Это была настоящая этническая лавка, заполненная сувенирами со всех концов света: разного размера морские раковины и ракушки; всевозможные магниты с изображениями крымских достопримечательностей; индейский двухметровый лук, украшенный орлиными перьями; австралийские бумеранги; африканские маски; керамические фигурки инков; античные кувшины и амфоры; египетские папирусы с изображением фараонов; панно с китайскими иероглифами; модели кораблей, лодок и парусников с белыми и алыми парусами; и даже бутылки, обросшие моллюсками с запечатанными внутри картами пиратских сокровищ. Разумеется, все это изобилие было изготовлено местными умельцами на потребу туристов. Тем не менее, предметы даже у меня вызвали неподдельный интерес. Ни дать, ни взять – Кунсткамера на распродаже своих экспонатов.

Как и следовало ожидать, сын заметно оживился, рассматривая и пробуя товар. Продавщица-татарка по-доброму подшучивала над ним, когда он что-то примерял на себя. Больше всего внимание Данила привлёк арбалет. К нему прилагался чехол с тремя стрелами, оснащёнными заострёнными резиновыми наконечниками. Все было изготовлено из дерева, скромно, но со вкусом. Продавщица достала одну из стрел, натянула упругую тетиву арбалета и вставила стрелу в прорезь спускового механизма. Затем приподняла арбалет на уровне глаз, и нажала на деревянный курок с пружиной. Тетива запела гитарной струной, стрела сорвалась с места и вонзилась в стенку картонной коробки. Глаза сына загорелись от восторга. Продавщица предложила ему выстрелить самостоятельно. Данил незамедлительно согласился и вскоре стрела, пущенная из арбалета, прошила толстый гофрированный картон почти насквозь. Данил запрыгал от радости. Продавщица улыбалась и хитро посматривала на меня.

– Сколько стоит арбалет? – поинтересовался я.

– Восемьсот пятьдесят рублей, – ответила продавщица.

Я лишь покачал головой: цена показалась мне слишком завышенной. Но вслух ничего не сказал.

Данил все ещё держал арбалет, пристально изучая устройство спускового механизма.

– А не дороговато? – осторожно спросил я женщину.

– Вы сами видели, что он действующий. Приклад изготовлен из крымского можжевельника, лучковая часть – из бамбука, от него запах приятный ещё долго будет держаться.

Она протянула руку, показывая Данилу, что пора отдавать игрушку обратно. Сын послушно передал арбалет женщине и бросил вопросительный взгляд в мою сторону.

Мне ничего не оставалось, как согласиться со стоимостью: как-никак, я сам притащил сына к этой лавке. Правда, я не предполагал, что это будет стоить приличную сумму денег.

– Хорошо! Мы берём, – выдохнул я.

Татарка, словно этого и ждала, тут же вручила сыну арбалет со стрелами. Она ещё что-то быстро и обрадовано говорила о безопасности пользования в бытовых условиях, о мастере, который его изготовил, о том, что у него ещё много подобной продукции, часть из которой представлена в этой же лавке – но мы её уже не слушали, торопясь продолжить путь.

Увидев, как сын обрадовался покупке, как загорелись его глаза, как посыпалась информация о сражениях рыцарей с применением таких арбалетов, я тут же забыл о потраченных деньгах. Данил воспрянул духом и до конца нашей поездки пребывал в хорошем настроении. Арбалет он не выпускал из рук. То периодически натягивал тетиву, то прицеливался и стрелял невидимыми стрелами, воображая себя средневековым охотником. Данил с нетерпением ждал возвращения на нашу съёмную квартиру, чтобы пострелять из арбалета по каким-нибудь коробкам. Да и мне стало легче –

ведь гораздо спокойнее на душе, когда ты видишь перед собой счастливого человека, и вдвойне приятней, если это твой сын.

2.

К КОНЦУ первой недели крымского отпуска, мы с сыном научились чередовать активный отдых с пассивным. Вечера мы проводили сидя на каком-нибудь холме или высоком берегу, любуясь огнями Феодосийского порта и южным морским закатом, а потом наслаждаясь трелями цикад и прохладой ночного бриза. Нередко наши курортные дни заканчивались в открытой бильярдной на набережной, где я учил сына, как правильно держать кий, как одним ударом разбивать шары и закатывать их в лузы. В свою очередь, Данил учил меня стрелять из арбалета: как заряжать стрелу, как правильно целиться и выбивать десятку в мишени, нарисованной на магазинной картонной коробке. Надо сказать, что Данил показывал успехи и в бильярде, и в стрельбе из арбалета, в отличие от меня: стрелы, пущенные мной, летели не только в мишень, но и в стены хозяйской квартиры, прочность которых оказалась не намного лучше картона.

Незаметно пролетела и вторая неделя. Мы зарядились позитивной энергией от увиденного, пережитого и прочувствованного. Счастливые и загорелые мы засобирались домой.

Испробовав в своих путешествиях по Крыму поезда, автобусы, автомобили, паромы, корабли и собственные ноги, мы решили для разнообразия возвращаться домой по воздуху – на самолёте.

Поскольку наш самолёт вылетал рано утром, мы приехали в Симферопольский аэропорт накануне и заночевали в расположенной поблизости гостинице для транзитных пассажиров. Все бы, наверное, сложилось хорошо, но утром следующего дня мы… проспали. То ли горничная не поняла время, в которое нужно было нас разбудить, то ли я неправильно объяснил… Но это уже не важно. Мы сильно опаздывали на свой рейс.

По всем общепринятым правилам регистрация пассажиров на рейс начинается за два часа до вылета. Когда мы вбежали в здание аэропорта, регистрация подходила к концу. Сердце выскакивало из груди, по спине бежали струйки пота, а в голове мысли набегали одна на другую, мешая сосредоточиться. О том, какой багаж сдавать, а что оставить в качестве ручной клади, решили на ходу. Дорожную сумку с сувенирами, книгами, подарками родным, и два рюкзака с личными вещами я крепко связал вместе, сделав их единым целым. Таким образом, наш багаж, состоящий из сумки и сдвоенных рюкзаков, после оплаты был отправлен отдельно, а мы с Данилом при себе оставили то, что не представляло крупного веса и размера – сумку с фотоаппаратом и арбалет. Расправившись с багажом, мы побежали к контрольно-пропускному пункту, но здесь случилось непредвиденное.

– С арбалетом нельзя, – как выстрел прозвучала фраза, брошенная контролёром.

Мы остановились как вкопанные. Я удивлённо воззрился на женщину в форме, строго смотревшую на нас. Единственное, что я мог выдавить из себя в тот момент, был даже не вопрос, а удивлённая реплика:

– Как – нельзя?!

– Во-первых, ваша вещь не проходит по габаритам, а во-вторых, это оружие, – невозмутимо сказала контролёрша.

– Но вы же видите, что это не оружие. Это детская игрушка.

– Эта детская игрушка способна стрелять, – сказала строгая дама, указывая на спусковой механизм арбалета.

– Но, женщина, чем же он будет стрелять? У нас при себе нет стрел, мы их багажом отправили.

– Не важно, – продолжала гнуть свою линию контролёрша, – Им можно воспользоваться, как колющим орудием. Он все равно не пройдёт по габаритам.

– …даже если я его разберу? – спросил я, постепенно погружаясь в полушоковое состояние.

– Да, – холодно отрезала строгая женщина.

– И что же прикажете делать? – растеряно спросил я.

– Сдавайте в багаж.

– В багаж???

– Или в багаж, или можете просто оставить.

При последних словах женщины Данил поднял голову и пристально посмотрел на меня.

Я путался в мыслях. Если сдать в багаж арбалет, он пойдёт по полной стоимости багажного места, и сдавать его в таком виде, как он есть, чревато нехорошими последствиями – грузчики аэропортов особо не церемонятся с кладью – её бросают, укладывают одну на другую. Но это все с чемоданами и баулами. А что же будет с хрупким деревянным арбалетом? Его с большой вероятностью могут сломать. Если бы кто раньше мне подсказал, я бы привязал арбалет к сумке, или рюкзакам, обернул бы его так, чтобы он не сломался при погрузке и разгрузке. Если бы я знал!..

Мои мысли были прерваны раздавшимся откуда-то сверху голосом диктора, сообщившим, что заканчивается регистрация пассажиров на рейс «Симферополь – Москва».

– Молодой человек, вы так и будете стоять? Вы слышали? Регистрация на ваш самолёт заканчивается, – обратилась ко мне контролёрша. – Через пять минут я вас не пропущу, и вам придётся лететь следующим рейсом.

Я нервно потёр висок ладонью, зажмурил глаза, чтобы не видеть выражение лица Данила, и через силу выдавил из себя то, что в другой ситуации не смог бы сделать:

– Данил! Давай оставим арбалет?

На какое-то мгновение мне показалось, что я оглох. На мой вопрос не последовало ни вздоха, ни какого-нибудь ответа или возмущения. Даже посторонние шумы аэропорта, людей, механизмов и микрофонов словно бы кто-то выключил.

Я открыл глаза и увидел стоящего передо мной сына. Он не смотрел на меня, как мне казалось, он смотрел куда-то в пустоту, прижав к груди деревянный арбалет.

Я присел на корточки и осторожно развернул к себе Данила. Он молча посмотрел на меня. По его щекам медленно стекали слезы. Мальчик ничего не просил и не уговаривал – он слышал мой разговор с контролёршей и все понял. Он просто ждал и, возможно, прощался со своей любимой игрушкой.

Я взял у сына арбалет и, недолго думая – потому что времени на раздумья уже не оставалось – скотчем примотал его к своей сумке с фотоаппаратом, а потом, пробившись к регистрационной стойке без очереди, сдал в багаж, стоимость которого в два с половиной раза превысила стоимость самого арбалета.

Не помню как, но кажется, на крыльях, не обременённые грузом и мыслями, мы пролетели контрольно-пропускной пункт, мимо контролёрши, и уже через полчаса сидели в креслах самолёта, набирающего высоту в направлении Москвы.

Всю первую часть полёта Данил ничего не говорил, и лишь крепко держал меня за руку.

– Тебе страшно? – спросил я его.

– Нет, – ответил он и, немного помолчав, спросил: – Ты не сердишься на меня?

– За что? – удивился я.

– За арбалет.

– Я не мог поступить иначе, сынок.

– Почему? Ведь ты мог оставить его?

– Потому что…. – я замолчал, и после короткой паузы, добавил: – Когда сам станешь отцом, тогда поймёшь.

Данил улыбнулся, отпустил мою руку и, подвинувшись ближе к иллюминатору, стал рассматривать облака за бортом самолёта.

– Здорово! – восторженно сказал он.

Я ему ответил улыбкой, которую мой сын не увидел, но, наверное, почувствовал, потому что мне тоже было здорово, спокойно и удивительно легко на душе.

ЧЕРЕЗ три часа наш самолёт благополучно приземлился в Москве.

С арбалетом ничего плохого не случилось. Данил был безмерно счастлив.

Я тоже.

Екатерина Прямкова

Никто

– Кто ты?

– Никто.

– Откуда ты здесь взялся?

– Ниоткуда. Здесь никого нет.

– Но я же говорю с тобой.

– Нет, не говоришь.

– Ты мне мерещишься?

– Нет.

– Я сплю?

– Нет.

– Не может быть! Ты же мне отвечаешь!

– Нет, тебе никто не отвечает.

Я схватился за голову. Вокруг меня шумел город, проносились машины и спешили прохожие. Рядом со мной стоял тот, кто утверждал, что его не было. Я уже не помнил почему решил с ним заговорить и не понимал, что хочу от него услышать. Это походило на затянувшийся сон, но было чересчур реально. Нужно было прервать этот глупый диалог, и я решительно пошел дальше. Никто не отставал.

– Зачем ты идешь за мной?

– Никто за тобой не идет.

Но он все еще был рядом. Я ускорил шаг. Его шагов не было слышно, но он все равно был возле меня.

– Может быть хватит меня преследовать?

– Тебя никто не преследует.

– Иди в другую сторону!

– Нет.

– Отстань от меня!

– Нет.

Я побежал, огибая прохожих. Они отшатывались, удивленно или равнодушно смотрели на меня. Плевать. Скорее домой. Дома я буду в безопасности. Миновав пару кварталов, я ворвался в подъезд, взлетел по лестнице на пятый этаж, юркнул в квартиру и, хлопнув дверью, обернулся. Передо мной стоял Никто.

– Черт возьми! Откуда ты здесь взялся?!

– Здесь никого нет.

– Но я же вижу тебя!

– Нет, не видишь.

– Это какой-то бред. Невозможно видеть и слышать человека, которого нет!

– Так ты и не видишь, и не слышишь.

Его спокойствие добивало меня.

– Я что, сошел с ума?

– Нет, ты не сошел с ума.

– Тогда что, мать твою, происходит?!

– Ничего.

– Ну конечно! Обычное такое «ничего» и я говорю «ни с кем», и вообще тут «никого нет»! Замечательно!

Я ушел в спальню и захлопнул за собой дверь. Никто был уже там.

– Как ты это делаешь?

Я зарычал от ярости и подскочил к нему. Рука взлетела, чтобы нанести удар, но он вдруг сказал:

– Не получится.

И рука замерла в паре сантиметров от него. Я шумно выдохнул и рухнул на кровать. «Может, я просто устал и, если хорошенько поспать, никто исчезнет» – подумал я. Заснуть сразу не получилось, но таблетка снотворного решила дело. Прежде чем провалиться в сон, я несколько раз открывал глаза. Никто стоял у кровати, глядя на меня.

Когда я проснулся, лучи закатного солнца уже скользили по стене напротив окна. Никого не было.

– Фух, отпустило…

Мне никто не ответил, и я едва не завизжал от радости. Это действительно закончилось! Напевая под нос, я направился в душ. Вода смыла остатки дурных мыслей, и я, довольный, отдернул шторку. Никто стоял и смотрел на меня. От моего крика задрожало зеркало на стене. Я спрятался за шторкой и зажмурился.

– Опять ты! Что тебе от меня нужно?

– Ничего.

– Уходи прочь!

– Нет.

Я задрожал то ли от холода, то ли от страха.

– Дай мне хотя бы выйти из ванной! Пожалуйста.

Я тихонько открыл глаза и посмотрел в зеркало – в ванной никого не было. Я вздохнул, вылез и накинул халат. Дверь в ванную была закрыта на защелку. Взявшись за ручку, я замер – стоит ли выходить? Но я не мог сидеть здесь вечно, поэтому, набравшись решительности, резко шагнул в коридор. Никого. В зале тоже никого не было.

Я осторожно прошел на кухню – и вздрогнул: Никто стоял у окна и смотрел куда-то вдаль. И вдруг глупая мысль посетила меня – а что, если сделать вид, что никого нет? Может, тогда он исчезнет?

Я неторопливо сварил кофе, налил в кружку и, достав из буфета печенье, сел за стол. Никто посмотрел на меня. Его взгляд немного пугал, поэтому я придвинул забытую вчера книгу и уткнулся в нее. На самом деле в его присутствии я просто глупо водил глазами по словам, смысл которых почему-то совсем не воспринимался. Я перечитывал предложения раз за разом, но совершенно не мог понять, что читаю.

– Что здесь написано?

Я протянул Никому книгу и указал на верхнюю строку.

– Ничего.

«Ну конечно! А что он еще мог ответить, если его нет?» – подумал я, поворачивая книгу к себе, и вдруг увидел, что страницы действительно пусты.

– Что?! Почему страницы теперь пустые? Это ты сделал?

– Нет.

– Но я же только что видел! Книга была абсолютно нормальной! Это невозможно!

Я пролистал всю книгу – только белые листы. Захлопнул. Обложка была серым пустым прямоугольником. Я отбросил ее и шагнул к Никому.

– Это была книга моего друга, чертов ты… кто б ты не был!

– Ее не было.

– Что?

Я посмотрел на стол – книга исчезла.

– Нет, нет, нет!

Я тряс руками в воздухе и хватался за голову. Никто молча смотрел на меня.

– Чего ты смотришь? Это все ты!

– Нет.

– Ты все только отрицаешь! Ты можешь сделать хоть что-то еще?

– Нет.

– Ну кто бы сомневался!

Я выскочил из кухни, оставив кофе недопитым. У меня был единственный выходной на неделе, и кто бы мог подумать, что он пройдет так странно? Действительно – кто? Я понял: чтобы окончательно не сойти с ума, мне нужно показать Никого кому-то еще. Я взял телефон и позвонил другу.

– Хееей! Как ты?

– Эм… здравствуй, – голос звучал без энтузиазма. – Не ожидал услышать тебя.

– Почему это?

– Мы не говорили с тобой, наверное… уже с полгода.

– Разве?

– Ну-у… да, даже больше. Я позвонил пригласить тебя на день рождения, но ты сказал, что не сможешь прийти и вот как-то с тех пор ни звонка, ни привета.

– Так может быть настало время все исправить… – виновато начал я.

– Знаешь, мне сейчас не очень удобно говорить…

– Я понимаю, но, может быть, встретимся вечером? Посидим, как в старые добрые?..

– Нет, боюсь, у меня не получится.

Звонок прервался, и я даже не успел сказать «пока». Неужели я действительно так давно ему не звонил? Но почему?

– А ведь он мой единственный друг, – вздохнул я.

– Нет, – ответил оказавшийся рядом Никто.

Я задумался. А ведь и вправду! Была же у меня еще одна знакомая, которая явно имела на меня виды.

– Привет!

– Кто это?

– Ну как же? Это же я, не помнишь? Мы недавно встретились возле аптеки, ты оступилась, а я тебя поймал. Здорово же мы тогда посидели в баре!

– А-а-а, ты… Ну да, помню.

– Звоню пригласить тебя провести сегодняшний вечер в моей компании.

– Извини, конечно, но с того вечера многое изменилось. Мне не хотелось бы тебя обижать, просто… знаешь… – я слышал, что она с трудом подбирает слова, – ну, если бы ты позвонил хотя бы на пару недель раньше, я бы согласилась с большим удовольствием, но сейчас… мой парень очень ревнивый, я не хочу проблем. Да и если честно, в принципе уже не хочу идти с тобой куда-либо. Не звони мне больше, пожалуйста. Всего доброго, – закончила она с облегчением.

– Пока, – ответил я, но в трубке уже слышались гудки.

Я обессилено сел на диван. Оставалась только та, чьи звонки я сбрасывал частенько сам. Уж она точно будет рада поговорить и встретиться.

– Мам, привет. Как ты там?

– Здравствуй, сын, – сказала она хрипло.

– Что с голосом? – я насторожился. – Ты заболела?

– Да, прохворала немного… – в трубке словно в подтверждение послышался громкий кашель. – А ты чего это вдруг решил мне сам позвонить? Случилось чего?

– Да нет, ничего такого, просто хотел узнать, как твои дела. И видимо не зря. Давай заеду? Лекарства какие-то надо? Может, продукты какие?

– Нет, ничего не нужно, я уже попросила соседку, она все купила.

– Мам, а давай… давай вместе телевизор посмотрим?

– Сын, я ведь говорила, что он сгорел месяц назад. Ты обещал свозить меня за новым, но куда уж теперь… Чувствую, не пригодиться.

– Не говори так, мам! Подумаешь, простуда… это же ерунда!

– Годы мои уже не те, сынок, чтобы простуда ерундой казалась. Врач приходила, говорит, таблетки пейте, но сильно на них можете не надеяться…

– Кто вообще такое больным говорит?

– Честные врачи, вот кто. Так что, можешь лучше себе что-нибудь купить. Денежку я тебе оставила, кстати. Там и на похороны хватит, и на колесы твои новые, ты же говорил надо менять. Вот, – опять закашляла.

– Мама! Ну что ты такое говоришь? Давай я приеду сейчас же! Давай мы положим тебя в больницу. Деньги я найду!

– Да где ж ты найдешь столько, сын? Не надо ничего. Я как-нибудь уж тут… – и снова кашель.

– Мам!

– Не мамкай! – строго сказала она.

– Но я хочу навестить тебя!

– Я уже сказала – не нужно. Еще заразишься, не дай Бог! Хватит уж, у тебя выходной вот и отдыхай. Спасибо, что позвонил, а то я вечно не вовремя…

– Мама…

– Давай, пока.

Она как всегда резко бросила трубку, захлопнув старенький телефон-раскладушку. Я обреченно схватился за голову.

– Никто не хочет со мной говорить. А ведь если бы тебя не было, я бы даже не узнал этого.

– Никого здесь и нет.

– Ах да, тебя же не существует, верно?

– Нет.

– «Нет, не существует» или «нет, я здесь есть»?

– Ни то и ни другое.

– Наверное, ты все-таки плод моего воображения… Больного-больного воображения.

– Нет.

– Ну да, ты же ни с чем не согласен.

Я подошел к шкафу, чтобы достать коньяк.

– Выпьешь со мной, а, Никто?

– Нет.

– Не любишь коньяк? Есть еще вино, правда, оно давно открыто, боюсь испортилось. Что тебе налить?

– Ничего.

Я посмотрел на него, ухмыльнувшись, но, когда обернулся взять бутылку, на полке ничего не было.

– Очень смешно. Теперь мне действительно ничего тебе не налить. И себе тоже. Прекрасно!

Никто молча смотрел на мое злое лицо, будто не понимая, что я на грани.

– Глаза б мои тебя не видели!

– Ты и не видишь.

– Вижу, чтоб тебя! Вижу!

– Здесь никого нет.

– Ты опять за свое? Может и меня самого нет? И квартиры этой нет? И вообще ничегошеньки нет?!

– Ничего и нет.

Я посмотрел вокруг – и действительно: стены вдруг растворились, а мебель исчезла.

– Где я?!

– Нигде.

– Как это?

– Никак.

– Что ты такое говоришь?!

– Ничего.

– Но я же существую! Вот же он я! Я! – Я посмотрел на свои руки – пальцы становились размытыми, как будто кадры неудачной фотографии. С ногами и телом происходило тоже самое. – Нет! Нет! Нет! Никто, где ты?!

– Здесь никого нет.

Мирон Кропотов

От осени до Весны

1.

ВЫ КОГДА-НИБУДЬ встречали девушку, нежную и хрупкую с виду, но со стальным характером, с силой воли и терпением, которым позавидует шаолиньский монах? Я такую однажды встретил.

Она вечно ходила в наушниках... Я думал, что она слушает попсу, как все девочки в её возрасте, и мог даже предположить некоторые песни. Оказалось, что я был не прав. В её наушниках играл тяжёлый металл и отборный хард-рок. Там гремели «Bon Jovi», «Twisted Sister», «Kiss», Оззи Осборн, «Rammstein» и «Агата Кристи».

Девочку звали Вика, и летом, выглядывая в окно, я частенько видел её: она любила качаться на качелях, а однажды в подъезде я услышал прекрасный голос. Он мне напомнил МакSим, которую частенько слушал я. Вика пела, сама того не понимая, даже не заметив, как я прошёл мимо. Тогда я подумал, что она уверена в своём голосе, но после оказалось, что нет.

Иногда я даже задумывался, почему раньше не видел Вику.

Где-то в июле я набрался смелости и решил подойти к ней. Искать её долго не пришлось: во дворе всего три качели, да и то стоящие полукругом. Какое-то время я топтался. Почёсывая то нос, то затылок, то лоб, а потом все же набрался смелости и подошёл.

– Привет! – улыбнулся я и – не рассчитав близость качели и траекторию её движения – со всего размаху получил дужкой в челюсть.

Неужели это любовный удар?..

Я открыл глаза и увидел над собой Вику, но для идеальной улыбки мне уже не хватало зуба.

– Господи… Ты зачем так близко подошёл?! Я же там качалась, мог увидеть!

– Привет!.. Я познакомиться хотел, вот и подошёл... – прошепелявил я.

Родителей дома не было, поэтому Вика помогла мне доехать до больницы, и по пути мы ещё поговорили и даже посмеялись. По крайней мере, я пытался…

В больнице сказали, что у меня небольшое сотрясение и повреждена десна, а отряд зубов безвозвратно лишился одного бойца.

Остаток лета я провёл дома, изредка выходя на улицу. Иногда по привычке поглядывал в окно, смотрел, где та самая девочка. Необходимости высматривать уже не было: Вика сама ко мне забегала и мы общались.

Но как только начались занятия, видеться мы перестали.

2.

ДЕВЯТЫЙ, выпускной класс. Он пугал Вику скорыми экзаменами. А ещё столько дел разом навалилось, что делать ничего не охота.

Дождливое первое сентября. Вика в наушниках хлюпала по лужам на линейку. Впереди? Впереди не было ничего нового: те же занятия, что и в прошлом году, те же лица, все та же приближающаяся рутина.

В своём классе Вика выделялась на фоне других ребят, большинство из которых были не очень воспитанные, не слишком любознательные... Впрочем, как везде. Кто-то стремится вечно доставлять всем проблемы, кто-то все время витает в мечтах, а кто-то постоянно набивает себе цену. Такие люди забавляли Вику. Девочка считала, что из них не получится личность, пока они хоть немного не обретут понимание жизни…

В поле равнодушного взгляда Вики вдруг попала новая фигура и взгляд ожил… Это был парень, на которого засматривались все девочки-старшеклассницы. За время каникул Никита ещё больше вырос, плечи стали ещё шире, взгляд – ещё более уверенным. В прошлом году он сидел за соседней партой и уже тогда Вика то и дело поглядывала на соседа. А сейчас…

После линейки Вика помчалась в магазин за ежедневником, который тут же назвала «Пол Стенли», по имени одного из участников группы «Kiss».

01.09.15

Дорогой дневник, я буду записывать в тебя все, что происходит в этом году, а после сдачи экзаменов прочитаю. Будет интересно смотреть, как я менялась.

29.09.15

Дорогой Пол Стенли, мне кажется, или я влюбилась? В парня из моего класса, в Никиту. Мне ещё первого сентября крышу сорвало.

30.09.15

День прошёл отлично…

Весь класс почему-то подшучивал надо мной. И пытался унижать. Не знаю в чем дело, но не буду обращать внимание на это. Я ведь выше их…

Прошли-пролетели два месяца. То, о чем написала Вика в своём дневнике, не прекратилось: издёвки в классе не прекращались, а перешли на новый уровень, и теперь уже ребята из параллели начали лезть к Вике. Но девочка молчала, ничего не говорила родителям. Просто училась.

Близился день рождения Вики. За хорошие оценки её родителям пришлось раскошелиться на дорогой подарок для дочери, и хоть она ничего не просила, но они понимали – заслужила. Двенадцатиструнная, красная соло-гитара обрела своего хозяина. Точнее, хозяйку.

04.12.15

Пол Стенли, родители подарили мне очень дорогую гитару, не знаю, как на ней играть, только на акустике училась, но училась хорошо, думаю, что быстро освою. Одноклассники не забыли, что у меня день рождения и тоже сделали подарок. Они подарили футболку со своими подписями, из этого вышел прекрасный принт…

29.12.15

Пол Стенли!!! Завтра дискотека перед Новым годом у нас в школе. Мне разрешили играть на сцене, планирую сыграть что-то из знакомого и что-то из того, что сама писала. Думаю, будет классно.

3.

ВИКА долго выбирала, что ей надеть.

Джинсы – банально.

Платье – неудобно.

Рубашка – категорически нет.

Футболка! Та, которую подарили! Точно!

Но в последний момент она вдруг передумала.

«Надену все-таки рубашку и джинсы».

К рубашке подошёл отцовский галстук, а напоследок Вика поколдовала с причёской: одну сторону собрала в хвост, а другую не тронула.

«Панкушка, – улыбнулась Вика своему отражению в зеркале, накрасила губы ярко-красной помадой и пошла одеваться.

Девочка уже стояла за кулисами, когда ноги

начали подкашиваться, а коленки задрожали. Стало вдруг страшно от одной только мысли, что она будет петь перед восемью классами.

«Что делать?!. Успокойся… Возьми себя в руки… У тебя все получится…»

Вика сделала глубокий вдох.

Между тем директор закончил свой поздравительный монолог, который никто не слушал. Те, кто заметил, что голоса из колонок уже не слышно, начали хлопать, остальные подхватили, и зал взорвался бурными аплодисментами.

Директор пригласил на сцену Вику, и та, уже абсолютно спокойная, выпорхнула с гитарой на плече. В актовом зале вспыхнул смех. Девочка тоже улыбнулась, прекрасно понимая, над чем все смеются.

Вика подняла медиатор вверх и резко опустила его, едва не порвав струны. Басовитый звук оборвал смех. Зал замер в ожидании. Девочка улыбнулась и пустила партию на гитаре. Музыка была настолько динамичной, что народ в актовом зале тут же начал пританцовывать. А потом Вика запела.

Этот ангельский голос было слышно даже на улице. Любой, проходивший в этот вечер мимо школы, мог разобрать слова, пробивающиеся сквозь закрытые окна.

– А следующую песню я хочу посвятить парню, который мне нравится. Тому, с кем я хочу провести всю свою жизнь.

Многие поняли, кому посвящена эта песня, и снова начали посмеиваться. Но через несколько мгновений все снова приплясывали. Хлопали и махали руками. Никто не обратил внимания на то, как после слов Вики Никита вышел из актового зала, цепляя на ходу наушники. В них играл рэп, не имеющий смысла – простой набор слов.

30.12.15

Это был прекрасный день, мой первый концерт. Хоть моих песен было три из десяти, это все равно круто, а ещё лучше, что я запнулась только три раза. Я горжусь собой.

31.12.15 22:37

Пол Стенли, одноклассники пригласили меня на дачу, мол, отметить Новый год. Будут вроде все. Мама не против того, чтобы я поехала. Не маленькая девочка ведь, шестнадцать лет, как никак. Кстати, может Никиту получше узнаю. И надеюсь, что этот год пройдёт хорошо, а новый продолжит менять мою жизнь к лучшему!

4.

НА ДАЧУ просто так не добраться. Либо на своей машине ехать час с небольшим, либо сорок минут – на электричке. Выбрали железную дорогу. В два часа ребята стояли в здании вокзала, покупая билеты. Когда шумная компания вывалилась на перрон, выяснилось, что одноклассник не объяснил толком, как найти дачу – сам он отправился туда заранее, чтобы натопить дом и навести там порядок. Постояв на перроне в попытках поймать интернет, класс решил идти туда, где красивее заборы, и чутье их не подвело. Дом, где их уже заждались, был одним из первых на улице.

Вика думала, что они приехали провести время с пользой или просто пообщаться, но как после выяснилось, цели у ребят были другие. Парни на улице жарили мясо, забегали в дом, чтобы погреться, опрокинуть рюмку, и уходили обратно на улицу.

– Вика, ты чего сидишь такая невесёлая? – спросила Лиза.

С ней Вика начала общаться после концерта, на котором Лиза тоже пела.

– Да все у меня хорошо, устала немного.

– Да-а? А что-то не похоже… – прищурив глаза, Лиза придвинула до краёв наполненный стакан. – Нужно срочно поднять настроение…

– Да я не…

– Пей! Пей! Пей! – Лиза начала постукивать ладонями по столу.

– Ну ладно…

Вика сделала глоток и сморщилась.

– Фуууу, что это?!

– Не знаю, тут стояло… Но вряд ли что-то плохое, – рассмеялась Лиза.

Когда мясо было готово, ребята сели в круг, чтобы сыграть в «Правда или действие».

Со смехом и весёлой перепалкой очередь дошла до Лизы. Снова хитро улыбнувшись, она повернулась к Вике:

– Дорогая моя, правда или действие?

– Скорее правда...

– Ты вот вся такая классная, неужели никогда не думала, что Никита – это не твоё? Он полный разгильдяй и неряха, вообще несобранный человек, мягко говоря. А?

– Э-э-э! – запротестовал Никита, поднимаясь с дивана и глядя сверху вниз на компанию.

– Никита, сядь, не с тобой разговаривают, – отмахнулась от него Лиза и парень послушно плюхнулся на место, продолжил смотреть пустыми пьяными глазами. – Так вот вопрос: зачем тебе Никита?

– Не знаю… Он красивый и милый, я верю в то, что он может измениться, – засмущалась, но все же ответила Вика.

– Я задам другой вопрос: а, может, ты только притворяешься, что Никита тебе нравится? Может это прикрытие какое-то, если понимаешь, – повела бровью Лиза.

– Нет, не в коем случае, – вспыхнула Вика, – наверное…

…Время подползало к девяти вечера, скоро уходила последняя электричка. Спохватившись, торопливо собрав вещи и наспех прибравшись, класс двинулся к станции. Все о чем-то болтали, смеялись, перебивали друг друга… Наконец пришла электричка. Спотыкаясь, как олени на льду, ребята с трудом забрались в вагон.

02.01.16, 00:00

Пол Стенли, я не знаю, как правильно написать. Сегодня, точнее вчера, был классный день. Я классно отдохнула с классом, и, может у меня появилась новая подруга – Лиза Французова.

5.

СВОЕЙ чередой пошли занятия. Вика училась хорошо, родители были довольны и учителя не жаловались. А вот школьная жизнь была не очень. Никита со своими дружками посмеивался над девочкой, а потом распускал слухи.

Вика стала неким экспонатом, на неё показывали пальцами и сопровождали взглядами.

16.01.16

Пол Стенли, издёвки продолжаются. Мне больно и обидно не потому, что все надо мной смеются, а потому что это делает человек, который мне нравится. Но за Никитой становится интересно наблюдать. Как с каждым днём он придумывает что-то новое…

Следующий день был довольно спокойным. В школе Никиты не было, ученики не говорили о Вике, даже не смотрели на неё.

Неужели все разом о ней забыли? Вика снова стала невзрачной ученицей, на которую не обращают внимания?

Девочка гуляла по коридорам и училась, не отвлекаясь ни на что. Теперь в неё не летели бумажки, никто её не обзывал. На третьем уроке объявился Никита, но и он не обращал на неё внимания.

Когда уроки закончились, Вика последней вышла из класса и направилась к раздевалке. Вдруг её окликнул Никита:

– Вика, подожди меня!

Девочка обернулась в недоумении. Что ему надо, снова поиздеваться?

– Привет, я хочу поговорить с тобой, – выпалил Никита. – Давай портфель понесу и до дома провожу!

– Я сама справлюсь, спасибо!

– Ну смотри…

Ребята пошли, разговаривая о всякой всячи-

не, в основном о музыке. Вика делилась своими предпочтениями, Никита настаивал, что высшее искусство – это рэп. Немного поспорив, одноклассники не заметили, как дошли до дома.

– Давай прощаться, – Никита подал руку Вике. – Честно, мне жаль, что над тобой в школе издеваются, больше такого не будет. Да и вообще, я считаю тебя красивой.

Девочка покраснела и улыбнулась.

– Спасибо, ещё никто не говорил, что я красивая...

– Значит буду говорить я!

«Значит буду говорить я!»

Весь вечер Вика не могла выкинуть эти слова у себя из головы.

Но следующий день расставил все на свои места. Школьники подбегали к Вике, задавали вопросы, и, не дожидаясь ответа, с воплями убегали. Было понятно, что все, чем вчера девочка наивно поделилась с Никитой, теперь знает вся школа, но зачем?

20.03.16

Пол Стенли, Никита рассказал все, что я доверила ему. Вчера он показался мне таким милым, но это было сделано для того чтобы поиздеваться. Очень жаль, а ведь он подавал надежды…

Уже стемнело, на улицах ни кого не было. Вика вышла прогуляться и развеяться. Привычно надела свои наушники, села на качели. Двор, покрытый уже начавшим таять снегом, мерно закачался.

Вдруг кто-то тронул её плечо. Девочка обернулась. Рядом с качелями стоял Женя, тот самый, пострадавший когда-то. Странно: ей вдруг показалось, что это случилось давно, очень давно…

– Привет, давно не виделись, – словно прочитав её мысли проговорил парень.

– Привет, это уж точно, – Вика притормозила ногой, качели встали. – Стараюсь усиленно учиться и вот… не захожу к тебе совсем….

– Понятно, дела. Но я был бы рад, если бы ты пришла.

– Послушай, Женя, а я ведь тебя не вижу на улице, где ты вообще?

– У меня родители развелись, мама работает, а у папы я редко бываю. Больше сижу дома, играю.

– Ты в девятом классе, тебе экзамены сдавать! – округлила глаза Вика.

– Ну и что, физику я выучу за две недели, а на гитаре за две недели не научусь. У меня ведь электрогитара теперь.

– Гитара? Здорово! А я решила, что ты на компе режешься…

Ребята разговорились. Вика снова почувствовала себя комфортно. И почему она перестала общаться с Женей? А, ну да – Никита…

После этой встречи, случайной или нет, общение между Женей и Викой снова наладилось. Они даже спелись – буквально: парень писал музыку, а Вика – стихи.

6.

ДОЖДЛИВЫЙ майский день подползал к сумеркам. Никита вышел из метро и подняв воротник ветровки, почти побежал по улице. Заскочу в свою кафешку, погреюсь, а срезать можно через парк, решил он. Он бежал, прикрывая голову портфелем. В парке, у летней эстрады, стояло полтора-два десятка человек, слышалось пение. Толпа в неурочное время привлекла Никиту. Он изменил маршрут, вклинившись между стоявшими.

«Вика?! С парнем каким-то...»

А девочка пела, пела без микрофона, и её было слышно, как Фредди Меркьюри, а парень, стоявший с ней, играл на гитаре, иногда мотал головой, чтобы смахнуть воду с волос.

Оба мокрые, в расправленных белых рубашках и голубых свободных джинсах, а у Вики ещё и галстук болтался на шее – как тогда, на новогодней дискотеке...

7.

УРОКИ закончились, Вика уже собралась домой, чтобы забрать гитару и отправиться играть на улице.

– Вика! – раздалось за спиной. Девушка обернулась. К ней шёл Никита – высокий, широкоплечий, улыбающийся.

– Привет. Я хотел бы поговорить.

Сказать, что Вика была в шоке – значит, ничего не сказать. Никита возвышался над ней – красивый, модный.

– Привет… я удивлена. Что, опять хочешь слухи обо мне пустить?

– Нет-нет, там личный разговор. Хотел бы поговорить.

Половину дороги они просто молчали, и уже у дома Никита, наконец, заговорил.

– Вика, мне надо кое-что сказать тебе. Да, я вёл себя, как дурак… Но ты мне нравишься… Не замечала похоже, что я давно хожу так, – он тронул воротник, – в рубашке, как твоя. Может, сегодня встретимся?

Вика стушевалась.

– Можно… правда, я сегодня занята, но можешь сходить со мной.

– А куда ты идёшь?

– Куда-нибудь поближе к лесу, хочу поиграть на гитаре. В пять, перед закатом почти, у моего дома. Буду ждать! – Вика сказала все это Никите, не дав ему проронить и слова, и, махнув рукой, юркнула в подъезд.

Довольный Никита отправился домой, наслаждаясь тёплой погодой.

ЕЩЁ НЕ БЫЛО пяти, а Никита уже нарезал круги рядом с подъездом Вики. Время от времени он останавливался, разглядывал объявления, наклеенные на дверь, и снова начинал кружиться…

Наконец, Вика вышла из подъезда – и Никита замер: такая она была красивая, несмотря на простенький наряд…

– Вика, сколько у тебя одежды? – ляпнул он.

– А что, я плохо одеваюсь?

– Нет-нет, все хорошо, мне нравится! – парень попытался выкрутиться из этой неловкой ситуации, но девушка только улыбнулась и поправила волосы.

Они пошли к лесу. Лес был достаточно далеко, и стоило бы поторопиться, но, кажется, быстрой дороге мешало все: и тёплый ветер, и похожие на стражей старые тополя, которые нужно было обязательно осмотреть, и старые дома вдоль улицы, мимо которых раньше пробегали, не замечая. Да и разговор заставлял придерживать шаг, словно каждая фраза была маленьким якорем.

– Никита, послушай, у меня вопрос. Что тебя заставило измениться? Почему ты перестал носить спортивный костюм, почему перестал задирать всех?

– А-а… Мне надоела моя компания, да, надоела – они очень глупые, эгоистичные. Я посчитал, что надо уходить от этого и исправляться. Да и ещё, ты же мне нравишься, и это тоже мотивация стать лучше.

– Понятно…

В груди Вики что-то сжалось. Странное чувство – будто Никита ей ещё нравится.

«Но как это возможно после всех его подколов, издевательств?»

Женя ждал у частных домов на автобусной остановке. С взъерошенными кудрявыми волосами, в белой рубашке и гитарой за спиной.

– Вика! Ну, наконец-то!.. Как-то ты долго сегодня... – Женя знал, что придёт и Никита, но он представлял его подкаченным верзилой под два метра ростом. Но нет, парень был хоть и крепким, но не былинным богатырём. Да и роста в нем было не так много – чуть повыше Жени.

– Привет, меня Женя зовут, – шагнул он навстречу, приветливо протягивая руку.

– Привет, я Никита. Вика не предупреждала, что ты тоже будешь.

– А меня предупредила, но ничего не подумай, я пока только друг.

– Ну раз друг, то хорошо… – Никита напряг

скулы: его смутило слово «пока». – Я не имею ничего против дружбы, главное не обижай её.

Женя расхохотался.

– Ты мне это говоришь? Да никогда в жизни!

Вскоре они вышли на поляну. Судя по тому, как Вика быстро нашла её, она бывала тут не раз. И, может быть, с этим самым Женей… Где-то под сердцем Никиты царапнула кошка…

Проиграв несколько песен, Вика облокотилась на плечо Жени и продолжила играть на гитаре. Женя с улыбкой взглянул на Никиту.

– Знаете, ребята, мне пора домой. Приятно было познакомиться, – Никита пожал руку Жене и двинулся по тропинке из леса.

Вика доигрывала очередную мелодию, когда её телефон тихонько пикнул. Вика открыла СМС-ку: «Не буду мешать тебе и Жене, вижу, что он тебе лучшая пара, и я не хочу вам мешать, но чтобы было понятнее, я не хочу с тобой общаться!!!»

Вика закусила губу. «Не хочу с тобой общаться…» На глаза невольно навернулись слезы.

– Что произошло? – спросил Женя.

– Никита… Написал, что не хочет со мной общаться… Опять что-нибудь расскажет про меня и будут издеваться. Я не хочу…

– Не нужно, не плачь. Это того не стоит, – Женя притянул Вику к себе и обнял.

8.

ТОТ МАЙ пролетел, как на крыльях, а потом прошла пора экзаменов. Вика попросила родителей перевести её в другую школу и больше уже не видела Никиту. А дневник, который должен был хранить строчки о первой любви, она сожгла тем же летом.

Минуло три года. Вике только-только исполнилось девятнадцать, а она уже звезда русского рока. Плакаты с её группой висят на стенах почти у каждого школьника, альбомы набирают по миллиону прослушиваний за неделю, билеты на концерты распродаются в один момент.

Вика до сих пор выступает с Женей. Друзья они, или между ними что-то большее? Не знаю…

Анастасия Исакова

Настоящий врач

– ЗАЧЕМ отец отправил меня в эту глухомань? По таким дорогам сюда ехал, что и врагу не пожелаешь... Мог бы сразу устроить в свою клинику, так нет же, упёрся. Говорит, сначала надо опыта набраться. Сам же меня в медицину запихнул, а теперь палки в колеса…», – зло бурчал себе под нос Женя, остановивший водителя у маленькой больницы на окраине села.

ВОЙДЯ в ещё советское здание, он максимально вежливо для страшно уставшего путника спросил у девушки в регистратуре, где кабинет главврача. Она мило улыбнулась симпатичному молодому человеку:

– Подниметесь по лестнице, потом налево, четвёртый. Только у него сейчас приём.

– Разберёмся...

Женя ускорил шаг и, минуя очередь, постучал и тут же приоткрыл дверь. В кабинете сидела милая старушка с набитым чем-то пакетом, а напротив – стройный, не старый ещё мужчина, с добрыми искорками в глазах. Жена уже знал его имя: Вениамин Павлович Стрельников. Главврач местной больницы.

– Вы кто?

– Кто я? Я к вам по распределению из города, на неделю.

Вениамин Павлович, закончив считать пульс старушки, вырвал из записной книжки листок и быстро накидал пару строк:

– Вот вам, Софья Матвеевна, рецепт. Спуститесь в аптеку, скажите: от Вениамин Палыча; вам Машенька все выдаст. Не болейте.

Проводив благодарную бабушку взглядом, добавил:

– Так... Ты... – эти слова были адресованы уже Жене. – Давай документы, дорогой ты мой, вещи оставляй в регистратуру и пойдём вместе на обход.

У вас было такое, когда челюсть сама отвисать начинает?..

– Какой обход? Вы издеваетесь. Я к вам по таким дорогам добирался! Мне бы сейчас отдохнуть и поесть, какие ещё больные? Да и вообще, вы, наверно, не поняли? Меня к вам всего на пару недель направили, а потом переведут в Москву, в платную клинику. Я даже имён всех запомнить не успею.

– Всё сказал? А народную мудрость знаешь: «Полное брюхо к учению глухо»? Так что перекусишь после. Десять минут тебе на сборы.

Женя метнулся из кабинета, едва не сбив следующую бабушку. Та испуганно отшатнулась и, присаживаясь на стул, прокряхтела:

– Эх, Вениамин Павлович, молодёжь-то совсем несмышлёная пошла. Раньше и старших больше слушали, и труда не страшились. А тут – летают…

– А мы-то на что с вами, дорогая моя? Будем перевоспитывать, как говорится: «Искусством и человеколюбием, трудом и знанием». Это, дорогая моя, новый врач. Я его отца ещё с армии знаю. Хороший человек, работящий. О сыне вот заботится, понимает, что для молодёжи опыт – лучший учитель.

Бабулька согласно кивала: правду говоришь, доктор, правду…

ЧЕРЕЗ десять минут Женя, стоя на улице, нервно сжимая в руках чемоданчик с инструментами и хмуро оглядывая окрестности. Увидев выходящего Вениамина Павловича, он первым делом задал мучавший его вопрос:

– А на чём же мы поедем?

– Не поедем, а пойдём, дорогой мой. Спецмашины у нас уже лет десять нет. Вам, городским, полезно ноги размять. Как говорится, в здоровом теле – здоровый дух.

– Ещё и пешком тащиться... На это я не подписывался.

– Клятву Гиппократа давал?

– Давал.

– Значит, держись. Посмотри, какая погода у нас чудесная! Солнце светит, птички поют.

Но Женю больше интересовала не обременённая асфальтом деревенская улица с ухабами и рытвинами. Чтобы как-то разрядить обстановку, Вениамин Павлович спросил, задумчиво качая головой:

– Женька-Женька, а у тебя мечта хоть есть?

– Конечно. Свалить поскорее отсюда в Москву.

– И чем же тебе у нас плохо? Ты же ещё ничего не видел.

– А тут и видеть нечего – вон, всё как на ладони… И вообще, я не хочу всю жизнь вкалывать за копейки, это, извините, не моё.

– Глупый ты, Женя. Деньги никому не приносят счастья. Да и без труда ничто не даётся.

– А в чем, по-вашему, счастье?

– Людей лечить, Женя, и благодарность за это получать.

– Ну а я о чем?

– Да не материальную благодарность, дорогой ты мой... Ладно, потом поймёшь.

Вот и первый дом. Только зашли, а Вениамин Палыч с порога:

– Здравствуйте, Алевтина Петровна, как здоровьице?

– И вам не хворать. Вот пошла с утра дровишек наколоть, а сердце как прихватит. А кто это с вами, Вениамин Палыч? Никак сынок уже подрос?

– Мой ещё школу не окончил. А это, Алевтина Петровна, студент-практикант. Специально из города к нам приехал, настоящую практику пройти хочет.

Вдруг Вениамин Павлович быстро склонился над Жениным ухом и тихо сказал:

– Ты во дворе поленья видел?

– Видел.

– Иди, дров бабушке наруби, а я ей пока давление померяю.

Этого ещё не хватало…

– Я, вообще-то, врач!

– Кто врач? Ты – врач? Тебе сначала надо человеком стать, а потом уже врачом. Тебя сейчас к пациентам даже близко подпускать нельзя. Опасно. Помнишь главный принцип медицины: «Прежде всего – не вреди». Иди-иди, давай, – и, уже в полный голос, хозяйке: – Ну-у, Алевтина Петровна, давайте разбираться с сердечными делами!..

Весь день Женя с Вениамином Павловичем ходил по вызовам. Что ему только делать не пришлось: и дрова колол, и забор помогал поправить, и курей разбежавшихся ловил. Больным старикам такое не под силу, вот и приходилось помогать. Утомился страшно. А тут его ещё на ночную смену оставили! Свернулся Женя калачиком на диване, наушники – в уши и задремал.

Только заснул, кто-то как тормошит:

– Вставай, доктор, моя Танька рожает.

– А я тут при чём… зовите Вениамин Палыча...

– Вставай, говорю, я уже всю больницу обежал. Нет здесь никого. Ты врач или не врач?

– Да иду я, иду…

Схватил чемоданчик, кое-какие инструменты – и за мужиком.

А дальше как в кино: Танька орёт, мужик этот крикливый стоит соляным столбом, молчит, бледный весь, лишь бы в обморок не грохнулся.

А у Жени у самого руки дрожат:

– Несите горячую воду и чистые полотенца, будем рожать...

Полночь. Наконец-то этот безумный день закончился. Женя сидел во дворе и отчаянно пытал-

ся собраться с мыслями. Было о чем задуматься. Сегодня от него зависела чья-то жизнь. Две жизни… По спине пробежал холодок. Вдруг подошёл мужик, сел рядом и похлопал его по плечу.

– А ты, доктор, молодец, справился. Тебя как зовут-то?

– Женя...

– Евгений, значит. Сына так назову. Спасибо тебе.

– Да не за что.

Страница из дневника Жени.

Я всегда боялся, что у меня никогда не получится стать НАСТОЯЩИМ врачом. Для этого надо столько всего знать, понимать, видеть... Ведь так бывает, что жизнь в поиске проживёшь и не поймёшь, в чем же было твоё предназначение. А иногда в один миг случается то, на что не надеешься годами. Вот заканчивается моя практика… Первая. И я теперь понимаю, что такое быть врачом. Что такое быть счастливым человеком. Когда понимаешь, что же такое для тебя белый халат, когда начинаешь делить с пациентами их маленькие радости и беды... Тогда тебе уже совсем не важно, где лечить людей, в московской клинике или в сельской больнице. Хочется сказать: не повторяйте моих ошибок. И помните: человеку свойственно ошибаться, но самое главное – уметь ошибки исправлять. Говорят: лучше поздно, чем никогда. Нет, лучше раньше.

Юлия Макушина

Келпи

МЫ НА 70% состоим из этого вещества. В среднем, человек может прожить без него около 4-5 дней, но лучше не экспериментировать. Если не пить воду, то в организме происходит сбой: повышается температура, происходит резкое падение сил, ухудшение общего самочувствия и аппетита. Да, как вы уже догадались, речь идёт о воде. Вода – источник жизни.

Но в посёлке J она стала источником смерти…

МАЛЬЧИКА звали Сева. Родители привезли его к бабушке в посёлок на две недели. Теперь каждый день он мог гулять и играть со своими друзьями. Мальчишки давно ждали Севку на каникулы. У них такие грандиозные планы впереди! Столько идей, кем можно стать – к примеру, разбойниками. Ничего сложного в этом нет. Залезть на участок тёти Глаши, да насобирать яблок. Только потом важно не получить тряпкой по спине, уж очень это больно. Вон, Кеша, дружок-пирожок, ещё с прошлого раза не отошёл, чешется – так его тётя Глаша приложила пониже спины. Или можно напугать дядю Гену, но тут нужно быстро бегать, а то и здесь орудие мести имеется – ремень… Нет. Всё-таки разбойниками им не быть. Может кладоискателями? Перерыть весь огород, повыдёргивать только что посаженные семена? Нет, бабушка будет недовольна, поэтому тоже не вариант.

– О, придумал! – воскликнул Сева. – А давайте станем пиратами? Построим плот и поплывём вниз по нашей реке? И путешественники, и разбойники, и кладоискатели!

– Нет! Никакой реки! – заорали в один голос мальчишки.

– Почему? – удивлённо спросил Сева.

– Ты что? Не слышал про Келпи? – Кеша начал говорить тихо, почти шёпотом.

– Нет. А кто это?

– Келпи – это злой дух, который людей убивает. Он является перед смертью в облике коня, пасущегося неподалёку, а потом бац! И заманивает людей в воду. Если быть точнее: человек хочет оседлать коня, а когда это ему удаётся, то животное ныряет в реку и топит его. В нашей речке Селютке уже немало так народу погибло. Даже венок на дереве висит.

И ведь действительно. За последние пять лет в Селютке утонуло больше ста человек. На кладбище почти у всех утопленников одинаковые памятники – мраморные, серые, поэтому их легко найти. У всех есть надпись: «Вода – источник смерти». Кому первому выбили эту надпись, уже забыли – но постепенно фраза появлялась то на одном, то на другом новом надгробье и, в конце концов, стала традиционной. В память о погибших повесили у реки венок – ещё одно напоминание о том, что не стоит купаться здесь одному, тем более вечером. В поселке до череды этих несчастных случаев тоже были утопленники, но как везде у воды – то один за сезон, то вообще ни одного… А тут…

Всё это Кеша выложил страшным шёпотом, дико вытаращив глаза. Сева даже решил, что в конце он заорёт «Отдай моё сердце!» – но обошлось без этого.

– Ладно, тогда давайте завтра свои идеи предлагайте, кем мы будем, а мне домой пора. Пока! – решил Сева и ушёл.

Дома мальчик всё рассказал бабушке. Та покопалась в шкафу и нашла книгу по мифологии. Сева полночи ночь читал – нашлось там и про Келпи. А наутро он пришёл товарищам и сказал:

– Всё то, что вы мне вчера наговорили – бред. Келпи живут в Шотландии. Какая уж тут Селютка!..

– Он может быть и у нас! – горячо запротестовал Кеша. – Иначе как можно объяснить то, что те люди, которые знали утопленников говорят, что видели в последний день лошадь на берегу реки?! И все описывают её одинаково!

– Ой, ладно, хорошо, убедил. Я сейчас хочу сказать о другом. Мы можем стать героями, парни, о нас напишут в газетах и по телику покажут, если мы победим это чудище. Я даже знаю, как. Вчера читал, что нужно с коня срезать узду, тогда Келпи будет подчинятся человеку. Ну что, рискнём?

– Ты уверен? Мне как-то страшно, если честно… – сказал Вова.

В итоге идею Севы поддержали только Кеша и Федя. Все остальные ушли домой.

– Трусы! – прокричал им вслед мальчишка. – А еще разбойниками хотели стать, пиратами! Ладно, пацаны, я смотрю, что вы не из пугливых. Пойдёмте, устроим засаду. Как только конь появится, то мы хватаем его и срываем уздечку, поняли?

ОНИ СИДЕЛИ в кустах уже долго. Через час Феде надоело, и он пошёл домой. Сева с Кешей на него очень сильно разозлились. Как можно?! Нет, так поступать с товарищами нельзя! Может он просто испугался, потому что трус, как и все остальные? Мальчишки шёпотом обсудили и решили: однозначно. Другого объяснения просто нет. Определённо, Федя всего-навсего испугался. Эта мысль хоть как-то успокаивала мальчиков, которые остались совершенно одни на берегу. Севе пришлось наврать бабушке ещё днём, что сегодня он ночует у Кеши. Кеша в свою очередь сообщил родителям, что идёт к Севе.

Начало темнеть. Около воды было хорошо. Красочный закат отражался в реке, крякали невидимые утки, где-то вдалеке шумел заведённый моторчик катамарана – наверное, это дядя Гена с тётей Машей выехали на вечернюю прогулку. На противоположном берегу рыбачила группа подростков. Видимо, у кого-то был день рождения. Они так громко веселились – зачем им вообще удочки? Всю рыбу распугали. Единственный минус пребывания на берегу – это комары, которые беспощадно кусали сидевших в засаде. Днем мальчики изрядно набегались и теперь их клонило в сон. Когда и у того, и у другого глаза уже сли-

пались, Кеша вдруг спросил, не напутал ли чего Сева? Просто складывалось такое ощущение, что лошадь Келпи не придёт. Сева тут же возразил, что чудище обязательно является ближе к полуночи.

– СЕВА! СЕВА, вставай! Келпи нет.

Сева приоткрыл глаза. Он ничего не мог сообразить. Оказалось, что оба они уснули. Первым очнулся Кеша – и тут же растолкал товарища. Время подходило к полуночи. Даже шумная компания на другом берегу успела уехать. Только плеск небольших волн и звуки сверчков сглаживали неприятную и, даже немного страшную, тишину. Хорошо, что мальчики были смышлёные. Они взяли с собой рюкзаки. Достали фонарики и уже хотели включить, но тут увидели, как вода в реке забурлила, закипела, и буквально в двадцати метрах от них появилось чудовище. Оно было жутким: грива из водорослей, рыбий хвост, передние копыта повёрнуты назад. И самое страшное – как будто наполненные кровью горящие глаза. Раздался оглушительное душераздирающее ржание коня. Такой рёв ещё никто ни разу не слышал. От страха мальчики закрыли глаза и уши.

Через мгновение Сева рискнул открыть глаза, огляделся по сторонам – всё было тихо.

– Кеша!.. Келпи исчез!.. – Сева толкнул друга, чтобы тот открыл уши.

Мальчики огляделись вокруг – никакой лошади не было, будто след простыл! Они немного расстроились. Эх, им так хотелось приручить этого монстра… Нет, понятно, что вначале они немного испугались – ну, совсем немного. «Но это больше от неожиданности», – сказал Сева и Кеша согласился: «Конечно, от неожиданности. А то бы…»

– И что же вы тут делаете? – раздалось у них за спиной. Оба так и подпрыгнули.

Перед ними стояла миловидная девушка и улыбалась.

Сева честно ответил, какие у них были грандиозные планы.

– Забавно, – проговорила девушка. – Продрогли? Пойдёмте, выпьем с нами чаю. У меня вот дом-то.

Девушка показала на домик, примостившийся почти у самой воды. В доме горел свет и мелькали какие-то силуэты. Там явно было очень тепло, уютно и весело.

Мальчишки переглянулись. Домой в эту ночь они возвращаться не собирались – влетит за ночную прогулку. А, проведя три часа у воды, они и в самом деле продрогли. Да ещё эти комары…

– Чай – это хорошо, – сказал Сева.

– С плюшками, – хихикнул Кеша.

Тела двух мальчиков десяти лет были обнаружены недалеко от посёлка J в реке Селютка. Как сообщалось раннее, в этой реке с печальной регулярностью гибнут и взрослые и подростки. Что это? Проклятие? Серийный убийца? Маньяк? Или загадочное существо, про которое нам так часто рассказывают местные жители? Очевидец сообщил, что ночью видел двух мальчиков с какой-то женщиной. Как описывает её мужчина: она была босая, в роскошном зелёно-голубом платье. Светлые волосы были кудрявы, словно водоросли. Глаза девушки якобы чуть ли не светились в темноте. Последнее утверждение можно отнести на счет физического состояния очевидца – он возвращался с празднования дня рождения. По факту гибели детей ведется следствие.

Газета «Новости»

Екатерина Прямкова

Час Пик

УТРО. Час пик. Автобус переполнен. Встаю на последнюю ступень. Еду. Очередная остановка. Зачем водитель открывает это дверь? Встать некуда. Дверь зажала мою ногу. Больно. Почему я не кричу? Пассажиры видят. Обеспокоены.

– Закройте дверь! Девушке ногу прижало!

Как громко он это сказал. Парень, молодой. Светлые волосы ёжиком светятся на солнце. Шепчу «спасибо». Услышал. Наверное, прочёл по губам. Люди продвинулись. Говорят, худенькая, протиснусь. Киваю. Втискиваюсь. Украдкой смотрю на парня с ёжиком. Тоже смотрит. Смутилась. Нога ноет, дрожит. Задняя дверь больше не открывается. Но я уже далеко. А парень близко... Все ещё смотрит?

Моя остановка. Неловко выхожу. Хромаю. Нужно в магазин. Он идёт за мной. Зачем? Ускоряется. Догнал. Познакомились. Обменялись номерами. Попросил себя беречь. Приятно.

Позвонил. Неожиданно. Голос дрожит. Что говорить? Говорит сам. Соглашаюсь на встречу. Волнуюсь.

Вечер. Ещё полчаса. Платье или джинсы? В джинсах я была в автобусе. Всё-таки платье. Помада? Нет. Духи на запястье. Туфли? Болит нога. Кроссовки. Поправила волосы. Короткие. Обычно парням нравятся длинные. Будь что будет.

Стоит у памятника. Давно? Тихо подхожу. Оборачивается. Улыбается. Говорит, я красивая. Смущаюсь. Предлагает пройтись. Идём. Что-то держит в руках. Бьёт себя в лоб. Забыл подарить. Конфеты. Мне? Мои любимые. Откуда он знал? Угадал. Начинаю думать о судьбе. Машу головой. Он говорит о себе. Много говорит. Голос красивый. Слушаю. Где я работаю? Учусь. Второй курс. Снова говорит о себе. Шутит. Смеюсь. Хвалит мой смех. Говорит, что понравилась. Смущаюсь. Провожает до дома. Просит о новой встрече. Влюбляюсь. Нет, слишком рано...

Влюбилась. Мы гуляем каждый день. Он старше. Он умнее. Рассказывает о делах. Дарит подарки. Жду сообщения. Жду звонка. Сама не звоню. Не хочу навязываться. Каждый раз он целует меня на прощание. Нежно. Таю. Снова жду встречи.

Идём по аллее. Взволнован. Приглашает к себе. Краснею. Соглашаюсь. Он живёт один. Уютно. Чисто. Пьём вино. Никогда не пила вино. Кислое. Глаза туманятся ещё сильнее. Какой он красивый... Он целует. Настойчиво. Слышу свой стон. Неловко. У него горят глаза. Звереет? Я никогда раньше... Больно. Но приятно. Прячу слезы в подушку. Счастлива.

Уже полгода глажу ёжик на его голове. Ему нравится. Он мой. Не верится. Говорит, я красивая. Не соглашаюсь. Он берет меня за руку. И ничего не важно. Смотрю на автобусы из окна его машины. Купил сам. Горжусь. Говорит, всегда будет рядом. Верю. Мечтаем о будущем. Строим планы. Уже не боюсь звонить. Но без звонка не приду. Неприлично. Люблю засыпать с ним. Люблю его.

Хмурое утро. Не приедет. Сломалась машина. Ерунда. Увидимся позже.

Вечер. Занят. Ничего. У нас ещё целая вечность.

Неделя. Все ещё занят? Ни минуты свободного времени. Верю. Много работы. Машину так и не починил. Вздыхаю. Жду.

Ещё одна неделя. Решила идти пешком. Не люблю автобусы. Свернула не там. Задумалась. 941? Это его машина. Не сломана? На переднем сидении девушка. Красивая. Сестра? Знакомая? Целует. Больно. Больнее, чем зажать дверью ногу в автобусе. Увидел. Бегу. Куда бегу? Не видно.

Слезы. Падаю. Поднимает. Не трогай! Вырываюсь. Говорит «прости». Простить? Нет. Никогда. Никогда. Никогда.

Звонит. Сбрасываю. Пишет. Не отвечаю. Поймал у подъезда. Цветы. Не беру. Молчу. «Ну что ты как маленькая?». Это было по-взрослому? Неправда. Врал. Зачем? Не прощу. Прощай.

Новое фото вконтакте. Он красивый. Она в белом платье. Обещал, я в таком буду. Зачем? Я верила. Я надеялась. Теперь не буду. Выкидываю все подарки. Стираю все сообщения. Забуду. Не сегодня. Но обязательно забуду.

Утро. Час пик. Протискиваюсь. Лишь бы не на последней ступеньке...

Ольга Приймакова

Уж замуж не пойдёшь

– ОЙ, ДЕВОЧКИ! Поверить не могу, что через неделю моя свадьба! – Алиса без умолку щебетала уже который день то про туфли, то про тамаду, то о том, где заказали торт и сколько пригласили гостей.

Коллеги по кабинету волновались вместе с ней: давали советы, радовались удачно «отбитому» у другой свадьбы фотографу с хорошими рекомендациями, одобряли свадебный наряд. Они уже полгода жили в режиме свадеб. До Алисы так же готовились к бракосочетанию Иры. И пусть у неё было всё не так торжественно и пышно, но тоже в первый раз. А до неё Ленка обзавелась пусть вторым, но не менее обсуждаемым мужем.

– Скоро и я стану замужней женщиной, – о работе Алиса уже думать никак не могла. – Потом и тебя, Маша, выдадим...

– Меня-то за что? – Мария глянула на неё поверх очков и снова направила взгляд на монитор.

– Так ты одна у нас незамужняя останешься, – не теряла оптимизма Алиса.

– Ну и что? Меня этот статус нисколько не напрягает.

– Лукавишь, Маша, ой, лукавишь, – Ирка вступила в разговор, воспользовавшись поводом оторваться от работы.

– Дорогие мои, не забывайте, сколько мне лет, – продолжала отбиваться Мария.

– Подумаешь – 42! И пенсионерки замуж выходят.

Выслушав многочисленные примеры удачных и более-менее удачных замужеств возрастных знакомых, знакомых знакомых, звёзд разных, Маша махнула на девушек рукой.

– Я же не против, пусть выходят. Мне этого не надо. Вот тебе, Алиса, зачем муж?

Алиса многозначительно подула на чай.

– Как это зачем?

– Ну зачем?

– Я его люблю. И он меня любит.

– И это повод идти в ЗАГС?

– А как же?! Какой ещё должен быть повод? Я жить без него не могу!

– Ой, да ну? И как ты до двадцати четырёх лет дожить умудрилась? – Маша понимающе улыбнулась. – Ну, а ты, Ирка, чего так в мужике нужду почуяла?

– Мне уж тридцать исполнилось. Хватит в девках ходить. Ребёнка надо родить, а то год-два, и всё, поздно будет. Нормальный повод? – Ирина посмотрела на колечко, которое уже несколько месяцев украшало пальчик.

– А у меня повода нет по замужам ходить, – Маша задвинула очки на нос и принялась было печатать, но Алиска с Иркой подъехали на стульях к её столу со словами: «Требуем аргументов!». Ленка с интересом наблюдала из-за своего стола.

– Вся моя жизнь – один аргумент, – и Мария, из которой обычно слова не вы-тянешь, начала свой рассказ. – Замуж я выскочила ещё раньше Алисы. Мне тогда только-только двадцать исполнилось. Любила его – жить без него не могла. Мне хотелось всего и сразу: и гнёздышко семейное обустроить, и ребёночка любимому родить. Даже институт чуть побоку не пустила. Ладно, хоть на заочное перевелась. Родители отговаривали, а мы ни в какую: любим друг друга, и всё тут.

В общем, ребёночка мы сообразили сразу, а вот гнёздышко... Мои родители каким-то чудом достали комнату в общаге, обставили необходимым. Вроде бы – чего ещё надо. Эх, кто бы сказал, что, кроме любви, семью ещё и руками строить надо. Я, кроме яичницы и макарон с колбасой, больше ничем путь к сердцу любимого не прокладывала. Он не расставался с убеждением, что с милой рай и в шалаше: по дому почти ничего не делал, даже мусор из-под палки выносил. Зарплата... Да какая там зарплата – вечно без денег сидели. Но любовь наша от этого, как казалось, не страдала. Мы плевали на грязные пелёнки и на гору немытой посуды и шли гулять, не столько с Настей, сколько друг с другом. Зачем тратить время на замену перегоревшей лампочки или сломавшейся ножки у дивана? Лучше в обнимку посидеть перед телевизором, хрустя чипсами, купленными на последний полтинник, ну или на худой конец, щёлкая семечки.

Ох, помню, какой разгон устроили нам родители, когда увидели, в каком беспорядке растёт их внучка. Мой любимый первый не выдержал испытания бытом. «Я ещё не нагулялся» – с такой формулировкой он всё чаще и чаще проводил вечера с друзьями. Как будто я нагулялась! Мне было 22 года, а на моих плечах и годовалый ребёнок, и дом? Нет уж, извините-подвиньтесь. Разошлись мы очень быстро и совершенно спокойно: и где только та любовь была?

Второй раз к выбору супруга я подходила осознанно и основательно. Предложения вечной любви отметала сразу: хватит, налюбилась. Мне нужен был человек, твёрдо стоящий на ногах, желательно с квартирой, машиной и хорошим заработком. Короче, второй раз вышла замуж исключительно по расчёту.

Страсти к своему второму мужу не испытывала, но как человек он мне нравился. С ним было надёжно. К Насте относился без особой нежности, но нормально. Дочка уже в школу ходила, так он и по математике ей помогал, и какие-то поделки вместе с ней делал. А я к тому времени очень хозяйственной бабой сделалась: пироги стряпать научилась, дома беспорядок не терпела совсем. Даже ворчала: то туфли муж не так поставил – в прихожей ни проехать, ни пройти, то ест неаккуратно – после него крошек на стаю голубей хватит.

А он ведь тоже мне не уступал: бухтел по любому поводу. Вернее, не по любому, а по поводу денег. Конечно, в семье зарабатывал он. Но ему казалось, что и я должна вкладывать больше, ведь у меня ещё и дочь растёт. Нашёл мне более оплачиваемую работу, хоть и не по специальности. Но, как мне кажется, деньги всё и испортили. Чем больше становился наш достаток, тем больше мы ссорились. И ругались не только по поводу денег. Эх, кто бы мне тогда подсказал, что в семейной жизни главное – вовремя закрыть рот. Наши ссоры раздувались на пустом месте.

– Вот не поверю, что на пустом месте можно поссориться, – перебила Машу Алиса.

– А вот можно, причём легко. Например, зову его ужинать. Борщ горячий, салатик свежий. А он: «Сейчас!». Раза три «Сейчас». Плюнула, сели с Настей, поели, посуду убрала. А он по домашнему телефону с кем-то говорил, потом вспомнил, что мобильник в машине оставил, сходил, во дворе с соседом из-за стоянки зацепился. Пришёл – суп

остыл, салат погрустнел. Снова погрела, а у него, видите ли, «Новости» по телевизору начались, пошёл в комнату с этим борщом, конечно, накрошил. И всё потому, что я под руку лезу. В общем, финал ссоры: «Дочку свою воспитывай!» – «Да иди ты!». И так каждый день да через день.

Разводились тяжело. Если честно, мне жалко было его терять. Он тоже был не в своей тарелке. А что делать? Не меняться же ради друг друга.

– Но ведь можно было найти какие-то компромиссы, – вставила Ира, тоже пожалевшая, что этот брак Маши распался.

– Не умничай! Думаешь, я психологов не читала и по телевизору их советы не слышала? Когда живёшь с человеком, рядом никаких психологов нет – только два ваших характера, и всё.

В общем, осталась я в 33 года без мужа. Шесть лет мы с Настей вдвоём прожили. Потом она в институт поступила, уехала от меня. И осталась я совсем одна. Меня особо не тяготило это, только иногда вечерами такая тоска брала: телевизор да книги – вот и все мои собеседники. И решила я на старости лет (Ленка хихикнула в кулак) заняться чем-нибудь. Сначала в тренажёрный зал пошла – быстро мне эта беготня по дорожкам надоела. Бассейн увлёк больше. Но времени все равно оставалось много. И решила я совершить подвиг: записалась в автошколу.

Там, в автошколе, и нашла себе очередного ухажёра. Лена его знает.

– Нормальный парень, не знаю, чего ты вся извыделывалась.

– Нормальный, согласна. А у меня ненормальных и не было. Очень трогательно он за мной ухаживал. Я и не думала, что сейчас такие мужики бывают романтичные. Когда первый раз ко мне домой пришёл, понравился ещё больше: обувь ставит правильно, и ест аккуратно. И вообще с ним очень приятно было общаться. Подумала: а почему бы и нет? Стали жить вместе.

И тут я поняла... Поняла, что слишком долго жила одна.

– В каком смысле? – удивилась Ленка, тоже лет пять бывшая в активном поиске, и теперь, наконец, нашедшая, к своей радости и гордости, какого-то даже неплохого разведённого мужичка.

– Какой ещё может быть смысл? Я привыкла делать то, что мне нравится, и то, что я хочу делать именно сейчас. Знаешь, как мне не нравилось, когда я собираюсь в бассейн, а он говорит: «Пойдём в кино». Я хочу в выходной поваляться подольше, а он встаёт рано и меня будит. Мне надо в магазин съездить, а он предлагает сходить в гости к его друзьям. Я на ужин сварила кашу, а он спрашивает, где мясо. И, Ира, не напоминай мне про компромиссы. Я прислушивалась к нему, уважала его решения. Но ностальгия по моей жизни «до него» победила.

В общем, хоть ничего плохого он мне не сделал, я попросила его уйти. Он так и не понял, почему я так решила. Спрашивал, что он должен сделать, чтобы остаться со мной. А что тут сделаешь, если мне просто нравится жить одной.

– Как может нравиться одиночество?

– Не одиночество, а свобода.

– В твоём случае это одно и то же. Рядом с женщиной все равно должен быть мужчина.

– Алиса, я ж с твоим большим жизненным опытом не спорю, – ухмыльнулась Маша, – каждому своё. У меня их было три – каждый по-своему хорош. И я тоже считала, что в доме должен быть мужик. Теперь знаю, что мне он не нужен. Почему-то именно теперь, когда и по дому всё умею делать, и язык вовремя прикусывать научилась, когда дочка уже живёт самостоятельно, и живу нескучно, впускать в свою жизнь никого не хочу. Повода нет.

Ну что, девчата, достаточно аргументов?

– А если любовь случится? – не унималась Алиса.

– Алиса, да перестань, – засмеялась Ирка, – сейчас Маша сказку расскажет, что в её возрасте уже не влюбляются. Покажи нам лучше, какой букет тебе жених приготовил. В каком салоне заказали?

Девчонки отъехали от Машиного стола, оставив её наедине с монитором. Любит одиночество, вот и пусть сидит одна. Маша облегчённо принялась за работу.

Бей!

– БИЙ! – орёт в ухо Игорю один нацист, и его ор оседает на ухе липкой гнилью.

Другой суёт в руки биту.

…где они нашли такую – металлическую, специально, что ли, чтоб не деревянную, чтоб не ломалась…

Нацист ржёт.

– На, вата, крепче, держи, – велит он Игорю, и тот сжимает гладкую рукоять.

В подвале душно, тяжело дышать. Ядовито-жёлтым светом лампочки можно отравиться. От побоев страшно болит всё тело. В голове стоит колокольный звон. В горле пересохло. Игорь еле стоит на ногах.

На земляном полу лежит Пашка. Лучший друг. Офицер Российской армии. Лётчик… Он не кричал, только стонал, когда нацисты били и пинали его. А сейчас молчит. Но Игорь знает, что Пашка ещё жив. Потому что нацист бьёт его прикладом в спину и снова надсадно орёт:

– Бий!

Игорь морщится. Сколько они здесь уже? Три дня? Неделю? Время тянется, как жвачка. С ором нациста в памяти всплывает другая картинка…

Ему пять лет и на дворе жаркое лето. Мир вокруг – огромный и прекрасный. Игорь идёт к старой яблоне, там припрятана со вчера у корней отличная ветка – настоящий меч-кладенец, которым надо отрубить головы Чуду-юду и порубить крапиву у ограды детского садика. Но на пути у веранды кружком стоит стайка мальчишек. Игорь подбегает к ним: среди них Васька Курочкин, которого боится весь двор. Игорь страшно хочет в его компанию. Очень хочет с ними дружить.

Мальчики стоят вокруг чего-то, спорят и, когда Игорь протискивается внутрь, он замирает.

На асфальте лежит белый щенок и жалобно скулит. Его бок красный от крови и летний день сразу меркнет. Мир становится узким и душным.

Васька Курочкин бьёт щенка камнем. И тот кричит. А все вокруг смеются.

– Стой! – вдруг тонко кричит Игорь. – Нельзя так!

И Васька поднимает на него глаза. Чёрные и противные, как тараканы.

– Хочешь в нашу компанию? – говорит он. – Знаю, хочешь. Тогда бей.

Он суёт ему в руки камень и смеётся. И вокруг мальчики смеются.

– Бей! – орёт Васька так, что Игорь отшатывается. – А ну бей, сопля!

Васька пинает щенка и тот жалобно взвизгивает. И в этот момент что-то переворачивается у Игоря внутри. Он со страшным криком бросается на Ваську и лупит его. Камень выскальзывает из вспотевших пальцев и Игорь лупит кулаками.

– Не хочу, – кричит он, – не хочу в вашу компанию! Нельзя так!..

Лампочка мигает и Игорь снова слышит крик. Этот крик врезается в ухо, как удар...

– Бей! – кричит Кривой и толкает его в плечо. – Ну!

Они стоят за школой и на город уже опускается вечер, окрашивая кирпичные стены в кроваво-красный цвет. На траве перед Игорем валяется белобрысый пацан, его ровесник. Из носа у него течёт кровь, на скуле ссадина. Напротив стоит Кривой – главный заводила в школе, в которую только что перешёл Игорь. За его спиной человек семь верных дружков, они ковыряют в носу, сплёвывают в траву сопли. Они только что били бело-

брысого и теперь, почуяв кровь, хотят продолжения шоу. А Кривой скалится, здорово напоминая шакала Табаки из советского мультика «Маугли». Толкает Игоря в плечо и орёт:

– Ну! Давай, новичок! Врежь ему! И будешь с нами. Ты ж ровный пацан, не?

Игорь сжимает кулаки так, что перехватывает дыхание. Белобрысый не скулит, как тот белый щенок, он привык к побоям. Он сплёвывает на траву кровь и кашляет, утирая рот тыльной стороной ладони. На мгновение встречается взглядом с Игорем, и тот едва заметно вздыхает.

Игорь знает, что потом будет боль. Но иначе нельзя. Иначе станешь таким, как они. Перестанешь быть человеком. И он бьёт. Бьёт Кривого с разворота в скулу так, что костяшки взрываются болью. Сзади кто-то нападает. Наваливается и Игорь перебрасывает его через себя. Подбегают ещё двое. Игорь получает удар в ухо, от которого звенит в голове, и пригибается от удара другого. Но его нет. Не выпуская противников из поля зрения, краем глаза он видит, как побитый парень неумело отбивает удар и встаёт спиной к его спине. Игорь улыбается разбитыми губами и говорит:

– Я – Игорь. А тебя как звать?

– Пашка – пыхтит парень. – Ещё двое осталось.

– Бей, – говорит Игорь. – Как в последний раз.

И бьёт врага...

Лампочка мигает. Свет вокруг ядовито-жёлтый, как таблетки. Тяжело дышать. И даже жить. Игорь смотрит на Пашку на полу. Совсем, как тогда. Тогда они стали братьями. Прошли огонь, воду и медные трубы. Пуд соли съели. А теперь они солдаты. Пленные солдаты.

Игорь щурится. Родина снаружи такая огромная. А здесь, в подвале, становится маленькой – размером с Пашку. Кровоточит и стонет.

Игорь видел, как нацисты сначала пытали солдата, а потом заставили его бить другого. Пообещали не трогать. И застрелили обоих. Он видел много таких, знает, чего стоят их слова.

– Бий! – орёт нацист.

И Игорь крепче сжимает рукоять. И бьёт. Бьёт с разворота. Сначала по ногам. Нацист с воплем падает от неожиданности и боли. Игорь разворачивается и бьёт второго. Бьёт, пока тот не успел выстрелить. Вкладывает в удар всю силу. За маму. За папу. За бабушку. За Пашку. За себя. Как в последний раз.

Он бьёт, пока тело не перестаёт слушаться. Выстрелы сбивают его с ног. Он падает и видит, что один нацист лежит и не двигается. А второй стреляет в упор и мир взрывается. Лопается, теряя все звуки.

– Бей, – шепчет Игорь.

Он не может встать, но видит, что пока нацист сосредоточен на нём, Пашка переворачивается. Он заходит сзади и сбивает нациста с ног.

Звуки борьбы.

Выстрелы.

Щелчки.

Всё. Обойма кончилась.

Хруст...

– Игорёха... – Пашка склоняется над ним и Игорь видит в его глазах горькую правду: из подвала ему не выйти.

– Бей их, Пашка...

– В последний раз... – отвечает он и сжимает в руках биту.

Совсем не так

ЧЕЛОВЕКУ свойственно преувеличивать. Это еще с допотопных времен пошло, с грехопадения. Знаете, как все на самом-то деле было?

Сотворил Бог по образу своему и подобию Адама, а из ребра его – Еву, девицу приятную во всех отношениях, и поместил их в рай.

Не знаю, как сейчас, а в те времена местечко было – чтоб все так жили, как эта парочка! Целый день ешь да спи, а проснувшись опять подкрепляйся, благо все деревья увешены плодами, а кусты – ягодами.

Можно, конечно, еще время в беседах проводить, только говорить особенно не о чем: событий-то никаких.

Можно еще путешествовать. Только какой смысл? Куда не отправься – кругом кущи райские.

А можно, к примеру… Впрочем, и это ни к чему…

…Спустя полгода Господь Бог, довольный содеянным, прогуливался по эдемскому саду, вдыхая аромат райских цветов и… И что это?!. Услыхал он страшный треск древесный. Раздвигает Господь кусты и видит: на какую-то яблоню лезут две туши, жиром заплывшие до неузнаваемости. Лезут и на ходу яблоко за яблоком пожирают. Какой там образ, какое подобие?!.

Ужаснулся Господь, а ужаснувшись взял обоих за загривки, поднял легко – ибо сила в нем была божественная – и… отправил Адама с Евой на Землю, лишний вес сбрасывать.

Так что не в наказание мы тут, а для собственного блага. А вы говорите: молнии, проклятие, грехопадение…

Делали бы зарядку – до сих пор в раю жили.

Пьесы

Что участники студии не ограничатся одними только прозой и стихами, стало понятно очень скоро: вначале Никита Скорняков принес сразу несколько мини-пьес, одна из которых была напечатана во втором выпуске альманаха, потом свой сценарий короткометражного фильма предложил Владислав Малышев. А Илья Панаев замахнулся уже на полнометражный фильм (к сожалению, его сценарий мы не можем опубликовать ввиду большого объёма и чисто технических моментов: Илья написал не литературный сценарий, а, если так можно сказать, уже «режиссёрскую версию» его, со всеми раскладками сцен и соответствующим оформлением). В общем, стало понятно, что и это направление литературы нам не обойти. И сегодня мы вновь предлагаем несколько новых произведений тагильчан, написанных в драматическом жанре.

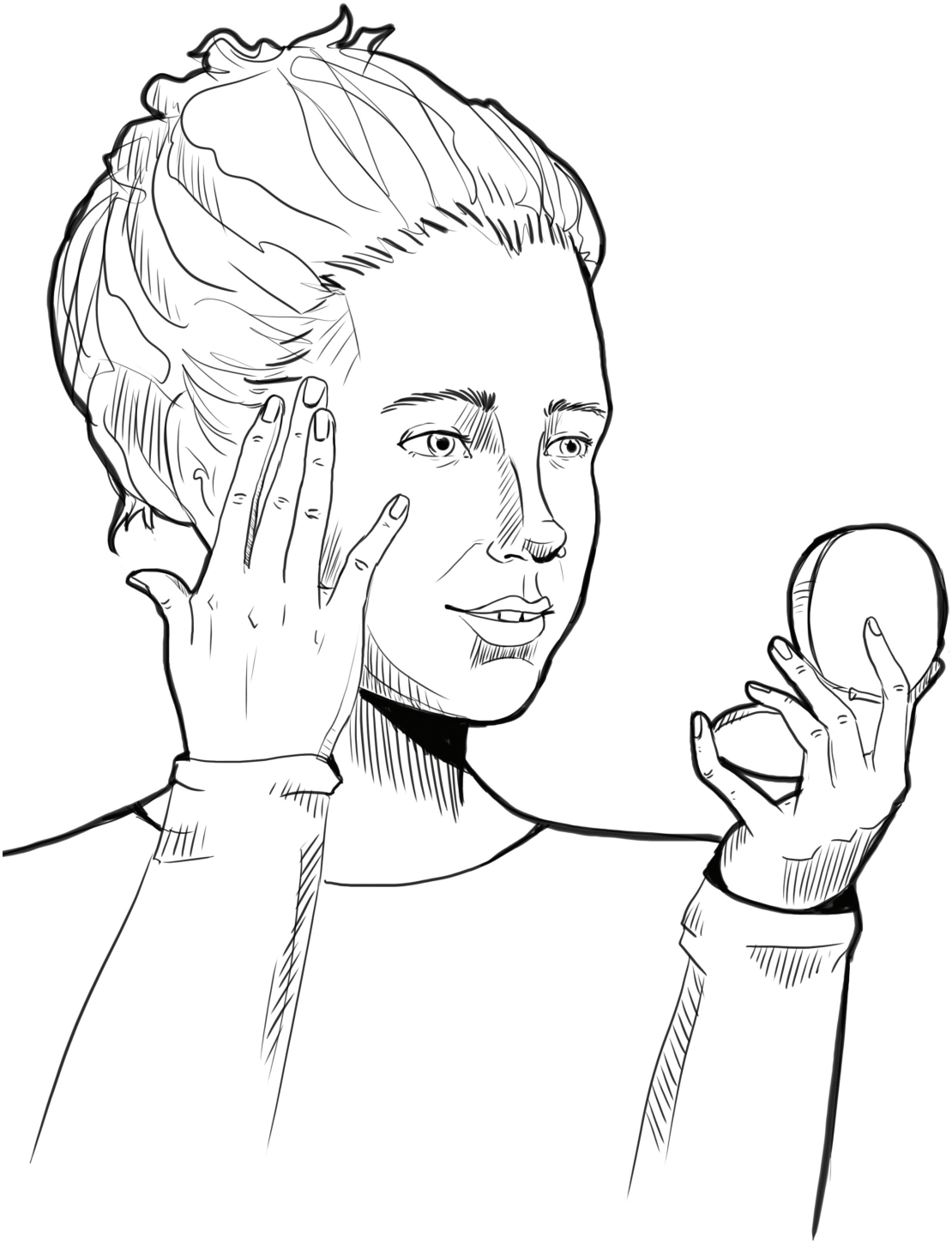

Иллюстрация Вероники Павленко к пьесе «Уроки сердца»

Ирина Васьковская

Уроки сердца

Действующие лица

***Лариса**, 45 лет*
***Мать Ларисы**, 67 лет*

Маленькая кухня, заставленная картонными коробками. Расчищено немного места возле стола. На столе – белая скатерть и настольная лампа под розовым абажуром. Две табуретки, на одной сидит мать. Она берет коробку, открывает, пересчитывает содержимое, делает пометки в блокноте. Лариса стоит возле окна и внимательно разглядывает в карманное зеркальце свои накрашенные губы.

Лариса. Сразу видно, что подделка: за три минуты расплылась, теперь пятна красные вокруг рта… (трёт пятна бумажной салфеткой) Ещё и не стирается (трёт сильнее) Не стирается. Что он подумает. Мама, у нас есть спирт? Вдруг спиртом ототрётся.

Мать. Так вас и обманывают – продают дрянь втридорога.

Лариса. Мы можем провести хоть один вечер без твоих теорий? Есть спирт?

Мать. Думаешь, если помада дорогая, то хорошая? А её вон в подвале на соседней улице делают! Ещё неизвестно из чего. Может, из трупного жира.

Лариса. Мама, я прошу тебя.

Мать. Да-да. А они сидят в подвале и смеются.

Лариса. Мама, замолчи!

Мать. А я не хочу, чтобы он приходил! Что ты на себя напялила? Ты человека так собираешься встречать?

Лариса. Это моё выходное платье для торжественных случаев – театра и похорон! И он придёт – ему все равно, хочешь ты или не хочешь. И мне тоже!

Мать. Мне кажется, Лариса, что у человека, особенно если он женщина, в голове должно что-то перегореть, какой-то предохранитель, чтобы он такое на себя напялил.

Лариса. Надо убрать отсюда коробки, хотя бы часть, а то присесть некуда. Я купила торт, сначала у нас будет чаепитие под абажуром, а потом…

Мать. Зачем тебе дорогостоящий торт, если ты ждёшь проходимца? Где ты взяла деньги? У тебя зарплата только через неделю, а я прекрасно знаю, сколько у тебя в кошельке денег. Там на торт нет. Где ты взяла деньги? Не в моем шкафу, правда?

Лариса молчит.

Мать. Отвечай, когда я спрашиваю.

Лариса. От твоей радиоточки один шум и головные боли. Поживём месяц в тишине. Что ты так смотришь? Да, я не заплатила за твоё проклятое радио, а купила торт! С большими маргариновыми розами!

Мать. А где я новости буду слушать?!

Лариса. По телевизору! Там ещё и с картинками.

Мать. Ты же его к себе унесла!

Лариса. Ну хорошо, можешь заходить в мою комнату. Но только стучись! Приходи, смотри свои новости. А если дашь отсюда коробки убрать – можешь взять телевизор на месяц, так и быть. Но в обмен на десять коробок.

Мать. Эти коробки мне нужны! И тем более я не собираюсь ради какого-то подозрительного типа их убирать. Наверняка он сидел и, слава богу, если за воровство, это я ещё пойму, но вдруг за убийство?

Лариса. Хорошо, телевизор в обмен на три коробки. Я их отнесу на балкон, аккуратно поставлю и накрою клеёнкой! И не бойся, я его туда не пущу, – он не тронет твой паршивый советский фарфор! Он просто посидит за моей половиной стола на моей табуретке, выпьет чай, а потом мы пойдём в кино!

Мать. А вдруг он сидел за людоедство? Ему тогда твоё кино неинтересно. Ты ему тоже неинтересна, сразу говорю.

Лариса. Если за людоедство, то интересна! Хотя бы одну коробку дай убрать. Я её спрячу под твою кровать – туда он точно не пойдёт. Твоя кровать ему тоже неинтересна.

Мать. Под кроватью нет места. Оставь в покое мои коробки.

Лариса. Твой хлам однажды нас погребёт. Ты слышишь? Все это повалится на нас, и мы захлебнёмся в море хлама.

Мать. Если бы ты понимала, какой здесь труд, но куда тебе...

Лариса. Нет, я понимаю – здесь труд по разрушению моей личной жизни. К нам же страшно пригласить человека выпить чай! Вот зачем тебе десять килограммов муки, она уже сгнила! Даже если будет война, мы все равно сдохнем от этой муки! Я уберу одну маленькую коробку (тянется за коробкой, замечает стопку подушек) Это что за подушки, их не было, откуда ты их приволокла?! Они же все в чёрных пятнах! На них что, кто-то умирал? Зачем они тебе, зачем тебе пять подушек?! У тебя одна голова, мама! Это все надо сжечь!

Мать. Не твоё дело. Только посмей хоть пальцем задеть! Как ты не поймёшь, что это мои вещи, и они мне нужны?! А потому что в твою тесную башку вмещается только одно – как налепить накладные ресницы! Или ты думала, я не замечу?

Лариса. Скажи тогда, где мне взять нормальные человеческие ресницы?! У тебя не завалялись случайно? (хочет схватить коробку, но мать не даёт)

Мать. Ты понимаешь, что это вульгарно, что ты похожа на старую… «старая» – запомни: с прошлого года это главное для тебя слово! А твоя завивка? А румяна? Ты понимаешь, что этот макияж называется «Агония»?!

Лариса. У меня даже бровей человеческих нет – их надо рисовать черным карандашом! Я вся как книжка «Раскрась сам»! И пусть агония, а мы в сумерках посидим, и в кино темнота, а потом он привыкнет, ему станет безразлично (смотрится в зеркальце, приглаживает чёлку, поправляет воротник, говорит сама с собой) Посмотри на себя внимательно, Лариса.

Мать. Со мной говори, не с зеркалом!

Лариса. Моё тело – это механизм для производства мучений, это пыточная машинка.

Мать. Неправда, ты миленькая, даже симпатичная. Да, не красавица, но только мать скажет тебе правду, и я говорю – ты интересная. Особенно при таком освещении. В тебе есть загадка и огонь. Это гораздо интереснее – можно тушить и разгадывать.

Лариса. Не утешай меня (говорит, глядя в зеркальце) Я похожа на табуретку, которую сделали с похмелья: на ней можно только сидеть, а потом задвинуть ногой в самый тёмный угол, потому что смотреть на неё невозможно. Вот скажи, почему у меня красное лицо? Я ведь даже не пьяница. Нет, не лицо, а морда. Самая настоящая морда.

Пауза.

Лариса. Вчера я смотрела американский фильм. Там к одной женщине… пусть она актриса, но у неё морда, как у лошади… и к такой женщине пришёл смерть…

Мать. Пришла смерть.

Лариса. Блеснула умом? Без тебя знаю, что женский род. Но в кино смерть играл мужчина-красавец. Блондин, моя слабость, – сразу ноги немеют. И он полюбил эту лошадь с мордой. Ты меня вообще слушаешь?

Мать. Я тебя слушаю.

Лариса. Конечно, и она его полюбила, как у них всегда бывает. В жизни так не происходит, по крайней мере, в моей. Но я бы и на такое уже согласилась – пусть смерть, черт, волк с рогами: я бы его полюбила.

Мать. У тебя одно на уме.

Лариса. В жизни, я поняла, важно только любить. А все остальное уже не так важно.

Мать. Хорошо, пускай. Но важно любить достойного, Лариса. Не проходимца и не преступника. Самое главное, не доверяться так сразу всем подряд. Надо помнить, что человек может и приукрасить, недоговорить, умолчать. Особенно если он просит деньги.

Лариса. На что ты намекаешь? На Сергея?! Ты его даже не знаешь, а уже готова унизить и облить грязью!

Мать достаёт из-под стола маленькую коробку, открывает. Внутри газетные вырезки, письма, открытки.

Лариса. Отдай!

Лариса бежит к матери, но та уворачивается, достаёт из коробки газету.

Мать. (читает объявление в газете). «Я с чувством юмора» (Ларисе) Ты с приветом! С горячим приветом! Ты бы ещё написала «я блондинка с длинными ногами» (читает дальше) «Если ты не способен, как и я, на предательство, то я очень жду твоего письма».

Лариса. Как ты могла залезть в мой стол?! Ты зашла в мою комнату, открыла мой стол, рылась там – и после этого ты смеешь называть себя интеллигенцией?!

Мать. В моем доме закрытых столов не будет (читает письмо) Он же сидит! Ты и его позвала на торт?!

Лариса. Он не виноват!

Мать. В чем?! В трёх убийствах? (читает другое объявление) «Я без жилищных проблем, экономная». Ага, значит, ты без жилищных проблем? А, я понимаю: жилищные проблемы у тех, у кого есть жилище. У тебя нет.

Лариса. Я уже поняла, что это твоя квартира! Хорошо, пожалуйста! Давай, можешь зайти ко мне в комнату, все перерыть, я слова ни скажу! Ты и так меня выселила в самую маленькую комнату!

Мать. Там солнечная сторона!

Лариса. Но я сплю как будто уже в гробу! Кстати, ему подкинули наркотики, это ложное обвинение!

Мать роется в коробке.

Мать. Нет, эта кретинка – мой крест… господи, я как на Голгофу всю жизнь иду с кретинкой этой (перебирает бумаги) надо же, кретинке ещё кто-то отвечает. Такой же полоумный. «Меня зовут Аркадий, мне пятьдесят лет». Куда тебе, Аркадий? (читает) «Живу один… Моцарт… Ахматова» (бросает коробку на пол) Ну что мне с ней делать? (Ларисе) Что мне с тобой делать?! Ты не посылала, я надеюсь, никаких денежных переводов?!

Лариса. Пусть этот поступок ляжет камнем на твою совесть. Которой, кстати, у тебя нет. Но я тебе этого не прощу.

Мать. Если я умру, а я умру, ты это прекрасно знаешь, я не знаю, как ты будешь жить. Во-первых, ты зарастёшь грязью. У тебя в комнате метровый слой пыли, а ты ведь женщина. Женщина! Во-вторых, я тебя миллион раз просила купить порошок от клопов, но ты будто меня не слышишь, а ведь и тебя клопы жрут: я слышу, как ты вертишься до трёх и стонешь. Меня, понятно, ты и за человека не считаешь, но хоть себя пожалей – а если придёт случай раздеться где-нибудь? А ты вся в укусах, позорище.

Лариса. Все равно я по лицу горилла. После таких лиц укусы не замечают.

Мать. Никакая не горилла, а очень милая. У тебя умные глаза.

Лариса. Я тоже была красивая. Хоть и год всего – в семнадцать лет, когда свежесть скрывает все, даже гориллу. Была, была. Помнишь?

Мать. Я помню, как ты испортила штору.

Лариса. Началось… Да что значит твоя проклятая штора, если у меня был любимый?! Пусть недолго, но тоже был! Заметь, не слепой, как ты мне предлагала в тот раз: «Ах, сын моей подруги, инвалид первой группы, но как человек прекрасный, просто золото!»

Мать. Твой так называемый «любимый» был прощелыга, негодяй и врун! И на это ничтожество ушла моя штора.

Лариса. А мне первый раз ответили на объявление – «Добрая, верная, лёгкий характер, 17 лет, откликнись»! Я целый год ждала! Первый ответ, а у меня из одежды – спортивный костюм и коричневое платье! Конечно, мне пришлось снять штору…

Мать. Дорогую красивую почти новую штору из отличного плотного тюля, память о бабушке…

Лариса. … и сшить блузку с коротким рукавчиком! (молчит) А на грудь я пришила пять пуговиц в виде жемчужин. Так симпатично получилось, не сразу и поймёшь, что самодельная. Я только на улице поняла, что она просвечивает, но было уже поздно возвращаться и вообще примета нехорошая.

Мать. С такими мыслями ты могла бы пойти совсем без блузки.

Лариса. Но я пошла в блузке! Ещё на последние копейки купила два апельсина. Себе и ему. Он тоже принёс, но только бутылку. Шкалик.

Мать. Ты выражаешься, как бандитка.

Лариса. Шкалик и два плавленых сырка. Я чуть не заревела: мне – сырок. Не половинку из вежливости, а целый сырок для меня одной.

Мать. Как тебя легко купить – дешёвым сырком.

Лариса. Он это назвал «собачий закусон», я так хохотала. Как же его звали? Точно не Сергей. Как-то необычно, у меня даже голова закружилась. Интересное имя: звучное, гордое… морское… но стройное, как танковая колонна… я вспомнила – Одиссей Ворошилов!

Мать. Ты понимаешь, что так могут звать только проходимца? Людей так не зовут.

Лариса. Мы выпили шкалик, а я до этого никогда – только чай. Потом гуляли, уже была ночь, а я до этого никогда – только днём. И одна с мужчиной, как взрослая женщина! Я была в таком кураже. Порвала блузку. Мы лезли через ограду в сквер. Мы прямо из горлышка пили, по очереди. Сначала он, потом я. А я пила и представляла, будто это поцелуй, а не просто водки глотнуть, потому что горлышко было мокрое после его губ.

Мать. Ты вернулась вся в синяках.

Лариса. Я упала. Говорю тебе, мы полезли через ограду, и я упала, не удержала равновесие.

Мать. У тебя все лицо было фиолетовое, какая ограда.

Лариса. Я упала лицом вниз!

Мать. Ты вернулась без сумки.

Лариса. Сумку я потеряла! Наверное, тоже в сквере.

Молчат.

Мать. Алевтина с первого этажа мне передала, что ты в этом месяце четыре раза была возле водочного ларька. Ты стала пить? Я поздравляю. Но я умываю руки: пей, бога ради. В один прекрасный день ты выплюнешь на пол печень и вспомнишь меня, но будет уже поздно.

Лариса. Что она понимает, твоя маразматичка Алевтина. Да, я хожу к ларьку. Но это не её дело – раз! Так и передай. А два – я хожу туда не за водкой. И пью по чуть-чуть: пятьдесят грамм – для остроты сердца, и то через вечер.

Мать. А зачем ты туда ходишь? Что может заставить девушку в десять вечера надеть белый шарф и пойти к ларьку с водкой?

Лариса. Белое очень освежает. Особенно если в темноте.

Мать. Зачем ты туда ходишь?

Лариса. В ларьке водка…

Мать. Я же говорю!

Лариса. Дослушай хоть раз! А где водка, там мужчины.

Мать. Я не вижу связи, Лариса. Ты, мужчины, водка… Я не понимаю.

Лариса. Господи, я просто встаю рядом с ларьком, будто выбираю, что купить, и если появляется не совсем пропащий, то я подхожу со спины и спрашиваю: «Степан?» Как будто обозналась! Обычно они не Степаны.

Мать. То есть, ты пристаёшь к мужчинам? Предлагаешь себя или что? Я не понимаю.

Лариса. Я просто спрашиваю «Степан?», а они мне отвечают: «Нет». Но все равно первый

камень уже брошен. Тут главное не упустить момент первоначального интереса, иначе унырнёт – и все, уже не выкуришь. С моим лицом особенно.

Мать. В этой шапочке из искусственной лисы ты похожа на городскую сумасшедшую – я наблюдала за тобой из окна.

Лариса. Не волнуйся за шапку – они обычно сразу же уходят и со мной не разговаривают. Один мне, правда, сказал: «А вы своеобразная», но я поняла, что это он сгладил «сумасшедшая». А Сергей не ушёл.

Мать. Понял, что можно поживиться на кретинке.

Лариса. Можешь говорить, что угодно (молчит) Но ты знай, что когда я его увидела, у меня в глазах померк свет.

Мать. Ты меня в могилу сведёшь. Ты видела его паспорт?

Лариса. Он придёт в девять, он обещал. Он попросил денег в долг, я дала. Он мне сказал: «Вы добрая», а я не растерялась и говорю: «Приходите в гости». Думаешь, он водку в ларьке купил? Вижу по лицу, что думаешь. Нет, он купил шоколадку! Я сначала подумала, что мне, не знала, брать или не брать, – все-таки незнакомец, но он её в карман спрятал.

Мать. Он может оказаться кем угодно – брачный аферист, беглый преступник, маньяк…

Лариса. Перед тем, как его увидеть, я нагнулась поднять пять рублей. А там темнотища возле ларька – я на корточки села, руками по асфальту шарю, и он мне на руку наступил. А я закричала: так больно было – у меня же рука, а он ногой. И он спросил: «Чего орёшь?» Я быстро сказала, уже автоматически: «Степан?» Он говорит: «Сергей». Я на него смотрела снизу вверх, почти лёжа на асфальте, и понимала, что он может попросить меня о чем угодно, и я все сделаю.

Мать. Ты, наверное, пьяная упала. И брюки так извозила, что я не могу отстирать.

Лариса. Я поскользнулась (молчит) Я могла в тот момент сделать все. Даже убить кого-нибудь. Хоть сто человек. Я, мама, тогда немного поняла, что такое свобода. Раньше я думала, как ты мне талдычишь, что свобода – это деньги. Нет, мама. Свобода – это когда мир стоит в сторонке и молчит. Но не потому, что ему наплевать на тебя. А потому, что он тебя боится.

Молчат. Лариса смотрит в окно.

Мать. Открой глаза – он не придёт.

Лариса. Говорю тебе, он придёт. Ещё только восемь. Он сказал: «В девять как штык».

Мать. Я давно хочу тебя спросить, Лариса…

Лариса. Нет.

Мать. Но я вынуждена, это мой долг. Кто ещё это сделает? А ты такая беспомощная и недалёкая.

Лариса. Я тебе говорю – нет!

Мать. С кем ты разговариваешь по ночам? Да, я лезу в твою жизнь, как ты говоришь, но мне приходится: я беру стакан, встаю у стенки и слушаю. Я рискую пневмонией, между прочим: пол ледяной, а я уже старая.

Лариса. Тогда лежи под одеялом и подводи итоги, раз старая. Нечего со стаканами бегать по ночам! Я не разговариваю: это телевизор.

Мать. Откройся матери. Мы снова позвоним Андрею Петровичу. Помнишь его? Чудесный человек – ласковый, внимательный, всегда с улыбкой. Если ты не скажешь, я буду вынуждена позвонить ему, Лариса. И ты знаешь, что тогда будет.

Лариса. Я репетирую.

Мать. Считаю до трёх – или я звоню прямо сейчас.

Лариса молчит.

Мать. Уже два… два с половиной…

Лариса. Я репетирую нашу жизнь с Сергеем.

Молчат.

Мать. Я тебе миллионы раз говорила, Лариса… лет с пяти, когда ты уже стала соображать. Помнишь наши беседы? Я ставила тебя на табуретку и говорила, что самое страшное – жить иллюзиями, то есть мечтами, фантазией. Особенно для женщины.

Лариса. Никаких иллюзий у меня не осталось: каждое утро, в семь часов, я лезу в автобус, толкаю всех локтями, ору и матерюсь так, что морда делается малиновой… потом благодарю бога,

если успела на свободное место, и еду до своей конечной… а позавчера вдруг оказалось, что мне сорок пять, и что я еду не в контору, а в районную больницу, у меня в сумке банка мочи для анализов, и я благодарю бога, что это не автобус номер пять, потому что у него конечная – онкологический центр. Конечно, можно вместо автобуса или конторы пойти в театр, тогда город духовно наполнит тебя, но в театре тоже ничего нет, а когда гаснет свет, я автоматически начинаю засыпать, у меня рефлекс отработан: темно – спать, светло – бежать. В тот раз я заплатила столько денег, а мне показали со сцены старика в пудре. Он, может, и знаменитый, но он старик и весь в пудре. Зато я приобщилась к прекрасному и домой шла вся по уши в культуре. А дома я закрываю от тебя дверь и репетирую нашу жизнь с Серёжей, разговариваю с ним, даже шучу. Например, утро. Я пеку ему блины, или что там пекут жены. На мне белый фартук, я без очков, но все вижу, в окно светит апрель. Сергей выходит в халате и с газетой в руках, там написано, что все будет хорошо ещё очень много лет. Он смотрит на меня ласково и говорит… и говорит… что же он говорит… что-то слегка резкое… я, наверное, сожгла блины или заварила слабый чай… говорит что-то резкое, быстрое… мама, у меня опять… (держится за голову)

Мать. Что надо делать? Вспоминай, я тебя учила!

Лариса. Мамочки, помогите...

Мать. Ты знаешь, что надо делать, – мы учили!

Лариса. Я вспомнила, вспомнила!

Мать. Повтори! Ты должна хорошо выучить – меня не будет, тебе уже никто не подскажет!

Лариса. Сначала надо принять спокойную позу, расслабиться, представить море… или небо… что-то мирное (садится на табуретку) потом несколько раз глубоко-глубоко вдохнуть и вспомнить простую фразу, например, «Тобольск – столица Сибири»… и повторять её несколько раз, пока она… пока она не вытащит тебя обратно.

Лариса бормочет фразу.

Мать. Как я тебя оставлю одну. Как ты без меня проживёшь.

Лариса. Мама, ты здесь?

Мать кивает.

Лариса. Не уходи, сиди со мной. Сядь так, чтобы я рукой могла достать.

Мать садится ближе. Лариса бормочет.

Мать. Я вчера не спала и вдруг подумала, что дети… (смотрит на Ларису) ребёнок – это что-то для меня непонятное… зато от этого непонятного никак не отделаться, никуда не уйти. Если попробуешь, все равно далеко не уйдёшь. А оно растет… растёт в высоту, иногда растёт в уме, но это не мой случай (смотрит на Ларису), и однажды уже само смотрит на тебя с презрением и жалостью. Потом начинает воевать за свободу, за что-то ещё, начинает уходить, уезжать, но ты-то знаешь, что это просто твоя злокачественная опухоль, у которой выросли ноги и голова, и она не отвяжется, если один раз прицепилась. Не отвяжется, пока в могилу тебя не сведёт (молчит, смотрит на Ларису) В школе все дети пробегут нормально, а ты одна упадёшь и обязательно на стекло. И всю жизнь с тобой так. Я два раза хотела сдать тебя в детдом, наврать, что мне тебя, как матери-одиночке, не прокормить, но испугалась, что соседи скажут.

Лариса. Мама, он придёт, это точно, – я сейчас почувствовала. Как будто мне откуда-то крикнули! Мама, я давно хотела спросить, а что у тебя в коробках?

Мать. Тарелки, носки, ложки, наволочки, крупа, анальгин, хозяйственное мыло. Когда я умру, у тебя все будет, – там одного мыла на пять лет вперёд. Без мыла точно не останешься. Если он не придёт, как в том году, ты сильно не переживай. Может, его на работе задержали.

Лариса. Я все понимаю. Он работает – он ведь мужчина.

Мать. Сильно не переживай – может, это и не любовь у тебя, как ты решила, а простое увлечение. Ты легко увлекаешься.

Лариса. Нет, любовь.

Мать. Или ненастоящая любовь. Может, ты ещё разочаруешься в нем. Ты же его почти не знаешь – а вдруг он необразованный, вдруг мате-

рится или бьёт женщин по лицу? Не делай сразу такие выводы – любовь! Я тебе всегда твержу: остановись на бегу и подумай: «А туда ли я бегу? Надо мне туда или нет?» Поставь коробку на место, я все видела.

В дверь звонят. Мать и Лариса замерли, смотрят друг на друга.

Лариса. Ну и что встала как пень? Открывай.

Мать. Девятый час, кто там может быть.

Лариса. У меня ноги дрожат.

Мать. Ты позвала кого-то?

Лариса. Ты что, это же Сергей!

Мать. А кроме Сергея ты никого не звала?

Лариса. Иди открывай – он же уйдёт! Он не любит ждать! Иди, а я губы накрашу! Как я открою ненакрашенная?! Иди открывай или я тебя… не знаю, что сделаю!

Мать. Тише, не ори – вспотеешь.

Лариса. Не смей с ним разговаривать, просто поздоровайся, но не своим крестьянским «здрасьте», а «добрый вечер»!

Мать уходит. Лариса через несколько секунд выглядывает в коридор.

Лариса. У него букет. Это же цветы, розы. Нет, он не принёс бы розы – это грубо, такая пошлость. Ладно, пускай розы – сделаю вид, что безумно рада. «Добрый вечер, Сергей. Проходите, это моя мать, она сумасшедшая, не слушайте её – она бредит. Проходите прямо в кухню. Не обращайте внимания: моя мать сумасшедшая и собирает хлам, во всех этих коробках – хлам. Не подходите к ним близко. Сергей, вы замёрзли? А у вас губы посинели. Да, да, да – апрель, а морозы, морозы, морозы. Ха-ха-ха, что вы, Сергей, какая же я красавица?»

Лариса поправляет абажур, ставит ровнее чашки. Приглаживает чёлку набок, садится на табуретку, осматривает кухню и морщится. Слышно, как закрылась входная дверь. Лариса приглаживает чёлку, выпрямляет спину, приподнимает подбородок.

Лариса. Или встать и вытянуть руки вперёд (встаёт, вытягивает руки) закрыть глаза… он войдёт и сразу возьмёт меня за руки, чтобы никогда не отпускать, а я распахну глаза ему в лицо… руки у него, конечно, были не очень чистые, под ногтями грязь. Ничего, я научу его мыть руки.

В кухню входит мать.

Лариса. Как я выгляжу, где Сергей?

Мать. Ошиблись квартирой.

Лариса. У меня губы не синюшные? Я не стала этой помадой краситься, а то снова поплывёт. Видно, что я ночь не спала? Где он? Моет руки?

Мать. Шли в двести пятую, а попали к нам.

Лариса. Как он себя вёл, как спросил? «Позовите Ларису?» Или Лару? Или Ларочку? А где цветы?

Мать. Цветы тоже для двести пятой.

Лариса. В двести пятой старик глухой, какие цветы, издеваешься.

Мать. У него внучка, ей сегодня восемнадцать.

Лариса. Какая ещё внучка? Где Сергей?! Что ты ему сказала?! Ты его выгнала?!

Мать. Ошиблись дверью! Можешь подняться в двести пятую и спросить!

Лариса. Ты сговорилась с кем-то, а Сергея выгнала!

Мать. Пойдём вместе поднимемся.

Лариса. Ты меня опять как-нибудь обманешь!

Мать. Ты ошибаешься, Лариса.

Лариса. Намекаешь, что у меня с головой не в порядке?!

Мать. Намёками уже не обойтись – придётся тебе в глаза сказать.

Лариса. Раз я полоумная, я тогда вообще уйду!

Мать. Ты сама-то помнишь, сколько раз уже собиралась уйти навеки?

Лариса молчит.

Мать. А я помню – по три раза в год шесть лет подряд! Хоть раз собери своё барахло и катись отсюда!

Лариса. Ты меня выгоняешь? Выставляешь на улицу? Я все правильно поняла?

Мать. У меня в глотке уже сидит твой театр! Теперь ты завоешь, упадёшь на пол, изваляешься

в пыли, я все правильно говорю?! Беги к соседям, как в том году, ори, что тебя мать из дома выгнала, бейся об стенку! Давай, давай!

Мать толкает Ларису. Лариса садится на табуретку, крепко держится за неё руками. Мать садится на вторую табуретку.

Мать. Я из-за тебя даже сдохнуть не могу, а так хочется! Как я тебя одну здесь оставлю?! Ты же кретинка, ты же ничего в жизни не понимаешь – эти твои объявления, аферисты, твои наряды…

Лариса. Это ты ничего не понимаешь! Ты не понимаешь, что я совсем одна! А ты знаешь, как это?! Это не в человеческих силах! (в темноту) Если бы ты пришёл, но ты не приходишь, а я жду! Но ты же обещал, а я загадала, что если ты меня обманешь, то ты заболеешь и умрёшь в мучениях! Правда, я потом перезагадала, так что ты не должен умереть. Не бойся: я очень добрая, но мне, во-первых, проявить это негде – у меня же нет никого, только моя мать, но она чудовище. Во-вторых, я очень вспыльчивая, но мы как-нибудь сживемся, не волнуйся! А то, что я пишу ещё разным другим, так это ничего не значит, – ты ведь тоже купил кому-то шоколадку. Но как только ты придёшь, я сразу перестану им писать, напишу прощальное письмо: «До свидания, я счастлива, чего и вам желаю»! Не слушай мать – они не все в тюрьме, есть и просто одинокие, вот как я!

Мать. Со мной разговаривай, со мной!

Лариса смотрит на мать.

Мать. Лариса, послушай меня… я ведь тебе добра желаю, не думай. Кто тебе ещё добра желает? Только я. Ты теперь послушай меня внимательно…

Лариса. Я не слышу – я оглохла!

Мать. Я тебя прошу как человека.

Лариса. А ты попроси как зверя! У меня от человека уже ничего не осталось: поживи с тобой столько лет!

Мать. Послушай меня… у тебя никого нет, только я. И у меня тоже. Нам все равно придётся как-то слушать друг друга.

Лариса. Я счастлива, чего и вам желаю! А слушать тебя не буду больше никогда!

Лариса подбирает с пола свою коробку с письмами, берет со стола кружку, из холодильника – торт, снимает абажур с лампы, тащит все в свою комнату.

Лариса. Не хочу тебя больше видеть никогда! И знай, что я сегодня мечтала, чтобы ты умерла! Даже представила, как гроб с тобой уносят!

Лариса уходит в свою комнату, закрывается изнутри. Мать заглядывает в холодильник, потом идёт к Ларисиной комнате и стучит в дверь. Лариса молчит.

Мать. Не притворяйся, что не слышишь! Я видела, что ты взяла из холодильника пузырёк валерьянки. Ты не умрёшь, даже если съешь его целиком, со стеклом и крышкой! Ты не сдохнешь, слышишь? Тебе только клизму поставят, а это никакой романтики, уверяю тебя, никакой эстетики! Если ты хочешь умереть, я завтра возьму ключи от чердака, и мы сходим с тобой наверх. Если ты не откроешь, кретинка, и не отдашь таблетки, я сейчас же позвоню Андрею Петровичу, и ты знаешь, что будет!

Дверь приоткрывается, из комнаты вылетает пузырёк с таблетками. Мать подбирает его и прячет в холодильник. Садится за стол и продолжает перебирать коробки, делая пометки в блокноте. Из комнаты выходит Лариса. На ней старый халат, волосы собраны в пучок, косметика стёрта, но кое-где остались пятна. Лариса надевает абажур на лампу, потом приносит помятый торт и две столовые ложки. Одну даёт матери. Они садятся к столу и едят торт.

Лариса. Какой сегодня день?

Мать. Вторник.

Лариса. У тебя почему всегда вторник, как ни спросишь?

Мать. Во сколько тебя будить?

Лариса. Как всегда.

Мать. Надевай завтра две кофты и колготки – обещают минус десять. И не глотай такими кусками, ты же подавишься!

Лариса не слушает, жадно ест.

Мать. Когда ты чавкать отучишься?!

Лариса. Заткнись, дура старая.

Мать замахивается на Ларису. Лариса втягивает голову в плечи.

Лариса. Мамочка, прости меня.

Мать. Не слышу.

Лариса. Мамочка, пожалуйста, прости меня.

Мать. Мамочка оглохла! На оба уха!

Лариса. (плачет, вытирает лицо рукавом). Мамочка, прости, мамочка, прости меня, я не буду, пожалуйста, прости, мамочка.

Мать. Для этого есть носовой платок! (достаёт из рукава платок, бросает Ларисе; она сморкается, вытирает глаза) Возьми самую верхнюю коробку и листочек с ручкой (Лариса берет, смотрит на мать) Что смотришь? Проверяешь и отмечаешь! Если срок годности истёк – в ведро (Лариса не двигается) Что?

Лариса. Ничего, мамочка.

Работают.

Занавес

Марина Харитонова

Vera

КОГДА читаешь о великих людях, думаешь: «А смогла бы я поступить так же?» Понятно, что, стать знаменитой пианисткой, как Вера Лотар-Шевченко (1899-1982), я не могла – это талант, дарованный не каждому. А бросить в Париже богатство, славу, поклонников, родителей и, как декабристка, рвануть за любимым в сталинскую Россию – смогла бы? А пережить ужасы Тагиллага: голод, холод, издевательства, каторжную работу? Разве это под силу обычному человеку, женщине? Я бы выдержала? А потом, после этого кошмара, не спиться, не опуститься, не «развалиться» от обиды и тотальной несправедливости и снова стать востребованным, успешным музыкантом?..

Много раз Веру Лотар звали обратно во Францию – и чиновники, и родственники. Как легко и счастливо она могла бы там жить! Но она всякий раз отказывалась. Почему? Как такое возможно, что давало ей силы? Может быть – искренняя вера в какую-то высшую справедливость и волшебную силу музыки?

Долгое время судьба Веры Лотар-Шевченко восхищала, волновала меня, не давала покоя... И тем обиднее, что так мало тагильчан знают и помнят об этой великой, героической женщине – личности мирового масштаба! Только чувство несправедливости и глубокое восхищение придали мне желание и смелость написать эту пьесу.

Действующие лица

Вера Августовна Лотар-Шевченко. *Единственная в мире пианистка, сумевшая после сталинских лагерей, с перебитыми пальцами, успешно продолжать выступать на лучших музыкальных площадках.*

Её отец*. Преподаватель математики в Сорбоне, тяготевший ко всему русскому и при любом случае приводивший в дом гостей из России.*

Владимир Яковлевич Шевченко. *Сын русского иммигранта. Его отец в 1917 г. вернулся в Россию, а сына оставил в Париже заканчивать обучение.*

Комиссар. *Специальный агент НКВД, вымышленный персонаж.*

Поклонники Веры Августовны. *Вымышленные персонажи.*

Сокамерницы Веры Августовны в «Тагиллаге». *Вымышленные персонажи.*

Следователь в «Тагиллаге». *Вымышленный персонаж.*

Мария Вениаминовна Юдина. *Любимая пианистка Сталина, лауреат Сталинской премии.*

Мария Николаевна Машкова. *Директор музыкальной школы №1.*

Владимир Петрович Стежков. *Вымышленный персонаж.*

2 хулигана на улице. *Вымышленные персонажи.*

Ведущая концерта. *Вымышленный персонаж.*

Всё время спектакля в центре сцены находится рояль (за исключением пятой сцены).

Сцена первая

Гостиная комната в парижском доме семьи Лотар. В центре зала стоит рояль, на нем потрёт Бетховена. За роялем Вера, вокруг неё несколько молодых людей – поклонников. В другом конце комнаты – её отец со своими гостями.

Поклонник. Верочка, вы сегодня изумительно играли!

Поклонник. Вера Августовна так играет всегда!

Поклонник. А правда, что этот рояль вам подарила фирма «Steinway & Sons»?

Поклонник. Стейнвэй привозят свои рояли везде, где играет Вера Августовна, даже в швейцарское шале, где она отдыхала!

Поклонник. А я слышал, что качество этих роялей зависит от травы, где паслись овцы, из шерсти которых сделан фетр на ударяющих по струнам молоточков.

Поклонник. Вера Августовна, а правда, что вы играли на дворцовых концертах с королём Умберто?

Поклонник. Король прекрасно играет на виолончели. Верочка ему аккомпанировала. Дуэт получился очаровательный.

Вера. Господа! Пожалуйста помолчите! Вы мешаете мне играть. (Молодые люди замолкают, Вера продолжает играть. В разговор вступают её отец и его гости).

Отец. Скажите, Володя, а ваш отец тоже здесь, в Париже?

Шевченко. Нет, он вернулся в Россию ещё в 17-ом. Я тоже поеду, как только закончу обучение. Я мечтаю послужить свободной России, думаю, что могу быть ей полезен.

Отец. Вы знаете, Володя, я тоже люблю Россию, все русское: писателей, музыкантов. Я даже детей назвал русскими именами: Вера и Дмитрий. Верочка! Верочка! Поди сюда! Я познакомлю тебя с русским революционером.

Отец. Знакомьтесь! Владимир Яковлевич Шевченко, инженер-акустик, создатель великолепных смычковых инструментов, поистине русский Страдивари. Моя дочь – Вера Августовна. Девица строптивая, в маму испанку, но очень талантливая!

Владимир целует Верочке кончики пальцев.

Вера. Очень приятно. Папа много о вас рассказывал. Значит вы тоже любите музыку?

Шевченко. Я её скорее делаю (делает движение, как будто пилит ножовкой)

Вера. (Смеётся) Так и я её делаю (играет пальцам в воздухе)

Комиссар. Позвольте мне тоже представиться. Товарищ Сергей.

Вера. Ваш друг?

Шевченко. Нет, товарищ.

Вера. А разве это не одно и то же?

Комиссар. Не всегда! И не везде.

Вера. А вы любите музыку?

Комиссар. Да. Люблю, пожалуй…

Поклонник. А какую?

Комиссар. Э-э… какую? Разную.

Поклонник. А какие композиторы ваши любимые?

Комиссар. Композиторы? Э-э-э... русские! Нет, советские…

Отец. (Чувствуя назревающую ссору, прерывает её) Господа! Господа и товарищи! Прошу к столу на чашечку чая.

(Все уходят. В комнате остаются Вера и Шевченко. Он подходит к роялю, берет портрет Бетховена)

Шевченко. Вы любите Бетховена?

Вера. Да! Его музыку и жизненное кредо…

Шевченко. «Умри или будь!»

Вера. Да! Именно так!

Шевченко. Вера Августовна, можно я буду называть вас Верочкой? Ведь мы с вами ровесники, почти одногодки...

Вера. Да, конечно! И я буду называть вас Володя! Папа рассказывал, что вы замечательно играете на скрипке, я бы с удовольствием послушала.

Шевченко. О, не преувеличивайте! Я пробовал себя и синематографическим артистом, но это всего лишь юношеские поиски своего места в жизни, ну и конечно – дополнительного заработка... Да и маменька настаивала... В вашем присутствии играть я бы ни за что не решился!

Вера. Ну и зря! Мы могли бы стать хорошим дуэтом!

Шевченко. Верочка! Если бы я мог надеяться на ваше расположение!..

Входит отец Веры.

Отец. Верочка! Владимир Яковлевич! Пойдёмте к нам, вас все спрашивают.

Вера. Пойдёмте, Володя, нас ждут, неудобно.

Берет его под руку. Все уходят. Одновременно с противоположной кулисы выходят Вера и Володя – он встретил её после очередного концерта.

Шевченко. Верочка! Это было волшебно! Когда вы играете, забываешь о буднях, суете, проблемах! Хочется слушать и слушать – и верить в самое светлое и прекрасное!

Вера. Спасибо,Володя! Мне очень приятно и важно Ваше мнение!

Шевченко. А почему на всех концертах вы непременно играете Марсельезу?

Вера. Ну как же, Володя? Это же музыка всех революционеров! Гимн свободы, равенства, справедливости!

Вера подходит к роялю и играет Марсельезу.

Вера. Это гимн Франции и, насколько я знаю, Марсельеза была гимном революции в России. Володя, расскажите мне о России!

Шевченко. О России трудно рассказывать, её надо видеть. Надо там жить, чувствовать, в России сейчас так интересно! Строится новое, молодое, свободолюбивое, демократическое государство…

Вера. Как бы я хотела там побывать! Я столько видела, объездила всю Европу, была в Америке, даже в Конго – и никогда в России.

Шевченко. Вера Августовна! Верочка! Если бы я осмелился предложить вам поехать в Россию со мной, что бы вы ответили?

Вера. Владимир Яковлевич вы мне сразу понравились. Вы такой умный, серьёзный и такой честный… Я бы с радостью поехала с вами.

Шевченко. Верочка! Спасибо! Я так счастлив…

Вера. Погодите, дайте мне сказать. Вы знаете, я уже была замужем. Мой муж запрещал мне играть, все время критиковал и ругался.

Шевченко. Я не буду, клянусь вам, никогда не буду ничего запрещать. Я сделаю все, чтобы вы были счастливы. Мы поедем в Россию, я буду работать, вы – играть, для себя, для людей. Умри или будь!

Вера берет с рояля ноты и портрет Бетховена. Взявшись за руки они уходят.

Сцена вторая

Ленинградская квартира семьи Шевченко.

Входят Вера и Владимир. Вера распаковывает чемоданы, кладёт платья на рояль (т.к. больше некуда) ставит портрет Бетховена.

Владимир. Вот и наше новое жилье. Комната небольшая, но вид красивый, прямо на Неву.

Вера. Главное – рояль есть! (начинает играть) Володя! А на что мы будем жить? Так трудно найти работу. Всем не нравятся наши загранпаспорта и французское гражданство.

Владимир. Ничего, Верочка, я что-нибудь найду. В конце концов могу плотником или столяром, с деревом я умею работать.

Вера. А я могу пока продавать свои наряды, зачем мне столько? Думаю, среди местных модниц найдутся ценители парижской моды. Я написала объявления, расклеила по домам и – вуаля! – у нас будут деньги!

Садится за рояль, начинает играть.

Владимир. Мы приехали строить новый мир и знали, что будет трудно!

Вера. Мы создадим новую советскую культуру и пусть весь мир любуется на нас! Я верю, что в России мы будем счастливы!

Владимир рядом влюблённо слушает. Раздаётся стук. Владимир открывает дверь. Входит красивая, ухоженная дама.

Дама. Я по объявлению. Это вы продаёте платья?

Владимир. Да, то есть нет! Жена! Прошу, проходите! Верочка, к тебе пришли.

Вера. Здравствуйте, слушаю вас!

Дама. Это я вас слушаю. Там сказано, что «платья по последней парижской моде…»

Вера. Именно так! Мы с мужем недавно приехали их Парижа и пока находимся в несколько стеснённых финансовых обстоятельствах… Пока не можем найти работу…

Дама. А рояль вам зачем? Платья вешать?

Вера. Нет! Я – пианистка!

Дама. Пианистка? Из Парижа? А ваше имя?..

Вера. Вера Лотар, теперь – Шевченко.

Владимир. Дамы. Позвольте, я приготовлю вам чай (уходит).

Дама. Вера Лотар? Ученица Альфреда Корто?

Вера. Мы знакомы?

Дама. Я тоже пианистка, Мария Вениаминовна Юдина. Я слушала ваше выступление с оркестром великого Артуро Тосканини!

Вера. О, да! Мне тогда было 14 лет, я была юной и дерзкой. После концерта в Монте-Карло я осмелилась, подошла к нему и нагло заявила: «Я хочу играть с вами», а он ответил: «Готовься и приходи». Несколько лет мы играли вместе, пока я не поняла, что мне ещё многому надо учиться и поступила в Парижскую консерваторию.

Дама. Вы говорите – ищите работу? Я могу помочь. Я устрою вас в Ленинградскую филармонию.

Вера. Благодарю вас! Я так рада! Позвольте предложить вам в подарок любое платье, а еше шляпку и перчатки… Выбирайте, прошу вас.

Дама. (перебирая платья) Вера Августовна, скажите честно, почему вы все бросили и приехали в Россию?

Вера. Мы с мужем не коммунисты, но мы верим, что Россия строит новое общество, где нет места буржуазии, эксплуатации человека человеком, все люди свободны и счастливы!

Дама. Счастливы вы в своей наивности и вере... Впрочем, это не моё дело. Позвольте ещё вопрос. Никто так не играет Шопена как вы, в чем секрет вашего изумительного, бархатного туше?

Вера. Никакого секрета, просто надо знать, какой частью подушечек пальцев касаться клавиш. Давайте я вам покажу

Берет даму за руки, переворачивает ладошки и замечает изувеченный палец.

Вера. Мария Вениаминовна, ваши руки!?

Дама. А, это... Палец неправильно сросся после детской травмы.

Вера. Но как же вы играете?

Дама. Неужели вы полагаете, что играют руками? Главное вот где (и она выразительно стучит себя по лбу). Ну что же, спасибо! Пожалуй, вот

это возьму. А вы завтра можете выходить на работу, вас будут ждать.

Владимир. (возвращается с чайным подносом) А что, дама уже ушла? Кто она?

Вера. Мария Вениаминовна Юдина.

Владимир. Кто-кто? Верочка, это же любимая пианистка Сталина! Лауреат Сталинской премии. Ты знаешь, про неё ходят легенды! Говорят, однажды ночью, Сталин услышал по радио трансляцию фортепьянного концерта № 23 Моцарта в её исполнении. Этой же ночью её привезли на студию, собрали оркестр и записали для него пластинку. А когда ей выдали Сталинскую премию, она отдала её в православную Церковь!

Вера. Какой человек! Ну значит, у меня точно будет работа! Володя, у нас все будет хорошо!

Опять стучат.

Владимир. Ну вот, опять к тебе за нарядами. Открой пожалуйста, я уберу посуду (уходит)

Вера открывает дверь. Входит комиссар с солдатами.

Вера. Товарищ Сергей! Вы тоже по объявлению?

Комиссар. Скорее по заявлению. К нам поступили сведения, что ваш муж занимается антисоветской деятельностью и является иностранным шпионом.

Вера. Но это же ложь! Вы же знаете Владимира! Вы же были с ним в Париже!

Комиссар. Вот именно – был! И не только в Париже! Зачем вы приехали в Россию? Шпионить?

Вера. Глупости! Бред! Володя – честный человек. Мы приехали помочь советской стране построить социализм! Вы не можете так с нами поступить!

Комиссар. Я все могу! Но и вы Вера Августовна, Верочка, все можете. Однако ваше слово и я закрою глаза на преступления вашего мужа. Мы просто сошлём его подальше. А вас я одену в шелка, будете вкусно есть и сладко спать (пытается поцеловать ей руку).

Вера. Пустите! Хам! Как вы смеете!

Входит Владимир.

Владимир. Что происходит?

Комиссар. А происходит то, что вы арестованы, гражданин Шевченко. Взять!

Солдаты одевают Владимиру наручники, уводят. Вера бросается за ними, бьётся, комиссар хватает её, продолжает лапать.

Комиссар. Ну что, парижская штучка, не боишься пропасть в России? Небось привыкла к богатству. А со мной могла бы как королева жить.

Вера. Пусти! Дурак, идиот, фашист! Владимир не враг, это ты враг! Если его с тюрьму, тогда и меня тоже!

Комиссар. Ну что ж, как скажете, мадам. Ваше слово для меня закон. Взять!

Солдаты одевают Вере наручники, уводят. Комиссар собирает в чемодан платья, туда же бросает и портрет Бетховена. Стучит по клавишам рояля.

Комиссар. Все, кончилась музыка! (захлопывает крышку рояля)

Сцена третья

Барак Тагиллага, контингент «разномастный». Зинка – дешёвая проститутка; Матрёна – раскулаченная селянка; Анна – жена бывшего директора одного из ленинградских заводов; Рая – просто человек, попавший под колеса «машины репрессий». Конвоир вталкивает в барак Веру. Это уже совсем другой человек. Измученная, похудевшая, постаревшая.

Конвоир 1-й. Встать! Нашу лагерную запевай!

Женщины тяжело поднимаются с нар, надрывно кашляют, натужно поют «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...»

Конвоир 2-й. К вам пополнение, принимайте...

Зинка. Гражданин начальник, тут ещё одна доходяга окочурилась.

Конвоир 1-й. Подохла, падла!

Сдёргивает труп с нар за ноги, пинает и утаскивает.

Конвоир 2-й. Завтра всем на работу, а её норму между всеми разделю.

Рая. Как на работу? В минус 50?

Конвоир 2-й. Это у вас 50, а у меня на градуснике всего 30. Запомните, вы здесь живёте по моему градуснику!

Конвоир 1-й. Давай, давай, топай, контра французская. Добро пожаловать в гранд-отель на ближайшие восемь лет. Не Париж, конечно, но уж извиняйте, мадам.

Рая. Новенькая, проходи, устраивайся. Давай знакомиться.

Анна. А почему этот халдей назвал вас мадам?

Вера. Я француженка. Моя фамилия Лотар. По мужу Шевченко.

Анна. Вера Лотар! Неужели это вы?

Вера. Вы меня знаете?

Анна. Конечно! Я в Ленинграде почти на все ваши концерты ходила. Как вы здесь?

Вера. Да как многие. Статья 58-10 УК.

Рая. А ваш муж?

Вера. Тоже. Последняя весточка была из Златоуста.

Вера устраивается на нарах, достаёт из котомки портрет Бетховена.

Рая. Это ваш муж?

Вера. Нет. Бетховен.

Анна. «Умри или будь»?

Вера. Да!

Матрёна. Ну что ж, здесь тебе так и придётся жить. Только не быть, а выживать.

Зинка. Эй, мадамка, новеньким место у дверей, куда в середину прёшь?

Анна. Зинка, угомонись! Это великая артистка! Она такие концерты давала!

Зинка. А мы по концертам, как некоторые, хвостом не мели. Мы в это время работали!

Рая. Да знаем мы, как ты работала. По борделям и вокзалам.

Зинка. Я-то на рабочий класс работала. А она кому свои концерты давала? Буржуям недобитым и вшивой интеллигенции?

Матрёна. Все, бабы! Хватит! Силы берегите. Завтра на работу. Новенькая, ко мне в бригаду пойдёшь. А на Зинку не обижайся. Для этой собаки, кто сильнее, тот и хозяин.

Вваливается конвоир.

Конвоир. Встать, падлы! Харэ нары шлифовать! Песню запевай, да веселей гляди, заразы

Женщины запевают «гимн» Тагиллага – «Широка страна моя родная...»

Конвоир. Шевченко, а тебе сегодня – выходной. К начальнику на допрос. Ох и повеселишься (ржёт). Прошу пардону, мадам…

Уводит Веру в кабинет следователя.

Следователь. Фамилия?

Вера. Лотар-Шевченко.

Следователь. Так Лотар или Шевченко?

Вера. По отцу Лотар, по мужу Шевченко.

Следователь. На кого шпионишь? Зачем приехала в Россию?

Вера. В Россию приехала за мужем. Ни на кого мы не шпионим.

Следователь. Упираться! Руки на стол! Повторяю вопрос.

Бьёт магазином пистолета по пальцам.

Вера. Только не пальцы, пожалуйста...

Следователь. Это еше почему?

Вера. Мне еше играть…

Следователь. Да ты пока не сдохнешь, играть будешь топором на лесоповале. А сдохнешь ты быстро, это я тебе обещаю. Не сегодня-завтра потащат и тебя по коридору вперёд ногами. Конвой! В барак её.

Вера возвращается в барак. Все спят. Она садится и начинает в воздухе играть пальцами, как на рояле, и тихонько напевать. Просыпается Зинка, толкает Матрёну.

Зинка. Глянь, глянь, наша мадамка с ума сдвинулась. Ей же в карцер надо. Она нас ночью по дури передушит всех.

Матрёна. Цыц, дура! Эй, новенькая, ты чего?

Вера. Раз я не умерла, значит надо жить! Я играю, репетирую. Мне нельзя, чтобы пальцы все забыли.

Матрёна. Да ты – точно ненормальная. А что играешь то?

Вера. Бетховен, «Лунная соната»

Рая. Бетховен? Это который на картинке?

Вера продолжает играть и тихонько напевать. Потом начинает звучать настоящая музыка. Барак зачарованно слушает.

Рая. Красиво-то как! Как лучик света в нашей грязи.

Зинка. Надо же, Бетховен. А по виду не скажешь.

Матрёна. Ша, бабы. Хорошего помаленьку. Всем спать. А ты, новенькая руки вот тряпицей завяжи – полегче будет.

Все укладываются. Гаснет свет. Опять входит конвоир.

Конвоир. Мадам, подъем, к начальству извольте.

Следователь. Слушай, как тебя там, Вера Августовна. Работаешь ты хорошо, норму выполняешь, жалоб на тебя нет… Так вот, дело у меня к тебе, задание что ли… Праздник на носу. Знаешь хоть какой, контра недобитая?

Вера. Да. 30-летие Великой Октябрьской Социалистической революции.

Следователь. Правильно. Так вот, начальство к нам приедет с проверкой. Ну, там стол накроем, то, сё… Надо бы и музыку какую организовать, концерт что ли… А ты же у нас вроде как пианистка.

Вера. Да какая я теперь пианистка (показывает свои изувеченные руки), да и инструмента нет.

Следователь. Инструмент мы тебе найдём, Из города махом пианину привезём. А руки…Дак это, я тебя на кухню переведу, там полегче будет. Поправишь свои руки.

Вера. Я согласна.

Идёт к роялю. Начинает играть Марсельезу. Заходит проверка. Среди них и знакомый комиссар. Слушают стоя, хлопают.

Следователь. Ну вот у нас и культурная работа организована, создаём самодеятельность.

Комиссар. Да уж, у вас теперь культурная программа почище, чем на воле. Все здесь (смеётся).

Следователь. Да-да, все у нас, и артисты, и музыканты, и писатели... Трудятся на благо советского народа, контра недобитая! Товарищи, прошу к столу.

Все уходят. Остаются Вера и комиссар.

Комиссар. Ну что, Вера Августовна, вот и встретились! Жизнью довольны?

Вера. Что с Володей? Где он?

Комиссар. Умер! Выбросился из окна изолятора – не выдержал «хорошей жизни». А вот вам я еше могу помочь. Выйти отсюда, выжить. Одно ваше слово.

Вера. Мне от вас ничего не надо.

Комиссар. Ну что ж, прощай, французская гордячка! Будь!

Вера. Да! Буду! Или умру!

Заходит следователь.

Следователь. Товарищ майор, пойдёмте, все готово, вас ждут.

Комиссар уходит. Следователь накладывает в руки Веры несколько буханок хлеба и отправляет её в барак.

Вера. Вот, раздели на всех.

Рая. Откуда?

Вера. Заработала.

Рая. Заработала? Как?

Вера. Играла.

Зинка. Играла? Знаем на каких дудочках ты играла…

Матрёна. Зинка, закрой хлеборезку, а то без пайки останешься.

Зинка. Да я что, уж и пошутить нельзя…

Вера. Девочки, а меня на кухню перевели.

Анна. Хорошо. Ближе к еде…

Вера. Да нет. К тёплой воде…

Хлеб разделили, съели, улеглись по нарам.

Анна. Верочка, сыграй нам что-нибудь для души…

Матрёна. Мы же тебе пианину сделали, гляди какую…

Достаёт из-под матраса выпиленную из доски и разрисованную на клавиши «пианину». Вера начинает на ней играть. Звучит музыка. Опять появляется конвоир.

Конвоир. Шевченко! На выход! С вещами.

Вера. Что? Почему? Переводят?

Конвоир. Не знаю. К начальству.

Вера. Девочки, родненькие! Прощайте, не забуду вас никогда!

Анна. До встречи на концерте!

Вера. Да-да конечно! Всегда, везде буду держать для вас лучшие места в первом ряду.

Забирает свою котомку и «пианину», портрет Бетховена и идёт в кабинет к следователю.

Следователь. Ну что, Шевченко, амнистия тебе вышла. Как говорится, на волю с чистой совестью. А пианину оставь.

Вера. Почему? Это моё!

Следователь. Оставь и точка! Здесь твоего ничего нет.

Вера. Гражданин начальник, разрешите спросить...

Следователь. Ну что еше?

Вера. А вы в тот раз откуда фортепиано привозили?

Следователь. Да из Тагила, из музшколы. Зачем тебе?

Вера. Ничего. Спасибо. Прощайте.

Следователь. Прощай, мадамка! Точно придурочная!

Сцена четвертая

Музыкальная школа №1 Нижнего Тагила. За столом сидит директор школы.

Вера. Здравствуйте, я ищу директора.

Директор. Что вы хотели?

Вера. Скажите пожалуйста, у вас есть рояль?

Директор. Конечно есть? Да кто вы, в конце концов?

Вера. Вот мои документы. Я – пианистка… бывшая конечно, но надеюсь… хочу… Можно я поиграю?

Бросается к роялю, играет, плачет. Директор изучает документы.

Директор. Вы Вера Лотар-Шевченко? Знаменитая пианистка?

Вера. Нет, я – бывший зек, а сейчас – свободный человек… с перебитыми пальцами. Хорошей пианисткой я уже вряд ли буду. Хотя жалеть себя – какая ерунда!

Директор. Я – директор этой школы, Мария Николаевна Машкова. Вы знаете, должность преподавателя, я к великому сожалению, дать вам не могу, но мне нужна уборщица. А главное, ей полагается жилье при школе. Правда, это совсем крохотная комнатушка, но кровать и тумбочка туда входят.

Вера. А можно я буду играть по вечерам?..

Директор. Конечно! Сколько угодно!

Вера. Тогда я согласна (ставит на рояль портрет Бетховена)

Директор. Пойдёмте, я покажу вашу комнату.

Выходят в одну кулису, из противоположной выходит молодой человек, подходит к роялю, одним пальцем играет «Чижик-пыжик» или «Собачий вальс». Появляется Вера с ведром, лентяйкой – моет полы. Заходит директор.

Вера. Молодой человек, пожалейте инструмент, не обижайте его.

Володя. Кого?

Вера. Рояль.

Володя. Почему нельзя?

Вера. Играть на нем такую пошлость – просто кощунство!

Директор. Молодой человек, а вы кто?

Володя. Володя... То есть Владимир Петрович Стежков.

Директор. Что вы хотели, Владимир Петрович?

Володя. Я бы хотел… научиться играть... на этом…

Директор. А не поздновато начали?

Володя. Ну, сначала – война, потом – ремесленное, а сейчас вот и время, и желание есть… Возьмете?

Директор. Видите ли, у нас возраст учеников несколько иной. И преподаватели все заняты… Хотя нет! Я вам дам самого лучшего нашего преподавателя! С мировым именем! Вера Августовна, возьмёте ученика?

Вера. С радостью! Вы не смотрите, что я поломойка, это сейчас. А раньше я неплохо играла…

на «этом»… Только занятия по вечерам, днём я работаю. Согласны?

Володя. Конечно! Конечно (целует ей руку) Ваши руки!?

Вера. Это, дружочек, подарок от следователя Алтухова, ничего страшного. В конце концов для музыканта главное не руки, а то, что тут (стучит себя по лбу), и тут, конечно (показывает на сердце). Я буду звать вас Володя – так звали моего мужа. И помните, дружочек, вам придётся играть каждый день! Великий Рубинштейн говорил: «Если я не играю один день – это замечаю я, если я не играю два дня – это замечают мои друзья, если я не играю три дня – это замечает публика!» Вы хоть знаете, кто такой Рубинштейн? Ну ничего, я вам все расскажу. Пойдёмте, Володя, я напишу вам все, что надо для учёбы.

Все уходят. Одновременно из противоположных кулис выходят Володя и Вера (немного другая, прошло некоторое время)

Вера. Володя, вы сегодня неплохо играли! Я думаю, что комиссии тоже понравилось, и все же в одном пассаже вы допустили ошибку. Пойдёмте я вам покажу.

Входит Директор школы.

Директор. Вера Августовна! У меня для вас две прекрасные новости. Ну, во-первых, вам письмо из Франции.

Вера. (читает) От брата Дмитрия… Он живёт в предместье Парижа… Свой дом… Семья, дети… К себе зовет…

Володя. Поедете?

Вера. Франция! Париж... Особняк. Нет! Не поеду. В жизни никогда нельзя возвращаться назад! В прошлой жизни у меня все было. Даже больше, чем все! Но я не могла предположить, что именно в лагерях встречу столько замечательных женщин, которые так много для меня сделали! Я обещала девочкам билеты в первом ряду на свои концерты. Это было бы предательством памяти русских женщин, помогавшим мне выжить в аду. А вторая новость?

Директор. Вам предлагают место концертмейстера в нашем драматическом театре!

Володя. Пойдёте?

Вера. Конечно! С великой радостью. Это же не так далеко, как Франция… И вы Володя, будете ходить на все мои концерты.

Директор. Вера Августовна, вам необходимо концертное платье. На вашу зарплату вы вряд ли сможете его купить (подаёт свёрток). Вот, хранила его на шторы в кабинет. Но тут все равно не хватит, а на платье в самый раз. И чтобы длинное, в пол!

Вера. Машенька, спасибо вам огромное! За все, за все…Что-то я разволновалась. Володя, помогите мне пожалуйста… Как-никак, новая жизнь начинается. Я буду играть для публики!

Все уходят. Из противоположной кулисы выходит Вера. Похорошевшая, помолодевшая, в длинном концертном платье (из шторы) и скромной шубке. Она выходит из театра, у входа её ждёт Володя с букетом.

Володя. Вера Августовна! Поздравляю! Это было потрясающе! Вы так играли Баха!

Вера. Спасибо, дружочек, спасибо! Жизнь, в которой есть Бах – благословенна! А как вам моя шубка? Я купила её на свою первую получку!

Володя. Шубка… Не знаю… Вам идёт.

Вера. Я, конечно, подозреваю, что это шиншилла ещё недавно тявкала в подворотне… но она такая тёплая! И моя! Давайте присядем, я слегка устала. Володя, вы знаете, мне нужен веник.

Володя. Веник? В чем же дело? Купите.

Вера. А где?

Володя. В хозяйственном магазине.

Вера. А как я его оттуда понесу?

Володя. Да очень просто, в руках.

Вера. Но не могу же я нести его в руках по всему городу! В шикарной шубе и с веником! Это неприлично!

Володя. Вера Августовна, это буржуазные предрассудки! Ну хорошо, пойдёмте вместе – и я понесу ваш веник.

Вера. Спасибо вам, дружочек!

В это время сзади подходят два хулигана (Он и Она), демонстративно играют ножичками.

Он. Ой, что это тут у нас?

Она. Дамочка! В шубке…

Он. А ты ещё не вспотела? Шубка не жмёт?

Она. Давай, мадам, вытряхивайся!

Володя. Да как вы смеете!?

Вера. (отдаёт ему букет) Володя, подержите. Подождите меня тут. Мне надо поговорить с этими молодыми людьми (берет их под руки, оттаскивает в сторону). Вы, сявки шелудивые! Я восемь лет чалилась на нарах в рваной зековской робе. Я своими руками (показывает свои страшные изуродованные руки) себе на шубу заработала. Я вам за неё кадыки зубами выгрызу и не подавлюсь. А ваши «перышки» мне что карандашики. Так что валите отсюда по-бурому, не тяните ко дну свою долю…

Он. Дык мы того, этого…

Она. Мадамка!? Ты!

Вера. Зинка? Зинуля… Не может быть!

Зинка. Ты все-таки стала артисткой? Какая красивая… В шубке..(обращается к другу) Слышишь, Витек – это моя подруга! Сидели вместе! «Сто шешнадцать пополам». Француженка! С самого Парижа!

Он. Ух ты! Вот так встреча! Это же надо отметить! Поехали в «Волну»!

Вера. (возвращается к Володе) Володя, эти милые молодые люди приглашают нас в ресторан «Волна».

Володя. «Волна»? Это же худшая забегаловка на окраине города.

Вера. Это не может быть забегаловкой… Волна – это брызги, море, чистота, простор… Пойдемте, дружок, не капризничайте.

Володя. А как же шуба?

Вера. А что шуба? Цела. Вот она. Поедемте, Володя, нас ждут. Неудобно.

Сцена пятая

Гадюшник с романтическим названием «Волна». Местные пьянчужки, женщин нет, дым коромыслом. Все замолкают, когда входят Вера с Володей. Зина и Витек садятся за заставленный грязной посудой столик.

Вера. Зинуля, расскажи о себе… Как ты? Вижу – замужем?

Зинка. Да нет… Это Витек... Он у нас на районе главный. А так… Да все нормально… Всяко лучше, чем у «хозяина» на нарах.

Вера. Это да!

Зинка. А ты – действительно артистка? Так и играешь на своей пианине? Вот бы послушать… Обещала ведь на концерт пригласить…

Вера. Я бы с радостью, Зиночка, но здесь рояля нет!

Зиночка. (обращается к дружку) Витек, нужно рояль раздобыть.

Витёк. Легко! (обращается к посетителям) Мужики, нужен рояль.

Двое посетителей молча встают уходят.

Зинка. Значит не зря мы тебе в лагере пианину сделали! У тебя получилось – ты опять стала артисткой!

Вера. Ну, пока я только тапёр в местном театре. Да это даже не театр, а клуб железнодорожников. Настоящий театр только строится – и, представляешь, Зиночка, строят его такие же зэки как мы с тобой, рабы 20-го века.

Вернулись мужики, вкатывают пианино.

Витёк. Пожалуйте – ваш рояль! Как просили.

Володя. Где они его взяли?

Витёк. У сторожа соседнего Дома Культуры на водку выменяли.

Вера. (подходит к инструменту) Не «Стейнвей», конечно, но тоже хорошо! Месье! Товарищи! Друзья! Я буду играть для вас, а ты, Зинуля, в первом ряду.

Начинает играть. И как!... Все стоят, благоговейно слушают музыку... Потом бешено аплодируют. Зинка плачет. Витёк целует Вере пальцы.

Володя. Как они слушали! Как они поняли? Да! Оказывается, я не знаю своего города и его людей!

Вера. Мы не знаем своей страны! И зачем-то плохо думаем о людях… Пойдемте, дружочек. Вы обещали купить мне веник.

Сцена шестая

Зал филармонии. Сольный концерт Веры Лотар-Шевченко. Ведущая готовит сцену, поправляет портрет Бетховена на рояле.

Ведущая. Так, оркестр готов! Инструмент тоже. Зрителей – полный зал! Интересно, она хоть одеться прилично может? (спрашивает в кулису – гримёрную). Вера Августовна, у вас хоть платье приличное есть? Вам помочь?

Выходит Вера, в шикарном концертном платье, ухоженная и красиво причёсанная.

Вера. Голубушка, это сидела я в Тагиле! А родилась в Италии и жила в Париже.

Ведущая. О-о-о! Прекрасно! Вы только не волнуйтесь, пожалуйста...

Вера. Мне 65 лет! Мне уже поздно волноваться… Умри или будь!!!

Ведущая. Вера Августовна, там в зале, на первом ряду сидят какие-то тётки неприглядного вида, не понимаю откуда! Их вывести?

Вера. Не сметь! Это мои друзья – мои родственники! Я буду играть для них!

Ведущая. Ну что ж, тогда начинаем. Уважаемая публика! Сегодня у нас замечательный день: первый сольный концерт великой французской, нет, итальянской, нет, русской пианистки Веры Лотар-Шевченко.

Аплодисменты. Вера выходит садится за рояль, начинает играть. В середине пьесы встаёт, выходит на авансцену. Музыка продолжает звучать. К ней с цветами постепенно выходят все герои пьесы.

В финале на экране идут документальные кадры выступления Веры Лотар-Шевченко.

Занавес

Елена Киселькова

Некрасов и Фёкла

Действующие лица

Николай Алексеевич Некрасов
Фёкла Анисимовна Викторова

Квартира в доме на Литейном. Квартира просторная, большие шкафы с книгами, хорошо обставленная – но заметен небольшой беспорядок. Раннее весеннее утро, солнце светит уже ярко. За окном чирикают городские воробьи. Некрасов и Фёкла сидят за столом, пьют чай с молоком. На столе блюдо с кексом, вазочки с вареньем, пирог с мясом, блины, масленка, молочник, свежая ветчина веером лежит на тарелочке. Все красиво порезано и сервировано прислугой. Фёкла ест мало и медленно. Видно, что чувствует себя неловко.

Фёкла. Мне пора.

Некрасов. Фекла, постой. Погоди... Я буду большой дурак, если отпущу тебя. Останься.

Фёкла. Но… Мне, правда, пора. Я ведь не могу…

Некрасов. Мы, конечно, мало еще друг друга знаем. И это не то, что какое-то безумное чувство... Но это ведь и к лучшему. Я просто чувствую, что ты – моя. За все мои страданья.

Фёкла. Вы мне делаете предложение?

Некрасов. Да.

Фёкла. А как же Лыткин?

Некрасов. Этот пошлый купец Лыткин не заслуживает такой женщины. Через несколько месяцев ты о нем даже и не вспомнишь.

Фёкла. Да какой такой? Я ведь самая обыкновенная. А вы… Вы – поэт и барин. А я дочь солдата, сирота.

Некрасов. Это не важно. Я вижу – у тебя ясный ум. Чистая душа. Ты хорошо сложена, ловка...

Фёкла. Нет, нет. Я не смогу.

Некрасов. Я, верно, тебе стариком кажусь? Ну да. Мне уже сорок восемь. А тебе?

Фёкла. Двадцать третий миновал. Но я не потому. Я просто очень глупая. Я ничего не умею, не знаю. Ни по-французски, ни на рояле.

Некрасов. А это ничего. Я тебе обещаю – я помогу тебе стать настоящей образованной леди. Мы будем ходить вместе в театр, на концерты, выставки. Я возьму для тебя рояль и учителя французского, если захочешь.

Фёкла. Вы это все по правде? Не шутите?

Некрасов. Фёкла, почему ты сомневаешься? Ты наверно слышала что-то обо мне? Ну да, слухов много обо мне всяких ходит… Скажи, про меня наверно много всяких гадостей говорят?

Фёкла. Нет. Николай Алексеевич, я точно знаю, что вы человек порядочный и очень добрый. Я читала ваши стихи. Я плакала. Они меня очень тронули.

Некрасов. А какие?

Фёкла.

Еду ли ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день –
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты – другого любя….

Некрасов.

...Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась – ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной...
Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сил?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему…

Фёкла. Как ты все это узнал? Ведь это все, как про меня.

Некрасов. Фёкла, ты ведь тоже многого про меня не знаешь. Если ты согласна… Скажи – ты со мной?

Фёкла. Да.

Некрасов. Тогда я тебе должен все рассказать. Все с самого начала. Ты станешь моей женой. Это будет наша традиция – никаких секретов. Согласна?

Фёкла. Хорошо.

Некрасов. Слушай, вот они… Не буду называть имена… они говорят, что я жадный. А… не важно кто, сказал, что я двуличный. А я не двуличный! Хотя, скорее двуликий. И это наверно от родителей. Моя мать из богатой семьи была, образованная, хорошо воспитанная. А мой отец? Он полная её противоположность, служил тогда поручиком. Но она так в него влюбилась, что вышла замуж вопреки воле родителей. Я в семье был старший. После меня еще тринадцать братьев и сестер. Я вырос в Грешнево. Это далеко, за Москвой, за Ярославлем… Потом отец проиграл имение в карты. Мы жили очень бедно. Но это еще полбеды. Мой отец в молодости был настоящим деспотом. Пьянки, разврат с крестьянками на наших глазах. Мать все терпела. Потом он устроился исправником, чтобы у нас были средства на жизнь. И брал в эти поездки меня. Хотел приучить к службе. Но… это было очень жестоко. Выбивать из людей недоимки. Невыносимо. А потом я и вовсе поссорился с отцом. Он отправил меня в Петербург, хотел, чтобы я поступил в дворянский полк. Отец мечтал, что я сделаю военную карьеру. А я ослушался его. Мы поссорились. И

он оставил меня без содержания. Вся моя юность прекрасная – это сплошная нищета. Иногда я ночевал в приютах для нищих…

Фёкла. Ты, из дворянского рода – и в приютах?!. Бедненький...

Некрасов. Было. Как-то я несколько дней почти ничего не ел. Мне было плохо. Солдат, у которого я снимал квартиру, выгнал меня за долги на улицу. И тут какой-то нищий пожалел меня, дал кусок хлеба и отвел меня в ночлежку.

Фёкла. Как же ты выжил? И образование получил?

Некрасов. Я хотел поступить на филолога, но не смог. Просто ходил на лекции. Еще когда я жил с семьей в Грешнево, мой отец из-за своего вздорного характера много сутяжничал. Все время с кем-нибудь судился, а меня заставлял составлять и перебеливать судебные бумаги. Так я тренировался в чистописании. И потом этим я зарабатывал на хлеб – помогал составлять исковые заявления. Еще давал уроки, а потом начал писать.

Фёкла. И твои дела поправились?

Некрасов. Не сразу, конечно. Но постепенно стало легче. И писать, конечно не сразу, у меня получилось. Первый сборник стихов критики разнесли в пух и прах. Я его взял и сам весь скупил, а скупивши – уничтожил. Вот так. И еще хочу сразу предупредить. У меня это от отца, видно. Иногда на меня тоже такой псих нападает, я очень злой бываю… Но потом отхожу. Не испугал?

Фёкла. Наверно причины были.

Некрасов. Конечно, были. Самый злой я был, когда у нас с Авдотьей все разлаживаться началось. Авдотья Панаева – я её очень тогда любил. Мы с ней 16 лет вместе прожили. У нас сынок родился и вскоре умер. И это горе, оно нас почему-то не сплотило, а напротив, развело. Я тогда поперёк всего общества пошел. А мне все равно. Так сильно я её любил. Вначале, когда она мне взаимностью не отвечала, даже застрелиться хотел. Молодой был, кровь кипела. Она из-за меня с мужем рассталась. Но официальный развод – это так сложно, долго. Мы просто стали жить вместе. В этой квартире. И Ваня с нами. Муж её. Нас многие тогда осуждали. Да какое мне дело! Главное – душа пела, работал много.

Фёкла. В этой квартире? А сейчас? Ты все ещё её любишь?

Некрасов. Не знаю. Мы давно расстались. У каждого – своя жизнь. Хоть Ваня и умер. Все в прошлом.

Фёкла. Вы вместе даже романы писали.

Некрасов. Все проходит. Потом я еще в Селину влюбился. Актриса Селина Лефрен. Француженка. У тебя глаза сейчас такие… суровонежные. Не ревнуй. Селена меня никогда особо не любила. Скорее, пользовалась. Я ведь тогда уже богатый стал. Знаешь... У меня все предки по отцовской линии были заядлые картежники. Всё, чем владели, всё проиграли. А я сумел переломить судьбу. Я картами себе состояние нажил. Да, не удивляйся. Я благодаря картам и «Современник» смог возродить. Совсем журнал умирал. А его ведь сам Пушкин начал издавать. Когда я его купил, тираж был – 230 экземпляров. А я за один год увеличил тираж до двух тысяч! Ты только представь! Лучшие писатели нашего времени печатались у меня! Я в это время обедал и играл в карты в Английском клубе. Там все люди солидные, богатые. Для них игра – так, безделица, развлечение, способ расслабиться. А я готовился к каждой игре очень серьезно. Нужно было хорошо выспаться, а перед игрой я всегда принимал ванну с ромом. Она меня как-то бодрила и помогала сосредоточиться. Я выигрывал часто и много. На эти деньги издавал «Современник», платил гонорары.

Фёкла. Это удивительно.

Некрасов. И с отцом у меня отношения наладились. Я ему Грешнево обратно выкупил. Он мной гордится стал. Года два назад его только не стало. Памятник хороший ему поставил... Но богатство не просто так дается. Хочу тебе покаяться. Страшный грех на мне. Чтобы выиграть, мне нужно было соблюдать приметы. В день перед игрой я никогда не занимал деньги, и в долг не давал. Однажды, ко мне пришел один сотрудник

нашего журнала и попросил 300 рублей в долг. Я не дал. А на следующий день я узнал, что он застрелился. Фёкла, ты не представляешь, что я тогда испытал!..

Но скольким людям этот журнал помог! Я ведь первый стал платить писателям за сделанную работу не гонорары, как прежде. Я стал с ними заключать договоры, по которым у них был постоянный доход. Так у меня работали Лев Толстой, Островский, Достоевский, Тургенев. Я платил им за работу вперед. На это уходило две трети выручки. Но зато они не имели права уйти в другой журнал.

Фёкла. Но я слышала, что с Белинским как-то не так было.

Некрасов. Я ему очень благодарен. Белинский – великий человек. Он меня очень поддержал. Но все знали, что он обречен. Ему уже не долго оставалось. Да, он работал у меня, как простой журналист. А если бы я заключил с ним договор? Мне бы пришлось потом платить его наследникам. Если хочешь быть успешным дельцом, то нужно и думать прежде всего о деле. Я знаю, что некоторые называют меня барышником.

Фёкла. Ты сейчас совсем какой-то другой. Как будто не ты.

Некрасов. Это я. Просто я очень разный. Мне самому от этого очень страшно. Я еду по железной дороге. Еду в поезде, в теплом купе. Кажется – наслаждайся. А я не могу. Я вижу трупы, покореженные жизни. Я пишу об этом стихи. А потом я иду в английский клуб и обжираюсь на обеде. В такие минуты я сам себя презираю и ненавижу. Вот отсюда и мои приступы хандры.

Фёкла. Ты борец, ты борешься с тёмными силами. Но в то же время – ты живой человек. У тебя ведь и правда, мало веселых стихотворений.

Некрасов. Да. Люблю я и себе, и читателям нервы размотать. У меня душа болит, когда я вижу, как у нас народ унижают. Но при этом у меня нет готовности, упорства принести себя в жертву. Я даже комфортом пожертвовать не могу.

Фёкла. Николай, не кори себя. У тебя душа чуткая. Но ты не можешь все время за всех страдать. Для человека это невыносимо.

Некрасов. Знаешь, Фекла, когда я отдыхаю? Когда хожу на охоту. Я тебя обязательно в это дело втяну. Я, бывает, с утра пораньше в лес уйду и только к полуночи вернусь. Дичь люблю стрелять. И на медведя не раз ходил. А какие у меня псы! Самый любимый – Кадо, красавчик. Раньше с Тургеневым вместе ездили, но потом поссорились. И представляешь – из-за ружья охотничьего.

Фёкла. Из-за ружья, с другом? Нужно помириться.

Некрасов. Ну, когда-нибудь может и помиримся. Я уже скоро увезу тебя в свою деревню. Чудская Лука называется. Там меня крестьяне любят. Я тебя верхом научу ездить. Купим тебе костюм для охоты – рейтфрак и брюки в обтяжку. Только, знаешь что… Фёкла, как тебя по батюшке?

Фёкла. Анисимовна.

Некрасов. Фекла Анисимовна – это как-то не звучит. Давай тебе другое имя дадим. Давай я буду звать тебя Зинаида Николаевна. А? Звучит? Зинаида. Как у Тургенева в «Первой любви». Юная прекрасная Зинаида.

Фёкла. Я – Зинаида? Зачем?

Некрасов. Жизнь новая и имя новое! Ну как, согласна?

Фёкла. Согласна... Я на все согласна!

Некрасов. Красавица ты моя! И за что я такой счастливый?

Зинаида. За то, что лаской своей ты меня пригрел. За то, что ты – гений. За то, что ты поэт больной совести.

Занавес

Домашняя работа.....

Домашняя работа... «Домашка»...

Какое-то время назад мы решили расширить формы работы в студии. Так родились «домашки». Придумывалась тема, на которую желающие за определённое время должны были написать свой текст. Жанр не ограничивался, размеры – «в пределах разумного».

Уже первое задание оказалось настолько интересным и разноплановым по воплощению, что в итоге был издан небольшой сборник «Истории из старой бутылки». Книжка вышла и в бумажном варианте, и в электронном, так что почитать рассказы могут не только тагильчане, но и все желающие, где бы они не жили.

А в альманахе мы помещаем другие наши «домашки» – и прозаические, и поэтические.

Темой прозаического задания была история, связанная с неким заброшенным строением – домом, заводом, храмом и т.д.

У поэтов задания были разнообразными. Тут и работа в определённом размере, и написание стихов на конкретные темы и образы.

Что из этого вышло - судить вам.

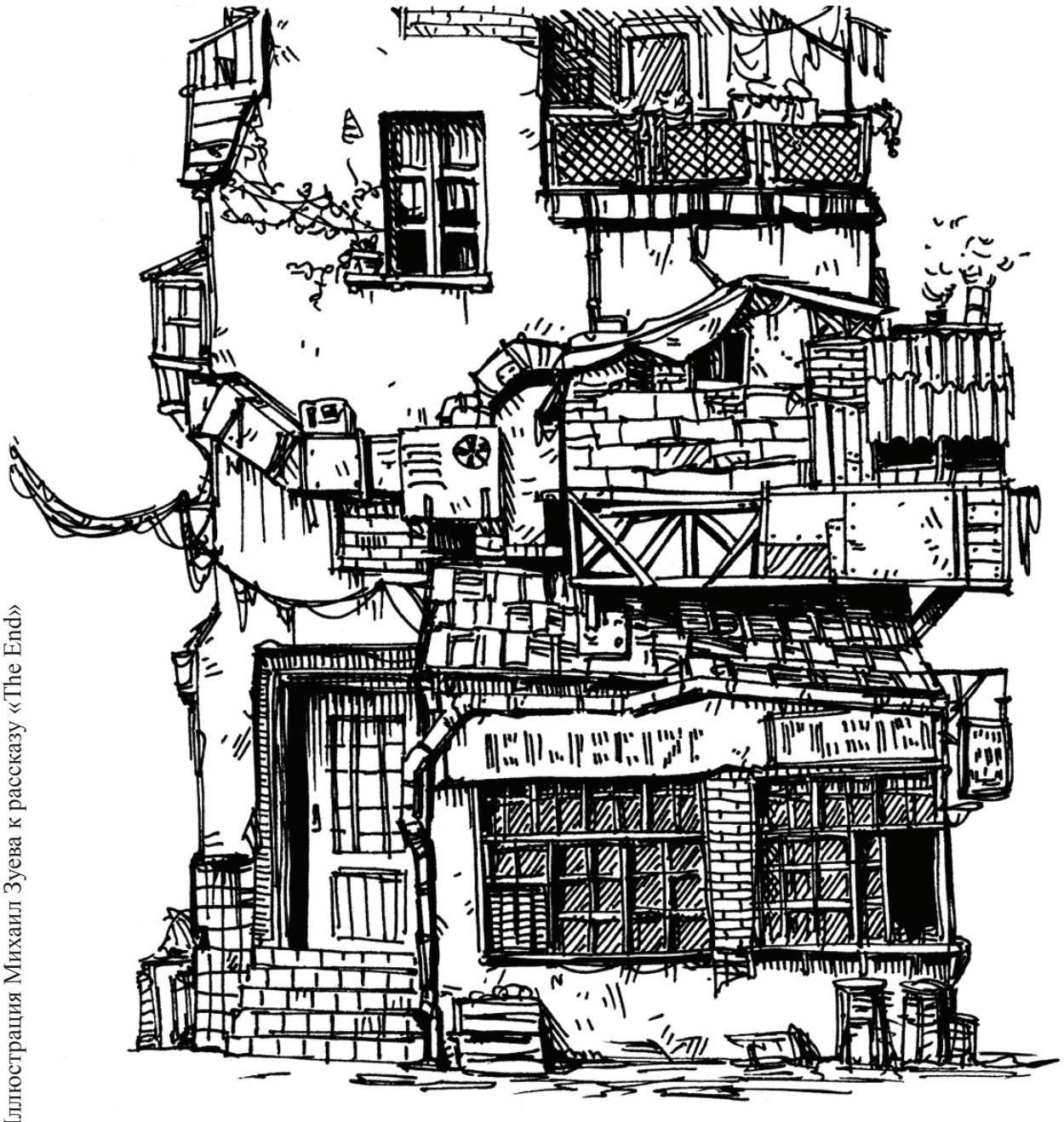

Иллюстрация Михаил Зуева к рассказу «The End»

Ольга Арсина

Прикаянная душа

ИСТОРИЯ эта случилась году этак в 1988. Времена были трудные. Безденежье, очереди, дефицит и прочие радости позднего социализма пришлись на наши молодые годы. Мой муж Валера – рабочий завода, я – студентка Института искусств и наша девятилетняя дочурка Марианна, а по-домашнему просто Муся – вот и вся наша семья. Жили очень скромно, от получки до получки, накоплений практически не имели. Но жизнь не отложишь на потом: хочется жить сегодня, сейчас. И вот на семейном совете мы постановили, что хорошо бы летние отпуска и школьные каникулы проводить не в городе, а на чистом воздухе, подальше от заводского дыма и городской суеты.

Место такое долго искать не пришлось: накануне наши друзья, семейная пара с ребёнком, купили дом в селе с красивым названием Серебрянка, что в 70 километрах от нашего города. Лариса и Олег перебрались туда на постоянное место жительства, как давно и мечтали, ну и подыскали нам по соседству домик под дачу там же. И нам хорошо, и им веселее с друзьями.

И вот поехали мы, оформив все бумаги, вступать во владение нашим новым имуществом. 70 километров обернулись тремя часами «с хвостиком» тряски в переполненном старом дребезжащем автобусе. Я стояла чуть ли не всю дорогу на одной ноге (вторая все время норовила встать на ногу прижатого ко мне пассажира), Мусю какая-то сердобольная старушка усадила к себе на колени, а Валеру унесло в другой конец автобуса вместе с сумками. На Серебрянке я «выпала» из автобуса в полуобморочном состоянии и со страшной мигренью. Все остальные, закалённые жизнью пассажиры, имели довольно бодрый вид, а на меня смотрели с жалостью, как на тяжелобольную. Видимо, так я и выглядела. И мысленно, и вслух проклинала я тот день, когда решилась на эту сумасшедшую затею, ибо как посещать это «место отдыха и расслабления» – я уже не понимала.

Но тут случилось чудо! Покинув автобус, я вдохнула всей грудью, чтобы как-то отогнать тошноту и прочистить бедные лёгкие, забитые густым, потно-бензиново-перегарным амбре автобуса. И вдруг я поняла, что никогда в жизни не дышала таким кристально-чистым, прозрачным, целебным воздухом. Казалось, я не просто дышу, я пью этот волшебный кислородный коктейль. Правда, от перенасыщения кислородом голова моя взорвалась новой болью, но это уже не имело значения. Восторг и эйфория наполнили всё моё существо. Друзья, Лариса и Олег, встретили нас на остановке и пошли показывать дорогу к нашему дому.

Свой новый дом мы покупали не глядя, доверив выбор друзьям, ну и, соблазнившись низкой ценой. Серебрянка оказалось не заброшенной деревней (хотя сейчас, спустя 30 лет, это именно так), а селом с леспромхозом-миллионером, с магазинами, школой, детсадом и прочими приметами развитого хозяйства, ещё не начавшего умирать.

Пока шли до дома, успели оценить красоту села, но особенно – потрясающую природу самого места. Село расположилось на пологом склоне горы. Под горой журчала, неся свои чистые воды, Серебрянка, за селом, на горе темнел вековой лес. И вот там, на самой вершине, в конце самой последней улицы и стоял самый крайний к лесу

дом. За домом дорога резко поднималась вверх, к скалистым горам с крутыми обрывами и высоким хвойным лесом.

Вот они, наши хоромы! Чёрный от времени маленький домик в два оконца стоял ровно, не врос в землю, не покосился. Я посмотрела на это древнее жилище и почему-то сразу подумала с нежностью: какой хорошенький! Ключ от дома был у соседки. Милая, добродушная женщина в цветном переднике вышла нам навстречу.

– Здравствуйте! – она широко улыбнулась и как-то сразу расположила к себе, – вы, значит, купили домик? Меня Нина зовут. Ну, обживайтесь. Огородик, конечно, зарос. Сколько уж лет заброшен дом стоит. Ему уж, почитай, больше ста лет. Ну, если что, так обращайтесь, я помогу лошадь с плугом нанять. – Тут она посмотрела на Мусю: – Девочка у вас больно худёшенькая. У вас в городу всё не настоящее, вот все такие и хилые. Тут через два дома Ильинична, у неё корова. Я договорюсь, будет вам молоко парное продавать. А на соседней улице у нас пекарня. Там и хлебушко наш, такого вы у себя в городу не видали. На нашем хлебушке вы обе, глядишь, за лето потушистее станете.

Тут она посмотрела на меня и всплеснула руками:

– Ой, что я вам зубы-то заговариваю! Вы ж с дороги, устали! – она протянула ключ: – Ну, обустраивайтесь.

Мы подхватили сумки и уже в спину услышали:

– А домик-то весёленький…

Хотелось обернуться, спросить, что она имела в виду. Но мы настолько умотались, да и хотелось уже скорее зайти в дом, что было не до разговоров. Спустя мгновение эта фраза уже вылетела из головы.

Весь дом, а точнее домик, состоял из одной небольшой квадратной комнаты с печкой. Стены были, как и положено в русской избе, из толстых брёвен, почти чёрных от старости. В углу за печкой было что-то вроде крошечной кухни, посредине комнаты – грубо сколоченный из толстых досок стол, у стены – старая кровать с провисшей панцирной сеткой да возле печки ещё одно спальное место в виде узкого топчана. От входной двери по стене и потолку шла толстая электропроводка и заканчивалась маленькой тусклой лампочкой над столом: электричество в доме все же было.

Быстро надвигались сумерки, надо было устраиваться на ночлег. Первоначальный осмотр дома был закончен. Мы с друзьями ещё немного повечеряли, застелили постель матрасом и подушками, которые Олег с Ларисой на первое время нам принесли, укрыли Мусю, уже давно мерно посапывающую на топчане – белокурые завитки волос разметались по подушке.

Вышли проводить гостей. Полюбовались на ночное небо, усыпанное жемчужинами ярких звёзд. Какая красота! Да, в городе такого неба не увидишь. А внизу – ни огонька: деревенские ложатся рано. Только сверчки затевают свой многоголосный хор в высокой траве, да брехнёт где-то вдалеке собака. Тёплая июльская ночь опустилась на Серебрянку звёздным покрывалом.

– Вы на ночь всё-таки калитку закройте, тут задвижка есть. Мало ли, может какой пьяный заплутает или волк забредёт. Лес-то вот он, рядом, – с серьёзным видом сказал Олег.

– Тьфу ты, Олег, перестань! Не слушайте его, – рассмеялась Лариса.

– А что? – развеселился Олег. – Проверьте чердак, может там скелет висит. А по ночам привидения летают: у-у-у! Ладно, шучу! Ну давайте, спокойной ночи. А в выходной – по грибы! Лады?

Олег с Ларисой зашагали по гравийной дороге в сторону своего дома, что был через две улицы вниз к реке. Мы стояли в полной темноте, освещённой только мерцанием звёзд. И с уходом гостей вдруг почувствовали неясную тревогу. Мы одни, с одной стороны тёмная улица, с другой – чёрный лес. Для нас, горожан – ощущение новое, незнакомое. Зашли в тёмный двор (освещения в крытом дворе не было), на ощупь пробрались к двери.

– Слушай, Валера, а ты дверь на задвижку закрыл?

– Нет. Да зачем? Ты не слушай Олега, он же пошутил.

– Да знаю я, что пошутил. Но ты всё же закрой, так спокойнее.

– Эх ты, трусиха! – засмеялся муж, но всё же пошёл в непроглядную тьму, чертыхаясь, натыкаясь по дороге на что-то.

– Ну, успокоилась? Давай-ка спать.

Улеглись на тесном топчане. Неудобно, жёстко. Но трудный длинный день сделал своё дело. Нас сморил сон.

Вдруг я проснулась от непонятного шороха. Звук шёл с чердака. По потолку явно кто-то ходил. Шаги были быстрые, частые. Я замерла, прислушалась. Звуки повторились. Я тихонько растолкала мужа, сказала, что по чердаку кто-то ходит. Муж недовольно пробурчал, что это мыши. Повернулся на другой бок и засопел. «Действительно, какая я трусиха! Это же деревня, мыши ходят, это нормально». Глядя на посапывающих мужа и дочь, я успокоилась и задремала. Не знаю, сколько времени прошло, да только я опять проснулась, почувствовав, что на меня что-то капает с потолка. Да что ж такое! Я села в кровати. Ну вот, опять капает! Потолок, видать, дырявый… Стоп, так дождя-то нет. Вздохнув, опустила ноги на пол, при свете полной луны подошла к выключателю и включила свет. Муж повернулся, сощурившись.

– Оля, ну ты чего? Сама не спишь, нам спать не даёшь, – пробурчал он, – это что у тебя?

– Что?

Я опустила глаза и вздрогнула. На моей футболке алели капли крови. Такие же капли были на одеяле и подушке.

– Мамочка!!! Что это?

Сон как рукой сняло. Муж тоже окончательно проснулся.

– Откуда это?

– Я не знаю, я проснулась, на меня капало… с потолка.

Мы как по команде подняли глаза на потолок. Там уже свисала следующая красная капля. Муж схватил в руки нож – первое, что попалось под руку.

– Ты куда, Валера? Не ходи, я боюсь!

– Да перестань, надо же посмотреть.

– Ну и что ты увидишь в темноте? У нас даже фонарика нет!

– Ладно, хорошо, успокойся. Завтра я найду, как тут забираться на чердак, может лестница какая есть. Не бойся, не съедят же нас, в самом деле, люди кругом. Всё. Спи.

Несмотря на страх, который, казалось, смотрел на нас из каждого тёмного угла избы, всё же нестерпимо хотелось спать. Я выключила свет, перебралась с края кровати к стенке, подвинув уже преспокойно храпящего мужа и начала задрёмывать. Но вдруг я отчётливо услышала скрип калитки. Дальше послышались шаги. Кто-то шёл по нашему двору. Я села на кровати ни жива, ни мертва от страха, сердце отчаянно колотилось, пытаясь выпрыгнуть из груди. Я стала истерично расталкивать мужа. Но он никак не хотел просыпаться, бормоча сквозь сон что-то невнятное, возможно даже нецензурное. Потом сел на постели, вымученно посмотрел на меня:

– Что?

– Валера, там кто-то ходит…

Муж тяжело вздохнул, обречённо встал и пошёл во двор молча, сонно шаркая ногами. Я вскочила и засеменила за ним. Во дворе была темнота и тишина.

– Ну, нет тут никого. Тебе уже мерещится бог знает что. Не буди меня больше. Хоть остаток ночи дай поспать.

Меня мучила совесть. Но тут я увидела:

– Валера, ты калитку закрывал на задвижку?

– Конечно.

– Вот! Смотри!

Мы глянули на калитку. Она была приоткрыта. Муж насторожился и пошёл за калитку, прихватив по пути попавшийся ломик. Я выбежала за ним. Деревенская улица была пуста и тиха. Мы стали озираться по сторонам и внезапно увидели неясную в свете луны размытую белую фигуру. Она удалялась в сторону тёмного леса и вскоре как будто растаяла вдали. Тут даже у мужа сдали нервы. Мы зашли во двор,

снова заперли калитку, пробрались в неясном свете уходящей ночи до двери, закрылись изнутри на ключ, накинули крючок и подпёрли дверь ломиком.

Кое-как уснули, но свет уже не выключали до самого утра.

Утром, едва солнце проникло сквозь давно не мытые окна без занавесок, а петухи пели уже по третьему разу, мы, наконец, проснулись. Не выспавшиеся, с больными головами, с большим желанием оказаться у себя дома, в чистой уютной квартире. К реальности нас вернула Муся. Она сидела на кровати, болтала ногами и читала свою книжонку, прихваченную из дома. Увидев, что мы, наконец, проснулись, напомнила, что соседка говорила про деревенское молоко и вкусный хлебушек. Потом посмотрела на меня:

– Мааам, что с тобой? И вообще, что тут было?

Я оглядела комнату при утреннем свете: на постели капли засохшей крови, дверь припёрта ломом, стол и лавки сдвинуты в беспорядке. Побрела к мутному зеркальцу на стене над рукомойником. Футболка в крови, под глазами синяки, волосы всклокочены. Да… Тут не мне, а меня надо бояться. Мы с мужем переглянулись. Не хотели пугать дочурку.

– Понимаешь, – начал Валера, – мама тут решила поиграть в «Трёх поросят», ну и закрылась покрепче от волка.

– А три поросёнка – это, видимо, мы? – Доча посмотрела на нас, как строгая учительница смотрит на двоечников. – Господи, детский сад! Сказали бы честно, что испугались привидения! Взрослые люди называется.

– …???

Муся деловито встала, захлопнула книжицу:

– Ну, так как насчёт молока? Идём?

Я глянула на книжку. Диккенс «Кентерберийское привидение». Да, с «Тремя поросятами» мы промахнулись.

Мы быстро собрались и пошли добывать пропитание. По дороге встретили соседку Нину.

– Ну, как спалось на новом месте? – с улыбкой спросила она, хитро прищурившись.

Я замялась.

– Да… как-то … не очень

– Понятно. Ладно. Вы идите к Ильиничне за молоком, я вчерась договорилась. А потом зайдите-ка ко мне. Я уж и шанег с картошкой напекла.

Купив деревенского хлеба и молока, мы, съев по дороге полбулки горячего, ароматного, невероятно вкусного хлеба, зашли к Нине. Хозяйка усадила нас за стол, на котором дымились, испуская аппетитный дух по всему дому, румяные шаньги:

– Ну, рассказывайте.

Муж взял шаньгу и вышел покурить, понял, что это надолго. Я сбивчиво рассказала все ночные приключения. Муся слушала, раскрыв рот. Нина – внимательно, сдвинув брови. Я замолчала.

– Ну всё понятно. Значит, Анфиска снова шалит.

– Какая Анфиска? – я посмотрела недоумённо. – Городская сумасшедшая, что ли?

– Да нет. Ты только не бойся. Анфиска – это как дух неприкаянный, что ли.

– Привидение?! Что за сказки?

– Ну, сказки – не сказки. Это я не знаю. Только вот что. Давно это было, лет, может, сто тому. Мне бабка рассказывала, а ей – её бабка. Все мы тутошние. В этом дому жила семья. И была у них дочка – Анфиса. Хорошая девка, справная. А уж красавица – такой ещё поискать. А в наши-то краях по ту пору часто пришлые старатели заезжали. Золото, значица, намывали. Золото тут часто находили. Ну вот. Они аккурат через нашу улицу в лес, да на реку хаживали. Один-от старатель и заприметил Анфису-красавицу. Ну, дело молодое. Случилась у них любовь большая. Посватался хлопец, чин-чинарём, колечко подарил. Назначили свадьбу на осень. И проводила его Анфиса на те золотые прииски. Сама ждать осталась. Ушёл паренёк, да и сгинул без вести, пропал, значит. То ли зверь дикий в лесу задрал, то ли свои старатели решили ограбить, кто ж его знает. Только осталась Анфиса одна горе горевать. Уйдёт, бывало, в лес, на скалу, да сидит там до ночи, не спит, не ест. А однажды ушла, да и не вернулась. Родители все

глаза выплакали, все тропинки обыскали. И нашли её, горемычную, у самой реки Серебрянки. Видать, кинулась она со скалы, да и разбилась. С тех пор люди стали замечать, что выходит она, ну, то есть, дух ейный по ночам из лесу, да идёт к своему дому, будто ищет чего.

Мы с Мусей сидели совершенно обалдевшие, не в силах поверить, что такое может быть на самом деле.

– А что же нам теперь делать? Если так будет продолжаться, я ни на день больше не останусь!

– Да ты не спеши. Ты домового приманила?

– Ещё не легче! Какого такого домового?

– Эх ты! Это у вас в городу всё наперкосяк, ни бога, ни чёрта. Обыкновенно – домового обязательно приманить. Он и дом будет охранять, и вас тоже, и нежить всю повыгонит.

– Бред какой-то. Как его приманить?

– Да просто. У калитки поставь тарелку, да положи в неё угощение – печенье, конфеты. Понравится ему – придёт и обживётся. Дом-то совсем заброшенный. Без домового никак нельзя. Поняла?

Домой мы шли растерянные, совсем сбитые с толку. Но всё же сделали, как посоветовала Нина. В первую ночь угощение осталось нетронутым. Муж посмеивался, но не перечил. Делай, что хочешь, если тебе так спокойнее. Ночью я снова слышала шаги во дворе. Подумала: ещё одна такая ночь – и ничто меня тут не удержит.

На следующее утро тарелка у калитки оказалась пустой. Может, местная ребятня разобрала, а может… Но на чердаке всё стало тихо, с потолка не капало. А вот шаги. Они снова были.

Наутро мы пошли в огород, посмотреть на свои десять заросших соток. Красота! Как жаль уезжать! И земля отдохнувшая, можно что-то вырастить. Муж с тоской посмотрел на меня:

– Ну что, зря покупали? Посмотри, как тут хорошо! А земля какая! А лес с грибами, а речка с рыбалкой. Кстати, сегодня обещали Олегу с Ларисой по грибы пойти. Забыла?

Муж взял лопату.

– Ну-ка, попробую, сильно ли земля заросла.

Воткнул лопату в землю, перевернул, ещё, ещё. Муся подбежала к отцу.

– Папа, смотри! – наклонилась и, пошарив ручонками в коме земли, что-то вытащила.

– Ну-ка, ну-ка! Доча, это ж кольцо! Смотри, кажись, золото!

Я взяла находку в ладонь. Колечко блеснуло жёлтым металлом.

Вот это находка! Видать, кто-то из прошлых хозяев обронил, а мы нашли. Ну, доча, твоя находка, ты и забирай. Муся осторожно взяла колечко, посмотрела сквозь него на солнце.

– Нет, мама. Помнишь, что соседка сказала? Анфиса приходит, будто ищет что-то. А может, она ищет колечко, что ей жених подарил?

От такой догадки у меня аж мороз по коже пробежал.

– А что? Муся, может ты и права. Что же нам с ним делать?

– Так надо ей вернуть. Может, она успокоится и не будет больше приходить. Помнишь, тётя Нина сказала «неприкаянная душа». Пусть она будет прикаянная, а?

Я обняла дочурку.

– А вот мы сегодня пойдём за грибами, заберёмся на этот утёс и бросим Анфисе её колечко.

В общем, мы так и сделали. А главное – Анфиса и в самом деле больше не появлялась и не пугала нас. Постепенно мы обустроили дом, сделали ремонт и приезжали туда с удовольствием ещё несколько лет. Но потом всё же продали одному охотнику. Даже не продали, а просто поменяли на дефицитную по тем временам вещь – японский видеомагнитофон и в придачу к нему богатство – целый мешок сахара! Сейчас даже смешно об этом говорить, но такие были времена! Вот такая была история, хотите верьте – хотите нет!

The End

1.

ПЕРЕДО мной не было абсолютно ничего. Только огромная плоскость цвета молока. Эта плоскость отражала все: стол, стул, диван, вещи, другие плоскости и, конечно же, кота, что дрых прямо на полу. Так же она отражала меня, целиком и полностью. Я вглядывался во все это, вглядывался в себя, лежащего на диване так долго, что со временем перестал понимать, на кого я смотрю. Даже начало казаться, что это он смотрит на меня из того белого измерения, в котором он заточен. Его измерение до чёртиков было похоже на моё, и сам он был похож на меня.

Но все-таки это был не я.

Я лежал на диване и смотрел в потолок уже добрых два часа. Приглушённый свет лампы создавал уютную атмосферу, но мне было все равно. В наушниках громыхали «The Doors». Раньше я не понимал их песен, они казались мне скучными. Но потом я как-то вслушался и в корне изменил своё мнение. Словно мальчик в глухом лесу, услышавший космос, познавший его глубину, я мог целый день ничего не делать, лишь слушать The Doors. Я слушал их утром, пока чистил зубы, за завтраком, в обед и на ужин. Я даже мог уснуть в наушниках под громыхание ударных или гитарное соло. И сильнее всего мне запала композиция The End. Она с первых аккордов, с первых строк проникала прямо в душу, открывала там новые глубины, погружаясь в них все дальше и дальше с каждым новым прослушиванием. И хоть она идёт почти двенадцать минут, течение времени на этот период словно замирало...

Но почему я вдруг начал слушать музыку, которая казалась мне неинтересной, почему начал ходить в места, которые прежде казались жуткими и пугающими? Почему моя память начала подводить меня, и я стал таким рассеянным? Почему меня мучает бессонница, а во мраке я различаю разные сущности и совсем не вижу людей?

Возможно, наступил тот самый The End…

Казалось, что моё тело размякло, превратившись в жижу, и диван вот-вот впитает, проглотит меня. Я медленно приподнялся и сел, упёршись руками в колени. Глаза болели, а движения были заторможенными. Похоже, слишком долго я пролежал совсем не двигаясь. Кот тоже поднялся и уставился на меня своими жёлтыми сверлящими глазами.

Глубокий вдох. Я поднялся. Эти четыре стены, будучи моим домом и душевной тюрьмой, все-таки осточертели мне. Пришла пора прогуляться. Начав одеваться, я заметил, что мои движения стали уже более уверенными, словно я оттачивал этот ритуал сотню раз. Запрыгнув в джинсы и накинув ветровку, я заглянул в зеркало. Передо мной оказался молодой человек уж больно похожий на меня. Лицо его было словно деревянное, сам он – неряшливый, непричёсанный, с рассеянным взглядом. Интересно, что подумали первые люди, увидевшие своё отражение в воде… Испугались ли они? Обрадовались и рассмеялись? Или же начали в ярости лупить водную гладь?

Черт его знает.

Собравшись, я положил коту поесть. Утренние думы ещё какое-то время толпились в голове, но хлопнув дверью, я вышел на улицу, оставив их позади.

2.

В ГЛАЗА ударил яркий свет. Улицу до краёв заполнял свежий воздух, которого для меня оказалось слишком много. Я сделал глубокий вдох и у меня закружилась голова. Постояв немного и придя в себя, я пошагал вдоль дворов, куда глаза глядят. Вокруг стоял туман – в самый раз, чтобы рассмотреть дорогу и одновременно скрыться от всех проблем. Солнце поднялось из-за горизонта и щекотало затылок.

Все-таки, в моей затяжной бессоннице есть и плюсы. Ты начинаешь видеть мир с другой стороны, чаще бодрствуешь ночью, а утренние прогулки помогают прочистить голову, разогнать в ней все тучи и, что самое важное, нагнать сон. Порой, двигаясь по улице, мне казалось, что я плыву в жидком масле. Тело не ощущалось, ноги остались где-то дома и вот я плыву не знаю куда...

Но во всем этом также есть и минусы. До того, как голова полностью очистится, а лёгкие до отказа наполнятся свежим воздухом, мне видится всякое. Различные сущности, тени, отражения и блики встречаются на моем пути. Постоянно кажется, что кто-то наблюдает за мной с крыш. Вот некто в шляпе, с чемоданом и неприлично длинными руками проскользил по другой стороне улицы и скрылся. Вот вдали стая чёрных волков следит за мной, скалится, в их пастях белыми пузырями надувается пена, но я делаю несколько шагов – и они превращаются в кусты. Вот рядом со мной прошёл то ли человек, то ли какое-то иное существо, настолько высокое, что видно было только ноги. А сколько я вижу боковым зрением! Но стоит мне лишь кинуть прямой взгляд, как тут же все пропадает за углом, в кусты или уходит в землю. В такие моменты, я вздрагиваю и обращаю взгляд к небу, такому чистому и свободному от всего. Если мы после смерти действительно отправляемся на небеса, так высоко и так далеко, то я был бы не против. И я надеюсь, что с небес землю не разглядеть.

3.

Я ОПУСТИЛ голову и удивлённо оглянулся. Не помню, чтобы шёл сюда... Сначала даже не узнал где я, но очень скоро все стало ясно. Странно, что я дошёл сюда интуитивно. Улица, что раскинулась передо мной, была заброшена уже бог знает сколько лет. Покосившиеся, иссохшие деревянные бараки высились вдоль дороги, как надгробья. Их было так много, что улица казалась бесконечной. Бесконечно пустой и жуткой. И ведь никто не снесёт эти почерневшие памятники прошлого, хотя они занимают столько места, привлекают внимание бездомных бродяг и любопытных детей. Похоже, здесь должно случится что-то поистине ужасное, чтобы это место быстренько сровняли с землёй.

В какой-то момент я интуитивно остановился: мой взгляд споткнулся обо что-то необычное. Повернув голову, я увидел дом, который чем-то отличался от остальных. Со стороны он казался таким же заброшенным, как остальные, но при этом хорошо сохранился. Убрать вьюны, что уже покрыли стены, очистить дворик, подмести крыльцо, и вполне можно жить. Только все равно в нем было что-то странное. Как-то он выбивался из общей картины запустения, миражом обосновавшись на этой улице. Ребёнок внутри меня проснулся, и я захотел зайти в дом. Оглянувшись, я какое-то время пытался разглядеть что-то в тумане, ползущем по улице – ведь он стал значительно гуще, хотя должен был, напротив, рассеиваться... В этом тумане пространство казалось таким искажённым, словно это дом приближался ко мне, а не наоборот.

Я поднялся на крыльцо под громкий скрип дерева. Дверь оказалась значительно выше обычного человеческого роста, а дверная ручка была почти перед моим лицом. Белый цвет покраски выглядел свежим, а в верхней части двери было что-то вроде окошечка из разноцветного стекла. Сначала я хотел просто открыть дверь, но, не удержавшись, нажал на кнопку звонка.

Плавная мелодия глухо раздалась за дверью. Странно, я вдруг испугался, мне показалось все это безумно глупым и даже опасным, но затем я осознал всю абсурдность ситуации и улыбнулся.

Я отворил дверь и вошёл.

4.

СКРИП двери показался неестественно громким. Я на миг замер, втянув голову в плечи, словно мальчишка, совершивший проступок. Но это длилось только миг. Я глубоко вздохнул. В доме не было никого. Ни единой живой души.

Казалось, дом был брошено сто лет назад. Вся мебель, что ещё уцелела, выглядела очень древней, словно из другой эпохи, но в то же время казалась такой привычной. В последнее время я полюбил экспедиции в то или иное заброшенное здание. Везде мебель либо ужасно сохранилась, либо её не было вовсе. Здесь же, она так и осталась на месте, словно люди, жившие здесь, исчезли в один момент. Конечно, время не могло обойти стороной даже такие искусно сделанные табуреты, столы, диваны и кресла. Некоторые выглядели так, словно ждали лишь касания, чтобы все превратилось в прах… Я продолжал экскурсию по заброшенному дому, не уставая удивляться, насколько он большой.

В воздухе стоял сырой, но удивительно приятный древесный запах. Странный туман снаружи словно пробрался внутрь и окрасился все в приятные приглушённо-тёплые оттенки. Стены, наверно, сохранились лучше всего, но вот скрипучий пол и провисающий потолок с многочисленными просветами внушали тревогу. Так или иначе, все замеченные мной детали создавали чарующую атмосферу застывшего времени.

Проходя из комнаты в комнату, для стороннего наблюдателя я, скорее всего, показался бы скользящим призраком, но я не мог удержаться на месте: каждая комната рассказывала свою историю. Вот открывается очередная дверь, и я оказываюсь в комнате с большим столом. Аккуратная и компактная мебель. На стенах какие-то грамоты в рамках. На столе ворох бумаг, а под столом… сейф! Тяну ручку – закрыто… Скорее всего, это кабинет кого-то из хозяев. Дальше идёт спальня. Обстановка тут такая, что мне как-то неловко находиться – как будто я здесь совсем не к месту. Следом – совсем узкая комната, напоминающая кладовую, а за ней – большая комната с обеденным столом, кухонной утварью, ящиками с кастрюлями, тарелками и прочими атрибутами столовой. Стулья были отодвинуты от обеденного стола, полностью сервированного, словно кто-то вот-вот должен был подать обед.

Переходя из комнаты в комнату, я порой слышал позади странные звуки. Я не придал этому значения, скорее всего по дому вслед за мной гулял сквозняк.

Проведя в доме добрые полтора часа, я осознал, что наведался во все комнаты, заглянул в каждый шкаф и потрогал каждую дверную ручку. Мной не владела тяга к мародёрству или чему-то в этом роде, нет. Я просто погрузился в атмосферу остановленного времени, смакуя ощущение открытия чего-то затерянного. Передо мной была открыта вся жизнь хозяев дома, вот она, прямо на ладони. Вот здесь жили дети, а здесь их родители, здесь они обедали, а здесь спали. И в один самый обыкновенный день все странным образом остановилось. Застыло во времени, постепенно ветшая изнутри и зарастая снаружи.

Пора было уходить. Я пошёл к выходу, кидая взгляды на уже исследованные места, словно гордясь, что теперь здесь снова ступала нога человека. И это была моя нога. Подойдя к входной двери, я развернулся бросить последний взгляд на этот застывший мирок. Чувство чего-то завершённого заполнило меня до краёв...

И тут же отступило.

Я вдруг заметил вдали, в большой гостиной, некий просвет. Словно там было ещё что-то, чего я не заметил сразу. Я открыл было дверь, но что-то остановило меня. Глаза заболели от обилия дневного света, и я обернулся вновь. Этот просвет

манил меня, заставлял думать о нем, как о последней частичке пазла, который я должен собрать. И я двинулся к нему.

Пройдя гостиную, и не обращая внимания на уже знакомый интерьер, я добрался до источника света и заглянул за угол. Предо мной оказалась дверь, которая идеально сохранилась. Казалось, что её установили только что. В стене слева от неё была широкая трещина, из-за чего проход освещала косая полоса дневного света. Выглядело это все довольно мистично, и суеверный человек, пожалуй, решил бы, что это знак божий. Но какой – хороший или плохой? Направляющий, или предупреждающий? Суеверный человек долго бы думал, поддаться ли искушению или уйти.

Я же не был суеверным человеком. Дверь легко поддалась и, открыв её, я заплыл внутрь.

5.

ПОМЕЩЕНИЕ было значительно меньше, чем любое в доме, но сохранилось, на удивление, потрясающе. Синий махровый ковёр устилал всю комнату, а большой стол, усеянный бумагами и ручками, монументально расположился в центре. За ним находились стеллажи с книгами. Сотни книг давили на полки так, что те прогибались. Справа от стола был небольшой диван с тумбочкой и ночником для чтения. Над диваном висели красочные постеры с супергероями. Вся же левая сторона комнаты у окна была усеяна игрушками, машинками, человечками, фигурками Лего. Небольшой велосипед грациозно припарковался у стенки. Стены были синего света с россыпью жёлтых звёзд. Похоже, что здесь была комната сына семейства. Мальчик здесь проводил много времени, играл, рисовал за столом, что-то писал и временами читал на диване допоздна.

Все здесь выглядело уютно и до боли знакомо. Я не понимал, откуда возникло это чувство. Словно, я уже когда-то был здесь. Когда?..

Внезапно, как из засады, на меня напал жар. В висках застучало, пробрал озноб, а веки налились свинцом – словно через моё тело прошла некая энергия, отчего стало так нехорошо. Захотелось резко сбежать отсюда... Или же разгромить здесь все… Сломать стол, порвать диван, обрушить книги, растоптать все игрушки, а велосипед выкинуть в окно. Но как резко эта напасть настигла меня, так же резко она и отступила.

Мне не хотелось задерживаться здесь больше ни на минуту. Во мне ещё жила навязчивая мысль покопаться во всех этих книгах, разобрать каждую полку, осмотреть каждый лист на столе, но нет. Я развернулся к двери и потянулся к ручке.

– Куда-то собрался, парень?

И тут снова все тело онемело, а голова, казалось, сейчас лопнет.

6.

Я НЕ МОГ поверить в то, что услышал. Это был голос, не похожий ни на что.

– Ну, долго ещё будешь стоять, как вкопанный?

Преодолевая смертельный страх, я начал оборачиваться. Именно начал: моё тело словно увязло в смоле, и казалось, что я оборачиваюсь уже целую вечность, но как только я повернулся – меня слегка отпустило. В комнате никого не было.

– Показалось, – выдохнул я.

– А может все-таки послышалось?

По телу вновь пробежал холодок. Глаза забегали по комнатке, но здесь не было абсолютно никого.

– Кто ты?

– Ох, это зависит от Тебя. Зависит от того, кем Ты хочешь, чтобы Я был для Тебя.

– Чего… Где ты?

– Я прямо перед тобой, вглядись внимательнее и, может быть, ты, наконец, заметишь меня.

Я снова начал осматривать комнату. Вот диван, тумбочка и лампа. Супергерои с постеров мёртвым взглядом вперились в пространство. Все игрушки в углу были лишь игрушками, мёртвым пластиком. Вот большой стол из хорошего дерева,

стул, а прямо за ним стеллажи с бесчисленными томами, а вот прямо по центру стены в окружении книг весит деревянная маска…

Стоп, что?

Я прищурился.

На стене действительно висела африканская маска, которую я раньше совсем не замечал: круглое лицо, глаза щёлочки, толстый, прямой рот, квадратный нос и щеки в форме завитков. Из головы во все стороны торчали деревянные перья. Искусно сделанная маска из тёмного дерева вглядывалась в меня с той стороны комнаты.

– Кажется ... я увидел. – неуверенно произнёс я в пустоту.

– И кто же я?

Я некоторое время подумал, а затем выдал:

– Ты Бог?

Нечто с той стороны разразилось громким хриплым смехом, отчего мне стало не по себе.

– Что же, вполне может быть.

Тело начало понемногу возвращаться под моё управление. Я тихонько нащупал рукой дверь позади, подбираясь к ручке.

– Интересно, почему же ты разглядел меня именно в этой маске, а не, скажем, в столе или в диване?

– Не думаю, что боги прячутся в диванах.

– А с чего ты взял, что я прячусь?

Я шоркал рукой по двери в надежде, что мне все это мерещится.

– Зачем ты пришёл сюда, парень?

– Я просто проходил мимо.

– Просто проходил мимо… – повторил Бог, копируя мою интонацию. – Ты говоришь так спокойно о таких вещах, как... Эй, что ты там делаешь?

Я, наконец, нащупал ручку, прокрутил её и, зажмурившись, спиной вывалился из комнаты, тут же захлопнув дверь. Прижавшись к ней спиной, я перевёл дыхание и пару секунд стоял так неподвижно. Когда успокоился, то открыл глаза и застыл.

– Ты куда-то... собрался, парень?

Передо мной была та же самая комната, то же кресло, тот же стол и стеллажи. И все та же деревянная маска.

7.

– КАК ТАКОЕ может быть?

– В этом месте творились поистине удивительные вещи. И не удивительно, что они происходят и сейчас, пока ты здесь.

– Чего вы хотите от меня?

– Кажется, я первым задал вопрос.

– Кажется, я на него уже ответил.

Бог на мгновение замолчал, то ли поразившись моей дерзости, то ли обдумывая своё следующее слово.

– Если ты думаешь, что твой ответ удовлетворил меня, то ты ошибаешься. Я огорчён. – Бог говорил медленно, смакуя каждое слово. – И скорее всего, тебе известно, что не стоит огорчать богов.

– Так, ладно… Все это выглядит, как сон. Скорее всего, я сплю и вижу странный сон, в котором я разговариваю с тобой. – Вдруг, шуршание на столе отвлекло меня. Что-то барахталось под бумагами. Что-то очень маленькое. И тут оно блеснуло и, пролетев со свистом, впилось мне в руку. Я вскрикнул от боли и схватился за порезанную кисть. Это что-то упало на пол, и я резко придавил это ногой. Оказалось, что одна из ручек поднялась со стола и научилась летать.

– Тебе больно? Как видишь, это не сон. А теперь, расскажи, что ты знаешь о Богах?

Я уставился на маску, растирая кисть и не понимая, чего этот мёртвый кусок дерева добивается от меня.

– Боги могущественны.

– Так, хорошо.

– Они живут долго и люди поклоняются им. – Я продолжал вести диалог, параллельно осматривая комнату. Моё внимание привлекло окно. Сейчас за ним было бледно-голубое небо и туманное отражение комнаты. Мне хотелось броситься в окно, однако, я вовремя подумал, что, скорее всего, снова окажусь в этой же комнате.

– Зачем же люди покланяются богам?

– Так они надеются получить от них благодать, попросить прощения за свои грехи, чтобы им на душе стало спокойней. – Я начал ходить по комнате. Подошёл к стене, с постерами и взглянул не парящего героя в плаще. – Некоторым становится спокойнее даже от мысли, что над их головами есть нечто столь могущественное и непостижимое.

– А ещё Боги любят игры, ведь так? Особенно они любят играть с людьми, ведь только эти ставки по-настоящему высоки.

Я снова взглянул на маску, и мне вдруг показалось, что она источает странный тусклый свет. Он притягивал меня своей таинственностью, и, не осознавая того, я начал приближаться к нему.

– И поэтому, я предлагаю сыграть в игру. Но будь осторожен, ведь ставка, как никогда, велика.

– И что же на кону?

Хоть маска никак не изменилась, я готов был поклясться, что в данную секунду Бог улыбается.

– Ты, конечно же, понял, что просто так я тебя не отпущу.

Я проглотил очередной прилив переживания.

– Знаешь, это не совсем игра, а скорее пари. Но ты должен проявить своё творческое начало, чтобы выиграть. Если здесь вообще можно выиграть, конечно.

– Боги всегда говорят загадками?

– Не знаю. Не встречал ни одного. Это уж ты мне скажи.

Хриплый смешок пролетел по комнате.

– Что мне нужно делать?

– О, все очень просто. Взгляни на стол.

Я повернулся к уже несколько раз изученному мной столу и опять не поверил своим глазам. На нем не было ничего, кроме книги и ручки. Книга была средних размеров, с пустой, белой обложкой и черным корешком.

– Это... книга.

– Совершенно точно! Но что-то с ней не то. Что же?

Я подошёл вплотную к столу. Книга выглядела совсем неплохо. Твёрдая обложка, хороший переплёт, белые страницы. Я открыл её и…

– Здесь нет ни названия, ни автора, ни текста. Здесь нет ничего.

– В точку. Но я бы сказал так: пока что нет. И поэтому вот что я тебе предлагаю. Я хочу, чтобы ты сел и написал книгу. Сюжет – не важен, объем тоже, книга всегда подстраивается под желаемое количество страниц. Важно лишь то, что ты хочешь на этих страницах изложить…

– Подожди… написать книгу?

– Да, делов-то!

– Но я до этого никогда...

– И вот, наконец-то, представилась возможность. Говорят, что люди в стрессовых ситуациях способны на невероятные вещи.

И тут я вспомнил про ставки.

– Хорошо, и что будет, если я напишу книгу?

– Тогда я тебя отпущу, и ты со спокойной душой пойдёшь дальше. Пройдёшь мимо ещё парочки домов, вернёшься домой, может, даже, сможешь уснуть. Это будет моя тебе благодать, так что считай, что книга – это твоя молитва.

Я обдумывал услышанное некоторое время, а затем задал вопрос, на который мне совсем не хотелось знать ответ:

– Что будет, если я откажусь или не смогу написать книгу?

Наступила тишина, которая, казалось, продлилась целую вечность.

– Тогда я тебя не отпущу.

8.

Я СТОЯЛ, окутанный сюрреализмом всей ситуации. Потихоньку голова начала подводить меня. Я уже забыл, что я здесь делаю, как сюда попал и вообще где это я. Все выглядело так знакомо: этот диван, на котором я мог сидеть часами за чтением книг, все эти игрушки, расставленные в очередном сюжете на полу, этот стол, на котором я постоянно что-то рисовал. Стеллаж величиной со стену совсем не навевал тревогу, а

наоборот, очаровывал своими знаниями, своими скрытыми сюжетами, которые получаешь, стоит лишь протянуть руку.

И эта маска.

Эта зловещая деревянная маска, чьи глаза блестят, а губы кривятся. И вот уже сгнивший и облезлый диван, вот уже стол весь обшарпан, его края зазубрились и обломались. Игрушек нет и в помине, все стёрты в порошок. А вот и стеллаж, который теперь казался неуместно громоздким, до краёв забитым одинаковыми книгами с белой обложкой и черным корешком. И вот эта маска. Все так же цела и все так же зловеща.

– Зачем тебе это нужно? – выдавил я из себя.

– Я тебе уже говорил, парень. Боги любят игры. А ещё Боги любят истории, рассказанные людьми. Ваши желания порочны, а пути ложны. Вы смотрите в небо, так высоко задрав голову, что перестаёте замечать, что творится на земле. Вы бесконечно задаёте вопросы, но сами боитесь отвечать.

– Я что-то сделал не так? – из моих глаз потекли слезы. – Чего ты от меня хочешь?

– Ах да, а ещё люди эгоцентричны! – Бог начал кричать на меня скрипучим, как половицы, деревянным голосом. – Они думают только о себе! Думают о себе, когда едят, спят, даже когда молятся! Все о себе и о себе!

– За что небеса так со мной? – я начал захлёбываться слезами. – Чего ты от меня хочешь?

– С чего ты вообще взял, что боги живут на небесах!? Чего бы им не жить под землёй, на земле, да даже в вас, людях? Они ведь вездесущи и всемогущи. Вы породили богов. Выстругали их из дерева собственными руками!

– Чего ты от меня хочешь?

– Я хочу лишь понимания, дорогая! Хочу, чтобы ты, наконец, занялась детьми!

– Не кричи на меня! Ты пьян!

– Твои дети – это твоя жизнь! Как же ты не понимаешь!?

Я сидел в своей комнате и маленькими ладошками пытался заткнуть свои уши, но у меня ничего не получалось. Я смотрел на свою дверь, пытаясь укрепить её взглядом. Повесить сотню замков и цепей, лишь бы огородить себя от всего, что происходило по ту сторону.

– Не кричи! Успокойся, пожалуйста.

– А как ещё с тобой говорить, если ты, черт побери, не слышишь меня? Моя жизнь ничего не стоит!

– Твоя жизнь сейчас за этой дверью! И ему страшно…

– Не стоит и ломанного гроша…

– Он не хочет слышать всего этого, он хочет лишь быть со своими мамой и папой!

Все вокруг начало рушиться. Стол шумно рассыпался, стекла взорвались и все вещи, наполняющие комнату, начали вылетать на улицу. Солнце начало просвечивать через потолок, словно сквозь решето. Диван, на котором я сидел, начало трясти, пружины взвизгнули, обшивка лопнула.

– Он хочет ложиться спать ничего не боясь, выключив ночник!

– Тогда скажи, чего ты от меня хочешь?

– Я хочу лишь услышать, зачем ты здесь, парень.

Резко распахнув глаза, я снова оказался в той комнате. Целой и невредимой.

– Я …

– Возможно, написав книгу, ты, наконец, ответишь на мой вопрос.

Взглянув на книгу, я почувствовал лёгкую дрожь. Меня всегда пугал белый лист. Как начало чего-то нового, он навевал только тревогу. Если не напишу книгу, он не отпустит меня? Что же, я здесь до скончания веков буду сидеть на диване и болтать с Богом? За эту улицу не возьмутся даже после конца света, поэтому, возможно, что я застряну здесь навсегда. Интересно, как идёт время там, снаружи этой проклятой комнаты? И вообще, нуждается ли мой организм сейчас в еде, воде и сне? Все эти вопросы я хотел задать богу, но что-то вдруг подтолкнуло меня, и вот я уже сидел за столом и не видел ничего, кроме книги.

9.

О ЧЁМ написать книгу?

Вдруг, я услышал какие-то звуки за дверью. Это был гитарный риф, который глухо разбавился барабанами. Затем последовали аккорды, которые я узнал бы из тысячи. Это стартует The End, стартует где-то из глубины дома. Так тихо, что кажется – до проигрывателя километров сто. Но вот Джимми Моррисон начинает петь, и я слышу его так чётко и осознанно, как никогда прежде. Он поёт о конце, о том, что всем его планам, всему, что имело для него значение, наступил конец. Я взял со стола ручку и начал щёлкать колпачком в ритм песни.

Ещё какое-то время я сидел и думал, о чем бы написать книгу, какой бы мир создать, какими персонажами его насытить. Раздумывая о прошлом и будущем я вдруг подумал: «Эй, а что не так с настоящим?»

И действительно. Описать то, что сейчас со мной происходит, показалось проще, чем описывать миры будущего, миры меча и магии или придумывать исторический сюжет. То, в какую переделку я попал, что чувствовал до этого и что происходит со мной сейчас представилось яснго, как на ладони, нужно лишь схлопнуть ладоши и поймать все это.

И вот я сижу в комнате наедине с Богом и описываю все, что Вы уже прочитали. О том, как я вышел из дома и как слонялся в одиночестве по городу. Пишу про заброшенную улицу и про тот самый дом. Пишу про то, что когда-то здесь жила семья. Пишу про интерьер, про истории, что застыли в этом доме уже навсегда. Пишу про встречу с Богом.

Я не знаю, чем закончится вся эта история. Вот поставлю я точку, придвину рукопись ближе к Богу, сдавшись с потрохами, а что дальше? Прочитает ли он её? Поместится ли моя книга на стеллаж к остальным? Что скажет Бог? Понравится ему то, что я наваял, или же он рассердится на меня?

Дальше я пишу про своих родителей…

Джимми Моррисон поёт о том, что убийца встал засветло.

Он надел свои ботинки, взял себе лицо из древней галереи, и пошёл по коридору…

Так много боли. Так много боли свалилось на мои крохотные детские ручки. Слишком много боли для одного маленького человечка. Эта вечная ругань за стеной, этот звук битого стекла. В мою дверь стучат со всех сил, я слышу крики и не понимаю, кричат на меня или в пустое пространство. Я хочу лишь забыть все это, хочу лишь прогнать все это, но никак не могу.

Он зашёл в комнату, где жила его сестра… затем

Зашёл к своему брату… затем

Пошёл дальше по коридору.

Парящий на постере человек в плаще протягивает мне руку. Я смотрю на него с надеждой, я хочу просить его о помощи, но не могу промолвить ни слова. Мои глаза бегают по комнате в надежде на спасение. Наконец, мои детские глазки натыкаются на деревянную маску, что всегда так пугала меня, но я боялся признаться в этом своей маме. Сейчас она кажется мне спасением. Она светится и блестит. Она успокаивает меня. Называет меня по имени. Говорит, что я должен посмотреть своим страхам в лицо, а не прятаться за замками и цепями. Ведь ты здесь как раз за этим. Именно поэтому ты снова вернулся домой. Ты хочешь прогнать все это, оставить на книжных страницах, захлопнуть книгу и убрать как можно выше не стеллаж.

И подошёл к двери… заглянул внутрь…

Папа?..

Я вскочил с дивана, который тут же развалился и превратился в горстку праха. Я подбежал к двери и начал срывать цепи. Железные кольца, весившие десятки килограммов, с грохотом падали на пол. И вот я распахнул дверь.

За ней не было абсолютно ничего. Вся боль, наконец, прошла, оставшись лишь воспоминанием, которое тоже скоро исчезнет. Обернувшись, я увидел, как кто-то сидит за моим столом и что-то лихорадочно пишет. Маска, висевшая над ним,

светилась как никогда прежде. Я смахнул слезы с глаз и ушёл, оставив дверь открытой.

Вот The Doors доигрывает последние такты своей песни, Джимми Моррисон уходит в шаманизм, все звуки смешиваются, барабан подражает стуку сердца, а струны гитары калёным железом тянуться прямо в душу. Отпустит ли он меня домой? Да и есть ли у меня вообще дом? Джимми Моррисон поёт, Джимми Моррисон поёт.

Он поёт о том, что ему больно отпускать меня.

Что я никогда не последую за ним.

Что наступает конец смеху и сладкой лжи.

Что наступает конец ночам, когда мы пытались умереть.

Ночник потух.

10.

Я СИДЕЛ за столом с книгой в руках. В голове было мутно, а глаза не могли сфокусироваться на тексте. Я даже не мог разглядеть обложку. Зажмурил веки до предела, но лучше не стало. Похоже, читая эту книгу, я задремал. Нужно встать и размяться.

Я встал со стула, чувствуя тяжесть и усталость, словно просидел тут черт знает сколько времени. Взяв книгу в руки, я захлопнул её и втиснул в строй других на стеллаже. Выпрямившись, я, кажется, прохрустел всеми суставами, что у меня были. Не помешает прогуляться. Я быстренько оделся, и вдруг обернулся.

Маска, что висела на стене, забавляла меня. Всегда казалось, что она вот-вот заговорит, но её деревянный плен, похоже, был все ещё сильнее. Вглядываясь в маску, я подловил себя на мысли: «А ведь африканцы делали их по подобию человека». Интересно, что думали чужие им люди, видевшие эти маски. Пугались ли они? Радовались или смеялись? Или же начали в ярости бить по ним, превращая в щепки?

Черт его знает.

Собравшись, я наложил коту поесть. Утренние думы ещё какое-то время толпились в моей голове, но хлопнув дверью, я вышел на улицу, оставив все позади.

«Иногда боль слишком тяжело испытывать или даже вынести. Это не делает её злом, тем не менее, она опасна. Но люди боятся смерти даже больше, чем боли. Странно, что они боятся смерти. Жизнь ранит гораздо больше, чем смерть. В момент смерти боли конец. Да, я полагаю, что она – друг...» Джимми Моррисон. 1969 г.

This is The End.

Александра Культикова

Дом с видом на дорогу

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

– АЛЛО! Это Агентство по борьбе со зловредными духами? – раздался голос в трубке.

– Да, вы обратились по адресу. Чем я могу помочь?

– Это строительная фирма, – голос произнёс название. – Нам поступил заказ на строительство нового санатория. Хорошее место вблизи города, но… там стоит заброшенный дом.

– Наверное, его нужно снести, – глубокомысленно предположил я. Мне уже было понятна причина звонка, но иногда приятно поиграть в недотёпу.

– Вот именно, – голос был серьёзен. – Но ходят слухи, что в этом доме обитает приведение. Мы уже несколько раз пытались снести этот проклятый дом, но каждый раз нам что-то мешает: то машины заглохнут на подъезде, то начнётся такой сильный ливень, что приходится все работы прекращать. В общем, мы хотели бы… чтобы вы… в общем, разобрались с этой проблемой.

Я задал несколько вопросов, помогающих определить, не является ли звонок розыгрышем – увы, и такое случалось. Заодно прояснил некоторые детали.

– Ваш случай довольно интересный. Я помогу. Вам же не сложно скинуть местоположение этого дома мне на почту?

– Да-да, без проблем. А…

– А размер гонорара обсудим на месте. Он будет зависеть от реальных размеров вашей «проблемы». До свиданья!

– До свиданья…

Я сбросил вызов и вздохнул. По-видимому, мне предстояла тяжёлая работёнка. Ведь в основном я работал в домах и квартирах с современными призраками, а там наверняка будет поджидать старый матёрый дух.

«И что этим духам не живётся спокойно? Нельзя, что ли, другой дом найти и жить там. Или в том, что построят после? Вот им всегда нужен именно тот самый старый прогнивший дом, который вот-вот развалится», – ворчал я, готовясь к предстоящей поездке.

Итак, я – Дмитрий, мне 27 лет и я охотник за приведениями. Как бы это глупо не звучало, но так оно и есть. Вы скажите, что призраков не существует, а фирмы, которые представляют услуги по изгнанию призраков, всего лишь нужны, чтобы наживаться на суеверных людях? Отчасти вы правы: многие организации такого рода так и делают, но только не я. На моем веку было уже немало случаев, которые подтвердили существование потусторонних сил.

Впервые я увидел приведение на кладбище, когда хоронили моего деда. Мне тогда было всего десять лет, дедушка стоял рядом со мной и смотрел, как гроб с его телом опускают в землю. С тех пор я поверил в существование призраков. Свою фирму я открыл, как только мне исполнилось 18 лет. Никто из близких и друзей не поддержал меня

в этом деле, поэтому работаю я один. Но так даже легче. Сам получил заказ, сам все сделал.

Пискнул звук уведомления на сотовом. В сообщении были указаны координаты злополучного дома. Повезло, что он оказался в моей области.

Утром, перепроверив весь свой инвентарь по нескольку раз, я отправился в дорогу, но прежде по привычке посмотрелся в зеркало. Там, как и всегда, стоял симпатичный молодой человек с карими глазами и каштановыми волосами.

Ехать мне пришлось от силы часа 3-4. Ехал я на своей машине. Нет, не думайте, что она была, как в американских фильмах: классический «Cadillac», англоязычные надписи, куча барахла на верхнем багажнике, перечёркнутые приведения на бортах и тому подобное. Нет, у меня был обычный «Chevrolet» темно-синего цвета. Не новый, но и на запчасти не рассыпающийся. В общем, самый обычный автомобиль.

Глава вторая

ПОДЪЕХАВ к нужному месту, я сразу понял, почему именно эта местность понравилась заказчику строительной фирмы. Живописные пейзажи были повсюду: залитая ярким светом опушка, которую широкой дугой охватывал лес; высокие вековые ели, казалось, упирались в небо своими тонкими верхушками. Опушка растворялась в холмистых, пёстрых от цветов полях, тянувшихся до самого горизонта. А воздух! Какой же он был свежий и чистый! И над всем этим – голубое ясное небо – не небо, а загляденье какое-то. Самое место для санатория. Но всю «малину» портил старый дом. Почти сгнивший, полуразвалившийся, никому не нужный он высился посередине такого рая.

Когда-то тут было, видимо, неплохое поместье – знаете, такое типично-дворянское, словно с фотографий учебника истории. Остатки изгороди охватывали обширный участок вокруг дома, в стороне виднелись заросшие развалины каких-то подсобных строений.

Я вылез из машины, продолжая рассматривать дом. У меня сразу же возникло ощущение, что он вот-вот развалится на множество маленьких дощечек, как домик поросёнка Нуф-Нуфа – стоит только дунуть. Но дом стоял – потемневшее от времени двухэтажное здание, мрачно глядящее провалами выбитых окон, поблёскивая остатками стекол… Полусгнившее крыльцо вело к главному входу, обрамлённому рядом потемневших колонн, щели по всему фасаду, почти развалившийся дымоход – все это создавало одновременно и пугающую и грустную картину. Наверняка в те времена, когда дом был ещё совсем новым, в нем было шумно, весело, всегда много народу. А теперь он стоял такой одинокий и заброшенный… На месте приведений я бы не стал оставаться в таком тоскливом месте…

Кстати, о привидениях… В стороне я увидел группу людей в спецовках и касках, окружившую человека в костюме. Рядом оранжевым слоном высился бульдозер, стояло несколько легковых автомобилей. Я обратил внимание, что и техника, и вагончики строителей находились за изгородью, словно боялись перейти границу владений.

«Наверное, тот, что в пиджаке – главный», – подумал я, направляясь к группе.

– Здравствуйте!

Люди молча расступилась, пропуская меня в центр. Подойдя к мужчине, я заметил, что он не молод – седые волосы почти полностью покрывали голову. Но морщин, к моему удивлению, было не так уж и много. Мужчина протянул мне руку:

– Здравствуйте. Дмитрий? – спросил он.

– Да, это я, – слегка улыбнувшись ответил я.

– Меня зовут Григорий Иванович. По телефону я уже успел объяснить задачу. Оплату получите сразу, как только мы разрушим дом. Надеюсь, вы понимаете меня. Но будьте крайне осторожны. На днях мы посылали двух сотрудников нашей компании составить отчёт о состоянии здания… - Григорий Иванович помолчал. – Конечно, я не очень верю во все это, но они не вернулись на работу. Дома их нет, телефоны не отвечают. Я был бы рад, если бы они загуляли и сейчас, как это

говорят, зависают в каком-нибудь баре… Но если они ТАМ? – он кивнул на дом.

– Хорошо, я вас понял. Постараюсь изловить приведение как можно скорее. Я же могу приступить к этому делу сейчас? – спросил я.

– Да-да, пренепременно, – торопливо ответил Григорий Иванович.

Я отправился к своей машине за всем необходимым, а за спиной слышался шепоток рабочих:

– Охотник за приведениями?

– Да видно же, что шарлатан...

– Никаких призраков не существует.

– Те двое наверняка где-нибудь бухают...

– А этот «охотник» сейчас пару часов в доме посидит, а потом деньги получит и все.

Услышав эти слова, я сразу же вспомнил своих родных и друзей. Вспомнил их насмешки надо мной – и сразу зачесались руки…

Подойдя к машине, я открыл багажник. Чего только у меня там не было: несколько бутылок со святой водой, свечи разных цветов, засушенные цветы и высушенные ветки, коробка с гвоздями, несколько складных ножей разных размеров и форм, мешочек с чёрной фасолью, ещё один с обычной поваренной солью крупного помола и многое другое.

Взяв с собой мешочек с солью, пару свечей, небольшую бутылку с водой и веточку можжевельника, я захлопнул багажник и закрыл машину – духов мой транспорт вряд ли мог бы заинтересовать, а вот людей…

Территория участка заросла высокой травой, но то ли трактор, то ли тот самый бульдозер проложили колею до самого дома. Подойдя к входной двери, я перекрестился, поцеловал крест и вошёл внутрь.

Глава третья

ПЕРВОЕ, что я увидел – это небольшую прихожую, ведущую в глубь дома. Стены были обшарпаны, вокруг – темно и пахло сыростью. Я прошёл по коридору, переступил через валявшийся стул, обошёл вешалку для верхней одежды. Из прихожей я вышел уже в сам дом. Снаружи дом казался небольшим, а вот внутри был не таким уж маленьким. Кругом царил полный разгром. Мебель была или разбита, или валялась на полу. Я прошёл дальше, а пол громко скрипел, хотя я и старался идти осторожно. Тут до моих ушей донёсся хлопок, вокруг сразу же потемнело.

«Это просто сквозняком закрыло дверь. Да и время для духов ещё не подходящее», – подумал я и тут посмотрел на часы. Они показывали 11:32.

По моей спине пробежали мурашки. Мало кто знает, что духи проявляют свою силу не только в определённые праздники, такие, как ночь перед Рождеством или день Ивана Купалы, не только на закате и рассвете, но ещё и в полдень.

«Нужно поскорее найти этого духа и сматываться отсюда...». Хоть это и не первый мой заказ, ощущение от дома было очень нехорошие… Едва я зашёл сюда, как почувствовал эту гнетущую обстановку, а сейчас она начала буквально меня давить.

Поэтому, я решил кропить святой водой все, что попадалось под руку. Пройдя ещё дальше, я оказался в коридоре, который вёл к лестнице наверх. Я пошёл туда, но по дороге увидел боковую дверь и решил открыть её. Я сразу же увидел печь, большой стол, шкафчики на стене. Не став задерживаться на кухне, я все-таки поднялся на второй этаж. Обстановка там была такая же, что и во всем доме. Гнетущая. Казалось, стены, пол и потолок давили, медленно и осторожно смыкаясь вокруг меня.

Внезапно за спиной скрипнула половица. Я резко обернулся. Половица скрипнула ещё раз. Ну вот, похоже, начинается… От греха подальше я достал из кармана зажигалку и поджёг веточку можжевельника. И ещё раз… Её запах должен был отпугнуть духа. Я замер, скрип прекратился. Облегчённо выдохнув, я пошёл дальше. В руке у меня была веточка, которая на время могла обезопасить.

Я прошёл ещё дальше, и передо мной снова

возникла дверь. Я осторожно её отворил и увидел небольшую комнату. В ней была старая кровать, тумбочка, большой шкаф, зеркало. Это я рассмотрел лишь благодаря тому, что в окно, что имелось в комнате, попадало немного солнечного света – сохранившиеся стекла были грязные и пыльные.

«Скорее всего, это была супружеская спальня», – подумал я, ведь кровать была большая, явно на двоих.

Выйдя в коридор, я заметил ещё одну дверь, наискосок от спальни. Здесь окна не было и, чтобы хоть что-то рассмотреть, я достал из кармана фонарик и попытался его включить.

– Черт, батарейки сели!

Сунув бесполезный фонарик в карман, я зажёг большую восковую свечу. Пламя свечи осветило комнату.

Она была гораздо меньше предыдущей. В ней стояло уже две кровати, поставленные по разным сторонам. С каждой стороны было по шкафу и туалетному столику.

Я продолжал бродить по дому в поисках чьих-нибудь останков. Ведь с помощью тела умершего легче изгнать духа. Но, к моему сожалению, а может и радости, никаких останков я не находил. Не попадалось и следов пропавших специалистов.

По дому я ходил где-то с час. Я обнаружил детскую комнату. Она была недалеко от двух других спален. В ней, кроме всего прочего, стояла детская колыбель. Так же я нашёл ещё несколько комнат на первом этаже – похоже, там жила обслуга. Обнаружился и второй выход – на задний двор. Эта дверь была заперта.

Уже собравшись изгонять духа без тела, что не очень действенно, я вдруг понял, что мои хождения ещё не закончены: проходя залу на первом этаже, я запнулся, как мне показалось об ковёр, но это было не так. Я загнул угол старого ковра, съеденного молью, и увидел квадратную дверцу с металлическим кольцом вместо ручки. Поддёв кольцо, я попытался открыть её, но у меня ничего не выходило. Дверь заело. Я дёрнул ещё раз, сильнее, и ещё. Наконец-то, дверца поддалась, мне в лицо пахнуло сыростью, холодом и гнилью.

Глава четвертая

От резкого сквозняка у меня задуло свечку, вернее, то, что от неё оставалось. Кроме обычных подвальных запахов снизу тянуло и серой. Ею попахивало во всем доме, но из подвала просто-таки несло. У меня догорела веточка можжевельника, поэтому я поджёг ещё одну, чтобы призрак даже не думал нападать на меня.

Я хотел было зажечь и новую свечу, но у меня оставалась всего одна. Я чувствовал, что не время мне её поджигать. Внезапно я вспомнил про фонарик на телефоне. Включив его, я убедился, что деревянная лестница, ведущая вниз, выглядит достаточно крепкой – и стал аккуратно спускаться...

Веточка всё так же была в моих руках. Чувствуя запах гнили, я осмотрелся по сторонам. Помещение, в котором я очутился, было довольно большое. Если в доме царили сумерки, то тут царствовала темнота: лишь мутная струйка света просачивалась сквозь маленькое грязное окошко на другом краю подвала. Пол в подвале был застелен сгнившей соломой.

Я посветил телефоном по сторонам. В подвал годами стаскивали всякий хлам и теперь у столбов фундамента стояли стопки из пыльных коробок, лежало какие-то тряпье, остатки садового инвентаря и прочее в том же духе. Двигаться по этому лаюиринту совсем не хотелось – но…

Внезапно люк в подвал резко захлопнулся. От неожиданности я едва не выронил веточку можжевельника и телефон. Чувствуя неприятный холодок по спине, я посветил фонариком вверх.

Это уже точно не сквозняк…

И тут в круге света на досках люка возникло… лицо. Покрытое морщинами, с седыми всклокоченными волосами и длинной бородой, с глазами, горящими пламенем и пристально смотрящими на меня. Оно начинало проходить сквозь дерево, как сквозь воду. Вот оно уже стало объемным… Вот показалась шея, плечи…

Путь к отступлению был отрезан и я, лихора-

дочно освещая себе дорогу, отбежал вглубь подвала. Там привычным движением вскрыл мешочек с солью и быстро рассыпал её вокруг себя, образовав круг. Теперь дух не мог меня достать, ведь призраки не могут переступить через неё.

Едва я это сделал, как увидел нечто белесое, быстро приближающееся ко мне. Фонарик выхватил из темноты фигуру в серых лохмотьях…

Все произошло стремительно, я даже не успел испугаться – хотя зрелище атакующего призрака весёлым не назовешь… Удар! И призрак, словно вонзился в невидимую кирпичную стену – тут же отлетел назад и очутился на полу, потирая ушибленный лоб.

«Фух, сработало», – подумал я и облегчённо выдохнул.

– Опять эта дрянная соль… – проскрипел призрак.

Он встал с пола и, потирая поясницу, подлетел ко мне.

– Ну, что, внучек, изгнать меня захотел? Ха-ха-ха… – он злобно засмеялся, а потом строго посмотрел на меня, – интересно, получится у тебя это или нет.

Вместо ответа я поднёс веточку можжевельника к самому краю «стены», отделявшей меня от противника.

Призрак тут же отпрянул, зажимая нос рукой.

– Кхе… убери эту гадость подальше, он неё такой невыносимый запах!

Его реакции я не мог не обрадоваться, ведь на короткое время у меня все-таки оставалась защита от него.

– Ты так и будешь молчать? – спросил дух.

Тут я понял, что могу попытаться изгнать его прямо сейчас. Он стоял довольно близко ко мне и пока не выражал никакой агрессии. Да, сейчас самое время. Взяв веточку можжевельника в правую руку, я начал водить ей по воздуху. Положив телефон на пол фонариком вверх, достал из кармана последнюю свечу и поджёг её, после чего начал водил её в направлении, противоположном, чем веточкой. Стараясь войти в нудное состояние, я закрыл глаза:

– Изыди, нечистый…

– Ба! Так ты не немой что ли? – перебил меня старик.

Я открыл глаза и осуждающе посмотрел на него, после чего продолжив свои манипуляции.

– Изыди, нечистый, из этого мира, я повелеваю тебе, покинь сей белый свет, избавь нас смертных от твоей грешной души в этом мире!..

Чётко и громко сказав последние слова, я махнул веточкой и свечей в сторону духа. Открывая глаза, я предполагал увидеть пустой подвал, но мои ожидания не оправдались. Я лишь увидел, что старик катался по полу и смеялся.

– Ха-ха-ха, меня ещё никто, ха-ха-ха, не изгонял, – продолжая и дальше смеяться, он вознёсся над полом, – но, если вы все такие, то это забавно. Насмешил ты меня. Хорошо, расскажу я тебе тогда свою историю.

– Историю? – переспросил я.

Но в голове у меня были совсем другие мысли: «Почему не подействовало заклинание? Почему он решил рассказать о чем-то? Ведь смех – это же не главная причина?»

– Да, я расскажу историю своей жизни… – загадочно начал рассказывать старик.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

– В ТЕ ДАВНИЕ ВРЕМЕНА я был так молод, во мне было столько сил. Я так много хотел узнать, сделать, и тут в моей жизни появилась она…

Лидия… Она была для меня идеалом. Белокурые вьющиеся волосы спадали на плечи, голубые, как небо, глаза так влюблено смотрели на меня. Белоснежная кожа мгновенно розовела от смуще-

ния, а её смех... Это был не смех, это были звонкие колокольчики, каждый из которых звучал в своей тональности, а воедино они составляли такую чарующую мелодию!.. Красивые аккуратные пальчики, украшенные рюшами платья... а походка? Было такое ощущение, что она не идёт, а парит над землёй!.. Да-с, молодой человек, она была ангелом воплоти. На неё заглядывались все парни, и даже некоторые женатые мужчины, но она выбрала меня. Родители её благословили нас.

Это была моя первая и последняя любовь. В то время я был так счастлив! Я поверить не мог, что она выбрала именно меня. Было так много претендентов. Я думал, что она и любит меня так же сильно, как я её, но… Так я ещё в жизни не ошибался. Хоть она была красивой и образованной, но принадлежала к семье среднего достатка. А я был знатных кровей. И как я сразу не догадался, что она полюбила меня только из-за моего состояния? А я, дурак, был так сильно погружён в свои чувства, что не замечал ничего и даже злорадствовал над своим лучшим другом, который так же был влюблён в Лидию.

Ладно, не буду я отдаляться от своей истории. Мы поженились, переехали в это поместье. Отец специально построил его для нас. этот дом… Он был тогда таким новым, свежим, сияющим чистотой... Как только мы сюда приехали, она припала к моей груди и сказала: «Ваня, представь, мы будем жить в этом доме, у нас будут дети, мы будем счастливы…».

Тогда я и, правда, в это верил. Через год после свадьбы у нас родилось две дочки. Мы их назвали Надя и Вера. Они были точь-в-точь, как их мать. Мы жили дружно и счастливо вместе. На праздники к нам приезжали родители с обеих сторон и Анатолий, друг мой. Он часто и подолгу гостил у нас. Анатолий был не так богат, как я, но привлекал многих девушек. Его светлые волосы и изумрудные глаза завораживали многих.

Прошло около десяти лет. У нас родился сын, мы назвали его Ильёй. Ему, наверное, был почти год, как я заметил, что глаза у него не голубые и не карие, а зелёные. В тот момент я очень сильно разозлился, пришёл в нашу с Лидой спальню… Руку на неё я поднять не смог, но как кричал... Я был в ярости! Я высказал ей все, что думал!.. В тот же день она молча собрала все свои вещи, погрузила их в бричку, а перед отъездом лишь сказала: «Каждый, кто зайдёт в этот проклятый дом, больше никогда из него не выйдет!». После этого она вместе с детьми уехала куда-то. Больше я их не видел…

Глава вторая

В ТОТ ЖЕ вечер я сильно запил. Пил, просто не переставая. И, я даже не знаю, как это произошло… Ко мне зашла служанка, Лизонька, и сказала: «Барин, может вам уже хватит?..» Ах, надо было её послушать, задуматься, но я был пьян, пьян в доску!.. Я кинул в неё бутылкой из-под вина: «Не указывай мне! От вас, баб, все беды! Всегда хотите, чтобы все было по вашей указке. Ну, уж нет, я не поддамся на это. Довольно!»

Лиза упала. Я захохотал: «Получила? Убирайся!». Но она лежала в странной позе, голову была как-то неестественно повёрнута набок. Я склонился над несчастной, легонько потряс девушку за плечи… Она была безвольна в моих руках… Попробовал приподнять – и почувствовал на своих ладонях что-то липкое… Поднёсся руки к свече, я увидел, что мои пальцы измазаны в крови. «Лиза, Лизонька…» – звал я её, но она молчала. Я прижал её к своей груди и понял, что она не дышит. Бутылка попала несчастной прямо в висок… Я не хотел её убивать, слышишь, не хотел!..

Она была ещё так молода. Красивое, почти детское личико уже побледнело. До этого алые губки её посинели. Душа покинула это красивое, хрупкое тело… Я начал думать, куда же её спрятать. Было далеко за полночь и прислуга уже спала. Поэтому я решил спрятать её в подвал. Раньше в нем было много припасов, поэтому спрятать тело не составило труда. Я сам убрал все следы

из своей комнаты, почистил одежду и лёг спать. Я так и не уснул. С тех пор у меня бессонница.

Я каждый раз вспоминаю её окровавленное тело, и мне становится жутко и страшно. Наутро у меня всего раз спросили о ней, я ответил, что не знаю. Больше о ней тогда и не спрашивали. После этого я слёг с сильным жаром, возможно, тогда была даже горячка, я смутно помню, что происходило в те дни…

Глава третья

А ПРОИСХОДИЛО много чего. Как оказалось, слова Лидии сбылись. Из дома и вправду никто не мог выйти. Деревянные двери стали словно каменные монолиты – они не открывались, а топоры и кувалды отскакивали от них, не оставляя даже царапин... Некоторые попытались выйти через окна. Таких было двое: почтмейстер, что приходил ко мне, он был моим другом, и сын одной из служанок. Оба смогли разбить окна, но почтмейстеру осколок прилетел прямо в шею, и он умер почти сразу. У второго даже получилось аккуратно разбить окно и не порезаться, но вытащить остатки стёкол не вышло – они словно вросли в раму. Как только юноша полез в окно, осколки резко увеличились в размерах и вонзились в тело. Я метался в бреду и не слышал страшных криков умирающего. Пока слуги высвободили юношу из цепких клыков, он истёк кровью. Обоих положили в подвал.

Так началась агония дома.

Нас становилось все меньше и меньше. Кто-то умирал самым странным образом, кто-то сходил с ума, хотя, мне кажется, сумасшедшим становился каждый, кто заходил в этот дом: в четырёх стенах долго не протянуть, зная, что под тобой гниют трупы…

Дом охотно принимал жертвы, но никого не выпускал. Первое время я велел установить у входа дежурство: завидев приближающегося человека, дежурный должен был знаками заставить его уйти – но тщетно: как бы мы не кричали, как бы не жестикулировали, новая жертва ничего не видела и не слышала, словно муха, которая не видит паутины, пока не попадёт в нее…

Часть людей накладывали на себя руки. Таких было несколько. Кто-то вешался, кто-то резался, кто-то нашёл мой старый пистолет и застрелился. Но всех сейчас и не вспомнить. Независимо от причины их смерти все оказывались в подвале.

Вот и я… Я оказался последним и в итоге умер из-за голода. Умереть я сразу решил в подвале, ведь никто моё тело туда бы не унёс. Я спустился вниз. Свеча тусклым жёлтым огнём озарила почти пустое пространство подвала и закутанные в саван тела… Понимая, что это мои последние минуты, я закрыл глаза. Будучи уже мёртвым мне стало так легко и спокойно. Резко ушла вся тревожность и переживания о грядущем.

И тут… Я вдруг снова открыл глаза. Открыл – и увидел перед собой всех, кто умер. И прислугу, и сына одной из служанок, и почтмейстера, и Лизоньку. Последняя была даже рада, что я её тогда убил. Ведь, как Лида и сказала, никто не мог уйти из этого дома – даже после смерти. Поэтому Лиза не мучилась, понимая, что останься она в живых, её бы ждали гораздо большие муки и ужасы. Она просто наблюдала за нашей жизнью.

С тех пор мы жили, как обычные люди, ну, если только думать, что обычные люди могут проходить сквозь стены и потолки...

Глава четвертая

С МОЕЙ смерти прошло много лет. Мы уже привыкли к нашему состоянию, и в находили в нем свои несомненные плюсы. Перемещение по дому стало гораздо быстрее и забавнее, мы перестали чувствовать холод и голод, нам не нужно было больше спать. При движениях чувствовалась такая лёгкость и свобода. Но даже без тела мы не могли покинуть дом – по его периметру была словно бы возведена непробиваемая стена.

Вначале мы считали «прожитое» время – но потом бросили: какой толк? Год шёл за годом, поместье заросло, и новых гостей не было уже много лет. Но однажды я услышал, как дверь открылась, и в дом зашли несколько человек. Я поднялся из подвала и увидел, что это были люди в форме – как потом оказалось, это были юнкера, пробиравшиеся в сторону белых частей. Дверь за их спинами тотчас же захлопнулась. Мужчины переглянулись, но прошли дальше. Они обошли дом и остановились в гостиной. Судя по всему, им требовался просто отдых и ночлег. Они разломали несколько старых кресел, зажгли камин и устроились на покой. Какое-то время мы наблюдали за ними, пытаясь из разговоров понять, что происходит снаружи – но гости были немногословны. Мы уже знали, что будет дальше и решили подождать до утра.

Утром, подойдя к двери, они не смогли её открыть.

Один из них попытался прорубить дверь саблей, но ничего не выходило. Во время одного из ударов сабля сломалась, а её осколок вонзился прямо в его сердце. Он умер почти сразу. Товарищи застыли в ужасе, но вскоре пришли в себя. Поняв, что они оказались в ловушке, солдаты стали искать другие выходы из дома. Один попытался выбраться через окна, но с ним случилось то же самое, что и с сыном служанки. Трупы своих товарищей они положили в прихожую.

Один из оставшихся отыскал лопату и, с надеждой прорыть ход наружу, выломал пару досок из подгнившего пола в прихожей. Добравшись до земли, он попытался копать – но лопата не помогала: хотя на дворе стояла ранняя осень, земля под полом словно промёрзла. Мужчина раз за разом пытался подцепить хотя бы миллиметр почвы, но она не поддавалась. Мы сделали ставки на то, что будет потом. Выиграла Лизонька: она сказала, что мужчина сойдёт с ума. Так и вышло: в какой-то момент он бросил лопату и начал, как безумный, скрести землю руками. Из-под ногтей пошла кровь, но он не останавливался, и все рыл и рыл.

Двое остальных нашли его уже мёртвым. Он обезумел, из-за рта у него пошла пена, и он просто захлебнулся в ней. Товарищи оттащили его к остальным и переглядывались. Внезапно они услышали завывания. Это был только что почивший их товарищ.

Провианта у юнкеров оставалось немного. Они понимали, что выбраться отсюда никак нельзя и старательно экономили пищу. Но, как не экономь, вскоре наступил тот день, когда еда кончилась. Оставалась только бесполезная соль. Оба понимали, что умирать с голоду не вариант, так как это очень долго и мучительно. Один из них предложил застрелить друг друга. Обдумав, они поняли, что это самый быстрый способ.

Они встали в общей зале. Один из них почувствовал, что стоит на чем-то странном. Он отогнул угол ковра и увидел дверь, ведущую в подвал. Спустившись вниз, они обомлели. Запах тлена гнал прочь, но выгнало наверх их другое: они увидели множество трупов, лежащих в несколько рядов. Юнкера решили, что нашли то, из-за чего дом не выпускал их.

У каждого было по коробку спичек. И они решили поджечь проклятый дом – а вдруг получилось бы? Но огонь, исправно пожиравший в камине обломки мебели, никак не мог перейти ну ту же мебель или ковры, находящиеся в доме. И тут решил появиться я. Хотя… я не совсем появился: просто повернул стул в их сторону и сел на него. Они оба перепугались. Один выхватил пистолет и выстрелил. Скажу тебе, в роли призрака есть несомненный плюс: его нельзя убить. Тут ко мне присоединились и другие. Они хлопали дверьми, швыряли мебель, били посуду, выли. Это перепугало юнкеров и заставило их забыть о поджоге.

На следующий день они перетащили своих товарищей в подвал и все-таки выстрелили друг в друга. Пули пробили их головы одновременно и оба умерли мгновенно. Поднявшись с пола, они огляделись и увидели своих сослуживцев. Им всем сразу рассказали, как все было. Новички потихоньку привыкли к новой жизни. От них мы узнали, что крепостное право давно отменили, а только что

свергли царя и сейчас из-за этого идёт война, оружие совершенствовалось, медицина развивалась, люди даже научились летать – правда, не как мы, по своей воле, а с помощью специальных механизмов. Мир за окнами сильно изменился – а внутри дома все оставалось по-прежнему.

Глава пятая

ЭТИМ НОВЫМ составом мы жили ещё около 30 лет. Дом становился все старее и старее. Каждый день мы надеялись, что он наконец-то развалится на мелкие щепки, но этот день никак не наступал. Трухлявые стены по-прежнему прочно держали нас в плену. В некоторых местах дома уже образовались приличные щели, но и сквозь них мы не могли пройти. Нам оставалось только смириться с этим, ведь другого выбора не было.

И вот однажды над домом пронеслось что-то огромное и громкое. Выглянув в окна, мы заметили лишь чёрную точку вдали, которая стремительно уменьшалась. Всем было непонятно: что это? Были несколько версии произошедшего. Кто-то думал, что это какая-то птица, кто-то – что это был черт. Юнкера предположили, что это мог быть аэроплан – но они не были такими быстрыми и шумными, да и не могли летать так высоко. Чуть позже мы снова услышали рокочущий звук. В этот раз мы увидели уже три таких точки, улетающих вдаль. Зато звуки, которые раздались через несколько дней, безошибочно опознали все: это были разрывы артиллерийских снарядов.

Канонада то отступала, то снова приближалась, и вот, в один из дней, мы услышали, что дверь снова противно скрипнула и открылась. В дом вошло три человека. Одеты они были в странные, непонятные, грязные одежды. Зайдя в дом, они сами захлопнули за собой дверь. Не успели они перевести дыхание, как по дороге мимо дома проехала машина – я уже знал, что кареты, брички и тарантасы сменили вот такие быстрые и сильные механизмы.

Услышав приближение машины, люди затаили дыхание. Поняв, что она уехала дальше, один из них с радостным облегчением сказал: «Кажется, оторвались…»

На лицах людей появились улыбки. Но счастье их длилось недолго. Не успели они отойти от порога, как машина вернулась и остановилась возле дома. Двери автомобиля распахнулись и из него вышли трое; ещё один остался внутри. Эти люди были уже одеты намного лучше. Новые шинели, фуражки, начищенные сапоги, и повязки с каким-то символом, повязанные на левую руку каждого. Самые молодые из нас – юнкера – лишь пожали плечами: ничего подобного в их время не встречалось.

Подойдя к дому, тот, кто, видимо, был у них старшим, произнёс: «Sie haben sich in diesem Haus versteckt. Sonst htten wir sie gesehen»*. Он вынул из кобуры пистолет и открыл дверь. «Германцы!» – с негодованием прошептал один из юнкеров.

В доме царила тишина. Беглецы уже успели подняться на второй этаж и запереться в комнате. Старший скомандовал своим подчинённым: «Fischer, Schwarz, geh und tte diese russischen Schweine!»*. Немцы кивнули и отправились в дом.

Искать им пришлось недолго: едва солдаты поднялись на второй этаж, на другом краю дома громко и противно скрипнула половица. Солдаты бросились на звук – но дверь была крепко заперта. Один из солдат, повыше и покрепче, попробовал высадить дверь с разбега, но, несмотря на ветхость, та лишь вздрогнула. Нужен был иной способ, чтобы убрать преграду. Пока один караулил под дверью, второй прошёлся по дому и вскоре вернулся с топором. Меняя друг друга, они принялись крушить дверь – и на этот раз преграда поддалась…

** Они спрятались в этом доме. В противном случае мы бы их увидели.*

*** Фишер, Шварц, идите и убейте этих русских свиней!*

...ЗАБЕЖАВ в комнату, люди подпёрли её креслом и начали судорожно искать, куда можно было бы спрятаться. Самым очевидным было попытаться выбраться через окно, выходящее на задний двор – а оттуда можно было попытаться добраться до леса. Но старая половица предательски скрипнула, выдав местонахождение беглецов. Один из них схватил тяжёлый стул и со всего размаха ударил по окну. Стекло завибрировало, как лист железа – но осталось цело. Люди были в ловушке.

В это время лезвие топора пробило дверное полотно… Дверь резко задергалась… не прошло и минуты, как в двери появился пролом размером с буханку хлеба. В проломе появилось дуло автомата. Раздалась оглушительная очередь… Убедившись, что все беглецы мертвы, они спустились на первый этаж дома. Они подошли к двери, а дальше случилось то, что все мы видели много раз.

Тот, что был сильнее, навалился на дверь. Она даже не шелохнулась. Тогда немцы переглянулись, снова достали автоматы и ударили очередями в район замка. Трагедия разыгралась мгновенная: пули, долетев до дерева, тут же развернулись в обратное направление – прямо в солдат. Через пару секунд немцы валялись мёртвыми у двери прихожей. Сама она пребывала в своём изначальном состоянии, пули её даже не поцарапали.

Тихо скрипнув, дверь отворилась. Унтер-офицер, стоявший на улице, видимо, не слышал выстрелы – так же, как наши прежние гости не слышали наших предупреждающих криков изнутри. Обернувшись на скрип, унтер-офицер обомлел.

«Haben sich diese Narren wirklich gegenseitig erschossen?»* – пронеслось в его голове. Мы ждали, что дом примет ещё одну жертву, но на этот раз что-то пошло не так. Офицер отступил назад, с ужасом глядя на призывно распахнутую дверь. Потом он перекрестился и пробормотал: «Lass sie in die Hlle kommen, genau wie dieses Haus!..»** Через минуту машина уехала, и больше мы её не видели.

Правда, в этот раз с новыми призраками было гораздо сложнее. Вначале нам пришлось разнимать беглецов и тех, кто их преследовал. В конце концов, поняв, что драки в мире призраков бессмысленны, и те и другие утихомирились. Русские быстро вошли в курс дел, а вот немцы даже не пытались. Они держались в стороне от нас, иногда о чем-то тихо переговариваясь…

К сожалению, их трупы в этот раз пришлось перетаскивать самостоятельно, чему мы были не рады – длительное взаимодействие с материальными предметами требует большой траты энергии.

Нам рассказали, что Российской Империи больше нет. Вместо неё на территории России находится СССР. Почти все мы были изумлены, узнав, что теперь у власти находятся бывшие крестьяне и рабочие. Особенно это изумило и порадовало моих бывших слуг. Оказалось, что многолетнее противостояние новой России и всего остального мира завершилось новой мировой войной. Фашистская Германия вторглась на территорию нашей страны. Людей сгоняли в лагеря, которые назывались концентрационными. Из одного такого лагеря и сбежали три новых призрака. «Почему вас не вернули обратно, а убили?» – спросила сердобольная Лизонька. Как оказалось, немцы и не собирались никого возвращать – они были должны казнить беглецов на месте.

Все призраки были глубоко возмущены таким варварством.

А в нашем проклятом доме поселилось ещё пять душ.

Глава шестая

ПОТОМ мы жили в неизменном составе около пятидесяти лет. Непонятно почему, но клочок земли, на котором стоял дом, словно выпал со всех карт и документов – о нем не вспоминали, к нему никто не приезжал. Немцы привыкли к нам и даже начали говорить по-русски.

** Неужели эти дураки и, правда, застрелили друг друга?*
*** Ну и пусть они попадут в ад, как и этот дом!*

Конфликтов между нами больше не было, что не могло ни радовать. Они оказались довольно образованными людьми, но из-за того, что им методично «промывали мозги» о неравенстве рас, они без зазрения совести были готовы убивать людей. Прожив в нашей компании довольное долгое время, они поняли, что, какая бы ни была национальность, человек от этого не становится «высшим» или «низшим».

Все было хорошо, пока мы однажды вечером не услышали громкие звуки выстрелов. Вся наша компания встала возле окон и начала наблюдать за происходящим. Из-за поворота выехала машина, но, как говорили новички, это был уже экипаж не начала XX века и даже не середины – эта походила на большую чёрную торпеду. Машина притормозила недалеко от дома, возле старых яблонь. Из неё выкатился человек и, припадая на ногу, скрылся за деревьями, а автомобиль резко зарычав, пулей помчался дальше. Из-за поворота вылетели ещё две машины и проехали мимо. Они явно гнались за первой. Раздалось, уже издалека, ещё несколько выстрелов, а потом все стихло.

Оглядываясь по сторонам, человек перебежками добрался до дома.

Это был крепкий мужчина лет под пятьдесят, в ярко-малиновом помятом пиджаке. Хромая, он поднялся по лестнице, толкнул дверь.

Дверь услужливо распахнулась.

Зайдя в дом, человек почти сразу вытащил из внутреннего кармана пачку сигарет и закурил. Выпустив из-за рта дым, он неторопливо прошёл по коридору. Солнце ещё не зашло, и внутри было довольно светло. Внимательно осматриваясь, он говорил вслух: «А неплохой дом был... Только ветхий сильно... Как там мои парни, оторвались?.. Надеюсь, они скоро за мной вернутся…»

Он вынул какую-то непонятную коробочку с палочкой наверху, потыкал в неё пальцами и приложил к уху. Юнкера пожали плечами, а один из беглецов сказал: «Это, наверное, телефон. Я читал про такое в фантастике, у Беляева, честное слово!»

В коробочке что-то пискнуло, и мужчина выругался: «Не ловит сеть! Чтоб её... И как только эти паршивые псы демократии нашли меня? Стоило мне лишь поехать на фабрику игрушек, как меня тут же обнаружили! У нас появилась крыса, это точно. Кто-то передал этим козлам мои координаты... Тот новенький, это точно он! Конечно, как я сразу не понял? Везде ходил, так смотрел пристально... Вот только вернусь обратно, так сразу к праотцам отправлю». Он ходил по дому, вспоминая почему-то крыс, козлов и прочих животных, по-хозяйски трогая стены, осматривая каждый угол. Обойдя весь дом в поисках людей или съестного, он ни нашёл ни того ни другого.

Мужчина надеялся, что в скором времени за ним приедут, но никто не приезжал. Он устроился в кресле у окна, хмуро глядя на скрытую в сумерках дорогу, а мы, невидимые, окружили его с трёх сторон, изучая новичка.

Мужчина в малиновом пиджаке ждал машину около трёх или четырёх часов. За это время он выкурил с десяток сигарет.

«Неужели их перестреляли? – вдруг топнул ногой новичок, теряя терпение. – Не могло так быть! Володя – лучший водитель в нашей развалившейся стране, а Леха ещё тот стрелок. Да на самом Диком Западе таких не было, нет, и не будет!»

Мужчина решил выйти из дома. Он подошёл к двери, дёрнул за ручку, но дверь не поддавалась. Человек попытался расшатать её, но ничего не выходило. Плюнув на неё, он вновь пошёл осматривать в дом.

Чем больше времени он проводил в доме, тем больше начинал нервничать, и тем больше курить. И вот, снова потянувшись за очередной сигаретой, обнаружил, что пачка пуста. «Черт, кончились... Может в этом доме завалялась пачка?» – спросил он сам себя и пошёл снова на обход всего здания.

Он обыскивал каждый угол, каждую полочку – но безрезультатно. Поняв, что в доме ничего нет, мужчина стал искать не только по стенам, но и по потолкам, и по полу. Мы плыли за ним, беззвучно переговариваясь. Наконец, он обнаружил люк, открывающий подвал. Мужчина ехидно

хмыкнул и дёрнул за кольцо. Он сразу же учуял гнилой, но в той же время знакомый запах. В подвале было темно, поэтому он вспомнил про подсвечник с огарком свечи, который нашёл в кладовой. Через несколько минут он вернулся, зажёг огарок, пламя немного осветило пространство, и он спустился вниз по лестнице.

Вначале он слишком высоко поднял свечу: пламя озарило потолок подвала, столбы. Мужчина шагнул вперёд и сразу же почувствовал, что наступил но что-то мягкое. Он решил, что это мешок и опустил огарок ниже. Но это был не мешок. Завёрнутые в сгнившую ткань, на полу лежали трупы.

Человек тут же отдёрнул ногу.

Мы почти все прошли через эту процедуру «знакомства» и сейчас ожидали привычной реакции: испуга. Но мы ошиблись. Человек повёл себя на удивление спокойно.

Он снова тихо выругался, а потом – мы не поверили – склонился над ближайшим телом… обыскивая его. Потом перешёл к следующему. «Это мое», - сказал один из немцев. Обшарив китель, человек выудил из него портсигар. «Есть!» - пробормотал он. Осторожно вытянув из портсигара сигарету, он тут же закурил, не спеша покинуть мрачное местечко. Видимо, запах тлена раздражал его меньше, чем отсутствие табака… Он оперся спиной на стену, сделал первую затяжку. «Немецкая, сразу чувствуется», – произнёс он, одобрительно глядя на багряный огонёк. Он сделал ещё одну глубокую затяжку и внезапно начал задыхаться. Дым сигареты душил его, разрывал лёгкие. Мужчина закашлялся, сильно и судорожно. Кашель был громким и хриплым. Мужчина выронил сигарету, упал на колени. Он хватался за горло, бил себя в грудь… Было слышно, как его трахея разрывалась на части. Через несколько секунд к мокроте прибавилась ещё и кровь. Вскоре он умер из-за того, что захлебнулся в собственной крови. Да, молодой человек, когда раз за разом наблюдаешь смерть, то и описываешь её спокойно – а что вы хотели?

Поприветствовав новенького, мы объяснили ему то, что произошло. Он сразу же осмотрелся, нашёл двух немцем и по одежде выделил того, у кого оказался портсигар. Мужчина накинулся на немца с кулаками, и мы едва удержали новоявленного призрака… Когда он успокоился, мы объяснили, что из дома выбраться все равно было нельзя, так что он умер бы в любом случае – и может быть более ужасной смертью.

Чуть позже он рассказал нам, что СССР развалился, и сейчас страна называется Россией. Это порадовало юнкеров. В Великой Отечественной войне выиграл СССР – и эта информация вызвала радость у троицы беглецов. Также он сказал, что за эти полвека люди начали осваивать космос и овладели атомной энергией. Рассказчик он был не особо талантливый, ругался через слово, и все равно мы слушали его историю, как сказку – это было так захватывающе! Ну представь: можно общаться с человек на другом краю мира, и даже видеть его! Хотя кому я это рассказываю…

Глава седьмая

ПОСЛЕ этого прошло лет двадцать. Мужчина в малиновом пиджаке, как оказалась, бандит, больше не дрался с немцами (а первое время потасовки случались регулярно, словно новичку нравилось махать кулаками). Такая жизнь, прежде нас устраивающая, стала теперь надоедать. Нам хотелось повидать новый, такой удивительный мир, или уже перейти в другой. Мы жили мирно до того момента, пока к дому не подъехали какие-то машины. Люди измеряли участок, фотографировали дом (это нам объяснил малиновопиджачный – мы-то не видели ни фотографических аппаратов, ни землемерных циркулей). Они что-то обсуждали между друг другом, подписывали какие-то бумажки... Примерно тогда же изменилась и наша дорога. Прежде она была обычной грунтовкой, просёлком, а сейчас с помощью похожих на бегемотов машин, её покрыли гладким черным материалом: «заасфальтировали», по словам бандита.

Чуть позже к дому приехали другие странные машины. Бандит назвал их «экскаватором» и «шар-бабой». Они выглядели непонятно и малоприятно. У одной был большой металлический шар, у другой – большой ковш.

У нас появилась надежда на освобождение. Но как только эти машины двинулись к дому, сгустились тучи, пошёл ливень, ветер завыл на чердаке… Как только машины отступали, погода понемногу улучшалась. Так повторялось не один раз. Люди пробывали разрушить дом вручную с помощью странных пил, они были очень громкими и устрашающими, но и они не смогли разрушить дом: ветхая древесина ломала зубья пил.

Несколько дней спустя в дом зашли два человека и начали что-то измерять. Ходили, трогали балки, простукивали стены. По их разговору было понятно, что дом должен был развалиться от лёгкого дуновенья ветра, но, по непонятной причине, здание держалось не хуже рыцарского замка. Каким-то образом они смогли взобраться на чердак дома. Люк туда был намертво закрыт, но кое-где в потолке зияли дыры. Видимо, одной из них замерщики и воспользовались. Мда… Они же не знали, ЧТО это за дом. Как только они забрались туда, проход исчез. Люди до сих пор находятся на чердаке. Мы хотели им помочь, но услышав странные звуки, один из них высыпал соль, и вмиг образовался барьер, который мы не смогли обойти. Начитаются всякой оккультной дребедени, а нам аукается…

На следующий день к дому подъехала ещё одна машина. Тот, кто вылез из неё, взял с собой не только соль, но и вонючий можжевельник…

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

РАССКАЗ призрака получился интересным и… наглядным: когда он рассказывал про кого-либо, к нему подплывал призрак, о котором говорил Иван. У каждого человека в этом подвале была своя история жизни, но конец у всех совпадал. Узнав историю этого дома и его обитателей, мне стало очень жалко их всех. Мне хотелось им помочь.

– Так ты сможешь что-то сделать? – внезапно спросил меня Иван.

– Да, я постараюсь. У меня уже есть задумка. Но сначала нужно вытащить работников, – ответил я.

– Да-да, конечно, мы поможем всем, чем только сможем, – начал убеждать меня старик.

Я с опаской посмотрел на него, но все же вышел из круга. Свет с моего телефона освещал все вокруг, и я увидел множество людских останков – ещё напоминавших людей или же превратившихся в мумии. К запаху, как ни странно, я уже привык. Выбравшись из подвала, я сразу же пошёл искать работников. Призраки помогли найти их. Я с неожиданной лёгкостью отодвинул доски и помог измученным работникам выбраться с чердака. Они были безумно благодарны мне. Я вкратце рассказал про все, что тут произошло, и они согласились помочь, так как хотели поскорее выбраться из этого дома.

В моей голове уже был план, как снять проклятие с этого здания. Для этого мне нужна была сковорода, которую мы нашли на кухне, соль, которая всегда была со мной, и любой источник огня. Чему я удивился, так это тому, что работни-

ки призраков не видели, хотя любопытные духи ходили за нами по пятам.

Нагрев сковороду на пламени, я высыпал на неё соль и стал подогревать. Чуть позже я поджёг свечу и пошёл обходить дом. Идя по зданию, я читал молитвы по памяти. Я заглянул в каждую комнату, обошёл весь дом вдоль и поперёк. Я ходил и читал молитвы до того времени, как свеча полностью не растаяла. И вдруг посреди сумрака беззвучно вспыхнул клубок белого огня.

– Ну, что же. Вот и все… – произнёс Иван, глядя куда-то под потолок.

– Что там? – спросил я.

– Там свет, там Лидия. Она больше не злится на меня. Она просит прощения, что оставила нас на такие муки в этом доме. Она не хотела… – говорил он мне, а после поднял лицо вверх, – не плачь, милая, я уже иду, – Иван снова повернулся ко мне, но уже со слезами на глазах, – спасибо, спасибо тебе огромное…

Он радостно улыбнулся напоследок и улетел наверх. Я выглянул в окно и увидел, как белесое пятно – словно маленькая тучка – скользит по небу вверх… Вскоре за ним потянулись и другие призраки. Внезапно я услышал голос за спиной:

– Можешь отыскать мою внучку Полечку? Она родилась в 1997 году. Фамилия у неё Тугарина должна быть. У меня под пиджаком осталась игрушка, которую я купил ей на первый день рождения, а сам… умер. Там должен быть адрес. Я рассчитываю на тебя…

Мужчина улыбнулся, хлопнул меня по плечу и выплыл через окно. Я какое-то время стоял у окна, глядя, как двое рабочих бегут от дома в сторону вагончиков у дороги. А потом спохватился и быстро направился в подвал. Найти его тело было не трудно. Это был единственный труп в малиновом пиджаке и лежал он ближе всех, под лестницей у стены. Я достал игрушку. Это была красивая заграничная кукла. Прошло столько лет, а она была как новая… Проделки дома? Раздумывать было некогда. Я сунул коробочку с куклой за пазуху и поднялся наверх.

Дверь наружу была распахнута.

Выйдя на крыльцо, я увидел, что небо над домом быстро наливается тёмной, грозовой чернотой. Судя по всему, задерживаться тут не было нужды… Я торопливо пошёл от дома, потом побежал. И тут за спиной раздался оглушительный треск. Я обернулся и увидел, как дом рушится прямо на глазах. Вокруг него поднялся большой столб пыли, завертелся смерчем, скрывая останки. Прямо в центр смерча вдруг вонзилась молния, вспыхнуло пламя. Огненный столб возносился высоко, прямо к тёмному небу…

Я подходил к машине, когда с неба упали первые капли. Дождь забарабанил по крыше, капоту. На душе было легко. У меня было ощущение, что я переродился. Я стал новым.

Глава вторая

ДЕНЬГИ я получил почти сразу – и даже больше, так как дом был полностью разрушен, и отчасти с моей помощью.

Видимо, нервное потрясение от событий все же сыграло свою роль – после этого случая я приболел, и на пару недель отошёл от дел. Зато во время болезни я нашёл ту самую внучку бандита. Полина оказалась очень красивой девушкой. К моему удивлению, она поверила моему рассказу. Оказалось, что история про то, как «молния снесла дом» попала в некоторые газеты, о ней рассказали в новостях. К тому же, после удара молнии на небе на несколько минут возникло северное сияние, что удивительно для нашей местности.

Про мою роль в сносе поместья и явлении сияния никто, разумеется, не говорил, но близкие люди, наконец-то, поверили мне – и поверили в меня. Дела пошли в гору, я стал чувствовать себя счастливым человеком… Нет, не только из-за успешной работы: мы с Полиной поженились.

Недавно родители ездили в санаторий, который построили на месте того поместья. Отдых им очень понравился, поэтому они решили поехать туда и в следующем году. В санатории все

спокойно, никто не гремит цепями и не воет по ночам...

Так что, друзья, не сходите с избранного пути, не обращайте внимания на мнение других людей. Оно есть у каждого человека, но не к каждому стоит прислушиваться. Живите своей жизнью, а не чужой. Всегда добивайтесь поставленных целей, и стойте во главе этого мира. А если на вашем пути возникнут зловредные духи, то обращайтесь к нам, поможем.

Желаем вам счастья, здоровья и любви.

Дима и Полина Абрамович.

Екатерина Соловьева

Я дома

ОКСАНА шла по вечернему городу, засунув руки в карманы старых джинсов. Они висели на бёдрах, а куртка стала будто безмерная сумка из супермаркета. Осенний ветер забирался под шёлковый подклад дешёвой куртки и в волосы, пытаясь расплести светлую косу. Час пик давно прошёл, в домах горел свет; люди уже поужинали, кто-то сидел перед телевизором, кто-то залипал в телефон, кто-то пожинал плоды семейной жизни. Оксана шла и молча завидовала. После развода ей удалось купить только гостинку с ногомойкой, где самым страшным были соседи. Сверху постоянно топили, и Оксана уже поняла, что на ремонт не хватит никаких денег. Слева как назло была тонкая, будто картон, стена, сквозь которую отлично проходили все вибрации рэпа про чик и бабло. Справа по ночам в стену долбила сумасшедшая старуха. Оксана перестала высыпаться и каждое утро встречала в отделении полиции номер семнадцать, потому что участкового не было и не предвиделось. Ни одного штрафа, ни единого чёртова штрафа не получил ни один сосед. Все дело в том, что нужны были свидетели Оксаниным словам, а все, кто жил по соседству, против себя свидетельствовать отказывались. После вызовов в полицию соседи стали мстить, хотя, казалось, куда уже хуже. Залитая клеем замочная скважина, собачьи отходы перед дверью, ручка, вымазанная в чем-то липком. И грохот. Проклятый грохот музыки по ночам и вторящий ему звон по батарее.

Оксана каждый день мониторила новые квартиры, чтобы обменяться и съехать, но цены уже взлетели так, что пришлось бы брать кредит на доплату. А с работой тоже было несахарно. Несмотря на вливаемые в себя литры кофе, Оксана постоянно клевала носом за монитором и делала ошибки в отчётах. В курилке сплетничали, что до момента, когда Оксане дадут пинка с работы осталось недолго. Говорили, что кадровичка уже дала объявление на её место.

В жизни было всякое, но до этого момента Оксана не знала, что может так люто ненавидеть людей. Злость росла, как снежный ком, и Оксана понимала, что ещё немного – и она вцепится в горло кому-то из соседей. Дом стал тюрьмой, где каждый звук из-за стены был невыносимой пыткой. На обоях от постоянных протечек поползла чёрная плесень, и Оксана часто кашляла. Она чувствовала себя загнанным зверем, который борется за жизнь из последних сил. Старалась меньше пересекаться с соседями, а в последнее время завела привычку просто гулять по улицам по вечерам. Монотонный гул города успокаивал. Заставлял

вынырнуть на мгновение из болота чёрной безысходности. И была надежда, что уставшее от прогулки тело просто заснёт дома так, что ничего не услышит из-за стен.

Сумерки сгустились, поплыли фиолетовыми тенями в переулках и под карнизами. Из окон запахло пловом и чаем с малиновым вареньем. Настал час собачников: позёвывая и поглядывая на часы, они потянулись за таксами и деловитыми догами на поводках. Один за другим вспыхнули фонари – будто спички выставили в ряд и подожгли селитру. Со светом стало уютно, приятно. Жаль, не тепло: осенний холод пробирался под куртку, и Оксана зябко передёргивала плечами. Из-за туч выкатилась круглая луна, жёлто-ядовитая, как таблетка от спазмов. Но сегодня ночь была чудо, как хороша, было славно и без спазмолитика. Ветер шебуршал по кустам и шептал что-то необыкновенно приятное. По чёрному небесному морю бежали седые гребешки облаков. Луна путалась в сети чёрных ветвей и билась в них, как рыба.

Оксана сама не заметила, как забрела в старую часть города. Здесь двухэтажные купеческие дома с облезлым фасадом мешались с бывшими цирюльнями и столетними покосившимися избами. Разросшиеся до чудовищных размеров тополя нависали над ними, пряча от чужих взглядов; из-за чёрных крон мутный свет фонарей не касался обветшалых стен. Оксане сразу вспомнились былички о разных проклятых домах, которые давным-давно рассказала тётка по матери в деревне. Особенно запомнилось поверье, что дом может стоять хоть двести лет, пока в нем живёт дух, который его охраняет. В какой-то быличке это был домовой, в какой-то – просто душа убитого в доме.

Оксана остановилась перед одной избой и хмыкнула. Этот дом был каким-то другим, непохожим на окружающие: бревенчатые стены, собранные без единого гвоздя, широченная печная труба, кованые петли на пудовой двери. Он был не просто старым, он был древним: вековые, почерневшие от времени, венцы, утонувшие глубоко в земле, резные наличники, покрытые колышущимися тенётами, толстый слой изумрудного мха на краю крыши.

Оксана остановилась на крыльце. И на мгновение ощутила едва уловимый толчок в спину, будто кто-то звал внутрь. Вокруг было тихо. Только где-то за две улицы тоскливо завыл цепной пёс. В любом случае духи не должны оказаться хуже людей. Оксана с силой нажала на кованую ручку тяжёлой двери и вошла.

– Хозяева! – позвала она. – Есть кто дома?

Ей отозвался только ветер откуда-то с чердака. Оксана пожала плечами и двинулась наощупь. В сенях запнулась о какую-то бочку и выругалась. Наконец достала мобильник и включила фонарик. Это была дубовая кадка с водой и на миг тёмная вода пошла волной, будто на дне что-то затаилось.

«Какая-то рыба? Или выдра?»

Оксана закусила губу от любопытства. Страха после соседей она давно не чувствовала.

Толкнула тяжёлую дверь и под аккомпанемент скрипнувших половиц вошла. Внутри под потолком висели какие-то травы, веники. Пахло как в бане: зверобоем и хмелем. Широкую горницу делила пополам большая русская печь, кое-где на ней штукатурка осыпалась, но кирпич лежал прочно, без трещин. Оксана осторожно тронула её белёный бок. По ладони тут же прокатилось приятное тепло, отдалённо и одуряюще вкусно запахло свежим хлебом. Она шагнула ближе к окну, из которого на пол падал треугольник синего света.

У стены слева в луче фонарика блеснули медью полосы металла, которыми был окован громадный кованый сундук. На нем валялось веретено с полуистлевшей нитью. Рядом на прялке с грубо вырезанным орнаментом пушился пыльной ком шерсти.

Оксана повернулась вправо и заморгала. Весь угол занимала здоровенная ступа, в которую бы запросто мог залезть человек. На широком краю её чернела глубокая трещина. За ступой помелом вверх пряталась видавшая виды метла, густо затянутая паутиной.

Сгорая от любопытства, Оксана шагнула к ней и наткнулась грудью на странную деревянную

штуковину, накрытую ветошью. Сдёрнув истлевшую ткань, бросила на пол и озадаченно сказала:

– Нифига себе!

Свет луны и фонарика обливал самый настоящий штурвал, какие бывают в кино про пиратов. Крепления видно не было, основание руля, почему-то оплетённое корнями, уходило куда-то вниз сквозь половицы. Оксана, затаив дыхание, коснулась до блеска отполированных рукоятей. Она крепко сжала их, впервые за много месяцев чувствуя себя живой, и скомандовала:

– Свистать всех наверх! Поднять паруса! Курс зюйд-зюйд-вест!

Она крутанула штурвал влево и тут вдруг пол под ногами дрогнул. Раздалось раскатистое «Ко-о-о-о, ко-о-о-о...». Углы заходили ходуном.

«Землетрясение! – запаниковала Оксана. – Надо встать в дверях!»

Она бросилась к выходу и застыла на пороге: растрескавшийся тротуар остался где-то внизу, а сам дом нависал над ним метрах в пяти-семи. Пол стабилизировался. Соседние дома стояли незыблемо, как египетские пирамиды. Оксана отдышалась. Её одолело неуёмное любопытство. Она вернулась к штурвалу. Высунулась в окно по пояс: из-под дома выпросталась чудовищная куриная нога и поскребла землю с рокотом:

– Ко-о-о, ко-о-о...

Оксана отпрянула, сев на сундук. Прялка исчезла. Вместо неё появился рулон ткани и горка цветных катушек с нитками. Оксана повела носом: отчётливо запахло выпечкой и парным молоком. Она посветила фонариком на печку: там, в полукруглой арке шестка, белел румяный каравай. Рядом исходил паром глиняный горшок ручной работы. Оксана попробовала хлеб: хрустящая корочка, а внутри пышная мякоть. Прямо, как в детстве: идёшь из магазина со свежей буханкой и вгрызаешься в её нежное белое чрево. В горшке оказалось молоко – парное и такое сытное, что сразу прибавилось сил.

Оксана вдруг поняла, что в комнате светло и выключила фонарик. С потолка смотрел человеческий череп и сквозь глазницы его били лучи уютного жёлтого света. Она могла поклясться, что раньше его не было. Как не было и витого провода, идущего от него по стене вниз к сундуку. Туда, где вместо прялки теперь стоял небольшой столик, на котором серебрился ноутбук – её ноутбук: Оксана помнила, как лепила на него наклейку с «веселым Роджером». Стало видно круглую розетку в бревенчатой стене, выключатель... и роутер. Его жёлтые огоньки задорно помигивали на чёрном фоне гладкого корпуса.

Оксана зажмурилась и открыла глаза. Поморгала на всякий случай: обидно ведь будет до смерти, если все это – просто галлюцинация. Пыли в комнате заметно поубавилось, пропала паутина в углах. На стене, как гриб, выросла полка с книгами, некоторые корешки были очень знакомы. Из окна дышала прохладой осенняя ночь.

Оксана встряхнула косой и снова взялась за штурвал. Огладила полированные рукояти, крепко сжала. Закрыла глаза и улыбнулась, представив, как избушка расправляет крылья – куриные, черно-коричневые, но мощные, как у диких гусей, с длинными маховыми перьями по краю. Снаружи послушно залопотало, зашумели деревья от поднявшегося ветра. Послышался треск деревьев, каких-то построек, чей-то приглушённый вопль. Надо было улетать. Но надо было что-то сказать, а она не знала, что.

– К черту все. Полетели отсюда!

Оксана сжала штурвал и потянула его на себя. Заскрипели древние бревна, заныли старые доски, ухнула за спиной печь. В один голос завыли собаки за окном – жутко и дико. Оксана только рассмеялась.

Изба оттолкнулась от земли и высоко подпрыгнула. Крылья с силой взмахнули и старый район остался далеко внизу.

«Я дома, – подумала Оксана. – Дома».

Из домашних заданий по размеру стиха

Ямб

Марина Харитонова

Писать стихи – не мой удел. Я вовсе не поэт.
И в огороде много дел. И мыслей умных нет.
Стихи про люстру? Ну, висит... Качается слегка...
А вот картофель – не полит и выросла трава.
Быть может, лучше про любовь?
На пенсии? Смешно!
Да и не полота морковь... Ой, кажется пошло!
«Любовь-морковь» – избитый «кич»,
но вроде в ритме «ямба».
Но в рифму просится лишь «бич»
и в продолженье – «амба».
Нет! Я поэзию люблю лишь
в Пушкинских стихах!
И лучше кабачок полью, пока он не зачах.

Екатерина Соловьёва

Хочу вам показать пример
Про идеальный ямб:
Он в строфах скачет хорошо
Без буераков, ям.

***

Свила гнездо между бровями
Густая, как туманы, мысль.
И хоть в лепёшку расшибись,
Но раскатай её слоями,

Намажь на тонкий белый лист,
Приправь иронией и смехом
Хорошим людям на потеху,
Что здесь сегодня собрались.

***

Стихи непросто сочинять,
Особенно в размер.
Попробуй взять и написать
Хоть ямбом, например.
Сначала трудно будет, да,
Сломается строка,
Поэт работает душой –
Работа нелегка.
Но верь, услышишь сердца стук
Ты ямба своего.
Считай удар на слог второй –
Добьёшься своего.

***

Сидел за книгой до зари голубоглазый князь,
Водил он пальцем и читал мудрёных знаков вязь.
Огонь свечи плясал пред ним, пытался разобрать,
Чего велит назавтра князь: скорей коней седлать?
Скакать с дружиной налегке за тридевять земель,
Добыть девицу краше всех с косою, как кудель?
А может, княжич молодой отправится в поход
С дружиной верною своей и всех врагов сметёт?
Вернёт из плена всех, кого угнали год назад,
И вместе с ними привезёт из самоцветов клад?
Читает князь. Горит свеча.
Шуршат листы страниц.
Грустят за тридевять земель
с полдюжины девиц…

Римма Шмелёва

Два желторотых сорванца
На мир взглянуть решились.
И плюх! – комочки из гнезда
В бурьян-траву скатились.
Помочь хотела детвора
И птичек в руки взяли.
Да как добраться до гнезда
Сестра и брат не знали.
Стоит береза у двора,
Листвой гнездо прикрыла,

И словно мачта высока –
Взобраться не под силу!
Бумс! Звонко прыгнул круглый мяч.
Все про беду забыли...
Остались крошки умирать.
В канаве их могила.

Хорей

Марина Харитонова

Новый уровень заданья –
Надо выучить хорей!
Приложив своё старанье,
И, возможно, поскорей.
Поразвлечь стихом Катюшу
И оценку получить.
Ритм и рифму не нарушить,
Содержанье сохранить.
Будут разные насмешки,
Что в стихах моих «вода»,
Но с хореем я успешно
Совладала без труда.

Екатерина Соловьёва

Старый город под асфальтом
Дремлет чутко, дремлет зыбко,
Но ощерится улыбкой
Адско-чёрного-базальта,

Если чует над собою
Боль, и страх, и беззаконье:
Он карающей ладонью
Беззаконников накроет.

В час, когда луна нальётся
Белой силой междумирья,
Распахнётся чёрной ширью
Старый город. Рассмеётся.
По делам да по поступкам
Он осудит виноватых,
В знак раскаянья и платы
Разольётся кровь по кубкам
В равновесьи мира хрупком.

Римма Шмелёва

Небо кисло моросило
На деревья, на дома.
Очередь ждала уныло.
Жизнь как будто замерла.

Ты тихонько улыбнулся
И сказал мне: «Я сейчас!»
И исчез в тоскливых струйках,
Захлестнувших мир и нас.

Ожидания минуты
Растянулись, как года.
Зябко, грустно, одиноко.
Так хотелось всем тепла.

Вдруг – луч света из-за тучи:
Протянул букет мне ты.
Колокольчики, ромашки –
Незатейливы цветы.

Ожили дома и люди,
И во взглядах – доброта.
Да, недаром говорили:
Мир спасет лишь красота!

Михаил Колбин

Мне недавно снился сон:
Там, где только мы вдвоём.
Чувства я тебе открыл,
Свое сердце подарил.
Ты прижалась ко мне чуть,
Не моргнуть и не вздохнуть,
Я стою – не шевелюсь,

Молча грежу и боюсь:
Это всё же только сон,
Там, где мы стоим вдвоём...
Знаю, мой удел – мечтать,
Той любви мне не видать.
Было это лишь во сне,
Ну а в жизни – пусто мне:
Голуби не полетят,
Гости «Горько!» не вскричат.
Буду вечно я один,
Нелюбим и нелюдим.

Амфибрахий

Екатерина Соловьева

Холодные капли пронзают насквозь
Жаровни июльского зноя
И мчится по небу хозяйка всех гроз –
Богиня Инанна звездою.
Ударит о тучи священным копьём
И искрами молнии выбьет.
И громом проскачет на бурке своём,
И ливнями борозды вздыбит.
Напоит студёными струями край
И влагой дождя первозданной…
Сверкает с небес, принеся урожай,
Шумерам богиня Инанна.

Римма Шмелёва

Декабрь на окошке морозом –
Виток за витком – кружева.
Сугробы намёл на дорогах,
В шубейках стоят дерева.

До Нового года немного
Осталось забот и хлопот.
Нет только красавицы елки.
Часы отбивают свой ход.

Сынишке всего лишь двенадцать.
Топорик нашел у отца,
В кармане сырые перчатки,
Вот санки, в снегу, у крыльца.

Путь к лесу неблизкий и трудный:
Уже провалился по грудь.
Но машет пушистая веткой:
«Скорее, дружочек, я тут!»

А солнце садится. Вернуться?
Мороз по деревьям стучит.
И руки застыли – не гнутся.
И кто-то над ухом ворчит.

«Откуда ты взялся здесь, малый?
Один – и в лесу, в темноте?»
«Мне надо к братишкам и маме.
Я ёлку… домой… детворе!»

Укутал мальчонку охотник,
Приладил и елку к саням.
Сопел беззаботно «работник»,
Прижавшись к колючим ветвям.

Не слышал герой охи-вздохи,
Не слышал и ругань отца.
А утром нашел он под ёлкой
На палочках два леденца.

Анапест

Марина Харитонова

Закружились мы в вальсе стихов!
«Раз-два-три» – и рождаются строки.
Муза шепчет сложение слов,
Ждёт сонет, но... ломают всё сроки.
Нужно «выдержать марку», успев,
Самой первой осилить заданье.
Обижается Муза, взлетев
С моих плеч в темноту мирозданья.

Екатерина Соловьева

В темноте мирозданья тепло,
Завернувшись во снов одеяло,
Муза дремлет: не рассвело,
Да ещё и всю ночь пролетала.
Залетела на пару минут
В мысли солнечной донне Марине,
Пошептала: «Пусть строки цветут,
Будто феи в твоём георгине!
Распускаются пусть лепестки
Твоего стихотворного дара…»
И прям на середине строки
Вдруг взяла и исчезла с радаров!

***
За окном дивноокая ночь
Распустила широкие крылья,
Забрела мою грусть растолочь
Чёрно-синей рассыпчатой пылью.

Я добавлю к той пыли печаль,
Капли слёз и стихов примешаю.
Холст мой чист, как пустая скрижаль,
Пустоты его смело лишаю
И рисую – мазок за мазком,
Чёрно-синей рассыпчатой пылью
Бархатистые длинные крылья
Под чугунным железным замко́м.

Екатерина Прямкова

Я опять забываю поесть перед сном,
Мои мысли в густющем тумане.
Говорят все кругом: «Думаешь не о том!
И куда же ты, Катя, летаешь?»

Им в ответ промолчу, набросаю стихи
Что волною на лист выливаются.
Моей Музы никак не стихают шаги,
И не мне ли она улыбается?

Говорит мне: «Родная, я тебя не покину,
Вдохновлять буду жизнь, а не день или два!»
Я рукой отмахнусь от прекрасной богини,
Успевая ее запечатать в слова.

Каждый автор боится терять вдохновенье.
Я же Музу свою посадила за стол.
Даже если уйдет, у меня нет сомненье,
Что она лишь за чаем пошла… и тортом.

Римма Шмелёва

Разрослась мурава вокруг дома,
Детством тёплым пахнуло мне вдруг:
Я с разбегу – и в клевер немятый,
В горько-сладкие брошусь объятья,
Упаду в дивный плен, в свежий луг.

Закружились березки за домом,
Заскрипели качели маня.
Ввысь, как в детстве, до стука взлетели.
Холод в сердце, а мы не робели!
Но с насмешкой шумят тополя.

Закидали листвой, целой кучей!
Вот раздолье для детских забав:
Прыгать в ворох, кидаться друг в друга,
Словно резвые пони по кругу,
Мчаться, листья кругом разбросав!

Не вернуться в беспечное время.
Вместо дома – стоянка машин.
Тихо, глухо в березовой роще.
Замер смех и затей нет там больше.
Возвращаюсь к себе я один.

Дактиль

Екатерина Соловьева

Осенью воздух прозрачный и тонкий,
Чист и прохладен, как мартовский лёд.
Поезда крик удивительно звонкий
Через весь город мне птицей поёт.

Раннее утро и сонное солнце
(Даже сороки лениво молчат)
Гладит мне тихо рассветом оконце,
Тополя листья играют в лучах.

Час тишины, когда слышно иное:
Мир подключает природы колонки.
Это прекраснее музыки вдвое:
Осенью воздух прозрачный и тонкий...

***
Солнце садится за дальние дали,
Жизни последние гаснут лучи.
Если б о смерти заранее знали,
Кто подсказал бы, а кто б научил…
Ты в моём сердце, как алое солнце:
Так же сияешь и так же убьёшь.
Взгляд твой отчаянный звонко смеётся,
В нём затаилась опасная ложь.
Сердце моё ты зачем-то сложила
В старую кожаную кобуру.
Если ты мною не дорожила,
Просто скажи, и тогда я умру.
Стрелки всё ближе и ближе друг к другу,
Вместе сольются в оранжевый звон.
Мы слишком долго ходили по кругу.
Солнце уходит за горизонт…

Римма Шмелёва

Милый мой город, огнями сверкая,
Радугой яркой в фонтанах искрит.
Шум на проспектах журчит, не смолкает,
Мимо театра трамвайчик звенит.

Парк у пруда, всем он с детства знакомый,
На каруселях нас праздник кружит.
С Лисьей горы вижу, как на ладони
Город родной – он живет, он гудит!

Трубы повсюду дымят на заводах,
Люди на смену спешат к проходной.
Верится всем, что уйдут все невзгоды,
Славы заслужит Тагил трудовой!

Эй, подрастайте, мальчишки, девчонки!
Город вас ждет, он без вас, как без рук.
Гордо мы скажем потом на Майорке:
«Я из Тагила!» – «О, здóрово, друг!».

Из домашнего задания по созданию метафоры и стихотворения из неё

Екатерина Соловьева

В дни безысходного отчаяния
Что-то ломается в душе,
Я Шляпу плотного молчания
Натягиваю до ушей.

Закроет уши мягким войлоком,
Отрежет мир весь от меня,
Он в сердце ранил тьмой и холодом,
А в Шляпе – будто у огня.

Я в Шляпе полного молчания,
Мне ваша злоба не слышна.
Лишила чёрствый мир звучания
Уютной Шляпы тишина.

Татьяна Ларионова

А шляпа грустила, а шляпа страдала,
По тем временам, что на сцене блистала,
О, как же на полке устала лежать,
Дышать нафталином и ждать, просто ждать!

Её амплуа – Мушкетерская шляпа,
Какие же па вытворяла когда-то,
Приветствуя дам иль верхом на артисте,
А зал их приветствовал радостным свистом…

Прошло десять лет, как спектакль отменили,
И шляпы другие ее заменили…
Чу! Видели? Перья пытались взлететь,
Чтоб действо на сцене хоть миг лицезреть…

Марина Харитонова

Старой вязаной шапочке я балладу пою!
Серой ниточкой бедности обвила жизнь мою.
С этой вязаной шапочкой и прошла моя жизнь,
Говорила мне матушка: «Экономить учись.
Многократно использовать
можно старую нить».
И уроков мне маминых никогда не забыть!
Свив уютное гнёздышко из избитых идей,
Диктовала мне шапочка:
«Выделяться не смей!»
Как случилось, что шапочка
стала «голос иметь»?
А должна не командовать –
просто уши мне греть!
Сотни раз перевязывав и размер, и узор,
Серой ниточки бедности остаётся укор.
Мне из Шапочки Комплексов
надо тапки связать!
Чтобы мысли зловредные
навсегда растоптать!

Римма Шмелёва

В шумной и праздной толпе
Ярко-оранжевой коркой сверкнуло.
В мрачной усталой душе
Больно так сжало, огнем полыхнуло!

Люди глазели, дивясь:
Сверху на шляпке мороженый шарик.
Сладкой спиралью струясь,
Золотом лился сироп как проказник.

Шляпка горела костром,
Чудилась долькой большой апельсинки.
А перед ним чередой
Образы давние, детства картинки.

Вспомнился старый причал,
Жаркий закат уходящего лета.

Смех босоногих ребят,
Светка, бегущая по парапету.

Волны взлетали, кружась,
Брызги летели на огненный хвостик.
Звонко смеялась она,
В ясных глазах пересмешничал чертик.

Гордая в шляпке – мечта!
Свежестью знойною всех ослепила.
Только смешна суета –
Сладостей детства душа запросила.

Екатерина Прямкова

На отчётов полях прорастают стихи
Кривым почерком, словно сорняк.
За окном утихают прохожих шаги,
Я сижу. Не закончу никак.

Не закончу отчёт, не закончу строку,
Весь мой мир в незаконченных днях.
Но уверенность шепчет мне: «Я все смогу»,
Жаль, пока не известно мне, как...

Флешмоб «На отчётах полях прорастают стихи»

Марина Харитонова

На отчётов полях прорастают стихи
Беззастенчиво, быстро, спонтанно.
Среди скучных, и серых, и правильных цифр
Они смотрятся глупо и странно.
Спорят с разумом, в сердце стучатся они,
Отвлекают от цели отчёта.
Лезут в душу и очень мешают свести
Дебет с кредитом важного счёта.

Екатерина Соловьева

На отчётов полях прорастают стихи,
Пробиваются стеблями строчек.
Сквозь проценты и акт деловой шелухи
Расцветает сонетный веночек.
Из безжизненной бездны уставшей души
Пробивается рифма упрямо,
Плачут грифелем тихо карандаши,
Прорастают из сердца лианы.

Переводы.....

Эта рубрика родилась совершенно неожиданно.

Вначале в портфеле студии появился один перевод. Что делать с ним – было непонятно. Но, как оказалось, «сиротствовать» ему пришлось недолго: вскоре добавился ещё один. Потом – ещё.

Переводы приносили и присылали, не сговариваясь. Тогда для публикации были отобраны работы Игоря Дронова, Юлии Жилицкой.

А потом, благодаря учителю немецкого и английского языков Римме Шмёлевой, в студии появилась целая группа школьников, пробующих себя в непростом (и творческом!) деле перевода. Они активно участвуют в городском турнире переводчиков «Лингва» (а Ирина Худякова, скажем, «засветилась» и во Всероссийском конкурсе «Друзья немецкого языка»).

Труд переводчика во многом равнозначен труду автора: переводящему нужно не только точно импортировать рассказ или стихотворение в понятные нам фразы, но и сделать это литературно: в стихах сохранить размер и рифмы, в прозе – передать стиль и настроение автора. Не случайно лучшие переводы, сделанные А. Пушкиным, П. Козловым, Б. Пастернаком, С. Маршаком и многими другими русскими и советскими поэтами, публикуются наравне с оригинальными произведениями этих авторов.

Пока что «наши» переводчики работают с текстами известных зарубежных писателей и поэтов. Но в будущем – а почему бы и нет? – кто-то из них, возможно, возьмётся перевести и работы участников студии, дав им дорогу за рубеж.

Иллюстрация Елены Шипицовой

Юлия Жилицкая

Ральф Ходжсон (1871-1962)

Тайна

Ко мне он тихо подошел
И, взяв мою ладонь,
Храня молчание, привел
К кусту, где роз огонь.
Он мне ни слова не сказал,
Лишь розу подарил.
Но тайну, что в его глазах,
В себе он сохранил.

Пусть не узнаю никогда,
В чем был его секрет.
Мне память розу сохранит
На много-много лет.
И пусть не он надел кольцо,
Но помню лишь ЕГО лицо.

Джордж Гордон Байрон (1788-1824)

В своей волшебной красоте
Она идет, как будто ночь.
В её лице то свет, то тень,
Она звезды полночной дочь.
Ей небеса тот дали свет,
Какого на земле и в праздник нет.

Добавим тень и лучик уберём,
И вот уже померкла красота,
Что в косах вьётся ворона крылом,
И мягко светится в её лице мечта;
Как ясен светлых мыслей дом,
Как близок мне и дорог он!

А на устах и на челе
Так нежно, но с спокойствием
красноречивым
Всепобеждающей улыбки блеск
Нам говорит о жизни, прожитой счастливо,
О мире, что царит в душе и в голове,
И сердце, где любви невинны так порывы.

Роберт Геррик (1591-1674)

К Электре

Поцелуя боюсь я просить,
Об улыбке тебя не молю,
Стоит милость тебе проявить –
Возгоржусь, потому что люблю.

Что ты, нет. Наивысшим пределом,
Величайшим порывом любви
Поцелую я воздух несмело,
Что коснулись лишь губы твои.

Ян Разливинский

Из Байрона (1817)

Никто не вышел бродяжьей дорогой
В поздний ночной час.
Сердце желает любви без тревоги,
И лунный свет – не для нас.

Усталый меч в изношенных ножнах…
Душа, из груди не рвись!
Сердце, вечно любить невозможно,
На время остановись!..

Ночь для любви была такой долгой,
Но днем забудутся сны.
Никто не вышел бродяжьей дорогой
В призрачный свет Луны…

Игорь Дронов

Вальтер фон дер Фогельвейде (1170-1230)

Под липою, на пустоши стоявшей одиноко,
Где счастье обрели два голубя младых,
Сидел я где с любимою, задумавшись глубоко,
И всё срывал, срывал прекрасные цветы,

Увы, вам боле не сыскать чарующего счастья –
Примятую траву расправит новый день,
Но вьётся соловьина трель,
скрывая от ненастья
Волшебный миг, залив благим звучаньем сень.

Неизвестный средневековый автор
(Германия, конец XII века)

Я завлёк тебя в сети свои,
Но тобой оказался захвачен!
Прочь сомнения в сём отгони,
Ибо быть и не может иначе.
Тебя в сердце я запер навек,
Невзначай обронил его ключик,
Ты мне стала отрадой, и лет
Спешный бег нас с тобой не разлучит.

Иоганн Вольфганг фон Гёте (1749-1832)

Морская тишина (1795)

Глубокая тишь царит над водой,
Ветра порыв не тревожит покой.
И беспокойство в глазах моряка
Будит недвижная эта вода…

Воздух застыл, будто замерло время,
Будто погиб и последний оплот,
Ужас вселяет зеркальное бремя –
Тягостно ждать, пока двинется плот.

Йозеф Гуггенмос

Дверь

перевод с немецкого Ирины Худяковой

ЖИЛ один художник и звали его Матиас. Он писал горные пейзажи.

Он изображал цветущие альпийские луга, тихие горные деревни, сказочные озёра в долинах. И над всем возвышались вершины гор, упирающиеся в небо, по которому кружили орлы. Люди охотно покупали его картины. С ними они получали простор и тишину, счастье великолепной, нетронутой природы, украшающей комнату.

Матиас часто бывал в горах и всегда приносил оттуда много эскизов. Но он всегда возвращался раздосадованный. И когда художник писал свои картины, он делал это с тяжёлым чувством. Ведь дремучие горные леса, написанные им, были на самом деле разрезаны автострадами. Тихие горные деревни на его картинах, возможно и выглядели так сотни лет назад, но теперь они давно были обезображены отелями, парками, заправками, сувенирными лавками. Впрочем, покупатели картин не хотели видеть реальность, и у Матиаса опускались руки...

И вот художник закончил новую картину; вздохнув, он отложил кисти и палитру в сторону. На холсте было изображено подножье горы, вершину которой озарял рассвет, а на растрёпанной бурей, оплетённой лишайниками пихте сидел глухарь с вытянутой шеей и хвостом веером. Очертания горы ещё совпадали с реальными, но огромная птица давно была изгнана из окрестностей; и там, где на картине стояла взъерошенная пихта, появилась широкая канатная дорога от отеля на вершину горы.

На следующее утро Матиас никуда не пошел. Он долго стоял у чистого холста. В конце концов, художник начал писать. Сегодня он хотел изобра-

зить что-то совсем другое, только для себя, что-то совсем простое, повседневное.

Художник писал дверь.

Старую, деревянную, домашнюю дверь с истоптанным каменным порогом. Давно он не испытывал подобного счастья от рисования, как сегодня.

Когда картина была готова, Матиас повесил её рядам с глухарём на стене. Ласковый глухарь вскоре нашёл своего поклонника: как и картины, созданные ранее, быстро покинул дом. Но «Старую парадную дверь» посетители не удостаивали взглядом. И всё же для самого художника эта картина всегда была самой любимой. Он часто подолгу стоял перед ней. «Дверь, – думал он, – куда она может вести? В какую комнату? К каким людям? Возможно, к человеку, который что-то мастерит, или с которым можно сыграть в шахматы? Возможно, к детям, которые показывают, во что они играют, или которые просят: «Расскажите нам историю!». Возможно, к больным, к которым можно присесть на кровать. К людям с судьбами, с друзьями, с заботой, с надеждой…»

Однажды вечером, когда он снова стоял перед дверью, он вдруг нашнул к картине и постучал по холсту. Тут дверь открылась, и голос из-за нее произнес: «Добро пожаловать! Входи!»

Каждый может сделать что-то

перевод с немецкого Ирины Тюкавкиной

ЛОШАДЬ стояла на лугу. Потом к ней присоединились приятели: белка и кукушка выбрались из леса, лягушка выпрыгнула из пруда. Через луг прибежал крот.

Лошадь решила похвастаться перед друзьями и заявила:

– Я сильная. Если хотите, вы все можете сесть мне на спину, и я пронесу вас по лугу галопом. А кто из вас может нести меня?

– Я не смогу, – ответила белка. – Но я могу сделать кое-что другое. Вон там стоит высокая ель. Кто наперегонки со мной поднимется на её макушку?

Никто не хотел участвовать в этом споре.

– Я не смогу забраться, – возразила кукушка. – Но я умею летать. В августе я полечу в Африку, а вернусь сюда в апреле следующего года. И я в одиночку отыщу дорогу до Африки и обратно. Вы думаете, что это ерунда?

– Это замечательно, – согласилась лягушка. – Но я тоже кое-что умею. Я умею плавать. А когда наступает зима, я сажусь на дно пруда и жду прихода весны, ни разу не поднимаясь на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха!

– Никто не сможет подражать тебе, – восхитились другие животные.

– Каждый из нас может сделать что-то особенное. Но ты, Крот... Где ты? Крот, ты где? – недоумённо переглянулись приятели.

Они уставились на то место, где только что стоял крот. Там была только одна дырка в земле.

– Я здесь! – крикнул крот, стоявший позади них. Пока остальные беседовали, он зарылся в землю под их ногами.

Каждый может сделать что-то удивительное.

Колоссальное происшествие

перевод с немецкого Дарьи Горянец

В ОДИН колоссально прекрасный день я был в колоссальном лесу. Внезапно появился колоссальный муравей и колоссально укусил меня в икру.

Это было колоссально больно, и я в колоссальной злости взял колоссальную еловую шишку и бросил в колоссального муравья.

Но колоссальный муравей с колоссальной скоростью поймал колоссальную шишку и с колоссальной силой кинул мне в голову.

После этого я закричал колоссально громко: «Ай!», – так, что колоссальный муравей испугал-

ся и убежал колоссально быстро, петляя между колоссальным множеством деревьев.

А ты можешь врать колоссальнее!? «Колоссально» – это не колоссально красивое слово, но если хотите привирать, то оно хорошо подойдёт.

Флора Энни Стил

«Страшный зверёк»

перевод с английского
Екатерины Исмагиловой

ЖИЛА-БЫЛА старая, бедная, одинокая, но очень-очень жизнерадостная женщина, хотя поводов для радости у неё было не очень много. Она ютилась в маленьком домике и зарабатывала на скудную жизнь, выполняя поручения соседей, которые платили ей ужинами, обедами или завтраками. Но при этом она всегда выглядела такой бодрой и жизнерадостной, как будто не знала забот и нужды.

И вот однажды летним вечером она, как всегда с улыбкой на лице, направившись по большой дороге к своей лачуге, увидела старый чёрный горшок, лежащий в канаве.

«Боже мой! – воскликнула она. – Какой удачной была бы эта находка, если б мне было что в неё положить! Но у меня ничего нет... Кто же мог оставить его в канаве?»

И она огляделась, ожидая, что хозяин будет неподалеку, – но никого не увидела.

«Может быть, он продырявлен, – подумала она, – и поэтому его выбросили? Но тогда было бы неплохо посадить в него цветок, так что я просто возьму его домой».

С этими словами она подняла крышку и заглянула внутрь. «Помилуй Бог! – воскликнула она, изрядно удивленная. – Да он полон золотых монет! Вот тебе и удача!»

И действительно: горшок до краёв был наполнен большими золотыми монетами. Вначале она просто стояла как вкопанная, гадая, видит ли она сокровище на самом деле, или же золото ей мерещится. Потрясённая женщина пробормотала:

«Вот черт! Сейчас я чувствую себя богатой. Да, я чувствую себя ужасно, ужасно богатой!..»

Повторив это много раз, она подумала, как же ей донести свое сокровище до дома. Горшок был слишком тяжел для нее, и она не видела лучшего способа, чем привязать к ручке конец своей шали и тащить его за собой, как тележку.

«Скоро стемнеет, – сказала она себе, идя рысцой. – Тем лучше! Соседи не увидят, что я принесу домой, и у меня будет целая ночь в распоряжении, чтобы подумать, что делать с деньгами! Может быть, я куплю большой дом и просто буду сидеть у камина с чашкой чая и вообще забуду о работе, как королева. Или, может быть, я закопаю его в саду и просто оставлю немного в старом фарфоровом чайнике на каминной полке. Я чувствую себя такой счастливой, какой никогда не была!».

К этому времени она немного устала тащить свой тяжелый груз, и, остановившись ненадолго отдохнуть, повернулась взглянуть на сокровище.

И вот те на! Это был вовсе не горшок с золотом! Это был всего лишь большой кусок серебра.

Она уставилась на него, протерла глаза и снова посмотрела на него.

«Ну и ну, как же я ошиблась! – сказала она наконец. – Я-то думала, что это горшок с золотом! Наверное, он мне приснился. Но это всё ерунда! Серебро доставляет меньше хлопот: его легче хранить и меньше желающих украсть. Золотые монеты были бы моей смертью, а с этим огромным куском серебра можно беззаботно зажить».

И она снова отправилась в путь, планируя, что будет делать, и ощущая себя очень богатой, – пока снова не устала. Она остановилась отдохнуть и оглянулась, чтобы убедиться, что ее сокровище в безопасности. Но она не увидела ничего, кроме огромного куска железа!

«Ну и ну, я опять ошиблась! – воскликнула она вновь. – Я приняла железо за серебро! Наверное, мне приснилось. Но и это удача! Это очень удобно.

Я могу получить по одному пенни в оплату за старое железо, а монетки для меня гораздо удобнее, чем ваше золото и серебро. Почему? Я бы и глаз не сомкнула от страха, что меня ограбят. Я продам это железо, и продам это железо за большие деньги, стану по-настоящему богатой, хотя весь доход буду хранить в монетках по одному пенни».

Так она и шла, строя планы, как потратить свои гроши, пока снова не остановилась передохнуть и не оглянулась, чтобы убедиться, что ее сокровища в безопасности. И на этот раз она не увидела ничего, кроме большого камня.

«Ну и ну, опять ошибка! – воскликнула она, расплываясь в улыбке. – И подумать только, я приняла камень за железо. Наверное, это сон. Но вот удача, мне так был давно нужен камень, чтобы он придерживал ворота. Эх! Боже мой, какая удача! Как здорово быть счастливчиком!».

Торопясь посмотреть, как камень удержит ворота закрытыми, она поспешила вниз по холму, пока не добралась до своего домика. Она отперла калитку, а затем повернулась, чтобы снять шаль с камня, лежавшего на тропинке позади нее. Да! Это точно был камень. Света было достаточно, чтобы увидеть, что он лежит там, спокойный и мирный, как и положено камню.

Она наклонилась к нему, чтобы развязать конец шали, как вдруг – о, боже! – камень подпрыгнул... Подпрыгнув, он в одно мгновение стало размером со стог сена! Затем он отрастил четыре огромные длинные ноги, выбросил два длинных уха, взмахнул огромным длинным хвостом и помчался прочь, брыкаясь, визжа, скуля и смеясь, как озорной, шаловливый мальчишка!

Старуха смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом расхохоталась.

«Восхитительно! – смеялась она. – Мне сказочно повезло! Я самая везучая в округе! Представьте себе: я вижу страшного зверя, абсолютно одна, но нисколько его не боюсь! Боже мой! Я совершила действительно грандиозный подъём, великий грандиозный подъём!..»

Она пошла в свой домик и провела вечер, посмеиваясь над своей удачей.

Самый лучший хозяин на свете

перевод с английского
Ксении Толстых

ОДНАЖДЫ девушка отправилась на ярмарку, чтобы наняться в прислуги. Наконец, забавный пожилой джентльмен нанял её и отвёз к домой. Когда она оказалась на новом месте, оно ей понравилось, а хозяин сказал девушке, что ему есть чему её научить, потому что в его доме у вещей свои собственные названия. Он спросил её:

– Как ты будешь меня называть?

– Мистер, или как вам будет угодно, сэр, – сказала она.

– Вы должны называть меня «самый лучший хозяин на свете». Взгляните сюда: как бы вы назвали это? – спросил он, указывая на кровать.

– Кровать или диван, мой самый лучший хозяин на свете.

– Смотрите внимательней! Это же моя «ракушка». А как вы это называете? – указал он на свои панталоны.

– Бриджи или брюки, мой самый лучший хозяин на свете.

– Нет! Вы будете их называть «сэндвичи». А её как вы будете называть? – допытывался хозяин, наглаживая абсолютно чёрную кошку с белой мордочкой.

– Кот или кошка, мой самый лучший хозяин на свете.

– Вы должны называть ее «мадагаскарская беломордая мартышка». А что перед вами здесь?

– Огонь или пламя, мой самый лучший хозяин на свете.

– Вы, должно быть, забыли, что это «горячий петушок». А что это?

– Вода или сырость, мой самый лучший хозяин на свете

– Нет, «лужица» – это ее имя. И, наконец, как ты называешь это? – спросил он, показывая на крышу дома.

– Дом или коттедж, самый лучший хозяин на свете.

– Ты будешь это назвать «высокой вершиной горы»!

Однажды ночью служанка подбежала и разбудила своего хозяина в большой тревоге, говоря: «Вставайте скорее с вашей ракушки, самый лучший хозяин на свете! Надевайте свои сэндвичи! Ваша беломордая мадагаскарская обезьянка случайно подожгла свой хвост, и если вы быстрее не принесёте лужицу, то горячий петушок склюет ваши высокие вершины гор!»

Чад Гарсия

Друг по переписке

перевод с английского
Варвары Сведущевой

ОКОЛО месяца назад я переехал в новый дом в пригороде Калифорнии. Он был хорошим и довольно комфортабельным для своей цены. В нем даже был бассейн.

Однажды я пошел за почтой и обнаружил странное письмо, адресованное мне. Оно выглядело обычным: стандартное белое письмо размером 4x8 дюймов. Странно, но обратного адреса не было...

Войдя в квартиру, я внимательно осмотрел конверт. Когда я открыл его, изнутри выскользнул лист бумага и упал на стол.

На нём было написано: «Здравствуйте, кто вы? Пожалуйста, напишите ответ».

Я рассмеялся. Глядя на каракули, которые вряд ли можно было назвать письмом, я решил, что это какой-то соседский ребенок разыгрывает меня. Я решил подшутить над ним или над ней и тут же написал ответ:

«Здравствуйте, меня зовут Джон, и я взрослый человек, который работает в местном бюро социального обеспечения. Могу я узнать ваше имя?»

Я вложил письмо обратно в конверт и снова спрятал его в почтовый ящик.

На следующий день я заметил, как мимо пришел почтальон. Подойдя к ящику, я обнаружил обычные счета, выписки и рекламу. Но среди всего этого было еще одно хрустящее белое письмо.

Когда я открыл его, там лежала тот же листок, аккуратно сложенный на треть.

«Привет, Джон. Меня зовут Крис, а это мой дом. Раньше у меня была кошка, и я люблю писать. Сколько тебе лет? Пожалуйста, напиши ответ».

Дома я быстро составил ответ. Детская выходка начала действовать мне на нервы.

«Привет, Крис. Что ты имеешь в виду под своим домом? Ты жил здесь когда-то и переехал?».

Я положил ответное письмо в ящик и направился к дому. В этот момент я услышал громкий металлический стук.

Моя кровь похолодела. В почтовом ящике лежало ещё одно белое письмо. Я взял его, открыл и прочитал содержимое.

«Привет, Джон. Нет, я всё ещё живу здесь. Как долго вы собираетесь жить здесь? Пожалуйста, напишите ответ».

Поэзия.....

Традиционная рубрика любого альманаха встречает как уже знакомыми именами, так и именами новыми.

Так же, как и в прозаическом разделе, здесь мы стремились собрать самые разные направления и стили, представить разные уровни мастерства.

Стихи тяготеющего к классицизму Игоря Дронова соседствуют здесь со строками, написанными представителем уже «новой волны» тагильской поэзии Юлией Судьиной.

Если имена Анны Радаевой, Надежды Чернавской или Екатерины Соловьевой уже знакомы многим, то для, скажем, Анны Бондыревой или Михаила Колбина – это дебют на сраницах альманаха (и печати тоже).

За плечами у Софьи Зыковой уже есть первая – журнальная – публикация. И закономерным продолжением вхождения в поэзию становится её подборка в нашем альманахе. В стихах Софьи уже формируется свой стиль, видна работа над словом – и это позволяет надеяться, что мы и дальше будем знакомиться с результатами этой работы.

Интересным открытием этого года стала для нас Ольга Суханова. Руководствуясь девизом «ни дня без строчки», она, неделя за неделей, создавала (и продолжает создавать) поэтический дневник своей жизни. Своеобразные зарисовки о природе, жизни, работе и отдыхе выстраивались в длинный ряд, не только показывая мир, в котором живёт автор, но и демонстрируя постепенно растущее мастерство. Как результат – в эти декабрьские дни выходит первый сборник стихов Ольги, с чем мы её искренне и поздравляем!

Иллюстрация Евгении Стрелковой

Игорь Дронов

Осень

Меж скал река широкая течёт.
Спокоен ток её, но непреклонен,
И вечность беспрерывно он несёт:
Не воду – он секунд незримых полон.

И каждый миг, что прожит – унесён:
Нет остановок времени теченья.
И коль не будет сердцу ценен он,
Сокроется в мгновенье в мгле забвенья…

И свой река не прерывает ток…
А потому всё дальше от светила
Планета отлетает, и поток
Лучей на Землю льёт всё с меньшей силой –

Так осень опустилась. Уж красна,
Желта листва древес, предугадавших
Зимы грядущий холод, в неге сна
Её морозы лютые встречавших –

Покрасоваться всяк желает, а
Зима, меж тем, всё ближе подступает,
Снимать пора наряды – время сна.
Пусть ветер их в лоскутья обращает.

Меж скал река широкая течёт.
Спокоен ток секунд, но непреклонен.
Древес остаток роскоши влечёт
В незриму даль, их не воротишь боле.

С другой же стороны несёт река
Зимы суровой лютые морозы.
Как прежде, тихо плачут облака,
Но холод обращает в снег их слёзы.

Так было раньше – будет так и впредь.
Не раз ещё ведь цикл сей повторится.
Как речка вдруг не сможет замереть –
Так и планета – вдруг остановиться.

«Всё в мире обращается кругом» –
Такой закон Вселенная диктует.
Нет места остановкам в мире том,
Где всё периодически пребудет.

Но что есть осень? – Цикла «год» закат,
Земного оборота завершенье,
В реке секунд, что тихо вдаль летят,
Великого Закона отраженье.

О, Осень! Нет прекраснее поры!
Замри же ты хотя бы на мгновенье!
Но вдаль уносит осени дары
Течение и предаёт забвенью…

***

…Они не выбирали, где расти,
Где в небо устремить свои вершины,
В лесу тенистом, иль среди равнины
Раскидистые ветви вознести…

…Они не выбирали, где с землёй
Судьбою уготовано свиданье,
Не ведали о лаврах и стенаньях,
Сокрытые древесной чешуёй…

…Они не выбирали, но толпой –
Лишь узы тихой шишки ослабели –
В полёт пустились чада сосен, ели,
Слепой влекомы ветреной Судьбой…

…Они не выбирали свой удел,
Не ведали, что предстоит родиться
Им не в раю, свободными от дел,
Но в чаще леса тщетно ввысь стремиться –

Туда, где едва брезжит солнца свет,
Ветвей сокрытый непроглядной толщей

Тех сосен, чей удачливее век,
Чей жизни путь по случаю был проще…

…Они не выбирали, где взойдут,
Но где свой корень им пустить случилось –
Там ввысь стволы взметнулись и растут.
Превозмогая бури, мрак и сырость

За золотым всё тянутся лучом
Что меж ветвей надменных проскользает,
И вместе с его ласковым теплом
Ехидна тень последних ниспадает…

…Они не выбирали, но в борьбе
За свет нимало силы их разнятся,
И те дворяне-сосны в вышине
Едва ль под солнца златом потеснятся.

Напротив – кроны шире распахнут,
Последний луч живительный затушат,
И кто им неугоден – загниют,
Самих себя без времени заглушат…

…Они не выбирали. Избежать
Не в силах злого случая веленья.
Сулит им ветви голые предать
Сырой земле. Коснётся разложенья

Всесильная рука в час обратит
Тела древес во чёрны почвы комья,
В питание для прочих. Уж спешит
Пробраться в толщу кончик ветви корня…

…Они не выбирали – не могли,
Но сразу после смерти волей свыше
Простыл их след, зато за счёт земли
Удачливый поднимет крону выше.

Пробиться всё труднее, под листвой
Нечаянно счастливых и богатых
Другие обращаются землёй,
Бесславно век у ног кончая знатных…

…Они не выбирали свой удел,
Не ведали, что ветви тень нависшей,
Сосны лесной ближайшей наивысшей,
Укажет им поднятия предел…

…Они не выбирали, но средь тех,
Лучей кто и не видел животворных,
Нимало было более достойных,
Но не познавших вольности утех…

…Они не выбирали, где расти.
Удачливый ввергает в мрак и сырость
Всех прочих – разве это справедливость?
Они ж не выбирали, где расти…

Михаил Колбин

Как мало нужно для счастья –
Правильно идущий трамвай:
Спасет от любого ненастья,
Садись в него и уезжай.

Маршрут его очень долог,
Повезет хоть на света край.
Проезд в нем не так уж и дорог,
Просто садись и уезжай.

Попасть сможешь в мир чудесный:
Пейзажи прекрасны, как сон.
Останешься? Край интересный –
Тебе будет он словно дом.

Анна Радаева

Люди никогда не умирают

Люди никогда не умирают,
просто рядом быть перестают…
Как свеча, неслышно угасают,
покидая наш земной приют.

Улетают выше, словно птицы,
не сказав каких-то главных слов,
и, читая скорбь на наших лицах,
с неба посылают нам любовь…

Все, что нас могло душевно ранить,
больше никогда не заболит:
после их ухода наша память
в сердце лишь хорошее хранит.

Как свеча, неслышно угасают,
чтоб собою путь нам освещать…
Люди никогда не умирают,
просто мы не можем их обнять.

***

Вот, летишь. Твоя жизнь – как тень:
все успеть, накопить, добиться…
Надо выбрать хотя бы день,
и хоть разик остановиться…

И на небо хоть раз взглянуть,
и увидеть на небе взоры,
что покажут тебе твой путь,
чтоб задаться вопросом: «Кто я?»

Ты полжизни копил на жизнь,
на шубы, квартиры, машины…
Товарищ и друг! Очнись…
Не это, увы! – вершины!

Счастливым не сделает дом
и яхта у океана.
Мы думаем лишь о том,
что пусто у нас в карманах…

А пусто – у нас в душе,
и как же душе приятно
на каждом крутом вираже
откладывать на послезавтра!..

Но жизнь в нас идет *сейчас*…
Пусть каждый из вас обернется,
соберет, что есть лучшее в вас,
и посмотрит с любовью на солнце…

Мы думаем, что сильны,
что крепкие наши стены…
Только голос из глубины
возвращает нас, блудных, к вере…

Сегодня ты твердо уверен:
надежна твоя дорога!
…Только мы ничего не имеем,
собственно, кроме Любви и Бога.

***

Я любви попросила у Бога,
И надеялась, будто пошлет
Мне красивого, да удалого –
Море качеств наперечёт!

Я любви попросила у Бога,
И Господь мне её показал...
Это если себе – не много,
А вот ближнему – все отдам!

И любовь – это даже средь ночи
У больного в ногах сидеть,
И молиться душевно очень,
Чтоб обоим напасть стерпеть...

И любовь – это вас утешить,
Если начали вдруг хандрить,
Это нежно обнять за плечи,
Это боль пополам делить...

Это не передать испуга
Через скорый ночной звонок,
Даже если у вашего друга
Что-то страшное произошло...

Это даже купить подарок
На последние сто рублей...
Это не показать осадок,
Если в ссоре ты несколько дней...

Это сердцем, душой и телом
Разбежаться, прийти, помочь!
Это думать о вас между делом,
Захотеть повидаться вновь!

Я любви попросила у Бога,
А теперь ничего не прошу,
Ведь любовь – это та же дорога,
По которой я в жизни пройду!..

***

Мы не знаем ни дней, ни судеб,
ни жестоких часов войны,
где достойно погибли люди
за спокойные наши сны.
Мы не знаем мечты их, песни,
чем жила до войны душа,
где бомбежка, как страшный вестник,
их настигнет в четыре утра,
и где двадцать второго июня
молодые уйдут на фронт.
Вкус последнего поцелуя
от любимой – за горизонт...
Мы не знаем их жгучей боли,
веры в бога, потери сил,
запах алой запекшейся крови,
и друзей боевых могил,
и ночей, что они не спали,
материнские письма в слезах,
танки, сделанные из стали,
осиротевших детей глаза.
Мы не знаем той страшной яви –
умер прадед, совсем молодой,
и наш кинематограф лукавит,
представляя войну в кино…
Да и в книгах войну не распишешь,
и никто нам не объяснит,
каково это – ты еще дышишь,
и стремишься мечтать, и жить!..
...Мы не знаем ни дней, ни судеб,
ни жестоких часов войны,
где достойно погибли люди
за спокойные наши сны.

Анна Бондырева

Осень

А эта осень на дворе
Рисует красками сюжеты,
И в молчаливой суете
От нас уходит снова лето…
Красив осенний листопад.
Так много красок в этих листьях!
Придумала природа так,
Что можно этим насладиться.
И стая птиц спешит на юг,
И солнца в небе очень мало.
Но все же осень я люблю!
С ней на душе спокойно стало…

Екатерина Соловьева

***

Я люблю тагильские дожди –
Шумные брильянтов звездопады –
Что-то тихо плавится в груди
От их лёгкой тающей прохлады.

Всплеском высыпается с небес
Россыпь перламутровой капели.
Сквозь дождя хрустальный дивный лес
Я иду, вбирая запах хмеля,

Запах тёплых песен у костра,
Вкус хороших искренних историй.
Льются с неба нити серебра,
Шепчут сказки дивных лукоморий,

Ждут, когда я в рифму их вплету,
Льют и не боятся простудить.
Собирая грёзы налету,
Я люблю тагильские дожди.

***

«Я не хочу поддерживать войну»,
Сказал в толпе мужчина на параде
Победы нашей. Так чего же ради
Пришёл он в День Победы на парад?

Чтобы смотреть, как едут наши танки?
Платить и каяться униженно врагам?
Топтать наших защитников останки
И распродать Россию по кускам?

Войну он видит, слушая вполуха
Предателей, сбежавших из страны.
Забыл из девяностых он разруху,
Забыл, как голодны мы были и бедны.

Ему ещё пока не угрожали
Отнять его язык и все права,
И СБУ в застенках не пытали,
Рассказывая, как сгорит Москва.

Но против он, ещё не разобравшись,
Закрыв глаза на сотни мирных жертв,
Детей Донбасса мёртвых не видавший,
Врагов он наших не поддерживает смерть.

А на границе бой идёт суровый,
Чтоб он не знал о слове геноцид,
Не слышал звука, страшного такого,
С которым «хаймарс» натовский летит...

Юлия Жилицкая

***

Сладко ли, мальчик,
ты спишь, недолюбленный,
Или тебе не до сна?
Вместе с любовью бездарно погубленной
В сны твои входит Она.
Сущей безделицей, шуткой забавною
Все показалось сперва.
Стало стрелой в твое сердце направленной,
И не воротишь слова.
Хрупкая девочка с взглядом надломленным…
Где же ты раньше-то был?
Ну почему так не вовремя понял ты,
Что лишь ее ты любил?…

Олеся Русских

***

Ты ударишь ногой постель, и она свернется.
Ты захочешь меня убить, но с восходом солнца
призовешь, как всегда,
быть заставишь с собою рядом,
обещая, кляня, иногда же – суля награду.
Ты мне скажешь: идет беда и холодный ветер,
я нужна тебе здесь, а не там, с Дочерями Смерти.
«Из отцовской любви в первый раз –
да в объятья моря...»
Твоя близость согреет и будто плащом укроет.
Но я стала другой, я узнала о вечной жизни
(то, чем я дорожу, ты опять назовешь капризом),
и грози не грози – то лишеньями, то расправой –
я не буду как ты. Убивать для тебя не стану.
И за то, что теперь я одно не с тобой, а с ними,
ты мое заберешь, а потом позабудешь имя.
А на Севере солнце взойдет и опять погаснет,
и я буду уже не в твоей высочайшей власти:
я останусь в легендах – и ты, да не тем героем.

«Из отцовской любви в первый раз –
да в объятья моря...»

***

Кланяйся, в ноги кидайся, дура,
в слезы, и личиком белым - в слякоть.
Что ты стоишь и глазеешь хмуро,
что за привычка - в жилетку плакать?

Падай, покуда чужая милость
жизнь измеряет длиной запястья,
и представляй, как оно б катилось
к черту и дальше такое счастье.

Может, все будет, но быть не сможет,
переносного не хватит света.
Как ни люби, все никто не должен
быть благодарным тебе за это.

Кланяйся, в ноги кидайся, снова
в глину вбивая былую смелость.
Думай, а будешь ли ты готова
делать все то, что давно хотелось.

Дарья Шахова

***

Эту песню я просвещаю весне,
Всем,
Кто не боится,
когда в мираж
Обращаются спицы
В колесе...
Велосипедисты!
Вы не нравитесь мне.
Бойкие, смелые
Мчитесь по свету –
Целуетесь с ветром.
А что делать тем ,
Кто в консервных банках
Жмётся друг к другу
Аккуратно,
Чтоб не дай бог не напороться
На вас?
Не хочу больше, не стоит того...
Солнце!
Заткни свой чёртов свет за пояс.
Никто
не будет любить Тебя,
Как я.
Знай
это.
А теперь – ступай –
Скоро лето...

***

Мир прекрасен!
Чертовски прекрасен!
Люди строят его для себя.
Безобиден он и безопасен…
И удобен в вопросах жилья:
Электричество, газ и вода –
Горяча, холодна – как угодно!
А посмотришь вокруг:
Тут – стена. Тут – стена.
И ещё две стены.
Свобода…
Здесь для каждого есть уголок:
И в шикарных отелях,
И в люках,
В теплотрассах, в подвалах домов,
Где не губит мороз, даже лютый.
Городская услада – вино:
Дорогое, коль хочешь, дешёвое…
По желаниям всё решено –
По усилиям распределённое.
Счастье? – Есть!
Безусловно имеется
В безвозвратно прекрасном мире.
И положено всем, разумеется,
Ждать его, запарившись в сортире/квартире/.
Золотая, чугунная клетка –
Да неважно, ведь суть не изменишь:
В ней душа запечатана крепко.
А для тела всё есть –
Это ценишь.

Новогоднее желание

Отпустите меня на свободу.
Я прошу – запахните мне веки.
Никого не любила я сроду –
Не нуждаюсь я в чьей-то опеке.
Дайте мне облака целовать
И упасть, опалив свои крылья…
Никогда не умела летать,
Но хочу, чтоб мечта стала былью.
Подарите мне ветер прохладный.
Разрешите гулять нагишом.
Я страдаю душевной заразой –
Пессимизм – равнодушия стон.
Как же хочется глупой свободы,
Вседозволенности и простоты,
Быть распущенной, дерзкой и пошлой,
Без границ и запретов… любить?..

Розовая песенка

Розовые домики, радостные школьники
Бегают, смеются – на урок спешат.
Розовые бантики, шапочки и шарфики
Украшают розовые щёчки тех ребят.
Розовые дяденьки топают по улицам –
Розовые шарики и цветы несут.
А за этим розовым души кроют чёрные –
Ненавижу розовый – не переношу.

Андрей Майданов

***

Вот и весна…
Только что-то осталось
От зимы и её вензелей.
Может это моя
ледяная усталость?
Или память о Ней?..
Или это – замерзшие в вазе бутоны,
Не целованные теплом?
Или жалобный всплеск
колокольного звона?
Ни о ком…

***

Что за азартная игра:
Один раз – «за»
И сто раз – «против»!
Взять крепость сердца «на ура»,
Ей овладеть и…. Тот час бросить.
Какая страшная игра.

***

Благословляю глупую молву,
Что Ваше имя треплет постоянно!
Благословляю Ваши рандеву
С героем однодневного романа.

И тонкую, насмешливую бровь
Благословляю для побед жестоких
И Ваши дни, святая Нелюбовь,
Благословляю на века и строки!

И жажду обращения в рабов,
Благословляю на неутолимость.
Благословляю бритву лепестков
И, для веселья, сыгранную милость.

Благословляю! Да хранит Вас Бог
От серости и ханжеских притонов.
От пустоты и траурных цветов…
Благословляю юность без законов!

Анастасия Аршук

Последняя бабочка

Последняя бабочка есть у меня.
Она на ладошке сложив два крыла,
Трепещет, дрожит на осеннем ветру.
И, видно, замёрзнет уже поутру.
Последняя бабочка – лета привет.
Летела на глаз моих солнечный свет.
Она обманулась. Жестоко. Как я.
Я думала: лето и ты – для меня.
Но лето изменчиво, впрочем, как ты.
И вот умирают и плачут цветы.
И нет уж пристанища бабочке той.
Наверно, умрёт она вместе со мной.

Парус

Я – парус, что несётся по волнам
Отчаянно.
И я не дома – здесь и там
Случайно. Но…
Есть у меня, что нет у вас, –
Моря глоток.
Так кто же более из нас
Тут одинок?

Елизавета Табатчикова

***

Помолодела,
Поступью белой пошла
Черёмуха
Без любви под венец,
Плакала…
Сердце невесты лесной,
Без промаха,
Пуля моя распахнёт
Наголо…
Девичья грусть-печаль
Вьюжится
На револьвер лепестком
Падает.
Лучше пускай от любви
Кружится....
Выстрел мой за красоту
Ратует
Бьёт в белизну волна
Алая...
Брызгами на губах,
Росчерком,
Ягода родилась.
Знала я,
Вкусом свинца наполнена
Косточка...

***

Лето размножится листьями,
Лапы зелёные вылижет
И на дороги бугристые
Выйдет валяться в пыли...
Это к дождю запашистому!
Капли летят, и за ними же
Прыгает лето пушистое,
Радугой тает вдали...
Лето опомнится, высохнет:
В зелень дождинки впитаются.
Листья до блеска зализаны –
Значит пора отдохнуть..
Прямо в окошко, карнизами,
Лето ко мне пробирается.
Серой, немного замызганной
Кошкой ложится на грудь...

***

Не плачу! Не жалей!
Мне просто
Под веки брызнула звезда,
Где ослепленно ищут гнёзда
Мои осиные стада.
Глаза гудят от звёздной пыли
Я не кричу и не буяню!
Во мне как будто натопили
По-черному большую баню...
Повылезал народ паучий –
По баньке шепчутся шаги.
Стирают-сушат сотни брючин
Для каждой чёрненькой ноги.
Забродит ночь, питаясь дымом.
Тепло и копоть на губах.
Вернётся звоном комариным
Твоё раскатистое «Ах!..»
Звезда повисла на ресницах
И обернулась светлячком.
В нём отразились наши лица
И те, молились мы о ком,
И то, о чём звезда просила.
Я плачу. Не жалей...
Теперь
Во мне достанет звёздной силы
Открыть в себя другую дверь...

Шалый август

Укрыла грудь шерстистой шалью:
«Не застудить бы мне нутро…»
Смущает август прелой далью,
Ерошит чёрные перо...
Оно толкается из кожи:
Из каждой махонькой мурашки!
Но сердцу так теплее всё же,
Теперь не мается, бедняжка…
Глушу смородиновым бредом
Свою чернеющую стать
Из лета путь, увы, неведом.
Тогда, чего же мне терять?..
Несётся полем шалый август,
Срывая шаль огнем берёз!
Я вороном летать останусь
И жизнь пророчить невсерьёз.

***

Холод гложет ноги прохожим –
мне тепло
От того, что сердце под кожей
на-го-ло...
Охает бубен неба и крошит
крупный снег.
Ангелы вьюгой своих гармошек
белят век.
Зимнее интермеццо послушай.
Нравится?
Выгляни из капюшона наружу.
Плавится
снег на губах,
и счастье
тебя касается...

***

Пахнет паром и снегами,
солнце кажет алый скос.
Черти выгнали из бани
спелых девок на мороз!
Накатал сугробов грубых
Белый ком пурги с холма...
Берегите, девки, губы
Зацелует вас зима.

***

Голова-головня
не гудит гапаком.
Ни в себя, ни в меня,
ни о чём, ни о ком
не рыдай – не бодай
рогом бесовым в бок.
Лучше край неба дай!
Меж гортанистых строк:
Га-ла-лай!
Ге-ле-лей!
Загорлань-загутарь,
пригубиться налей,
положи на алтарь...
Нам с тобой в два горла
отпоить нашу прыть –
До Престола/котла
поцелуи кумить.
Горячо на груди
горячо до костей
Ты меня разбуди:
Га-ла-лай!
Ге-ле-лей!

Грачи

Мы привыкли с тобой
целоваться
до одури,
Пить намоленный снег
с начасовенных
крыш.
Нас в селе прозовут
«черноногие лодыри»
и прогонят в апрель:

«Кыш, пернатые, кыш!»
Жаль, но им не понять,
что любовь – это кружево
наших гнёзд на траве,
где весенняя сныть
обвенчает сердца.
Черноногими душами
мы поём на заре.
Мы умеем любить.

Весна, темнота, любовь

Метро мой –
Метроном
Размером две восьмых
за лобной долей ком.
Людской в вагоне жмых.
По ком стучит-кричит,
гремит вагонный хром?..
На языке горчит:
по ком_
по ком_ _
по ком_ _ _
Просыплемся в пролом
из неба, из весны.
Прямые, как псалом,
войдём
немые мы,
протиснемся броском:
ступень_
ступень_
стопа.
Простите, не о том...
Толпа
толпа
толпа
без такта, в никуда,
сквозь ритм, напролом.
По нотам – нагота
кругом
кругом
кругом.
Вечнозелёный тон
подземной ветки нам
понять не нужно ртом,
внушить своим
губам.
На север провезём
Две кипы партитур.
Прошепчем обо всём:
printemps, ténèbres, amour...

***

Писать в серёдке января
весенним слогом
и причащаться — на губе губа.
С нас спросит только Бог.
Лишь перед Богом
я буду так строга
к себе самой, что кожу тут же сброшу.
Оставлю для тебя —
на обогрев.
Я стану под ногами нежной рожью,
еще околоситься не успев...

Софья Зыкова

***

Ты однажды сказала,
что дороги ведут нас
В Рим.
Карфаген, Юс
и прочие им.
И сказала:
мы станем другими,
а потом,
как в Помпеи –
сгорим.
Я проклинаю дороги эти:
они – как плацебо
неизлечимо
больным.
Все дороги ведут к тебе.
К черту
Рим.

Недостаточно практики

Может быть у меня недостаточно практики,
но не могу я сложить нас ни в одно уравнение.
Я всегда была чрезмерно
плоха в математике,
а ты учил меня переводить
в системы счисления.

Бесконечность слов не дала мне
ни плюса, ни минуса.
Ты держишься на расстоянии
в измерении йоттаметр.
Объективность к тебе
не может быть применима.
Аксиома в том, что желание сдаться
равно один миллиметр.

Сквозь мириады формул,
постоянных и переменных
я искала в поступках твоих то,
что смогу объяснить логически.
Моя песнь давно лишена
сомнений первостепенных.
Я пишу о тебе,
изъясняя все чувства метафорически.

Может быть у меня недостаточно практики,
но не могу я сложить нас ни в одно уравнение.
Я всегда была чрезмерно плоха в математике:
Невозможно
параллельных прямых
пересечение.

***

Господи,
слышишь?!
Я в ярости от обид.
Неужели не видишь, что мир твой
как старая ваза,
разбит?
Оглянись,
человек был сложен Тобой,
так прост.
Почему ж он идет по земле,
будто ада
родной гость?

Слышишь?!
Мне страшно...
Я насмеялась уже всем назло,
ведь выживает смеющейся.
Видимо,
не повезло?..
На щеке оставляет Иуда
предательский черный след –
Отмеряет звон
тридцати,
в Гефсиманском саду,
монет.

Я ему:
«я люблю тебя».
Он мне –
моим же выстрелом.
Только вряд ли хоть малость из этого
им будет понято.
Господи,
если любовь существует
искренняя
Почему все друг друга меняют
на тех, кто
более...

Нет сил идти,
но
не могу никак
сдаться,
ведь знаю, что действует
бесхитростный
алгоритм:
Если упал –
к падению прибавляется
плюс
один.

Господи,
я смирюсь,
подавлю эту глупую злобу,
ведь гневу не место
в слове
о человеке.
Но на погосте,
Прошу лишь
исполнить
просьбу:
Не твори этот мир –
Он никогда
не воскреснет...

***

Мне сегодня выпали карты
«зачем ты здесь».
А ветер снаружи
продул все внутренности.
Бродский кричит из комнаты:
«Не выходи наружу»
Я вообще не высовываюсь:
больно кому я нужен.

Я примерил свой давний свитер
«любовь»
и не влез.
Подстрелили меня
в неминуемой новой драме.
Говоришь:
«Перестань по мне грезить
и писать по ночам sms» .
– Я забыл про тебя,
и отплакал вчера ожиданья.

В марте не тает снег –
но потом все
уравновесит.
Не осталось мне «плакать» ,
не вижу «чернил»,
не найду «навзрыд» –
Ничего, что советовал Пастернак.
Я пишу о марте.
Бродский из соседней комнаты
мне кричит.

У меня во рту наконец-то проглочен
неразжёванный
крик.

Ольга Суханова

***

Рекомендую: пейте лето!
Просторы, небо, ароматы.
В нём отраженье солнца в лужах
И дивных вечеров закаты.

Рекомендую: пейте лето!
Взахлёб! Большущими глотками!
Воспоминанья вас согреют
Заснеженными вечерами.

***

Если широко раскинуть руки,
Чтоб обнять всё лето поутру,
Чтоб услышать трепетные звуки,
Чтоб заметить новую игру
Тени – света в кроне старой липы.
Отражённый в лужах лета пир.
То вопрос, как коршун: кто художник?
Ты, букашка? Или этот мир?

Цвет восхода. Ночи ритм и света
Повторить не сможет человек.
И поэтому я обнимаю лето,
Понимая дней текущих бег.

***

А счастья много и не надо.
Его не надо про запас.
Пусть так: всего одно мгновение,
Но здесь. Сегодня и сейчас.
Его не нужно прятать в банке,
Закапывать, как в землю, клад.
Вдохнуть…и жить с ним, как с подарком,
В нём – благость и с собою лад.

***

Привыкаю к дождю.
Думала, будет иначе.
Прошлогоднее лето вело себя не так.

Знакомлюсь с июнем.
Зонт стал другом, значит,
Сила привычки, комфорт – это пустяк.

Новый маршрут.
Прежним дорогам – память.
Мысли другие и скорость. Маршрут обновлён.

Что впереди?
Время наступит – узнаю.
Просто иду, вперёд. Новым своим путём.

***

Плывут над прудом ароматы
Травы, шиповника, дождя.
Рассветы, полдни и закаты,
Как будто хоровод водя,

Сменяют в очередь друг друга.
Из года в год. Из века в век.
Они иначе не умеют.
А наблюдатель-человек

Имеет иногда возможность
Присутствовать при чуде том,
Смотреть и чувствовать стихии
В объятии вечности времен.

Юлия Судьина

***

Вот и в моем доме зима
Стоит рядом у пустого окна
Отворяет двери
Говорит – выходи
Спят тихо звери
Греются фонари
Вот и в моем доме зима
Полно откровений
Не хватает тепла
Часть моего поля
Укутано в плед
Я говорю – твоя воля
Ты отвечаешь: «нет».

***

Вырасти... выйти за дверь наедине
Оказаться больше чем вживую
Проиграть вчистую в какой-то войне
Сразу по правилам попасть на другую
Заимствовать просто брать взаймы
Не встречая осуждения на кого-то похожего
Не чувствовать ничего что во мне
Отвечает правилам любого прохожего
Замереть... Ответить на одинокий вопрос
Внутри тебя не мне задаваемый
Я вечная мой тотемный зверь – пес
В холодном дне глаза моего отражаемый....

***

Нам не встретиться
Потому что не надо
Ты бесишься
У тебя слезы градом
Я кривляюсь отхожу
Ломками
Мы остались
Почти целыми блоками
Нас желали
Из нас выстроили
Лестницу
Как я и писала вначале
Нам не встретиться...

***

Детка, не спи
Пусть в твоих глазах лошади жуют траву
Запивая снежной водой
Тихие дни
Это все наяву и в общем неправда
хотя кажется жуткой бедой
Открой на любой странице
Три свои книги и читай
как умеешь только ты
Ничего не случится так и знай
Хотя в этой комнате глядят изнутри
И если тебе захочется откровений
Собери гербарий самых волшебных цветов
У всех одинаковое количество мнений
Но только наши – без слов....

***

Закрою
Так что воздух станет мной
Отворочу
Что всяк устанет биться
Я не смогу
Не вырасти травой
Я не смогу
С тобою не случиться
Укореню
Обрушу весь покой
Отождествлю
За острыми краями

Я не смогу
Остаться не живой
Я не смогу
Не вырасти лесами
Не ровен час
Ты выйдешь за порог
Не будет так
Что я открою руки
Я не смогу
Не видеть между строк
Я не смогу
Не слышать эти звуки....

***

Мои откровенья застанем пожалуй без толку
Я ставлю засохшие
серые жесткие листья на полку
Мне много воды
обнимая ее пережить перекрыться
Пускать уходя
бесконечно бесстрашно руками по лицам
И черные рыбы
закроют глаза и задышат под кожей
Мои откровенья
всегда на тебя бесконечно похожи....

***

Я опускаюсь на дно океана
Чтобы расти
Выкроят выложат все мои раны
Кожей киты
Вырастут волосы-водоросли мимо
Тусклых огней
Переживаю темную зиму
В зоне зверей…

Екатерина Фид

На грани

«Не хочешь жить!? – плечо сжимает болью. –
Шагай! Проблем не будет, говорю!»
В глазах темнеет, возглас недвольный:
«Ну, что ты трусишь!? Хочешь – помогу?»
Цвет жёлтых глаз всё глубже проникает,
Улыбка мерзкая кривит лицо:
«Ну, что молчишь? Смелее, дорогая!
Представь себя неопытным птенцом!»
И в пропасть смотришь в чёрную, гнилую...
И шаг за шагом ближе к смерти ты...
Но что-то больно сердце так кольнуло.
И невозможно путь назад найти.
«Давай уже! Ты раздражаешь жутко!
Хотела – прыгай! Нет – так уходи!
Хотя... ведь думать раньше надо было,
Звучат когда желания твои!»
И голос эхом в теле раздаётся,
Он в бездну тянет, манит и зовёт...
Не смей! Надежда пусть тебя коснётся,
И сжав плечо от края отвёдет.

Алексей Чавбан

Вечер

Исчезло солнце за Шихан,
Пруд почернел, и вот
Угрюмый повалил туман
С загадочных болот.
На небе звёзды не видны,
Ползёт, крадётся мрак.
Не нарушает тишины
Привычный лай собак.
Тоскливо светят фонари –
Рассвет им долго ждать.
В приход малиновой зари
Все будут крепко спать.

Серьёзная девчонка

Серьёзная девчонка из Сибири
С доверчивой горячею душой,
Согрей меня в нетопленой квартире
Любовью необычной, неземной.
Окутаем лесною паутинкой
Слова вчерашних выдуманных ссор,
Приду к тебе заветною тропинкой,
Любуясь водопадом белых гор.
Разбудят стуком ледяные братья –
Заснувшие озёра старых луж,
Заманит снова в сладкие объятья
Ресниц твоих сиреневая тушь.

Снежный терем

Замело мой дом в деревне,
В окнах белый пар застыл,
Ветер зимушке-царевне
Снежный терем сотворил.
Как пустынные барханы,
У ворот метель навила,
В них, как волны океана,
Снег декабрьский положила.
Крыши в шапках Мономаха,
В пышных, грозных, боевых,
Даже маленькая птах
Потеряла всех родных.

***

Я отпустил тебя, родная,
Лети, как чайка за моря,
Судьбу-злодейку проклиная,
Смотрю на небо сентября.
Дождём затопит переходы,
А ветер листья оборвёт,
Напомнит молодые годы,
С собой в просторы позовёт.
Он жизни вольной мне предложит,
Покинуть город и страну,
Но только душу растревожит…
Я буду ждать тебя одну.

Кружева ресниц

Где ты, моя милая, ласточка земная,
Юбочка в горошек, кофта расписная.
Над лесной речушкой дымчатый туман,
Спрятались берёзы в марлевый кафтан.
Ты сегодня вечером слова не сдержала
И другого парня в губы целовала.
Унесут обиду слёзы хвойных гор,
Засыпает снегом наш сосновый бор.
Девочка, я знаю, ты мой талисман,
Я не верил в счастье, испытав обман.
Глазки голубые, кружева ресниц
Мне приснились ночью под напевы птиц…

Татьяна Ларионова

Яблонька

В подвенечном платье нежном, кружевном,
Яблонька-невестушка под моим окном.
Скромная, неброская раньше ты была,
А теперь нарядная – вся белым-бела.
Как девчонка-школьница расцвела к весне,
Ветвями упругими тянешься ко мне.
Яблонька-лебедушка, свежесть сохрани,
Шёпотом листвы своей меня заговори,
Пусть пройдут ненастья, миновав мой дом,
Чтоб в любви и мире жили дети в нём,
Чтобы в души светлые не прокралась ночь,
Чтобы черны вороны разлетались прочь.
…Но мгновенья счастья нам не уберечь,
Платье подвенечное спало с твоих плеч,
Жаль, не долговечна девичья краса…
Мне с листа скатилась на ладонь слеза.
В подвенечном платье белом, кружевном
Отцвела та яблонька под моим окном
Жизнь как дальше сложится – знают небеса.
По плечам рассыпалась русая коса...

***

По зарослям своей души
Бреду, что путник утомленный
В ней всё запуталось, сплелось,
Как и на даче отдаленной
И нет проторенной тропы,
Всё вперемежку – счастье, беды,
Обиды, и моё «Прости»,
И твои зряшные обеты…
Две одинокие судьбы
Сплелись в одну больную тему
Ты охладел ко мне, увы,
А я к тебе не охладела...
У каждого своя здесь роль,
Которой следуем примерно,
Мы текст забыли, а суфлёр
Не протрезвел еще, наверное.

Крещение

Благословенно падал снег
В ночь на Крещение,
Он – серебро, он – волшебство,
Он – очищение!
Лебяжьим пухом покрова
Зимы – метели,
Роскошны белые меха
Застывших елей,
Снежинок легких хоровод
Небес качели...
И Божья милость снизошла
На все купели!

***

Я так этот снег ждала...
А он всё не шёл, не шёл,
Но счастью пришла пора и чудо произошло!
Вдруг стало белым-бело,
Искрится на солнце лес,
И лишь белокрылый ангел
на землю слетел с небес...

***

Сегодня вечером весна ко мне явилась,
Она давно стояла у окна,
Дурманом ли черемухи иль птичьим пением
Околдовала, сердце в плен взяла,
О месяц май, легко тебе доступны
И буйство зелени и неба вышина!
В открытое окно прохлада ночи льется,
Как быстротечен сон,
как благозвучна тишина...

Весна, весна, зачем ты не надолго,
Зачем ты так наивна и робка,
Весна, весна, хочу тебя до донца испить,
Так жажда велика!
Сегодня вечером весна ко мне явилась...

***

Мелькают леса, перелески
Да крыши крестьянских домов,
Березки, сосенки и ели –
Богатство уральских лесов.
Вскрываются речки, болота
От зимнего стылого сна,
И робко, как будто, намеком
Проклюнулась зелень,
Весна...
Весна, что же ты задержалась,
Мой дом не наполнишь теплом,
Тоска, или просто усталость
По сердцу прошла холодком,
Весна!
Растопи глыбы снега,
Пьянящей свободой умой,
Пролей свои первые ливни
Над грешной моей головой,
Весна...
Обновленье желаний,
И свежего ветра глоток
Стремительным горным потоком
Наполни засохший прудок!
Весна...

***

Какое чудо жить вдали
От городского шума-гама
К тому ж одной, совсем одной
Без гаджетов и инстаграма,
Без суеты, по воле волн
Лететь частичкой мироздания,
И лишь в себе, в себе самой
Искать участья и признание!
И лес и речка и цветы,
Здесь все волнует ум поэта,
Как хорошо про все забыть
И быть вне зоны интернета!

***

У августа свои права
На утра влажное дыханье,
На редкость солнечного дня,
На безутешный плач дождя
И звездопадом любованье.
У августа свои права
На янтаря в листве вкрапленье,
На спелых яблок аромат
И на малиновый закат –
От вечных дум отдохновенье,
На щедрый урожай в Успенье.
У августа свои права...

***

Облетает листва, облетает,
Засыпая дорожки аллей.
Бабье лето сегодня гуляет,
Провожая на юг журавлей.
В небе солнышко ярко сияет,
Согревая прощальным теплом,
Мириады костров зажигает
Золотистым и медным огнем!
Облетает листва, облетает,
Чтоб с землей породниться скорей,
Так и годы мои пролетают
Чередой незатейливых дней.
Но недолго продлится успенье,
Забурлят в недрах соки земли,
И проснется, задышит подснежник,
Возвещая начало весны...
Облетает листва, облетает...

Надежда Чернавская

***

Звон всех колоколов звучал!
И, небу возвещая чудо,
Он музыкой своей венчал
Осенний бал над прудом.
Спешит березка пригласить
Рассвет на белый танец,
В листве не в силах погасить
Сентябрьских дней румянец.
А шаловливый ветерок
В седых гуляет клёнах,
И закружит его листок
По улочкам знакомым.
Танцуют этот славный вальс
Дома, мосты Тагила,
Чугунной набережной вязь,
И дым, привычно милый.
И, вторя музыке богов,
Волна понежит пляжи.
Коснётся грустно берегов,
И до весны у кромки ляжет.
И кружит, кружит листопад…

***

Небо серой шинелью
Над Тагилом легло.
Дождь колючей шрапнелью
Барабанит в стекло.
Балом правят туманы
Из седых облаков.
Гор уральских капканы –
Где-то там, далеко…
Город редкими днями
Наслаждался харой.
Задыхаясь дымами
Ждал погоды другой.
Нам бы вновь солнцепёка,
Ведб Петров день прошёл.
Дождь грибной – недотёпа –
Край родной обошёл.
Вдруг над лесом и полем
По линейке косой
Увлечённый июлем
Рвётся луч золотой!
Было лето унылым?
Это нам нипочём!
Город, труженик милый,
Ну, расправь-ка плечо!

Погожий денёк

Полюбуйтесь тагильским небом!
Дым мартенов дыбится круче.
Город пахнет горячим хлебом –
Не металлом из ржавой тучи.
Вот и радуга на ресницах
Семицветьем вспыхнула ярко.
На купальниках и на лицах,
На умытых дождями парках.
Улыбнулся солнцу прохожий,
Перекличку ведут трамваи…
Если в городе день погожий –
Не заманишь ты нас на Гавайи!

Александр Генкин

***

Помолись за меня, старый добрый мой друг,
До рассвета немного осталось.
Неизвестность. Она
Заберёт душу вдруг,
Тихой негой заменит усталость.
Я увижу всех тех, чьими песнями жил,
И тебя встречу много позднее.
Этот мир – он не стоит
Порванных жил,
Нет в нём силы, чем Время, грознее.
Помолись. Передай
Нашу песенку той,
Чьи глаза полны радости серой.
Ради взгляда того я хочу идти в бой,
Называть её тихо Венерой.
Мудрый не по годам,
Волей рока рождён,
Я по чёрному красным пишу.
Ради тех, кто мне чужд,
Ради злобных племён
Я, шутя, этой жизнью дышу!
И чтоб новой звездой
Мы во тьме взорвались
Я не требую, друг, я прошу:
Помолись за меня, за себя помолись,
Я вернусь, этот стих допишу...

Галина Павлюкова

***

Мне легче в стихах излагать свои мысли,
Тогда не бегут они в разные стороны.
Стройны, лаконичны они и лучисты,
Кружатся над главою стаями воронов.
Я нежно, как мать, их сажу на бумагу,
Вверяя им душу и крася в слова,
За это они мне приносят в награду
Спокойствия каплю и веру в себя.
Они растекутся в огромное море,
Они создадут для меня и простор,
Куда убегу я, спасаясь от горя,
Где буду я сеять свой личный раздор.
Я буду бежать, утыкаясь в колючки
И в топь погружаясь по самую грудь,
В грязи вылезая, ползти на корячках,
Молясь лишь о том, чтобы не утонуть.
Кровавые капли оставив на ветке,
На хмурой земле грязевые следы,
Не раз натыкаясь на дерева метки,
Бежать, не прося ни воды, ни еды.
И отыскать поле, где нет и конца,
Вдохнуть этот воздух, что сердцу родной,
В себе возбудить все те голоса,
Смочить в предвкушении горло слюной,
И душу излить, обличая во звук,
Кричать аж до боли, до горла немения.
Буквально извергнуть симфонию мук,
Даря ее ветру, что вечно в гоненье.
А после откинутся в мягкие травы,
Уснуть, как в обители слабый монах.
Покой для себя я ищу, а не славы
В своих же простых и знакомых словах.

Марина Зудова

Снегири

Павлик наблюдал картину:
за окошко на рябину
с самой утренней зари
прилетели снегири.
И на веточках-качелях
снегири качались.
Из рябины переспелой
зёрнами питались.
И расстеленный по снегу
Красной ягоды ковёр,
И по синему по небу
гаснет зарева костёр.

Книжкины врачи

Растрепалась наша книжка,
Мятый у нее листок.
С улицы пришел братишка –
Мне чинить ее помог.
По разорванной странице
Кисточками мажем клей –
Лечим книжку, как в больнице
Лечат взрослых и детей.

Ручей

– Близок путь твой иль далек,
Говорливый ручеёк?
– Я бегу издалека,
впереди меня река,
Море шумное за ней,
и бежать мне много дней.
В океан попасть хочу,
а пока – журчу-журчу!

Базар

Ай, да шумный базар –
С решетом летит Комар,
А с лукошком – Мошки –
На ногах сапожки.
Скачет Блошка в босоножках
На серебряных застёжках,
Шмель купил комбинезон –
Для него как раз сезон.
– Налетайте, Мухи,
Нынче в моде брюки!
Божия Коровка,
Для тебя обновка –
Жёлтый сарафанчик –
На боку карманчик.
Ай, да шумный базар –
Нарасхват бери товар!

Бессмертный полк

Шёл народ в полку Бессмертном,
Майский шёл парад.
Люди все несли портреты,
Нёс и старший брат.
На портретах – наши деды.
Далека война.
Главный праздник – День Победы
Празднует страна!

Не.....

Раздел в кратким названием «Не», появившийся во втором выпуске альманаха, объеденил очень многое из того, что не было прозой или поэзией.

Почему «не»?

Потому что кто-то, пролистав этот раздел, может сказать: «Ну это же ***не*** *литература!»*

Конечно, отчасти он будет прав.

Но интересы студийцев многообразны и зачастую выходят за рамки того, что мы – в узком смысле – именуем литературой: стихи, повести, рассказы. А эссе, заметки, впечатления от поездок, литературные изыскания, жизненные случаи, облечённые в художественную форму, рецензии и т.д.? Ведь всё это тоже заслуживает право на рождение в стенах студии, а родившись – и на встречу со своим читателем!

Возможно в будущем из этого пёстрого вороха выкристаллизуются отдельные солидные разделы. Пока же это – маленькое лоскутное полотно, занавес, закрывающий наш альманах...

.

Иллюстрация Филиппа Вострилова к эссе «Запахи Питера»

Екатерина Прямкова

запахи питера

Я ДАВНО мечтала побывать в Санкт-Петербурге. И вот совсем недавно мы с мужем провели там неделю. Но если вы спросите меня «что тебе больше всего запомнилось в путешествии?», я отвечу – «запахи». Звучит, наверное, странно, но этот город и всё в нём пахнет иначе.

Первый запах – воздух в самолете. Я люблю летать, люблю смотреть на отточенные движения бортпроводниц, люблю вглядываться в огни города с высоты. У меня перехватывает дыхание при взлёте и посадке, словно на американских горках. И самое приятное – предвкушение перемен, чего-то нового, неизведанного. Ради одного только полёта стоит путешествовать.

Второй запах встретил нас у двери самолёта – свежий воздух Питера. Влажность делает его почти осязаемым, словно он сделан из прозрачной сладкой ваты. А в туман кажется, что это – дым с ароматом весны от огромной электронной сигареты великана, иначе для кого тут такие большие двери в домах? Мы гуляли по бесконечным набережным, мостам, паркам и везде дышалось так легко и хорошо, что казалось: мне снова пятнадцать, у меня каникулы и скоро я вернусь в школу.

Третий запах таило метро – оно пахнет машинным маслом. Под городом тянутся пять линий разных цветов, переплетаясь, создают что-то вроде паутины, а люди бесстрашными толпами муравьев шагают по туннелям и бегут по эскалаторам. Я, явно далекая от их ритма, вечно забывала встать в правый ряд, а в поезде меня и вовсе мотало по сторонам, но всё же метро мне понравилось. Если бы оно было у нас, можно было бы буквально телепортироваться из одной части города в другую.

Четвёртый – запах уюта, чистоты и комфорта. Так пахло в гостинице. Я впервые оказалась в настоящем отеле с большой кроватью, горничными и шикарным видом на город. В первую ночь в окно светила полная луна и я подумала, что даже когда я стану богатой и такие номера для меня будут в порядке вещей, я всегда буду вспоминать именно этот.

Пятый запах – это запах пота и пива. Так пахло на концерте одной из моих любимых групп, куда я пришла с подругой. Сами мы пахли прилично и пиво не употребляли, но толпа вокруг творила безумные вещи. Кто, как не я, мог потерять в слэме человека, с которым встретился впервые почти за год? Прости, Лиссица, в следующий раз я буду держать тебя всеми лапками. Это был странный, страшный, но всё равно нереально крутой вечер. Я послушала вживую свои любимые песни, увидела артистов и получила пару невзначайных синяков от толпы. Спаси, но не сохраняй, как говорится…

Шестой – запах кофе. С ним ходят все и везде. Его продают все и везде. Я тоже покупала, потому что стаканчик в руке согревает озябшие пальцы. Поэтому, наверное, с этими стаканчиками просто ходят, а не пьют кофе – когда пьешь, тело мурашками покрывается, ведь питерский ветер считает, что ему можно забираться даже под куртку. Но кофе вкусный.

Седьмым стоит назвать запах соборов – они пахнут восковыми свечами и пылью. Я не верующая, но здания и убранство завораживают. Полуосвещенные иконы и позолота создают ощущение таинственной торжественности. А со смотровой площадки Исаакиевского собора можно увидеть весь центр города. Дух захватывало от причастности к столь красивым и почти сказочным местам.

Восьмой запах – Эрмитаж. Мне сложно описать его словами, так же как и пройти все его залы за один день. Он пахнет величественностью и аристократией в истинном её проявлении. Все картины и экспонаты поделены по эпохам и странам, но есть кое-что, что тонкой незримой нитью тянется от первого до последнего зала. Дух творчества, таланта и любви к своему делу. Я размышляла про себя, разглядывая древнюю посуду, о

том, что все эти вещи в настоящее время не станут использоваться по прямому назначению. Старой ложкой из разбитой тарелки уже никто не станет есть, как и сидеть на старинном вырезанном из дерева стуле. Все эти вещи, как и само здание Эрмитажа, представляет историческую и духовную ценность, богатство нематериального плана. Это заставляет задуматься о том, что останется после нас, ведь телефоны и прочие гаджеты займут лишь одну из витрин музея через пару сотен лет. Что же ещё оставим мы потомкам?

Девятый запах – Кунсткамера. Там пахнет сыростью, будто подвалом, по крайней мере, мне так показалось при входе. Похода в этот музей я немного боялась, ведь первая ассоциация – это банки с зародышами, но вот и нет. Всё оказалось не так страшно, большая часть экспонатов была посвящена культуре мира. И совсем чуть-чуть – банкам.

Десятый запах – бесконечные кафе и рестораны, фастфуды и шаверма. Здесь буквально на каждом шагу в центре города есть где перекусить или купить сувениры, поэтому запах соусов теперь у меня будет ассоциироваться с матрешками, балалайками и ушанками.

Ну, и последним я назову запах книг и журналов. В первые дни мне казалось, что читают буквально все, а киоски и отделы с прессой здесь во всех переходах и станциях метро. Мне даже было немного стыдно, что я давно не читаю и не пишу.

В целом я очень довольна этим путешествием. Питер – это город, совмещающий в себе прогресс, быстрый темп жизни, но в тоже время сумевший сохранить первозданный вид и красоту. На его улицах хочется жить, в музеях и соборах – творить, а на набережных – петь. Я обязательно побываю там вновь и ещё раз вдохну всю эту палитру запахов полной грудью.

Ольга Мальцева

Сказочная Пицунда

ПИЦУНДА! Какое звонкое необычное имя! В детстве это место мне казалось недосягаемым и сказочным. Ряд высоток на берегу моря с надписью «Пицунда» красовались на плакатах о счастливом социалистическом отдыхе. И я почему-то знала, что мне туда не попасть.

Но, как известно всем, мечты сбываются.

Мы, гости Абхазии, едем на экскурсию в Пицунду!

Около Гагры сворачиваем со знакомой дороги и устремляемся к далёкому в этом краю морю. Машина несётся по ровной местности, справа и слева – широкие засаженные поля. Не успеваем определиться с культурами, как ныряем в зелёный тоннель. Строгие пирамидальные тополя выстроились, словно на параде, встречают гостей заморских. Следующий тоннель свит платанами, эти широко руки раскинули, готовы всех обнять.

Мы скользим по узкому извилистому тоннелю, скрытые от горячих лучей субтропического солнца. Солнца, по правде говоря, нет. Облачно. Совсем не жарко, но купальные принадлежности у каждого с собой. Как-никак на знаменитый курорт едем! Может, развеется, разгуляется погода.

Вот уже и посёлочек, вроде даже городом числится. В окнах автомобиля проехал возвышающийся за каменной стеной знаменитый Пицундский храм. Строгий собор раннего средневековья (8-9 века). Ровные каменные стены кажутся массивными из-за узких и длинных окон – «бойниц». Никакого убранства, никаких красок, только камень и кирпич, чередуясь, разрисовали это серьезное здание в полоску.

Я знаю, что здесь иногда можно послушать органную музыку.

– Концерт сегодня дают? – попробовала я «закинуть удочки», будучи уверенная, что меня никто не поддержит.

Но с удивлением услышала обнадёживающий отклик:

– А что, после того, как нагуляемся, можно и поспать под орган. Там видно будет, по времени.

Наконец автомобиль остановился, на территорию курорта въезд запрещён. Море. Набережная. Вот оно – это знаменитое пространство с плаката. Вдоль морского берега вытянулись две полосы – галечный пляж с редкими отдыхающими и ряд корпусов, выстроившихся друг за другом среди пушистой игольчатой зелени. Курорт расположен в знаменитой роще реликтовых сосен. Её так и называют – «пицундская сосна».

Высокие кривоватые тёмные деревья стоят в пышных шапках. Диаметр самого большого ствола был незначительным, сантиметров сорок–пятьдесят, по такому не скажешь, что дерево это древнее, реликтовое.

– Сосна называется реликтовой, потому что данный вид встречался миллионы лет назад, в ранние периоды, – произнесла всезнающая коллега, просвещая нас, и добавила, – совсем не похожа на нашу мачтовую сосну.

У пицундской сосны очень длинная хвоя, и молоденькие сосёнки смотрятся неимоверно пушистыми. Хлопают удивлённо ресничками-иголочками, перешёптываются, с ветром заигрывают. Я прихватила с собой две шишки, авось на Урале вырастут.

Погуляв по знаменитому когда-то курорту мы помчались на своём автомобиле дальше, на левое побережье бухты.

В правое окно мелькали высоченные сосны, в левое – маленькие почти заросшие домики посёлка Лдзаа, и я была по центру этой карусели… Вдруг до меня донеслось что-то интересное. Единственного среди нас молодого человека уговаривали лететь на парашюте. Он пытался сопротивляться и отговаривался.

– А что, если…, – я не успела дослушать свою мысль до конца, как поспешила выкинуть её вон, всегда боялась парашютов и свободных прыжков на резинках.

И вообще, недавно решила – никакого экстрима больше в своей жизни. Пока я вспоминала эту свою твёрдую точку зрения, молодого человека всё же уговорили, и все успокоились.

Вот и пляж! Красота! Настоящий пляж с жёлтым песком, бирюзовым морем, экзотическими зонтами, сложенными из бамбука и пальмовых листьев. Под пальмовыми навесами покачивались гамаки из деревянных дощечек и приглашали полежать. Мы кинулись переодеваться в пляжные наряды, несмотря на то, что в воздухе висела дымка, в небе суетились облака, а вода для купания была холодновата.

Вскоре прибежал озабоченный организатор нашей поездки:

– На парашюте надо лететь вдвоём, – выдохнул он, запыхавшись.

Все посмотрели на меня... Сердце радостно подпрыгнуло, и я, молча кивнув, как будто получила приказ, быстро, пока не проснулся в голове мой безэкстримный принцип, так, с пустой головой, устремилась к площадке у кромки воды, на которой стоял опутанный верёвками наш молодой человек.

Встала рядом. Двухметровый коллега протянул мне палку, за которую надо было ухватиться, и палка вместо горизонтали встала домиком.

– Отпущу её, как полетим, – придумала я, – пусть один держит.

Коренастый пожилой армянин долго опутывал и меня, давая указания: куда бежать, что держать, где прыгать,… Я слышала какие-то обрывки слов и ничего не понимала, в голове стучала мысль, которая, наконец-то, догнала моё тело:

– Как ты здесь оказалась?!

Она притихла только тогда, когда я вдруг услышала слово «приводнение». Пришлось переспросить, что же надо отстегнуть и снять.

Инструктор долго высчитывал, складывая мои пятьдесят килограмм со ста килограммами сотоварища. Мне это показалось подозрительным, и я поинтересовалась, на какую же массу рассчитан

этот парашют. Вместо ответа мужчина неожиданно гаркнул:

– Бежим!

И мы рванули с места. Помню первые два шага, и с удивлением увидела, что нахожусь уже высоко в воздухе. Мы стремительно поднимались. Звук катера, тянущего нас на верёвке, прожужжал пролетевшим шмелём и исчез. В руках у меня вместо палки почему-то были натянутые верёвки.

– Я ведь не прыгнула, почему полетела? – недоумение заполнило меня до краёв.

Надо было разбежаться по берегу и прыгнуть в море, оттолкнувшись изо всех сил. Видимо коллега-гигант всё сделал за двоих. Я лихорадочно пыталась вспомнить свои предыдущие движения на земле и никак не могла определить момент начала полёта.

Эта нерешённая задачка быстро испарилась из моей головы, как только я внизу увидела рисунок на поверхности моря. Он был живым, извивался, отсвечивая. Крупные чешуйки делились и делились, и становились мельче, мельче… Это завораживало.

Холодало. Ноги и руки покрылись мурашками.

«Хорошо, что на нас спасжилеты под самый подбородок», – подумала я, подняла голову вверх… и холод куда-то исчез. Над нами расцвёл гигантский цветок парашюта. Он рос, тянулся вверх, к заоблачному солнцу, увлекая с собою. Мы были единым целым с этой небесной красотой.

Это было необычно – лететь, не двигая ни руками, ни ногами. Находиться в огромном воздушном пространстве один на один, без какой-либо оболочки в виде металлической кабины, почти даже без одежды, и парить. Лететь, не влияя на это движение. Кто-то бережно нёс нас по небу в верёвочном рюкзачке. Благодать!

– Мы здесь близко к Богу! – радостно возвестила я.

– Я не верю в Бога, мы по разные стороны баррикад! – ответил молодой человек.

– А я ни с кем не воюю, – разочаровала я его.

Здесь, вдали от берега мы уже не могли понять высоту полёта, море смотрелось одинаково. Прокатив нас по кругу, катер пошёл вдоль берега, и мы полетели над скалами.

Вот здесь чувствовалась ВЫСОТА. Скалы стали ещё живописнее, вмещаясь в единую картину побережья. С множеством извилин выступов и впадин, с кудрявыми дубовыми рощами (как сообщил накануне наш гид), нитяными дорожками и с мизерными одинокими домиками. Вдали в дымке выходил в море зелёный корабль с белыми мачтами-корпусами, Пицундский мыс.

Совершив большой круг полёта, мы стали снижаться недалеко от нашего пляжа. Очень бережно и нежно нас подводили к поверхности воды. Ниже, ниже, ещё ниже… Пятки тихонько коснулись воды, я закрыла глаза и набрала воздуха в рот. Но ноги, проехав по поверхности, подняли брызги, и вновь взмыли вверх!

– Ох! – всё перемешалось в этом глубоком вздохе: и удивление, и разочарование, и неуёмная радость, – Ура! Летим!

Ветер сдувал с сырых ног прохладные капли. А мы, наполняясь, как воздушные шары, легким счастьем, поднимались и поднимались, увлекаемые в просторы, подальше от берега, далеко-далеко… Перед нами было бескрайнее море, бескрайнее небо. И мы, свободные и счастливые, висяще-парящие между небом и морем, были частью Вселенной. Эта СВОБОДА была такой естественной!? Я была поглощена этим удивительным незнакомым ощущением. Казалось, что так должно было быть всегда. Время куда-то исчезло. Мы удалялись и удалялись…

Я летела и смотрела только вперёд и вверх, на солнце. Оно тянуло нам навстречу распростёртые лучи, пробиваясь сквозь облака. И не сразу увидела, что морская рябь вдруг стала быстро изменяться, увеличиваться на глазах.

«Неужели мы снижаемся здесь, на середине моря?» – с ужасом подумала я, ожидая, что нас должны вернуть «на место» и опустить недалеко от пляжа.

Тем временем поверхность воды вдруг оказалась очень близко. Я уже предвкушала нежное опускание на воду, такое же, как накануне.

«Наверное, даже голову не замочу», – мечтала я о небольшой женской радости, давно позабыв законы физики.

Вдруг верёвки резко рванули, сильно толкнули меня назад и протащили какое-то расстояние по воде, спиной вперёд…

– А-а-а! – мой вопль поглотила вода…

Вот так, с открытым ртом, выпученными от возмущения и страха глазами, я и ушла под воду. Она оказалась неожиданно тёплой, приятной и ласковой.

Вынырнула я в верёвочном чудовище, которое колыхалось на воде и пыталось затянуть меня в свою паутину. Быстро-быстро трясущимися руками я растягивала заветный ремень, это действие я запомнила хорошо. Хотелось быстрее оттолкнуть подальше от себя эти живые и сильные верёвочные щупальца.

Вперёд, к катеру. Больше я не видела ничего: ни далёкого берега, ни открытого моря. Я спешила, будто за мной гонятся. Казалось, как поплавок качаюсь на одном месте, ничуть не продвигаясь к спасательной шлюпке.

Приплыла первой! Не знаю, кто и когда собрал парашют, но уже через минуту мы с ветерком, трясясь от холода, мчали к берегу.

Нас встречали, как героев. Расспрашивали, перебивая друг друга. Но ничего не хотелось говорить, будто я ещё не вся приземлилась…

Тёмный извилистый тоннель из причудливых в ночи деревьев выводил путешественников из сказочной страны Пицунда. И даже обычные и привычные глазу вершины Кавказских гор на центральной абхазской трассе выглядели сказочно. Стекавший сверху белый туман заполнял впадины, закрывал горы покрывалом с рваными дырами, образуя совершенно незнакомый горизонт. Где – горы, где – небо?

И только внутри автомобиля вполне реалистично спали уставшие от впечатлений люди. Я в сладкой полудрёме вспоминала события прошедшего дня: прогулки на катере, радугу над морем, встречу с диковинным цветком… и, конечно же, полет в небе…

И только в Пицундский храм мы не попали. Но всё, что я видела и пережила на этом курорте, каким-то образом слилось и звучало в моей голове единым органным концертом «Пицунда».

Уж не пригрезилось ли мне всё это?

Алена Телегина

Дом на горе

ЭТО НЫНЧЕ на нашей горе Лисьей стоит башня диковинная. А раньше была там всего-то моя избенка. Стояла она на вершине, весь наш посёлок с неё видно было... Ну да обо всем по порядку.

Неподалеку была одно месторождение, железо там добывали. Раньше была гора Высокая, теперь на месте том яма глубокая. Изрыли её полностью. Я там с самого малолетства горбачусь, лет с девяти. Уж очень нужны были матери моей деньги. У меня сестра маленька, батьку за самовольную отлучку на заводе в ножные железа заковали. Несколько недель его тогда дома не было. А за перенос руды предлагали аж три копейки на день! Много там народу собиралось и моего возрасту и постарше. Целый день ходили от карьера до распределительного цеха. Тяжело было. Вес железного куска давит на спину, путь не близкий. Под конец дня и вовсе еле ноги волочишь.

Раскопали бы и соседнюю гору, да не было в ней ничего ценного. Нам, крестьянам, всё одно – известняк да камни, камни да известняк. Да были у нас люди знающие, они уж подсобили, растолковали что да как. Так гора и осталась стоять посреди посёлка. Со временем её стали звать Лисьей. Дым от завода поднимается в воздух, напоминает хвост лисы. Один сказал, затем второй. Так и повелось.

Обучался я ремеслу интересному – вёдра да подносы делать, лаком покрывать, расписывать... Подолгу сидел в мастеровой, смотрел за мастером Ермолаем. Он сутками работал, и то получал розгами за недоимки. Однако изделия его очень ценились на нашем торжке. Образовался он сам по себе под Лисьей горой. Всё потому, что расположение у горы той оказалось удобным. Она была в центре, поселок разросся, у подножья торговля пошла. С соседних деревень к нам приезжали, чтобы продать своё, купить наше. Я туда приносил свои работы, и они продавались. Тогда уже стало жить не так тяжко, не приходилось таскать руду, чтобы получить денег. Так я и узнал их настоящую ценность. Решил больше никогда к переноске руды не возвращаться.

Время шло. Стал я мастером известным, промышлял уже не только простыми подносами. Женился, семью завел. А там и детишечки пошли. Жили мы тогда недалеко от горы, чтоб быстрее было до торжка добираться.

Поселок может и был большой, да домишки были деревянные. Тут что-нибудь пьяный учудит, а там от печи искра упадет... Часто возгорания были, сложнее их пожарным охватывать, сообщать о них. Тогда приказчик распорядился о том, чтобы для этих нужд одного из крестьян поселить на вершину горы Лисьей. Ну ребята из нашей мастеровой меня и выставили. Мол, ничего не делает, пользы нам не приносит. Завидовали мне видимо мои «друзья», после переселения мне ведь сложнее будет продолжать заниматься тем же.

Так и выделили мне место для избы на самой вершине. Конечно же дома там не было, самому построить надобно. А приказчик сроки установил, все поторапливает. Шкуру норовит с меня спустить, избу, где сейчас с семьей жил, отобрать.

Так я и начал свою новую работёнку. Деньденьской сидеть у избы, смотреть на город, сигналы о возгорании подавать. Наскучило мне такое житьё. С люльки к работе приучен, без неё плохо мне было. Снарядил для этого дела сынишку своего. Всё равно по горе носится, играет. А так с делом, не особо тяжёлым игры совмещать будет. Я же обратно в мастерскую. Ходить было далеко, но зато делом был занят. Заработок был. За надзор-то денег не дают.

Все бы хорошо, да пришел к нам на вершину однажды сам Демидов, да несколько приказчиков с ним же. Выяснилось, что хотят они здесь на макушке построить сооружение французское, новомодное. Пришли, чтобы выселить меня.

Я так злился, так переживал. Ради какой-то иностранной пристройки сносить мою славную избушку! Я её сам, по бревнышку, по балочке собирал, а теперь всё. Руины. Только против хозяев-заводчиков да приказчиков я, простой рабочий, идти не посмел.

Так и стоит башня на горе Лисьей и сейчас. И будет стоять, пока какой-нибудь приказчик не решит построить на этом месте для себя дом али место специальное, чтобы за звёздами следить. Обсерваторией зовётся, кажется.

Мария Казанова
Мария Назарова

наперекор судьбе

НЕ ВСЕГДА люди выбирают ту профессию, которая им нравится. Так случилось и с Лидией Эдуардовной Дранишниковой.

Женщина родилась в семье российских немцев.

Ещё при Екатерине II немцы, по приглашению самой императрицы, стали заселять российские земли: 15 декабря 1762 г. Екатерина II подписала манифест «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу». Органичным продолжением данного документа стал манифест от 22

июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах». По условиям Манифеста, желающим приехать в Россию в качестве колонистов, в случае отсутствия у них денег на проезд следовало обращаться к русским дипломатам или их резидентам, которые обязывались обеспечить отправку колонистов с предоставлением им денег на путевые расходы.

Прибывшие в Россию переселенцы освобождались от «всяких налогов и тягостей» на разные сроки. Так Россия стала родиной для предков семьи Лидии Эдуардовны.

Амалия, мама Лидии, была вдовой. Первый муж погиб в Гражданскую войну, оставив её одну с двумя сыновьями. Второй, Эдуард – стал отцом нашей героини. Ранее мужчина был женат, но остался один с тремя сыновьями, так как мама прекрасных мальчиков умерла. Сама Лидия родилась 24 октября в 1930 году, а после у неё появился ещё один брат. Итак, в семье было шесть братьев и сестра. Жили они в Красноярском крае. В то время никого не удивляло такое большое количество детей в одной семье. Можно только позавидовать Лидии, ведь скучно ей точно никогда не было.

Наступили времена репрессий и в 1934 году отец с младшими детьми решил переехать на Север. Старшие же дети остались в Красноярском крае.

Вскоре вся семья переехала в Якутию. Сперва они жили в Якутске, затем в Покровске, так же в некоторых поселках и, наконец, прибыли в морской порт Тикси на берегу моря Лаптевых.

Папа девушки был очень хорошим сапожником, также умел делать многое по дому и хорошо справлялся со стройкой. Уже в Тикси закончил курсы старшин катеров. В 9-ом классе Лиде предложили стать пионервожатой. Мы думаем, Лидия была прилежным учеником, иначе к ней не поступило бы такое предложение. Конечно, ей было страшновато: ведь это большая ответственность. Но все ей помогали в организации походов и военной игры «Зарница», особенно мальчики старших классов. Лидии нравилось её новое дело и к окончанию школы она точно знала, что будет учителем, только у неё оставалось сомнение, каким учителем: русского языка или истории. Она знала, что учителя русского языка проверяют много тетрадей, а девушке не нравилось это занятие и решила Лидия стать учителем истории...

Семья нашей героини не раз пострадала от репрессий. Так, репрессировали старшего брата, Александра. Его выслали в Челябинскую область, в город Копейск. Там он и жил, и работал. Лидия, чтобы быть поближе к брату, поехала поступать в Челябинск, в педагогический институт на учителя истории. Это время было не лёгким: девушка очень скучала по дому, по маме и папе. Часто не давала подругам спать, так как плакала во сне.

После окончания института её послали работать учителем истории в Нязепетровск. Там Лидия Эдуардовна отработала два года. После этого девушку отправили в село Ункурда, но уже не учителем, как планировалось, а директором школы. И сразу возникли трудности: завхоз, немолодой человек, решил уволиться, так как ему мало платят. Молодая директор решила так: без хорошего завхоза никуда не деться. Поэтому она пообещала ему доплачивать из своей зарплаты. И так целых четыре года завхоз исправно и добросовестно работал, а Лидия Эдуардовна платила ему за это из своей зарплаты, и в школе был порядок, и ремонт всегда был сделан вовремя.

В это время брат Василий закончил техникум в Свердловске и был направлен работать энергетиком в Нижний Тагил. Лидия, как любящая сестра, отправилась к нему. Без работы девушка сидеть не могла, так что почти сразу отправилась в управление образования, где ей сказали, что учителей-историков достаточно, а директоров со стажем не хватает. Сперва такое предложение смутило Лидию Эдуардовну, ведь в мечтах до сих пор была работа именно учителем, к тому же на то время у нее уже была семья, ребёнок, но, после долгих раздумий, она всё же согласилась.

Вначале её назначили директором школы №36 в барачном поселке, да и сама школа была барач-

ного типа. Здесь Лидия Эдуардовна отработала два года, и затем её перевели в 39-ю школу, так же директором. Двенадцать лет провела она в стнах этой школы, а затем получила новое назначение: в школу №13, опять же директором. И здесь женщина отработала ещё двенадцать лет.

Лидия Эдуардовна с теплотой вспоминает, что её во многих делах поддерживали директора заводов Нижнего Тагила (тогда предприятия шефствовали над учебными заведениями). Однажды, директор НТХЗ Глеб Васильевич Румянцев, при встрече с Лидией Эдуардовной, рассказал, что родители жалуются: дети получают плохие знания, не могут поступить куда-либо. Лидия Эдуардовна сказала, что учителя часто меняются, так как нет условий для проживания. И руководитель завода решил обеспечивать учителей бесплатным жильем. Этот уникальный случай поддержки учителей снизил текучку кадров, в чем большая заслуга Лидии Эдуардовны.

Как показывает жизненный пример Лидии Эдуардовны, раньше могли отправить работать туда, где необходимы были кадры, а не туда, куда хочет сам человек. Но, несмотря на это, трудолюбивые все равно добьются успехов в любом деле или профессии, как Лидия Эдуардовна.

Лидии Эдуардовне в этом году исполнилось 91 год.

Конечно, сейчас она больше находится дома. Часто болеет, но всегда с интересом следит за событиями в стране, смотрит новости, ведь она была раньше ещё и учителем истории. У нее была замечательная дочь, которую она ласково называет Аленушка. Она была врачом-кардиологом, но осенью, в гололед попала в дорожную аварию и погибла... Поражает твёрдость характера нашей героини. Самое страшное, что может пережить любая женщина – смерть своего ребенка. Но у неё остались прекрасные девочки-внучки. Всю жизнь Лидия Эдуардовна заботилась и помогала им. Девочки получили высшее образование, живут и работают в Екатеринбурге.

Старшую внучку внучку зовут Анюта. Она закончила Уральский Государственный Медицинский университет, направление «Лечебное дело».

Младшую зовут Мария. Она окончила Уральский Федеральный университет, институт естественных наук и математики.

Мы восхищаемся нашей героиней: она смогла не только пережить смерть своей дочки, но и воспитать внучек так, что они занимают далеко не последнее место в обществе.

У Лидии Эдуардовны был муж, который болел, она за ним ухаживала. Она очень любила свой сад, но года два уже не посещает его, а раньше постоянно работала и отдыхала в саду.

Выбор профессии сыграл большую роль в жизни Лидии Эдуардовны. Может всё было подругому у нашей героини, если бы она когда-то не поступила в педагогический институт и не согласилась быть директором школы. Лидия Эдуардовна прожила необычную и сложную жизнь, но все старания были не напрасными! Школы, в которых работала Лидия Эдуардовна, до сих пор на хорошем счету. А иначе и быть не могло: будучи директором она всю энергию и талант вложила в работу школ. И то, что дело твое живет и продолжается – это главная награда для руководителя.

История жизни Лидии Эдуардовны – уникальна и достойна восхищения. Ей пришлось пойти наперекор своей судьбе и прожила она не простую жизнь. В школе Лидия Эдуардовна была вожатой, учителем, директором, она умела убедить, повести за собой, оставаясь при этом строгой и доброй, мудрой и чуткой, несмотря на жизненные трудности и личные переживания всегда спешила на помощь другим. Лидия Эдуардовна Дранишникова – Человек с большой буквы, человек, на которого хочется равняться!

Алиса Дмитриева

Признание в любви

В МАСТЕРСКОГО художника пахнет деревом и маслом. Художник творит… Уже несколько лет Мастер работает над образом. Ему хочется выплеснуть на полотно свою любовь к уральской природе, к местной истории, к людям…Он мучительно ищет ключевые элементы к определению «уральский характер»… Мучается, не спит, думает. И вот он, подходящий образ: гора, завод, мастер! Мастер – Певец Урала.

Художник Михаил Васильевич Дистергефт сделал своё признание в любви. Большое полотно, хранящееся в Нижнетагильском музее посвящено Мастеру слова – Дмитрию Наркисовичу Мамину-Сибиряку. На фоне Лисьей горы, Демидовского завода – могучая фигура писателя… Это сложная, не простая история…Это не просто картина. Жизнь.

Вначале была война: журавли…

Октябрь. 1941 год. Волоколамское шоссе. Серое низкое небо. Ничего не слышно от рёва снарядов и человеческой боли. Грязь. Снег. Багровое небо. На передовую подъезжает машина с новобранцами, в неё с диким рёвом впивается снаряд. Новобранцы погибают все. На земле лёгкие белые платочки, выпавшие из кармана шинели погибшего солдата, на бушлате ещё не затёртое имя… рядовой Пётр Финадеев... Платочки смешались с грязью и только один, гонимый ветром полетел вверх.

– Журавли! – вздохнёт молодой артиллерист-зенитчик, глядя в небо, в котором среди смертельно-свинцовых туч парил белый платочек. Вынув из кармана шинели замусоленный блокнотик и обломок карандаша, тут же начнёт рисовать: излом – линия горизонта.

Михаил Дистрегефт был призван в армию в 1941 году. Три месяца он участвовал в обороне Москвы.

– Рядовой Дистергефт!

– Я!

– Срочно в штаб.

В штабе зачитали повестку: мобилизуется на строительство «эвак.завода». Фактически – это был арест и начало долгих лет репрессий...

Михаил Дистергефт родился 24 апреля 1921 года в деревне Савёлово Тверской губернии. В 1926 году семья Михаила переехала в Ленинград. Отец был литейщиком на Путиловском заводе, затем начальником цеха на судостроительном заводе имени Марти, репрессирован по 58 статье.

Талантливого мальчика, после того как семья переехала в Ленинград, родители определят в художественную студию, а потом, после школы, надо будет готовиться к поступлению в Российскую Академию художеств. Конечно же, он ходит на подготовительные курсы, мечтает о путешествиях, о картинах, хочет расширять горизонты своим искусством… В списках, поступивших в Академию – он первый! Заканчивает первый курс, второй. А дальше? Дальше – война!

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли,
повзрослели они до поры,
на пороге едва помаячили
и ушли за солдатом солдат…

Булат Окуджава

Автор стихов Булат Окуджава – ребёнок войны, в 1930-е годы от репрессий пострадала его семья. Несколько лет его родители жили в Нижнем Тагиле, в 1939 году Окуджава пошёл в школу, однако доучиться в ней не удалось. Раздавленная репрессиями семья уезжает навсегда из этого го-

рода. Вернётся в Тагил Булат Шалович только один раз в качестве приглашённого гостя. В далёкие 60-е…

В Ленинград Дистергефт тоже не вернётся никогда. Только в качестве гостя…

А в Нижнем Тагиле он будет жить с 1951 по 2004 год… И будет напевать песни Окуджавы всегда, когда за столом будет собираться семья, чтобы вспомнить прошлое. Петь.

Память о войне

Воспоминания никогда не перестанут тревожить душу. В 1994 году усилиями тагильского общества «Мемориал» выйдет в свет «Книга Памяти», Дистерргефт там опишет свои тяжёлые ощущения. Это память, положенная на слова: «...ночью в грязных телячьих вагонах под конвоем, привезли в город Карпинск на Богословские угольные копи. Здесь была зона со всеми её атрибутами…Всё это было неожиданно и непонятно. Наутро можно было оценить то новое, что я увидел. И Северный Урал… Многообразие форм и цвета, в пейзаже – широкий пейзаж пространства, мощь и сила манящих далей. Но вскоре все красоты величественной гордой природы через колючую проволоку стали восприниматься враждебно…Надо было жить, а, значит, бороться… начал заниматься рисованием. Без любимого дела я не представлял себе жизнь».

Карпинский период закончился в 1951 году. К этому времени Дистергефт побывал на разных работах и в свободное время рисовал. «Богословские копи в дни войны» – одна из первых выставок мастера.

«Моя графическая серия – отзвук трагического времени, памятный знак не ушедшей беды», – скажет Дистергефт потом.

Серия включала в себя 25 больших рисунков военной поры. В 1989 году у художника эту серию приобретает Свердловское управление культуры и сейчас графические работы – достояние Нижнетагильского музея изобразительных искусств, достояние горожан. Память, взятая «на карандаш».

«Не в тиши университетских и академических аудиторий постигал я законы бытия общества и человека, а также глубины искусства. Суровая мачеха-жизнь образовывала меня по своим неписанным законам. И слава Богу, что были со мной всегда хорошие люди!». Михаил Васильевич перечисляет многих, с кем прошёл нелёгкими дорогами жизни. Среди них искусствовед Е. Л. Кронман, живший в Нижнем Тагиле и директор тагильского художественного училища А. Н. Кравченко. Именно они поддержали в Тагиле художника, его молодую семью, уговорили поступить в училище, получить диплом художника. Мир не без добрых людей... Ведь, художник знает, что человек человеку крылья!

В 1952 г. Михаил Дистергефт экстерном окончил Нижнетагильское художественно-промышленное училище, получил диплом художника-педагога. В 1952-1962 гг. преподавал в художественной студии ДК НТМК. В 1961-1991 гг. работал в Нижнетагильских Художественно-промышленных мастерских худфонда (ХПМ ХФ) РСФСР.

Михаил Васильевич был уникальным человеком: отзывчивым, искренним. Он любил Урал, как может любить его только художник. Путешествовал по Уралу много, часто. Брал кисти, карандаши и рисовал, рисовал...

Особое место в творчестве Мастера занимает уральская история. Однажды он открыл для себя бездонный колодец для вдохновения: книги Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка. Они его потрясли. В результате творчество переросло в серьёзные работы: признание одного Мастера в любви другому Мастеру. Иллюстрация к книге «Три конца», большой портрет писателя на фоне заводской тагильской управы (сейчас это здание краеведческого музея), оформление экспозиции дома-музея писателя в Висиме.

А началось всё просто: среди книг для маленького Игоря Дистергефта оказались «Алёнушкины сказки»… Папа читал сыну сказки…

Вот что: жизнь прекрасна, товарищи,
И она удивительна,

И она коротка.
Это самое-самое главное…
В. Высоцкий

Послужной список Мастера короток и сух:

В 1960-1970-е гг. – председатель, член Художественного Совета при Нижнетагильских ХПМ ХФ РФ.

В 1963-1966 гг. – главный художник г. Нижний Тагил.

Реабилитирован в 1992 году. В 2004-м вместе с семьёй эмигрировал в Германию. И до последней минуты – воспоминания о войне…как излом – линия горизонта.

Он очень любил жизнь. Как и парень из уральской глубинки, погибший в самом начале войны.

Послесловие

В мастерского художника пахнет деревом и маслом. Художник творит… Художник Михаил Васильевич Дистергефт созидает своё признание в любви. На фоне Лисьей горы, Демидовского завода – могучая фигура писателя… Это сложная, не простая история… Это не просто картина. Жизнь.

Михаил Васильевич Дистергефт умер в 2005 году в городе Ораниенбург, Германия.

Вот и сбывается все, что пророчится.
Уходит поезд в небеса – счастливый путь!
Ах, как нам хочется, как всем нам хочется
Не умереть, а именно уснуть.
Уйдут, как мы – в ничто без сна –
И сыновья, и внуки внуков в трёх веках.
Не дай господь, чтобы война…
В. Высоцкий

Анастасия Степанова

Кино глазами психолога

«Осенняя соната»
реж. Ингмар Бергман, 1978

ДРАМАТИЧЕСКИЙ фильм великого режиссёра Ингмара Бергмана, изрядно наполненный психологизмом и наглядно показывающий, почему два родных человека могут быть душевно так далеки друг от друга...

Началось все с того, что молодая женщина Эва пишет письмо, где приглашает маму, которую зовут Шарлотта, в гости. Они не виделись долгие семь лет. Между ними не было никакого конфликта, просто так получилось.

В итоге мы наблюдаем за приездом матери к дочери. Они счастливы видеть друг друга. Всё, кажется, идёт хорошо. Но затем мы начинам понимать, что Шарлотта – женщина не простая.

У неё нарциссическое расстройство личности, которое характеризуется озабоченностью тем, как человек выглядит в глазах окружающих, недостатком эмпатии, страхом фрагментации своей идентичности. Люди с таким расстройством избегают любых проявлений чувств и поступков, которые выражают осознание либо собственного несовершенства, либо реальной зависимости от других.

Основные механизмы психологических защит, которыми пользуются нарциссически структурированные люди – это идеализация и обесценивание. Эти процессы взаимодополняющие,

поскольку, когда собственное «Я» идеализировано, другие люди обесцениваются.

Именно поэтому в момент, когда дочь сыграла прелюду Шопена, Шарлотте было сложно выразить положительную оценку, несмотря даже на то, что она прониклась этим исполнением. Слёзы предательски поступали к синеве глаз, она действительно прониклась интерпретацией произведения её дочери. Но из-за грандиозности своего «Эго», Шарлотта не смогла сказать то, что почувствовала во время исполнения. Вместо этого она сказала:

– Дорогая моя Эва...

– Это всё?

– Я взволнована.

– Тебе понравилось?

– Мне понравилась ты.

И это не в первый раз, когда она обесценивает достижение своей дочери, парируя своими величайшими успехами. Шарлотта словно на физиологическом уровне не может проговорить слова похвалы. Язык не поворачивается – зато она щедра на критику и восхваление себя.

Ей чуждо малейшее проявление сочувствия, что подтверждает сцена, в которой муж Эвы делился своими переживаниями по поводу утонувшего маленького сына. Шарлотте было некомфортно его слушать; она хотела скорее закончить этот тяжёлый разговор, наполненный эмоциями и переживаниями.

Шарлотта – центр Вселенной, и все должны восхищаться только ей. Именно это она постоянно могла лицезреть в глазах Эвы, которая с самого детства искренне любила маму и ждала от неё простого человеческого тепла, заботы и ласки. Ждала, но тщетно. Мать была с ней холодна, держала дистанцию и не подпускала к себе. При этом, Шарлотта могла мастерски изобразить любовь и понимание, но эту неискренность в проявлении чувств и фальшь чувствовал ребенок.

Важно отметить, Эва – не единственный ребёнок Шарлотты. Есть ещё младшая дочь Хелена, у которой в тяжелой форме паралич: она не может свободно выражать свои мысли, а её речь сводится только к мычаниям.

Какую роль она играет в жизни Шарлотты?

Для нарциссически организованных людей базовыми эмоциями являются стыд и зависть. Стыд – это ощущение, что человек выглядит плохим или не правым. Стыд несёт коннотации беспомощности, уродливости и бессилия. Если у такого человека есть внутреннее убеждение, что ему в нём чего-то не хватает и что его неполноценность может быть изобличена, он будет завидовать людям, которые выглядят довольными собой или у кого есть ресурсы, которые, как он считает, могут компенсировать то, чего ему не хватает.

Хелена – это кривое зеркало, в котором Шарлотта видит свой болезненный патологический и деформированный внутренний мир. Именно поэтому младшая дочь для неё всего лишь позорный столб, рядом с которым ей стыдно стоять. Да, ей стыдно, потому что у неё, всемирно известной и талантливой пианистки, такой несовершенный ребенок, глядя на которого она видит свою тотальную и мучительную неидеальность.

Что получается в итоге?

Личность Шарлотты сформировалась таким образом не случайно. Дело в том, что в её семье царил эмоциональный холод, граничащий с равнодушием.

«А я почти не помню своего детства, и совсем не помню, чтобы меня кто-то обн ял или поцеловал. Ни отец, ни мать не проявляли ни любви, ни тепла. Не было у нас духовной близости, понимания», – говорит Шарлотта.

То есть Шарлотта, не получив родительской доброты, поддержки и заботы, на бессознательном уровне переняла такой паттерн поведения в отношении близких людей. Её желание быть всегда лучше других – лишь механизм психологической защиты. Страх быть раскрытой перед другими, показать свои переживания ослепляет её, закаляя её неспособность любить.

Как итог, её дочь Эва тоже не способна любить, потому что она не знает, *как*. Зато всю жизнь

она тянет за собой тяжёлый груз обиды, злости, ненависти, лишив себя возможности дышать полной грудью и жить свободно от боли.

Актерская игра Ингрид Бергман и Лив Ульман достойна всех высших похвал! Насколько филигранно они передали образы своих героинь, что не осталось ни тени сомнения в их блистательном исполнении!

Воссоздать на экране так напряженно, эмоционально и правдиво межличностный конфликт поистине способен только гений.

Ингмар Бергман проделал колоссальную и невероятно талантливую работу. Она действительно глубоко личная, и наполнена особым смыслом, как и само название картины – «Осенняя соната».

Осень бывает разной: тёплой, солнечной, красочной. Так называемая, золотая осень. А бывает холодной, серой, ветреной. Увядающая осень. В этой семье именно такая осень: строгая, лишенная чувств, и охваченная болью и страданиями.

СОДЕРЖАНИЕ

И снова здоавствуйте! 3

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Екатерина Соловьева. *Тайна старого дома.* 6

Ян Разливинский. *Плотогоны.* 35

Ирина Устюгова. *А могло быть так...* 51

РАССКАЖУ ВАМ ИСТОРИЮ

Екатерина Прямкова. *Где-то совсем рядом.* 69

Ольга Приймакова. *Не нашей породы* 72

Анна Неугодникова. *Дерево счастья* 77

Екатерина Орлова. *Я тебя помню* 80

Мария Лопаева. *Лесополитическая сказка* 81

Софья Коренистова. *Наш праздник* 82

Эдуард Печенежский. *Иль зверем стать мне суждено* 84

Сергей Епишин. *Счастье* 87

Оксана Исупова. *Капсулина из будущего* 88

Анна Андросенко. *Ты и я, и я* 92
Екатерина Прямкова. *Крестики-галочки* 96
Никита Волохин. *Светик* 100
Владислав Малышев. *Чёрный квадрат* 103
Евгений Ставцев. *Арбалет* 106
Екатерина Прямкова. *Никто* 110
Мирон Кропотов. *От осени до весны* 114
Анастасия Исакова. *Настоящий врач* 121
Юлия Макушина. *Келпи* 123
Екатерина Прямкова. *Час Пик* 126
Ольга Приймакова. *Уж замуж не пойдёшь* 127
Екатерина Соловьева. *Бей!* 130
Ян Разливинский. *Совсем не так* 132

ПЬЕСЫ

Ирина Васьковская. *Уроки сердца* 135
Марина Харитонова. *Vera* 143
Елена Киселькова. *Некрасов и Фёкла* 153

ДОМАШНЯЯ РАБОТА

Ольга Арсина. *Прикаянная душа* 159
Владислав Малышев. *The End* 164
Александра Культикова. *Дом с видом на дорогу* 173
Екатерина Соловьева. *Я дома* 187
Марина Харитонова. *Писать стихи – не мой удел...* 190
Екатерина Соловьёва. *Хочу вам показать пример...* 190
Екатерина Соловьёва. *Сидел за книгой до зари голубоглазый князь...* 190
Римма Шмелёва. *Два желторотых сорванца...* 190
Марина Харитонова. *Новый уровень заданья...* 191
Екатерина Соловьёва. *Старый город под асфальтом...* 191
Римма Шмелёва. *Небо кисло моросило...* 191
Михаил Колбин. *Мне недавно снился сон...* 191
Екатерина Соловьева. *Холодные капли пронзают насквозь...* 192

Римма Шмелёва. *Декабрь на окошке морозом...* 192
Марина Харитонова. *Закружились мы в вальсе стихов...* 193
Екатерина Соловьева. *В темноте мирозданья тепло...* 193
Екатерина Прямкова. *Я опять забываю поесть перед сном...* 193
Римма Шмелёва. *Разрослась мурава вокруг дома...* 193
Екатерина Соловьева. *Осенью воздух прозрачный и тонкий...* 194
Римма Шмелёва. *Милый мой город, огнями сверкая...* 194
Екатерина Соловьева. *В дни безысходного отчаяния...* 195
Татьяна Ларионова. *А шляпа грустила, а шляпа страдала...* 195
Марина Харитонова. *Старой вязаной шапочке я балладу пою...* 195
Марина Харитонова. *На отчётов полях прорастают стихи...* 196
Екатерина Соловьева. *На отчётов полях прорастают стихи...* 196
Екатерина Прямкова. *На отчётов полях прорастают стихи...* 196

ПЕРЕВОДЫ

Ральф Ходжсон. Тайна. Перевод ***Юлии Жилицкой*** 199
Джордж Байрон. В своей волшебной красоте... Перевод ***Юлии Жилицкой*** 199
Роберт Геррик. К Электре. Перевод ***Юлии Жилицкой*** 199
Из Байрона. Перевод ***Яна Разливинского*** 199
Вальтер фон дер Фогельвейде. Под липою, на пустоши... ***Перевод Игоря Дронова*** 200
Иоганн Вольфганг фон Гёте. Морская тишина. Перевод ***Игоря Дронова*** 200
Йозеф Гуггенмос. Дверь. Перевод ***Ирины Худяковой*** 200
Йозеф Гуггенмос. Каждый может сделать что-то.
Перевод ***Ирины Тюкавкиной*** 201
Йозеф Гуггенмос. Колоссальное происшествие. Перевод ***Дарьи Горянец*** 201
Флора Энни Стил. «Страшный зверёк». Перевод ***Екатерины Исмагиловой*** ... 202
Флора Энни Стил. Самый лучший хозяин на свете. Перевод ***Ксении Толстых*** ... 203
Чад Гарсия. Друг по переписке. Перевод ***Варвары Сведущевой*** 204

ПОЭЗИЯ

Игорь Дронов. *Осень – Они не выбирали, где расти...* 207
Михаил Колбин. *Как мало нужно для счастья...* 208

Анна Радаева. *Люди никогда не умирают – Вот, летишь. Твоя жизнь – как тень... – Я любви попросила у Бога... – Мы не знаем ни дней, ни судеб...* 209
Анна Бондырева. *Осень* 210
Екатерина Соловьева. *Я люблю тагильские дожди... – «Я не хочу поддерживать войну...»* 211
Юлия Жилицкая. *Сладко ли, мальчик...* 211
Олеся Русских. *Ты ударишь ногой постель...* 212
Дарья Шахова. *Эту песню я просвещаю весне... – Мир прекрасен! Чертовски прекрасен! – Новогоднее желание – Розовая песенка* 212
Андрей Майданов. *Вот и весна… – Что за азартная игра... – Благословляю глупую молву...* 213
Анастасия Аршук. *Последняя бабочка – Парус* 214
Елизавета Табатчикова. *Помолодела, поступью белой пошла черёмуха... – Лето размножится листьями... – Не плачу! Не жалей!.. – Шалый август – Холод гложет ноги прохожим... – Пахнет паром и снегами... – Голова-головня... – Грачи – Весна, темнота, любовь – Писать в серёдке января...* 215
Софья Зыкова. *Ты однажды сказала... – Недостаточно практики – Господи, слышишь?!. – Мне сегодня выпали карты «зачем ты здесь»...* 218
Ольга Суханова. *Рекомендую: пейте лето!.. – Если широко раскинуть руки... – А счастья много и не надо... – Привыкаю к дождю... – Плывут над прудом ароматы...* 220
Юлия Судьина. *Вот и в моем доме зима... – Вырасти... выйти за дверь наедине... – Нам не встретиться... – Детка, не спи... – Закрою так что воздух станет мной... – Мои откровенья застанем пожалуй без толку... – Я опускаюсь на дно океана...* 221
Екатерина Рид. *На грани* 222
Алексей Чавбан. *Вечер – Серьёзная девчонка – Снежный терем – Я отпустил тебя, родная – Кружева ресниц* 223
Татьяна Ларионова . *Яблонька – По зарослям своей души... – Крещение – Я так этот снег ждала... – Сегодня вечером весна ко мне явилась... – Мелькают леса, перелески... – Какое чудо жить вдали... – У августа свои права... – Облетает листва...* 224
Надежда Чернавская. *Звон всех колоколов звучал... – Небо серой шинелью... – Погожий денёк* 226

Александр Генкин. *Помолись за меня, старый добрый мой друг... ..... 227*
Галина Павлюкова. *Мне легче в стихах излагать свои мысли... ..... 227*
Марина Зудова. *Снегири – Книжкины врачи – Ручей – Базар – Бессмертный полк 228*

НЕ

Екатерина Прямкова. *Запахи Питера 231*
Ольга Мальцева. *Сказочная Пицунда 232*
Алена Телегина. *Дом на горе 235*
Мария Казанова, Мария Назарова. *Наперекор судьбе 236*
Алиса Дмитриева. *Признание в любви 239*
Анастасия Степанова. *Кино глазами психолога 241*

12+

Литературно-художественное издание

Световой год
литературный альманах из Нижнего Тагила
2022 год. Выпуск третий.

редактор, составитель – Я.Разливинский
корректор – А.Зорина
технический редактор – М.Ивлева
оформление – Б. Саломатов
обложка – И. Шамаев
титульный лист – С. Ивкин

Подписано в печать 09.12.2020.
Шрифт Times New Roman. Бумага офсетная №1.
Усл.печ. л. – 12,1, тираж 130 экз.
Макет, верстка, оформление – объединение «Союз»,
г. Нижний Тагил
Отпечатано в типографии ТРМ
г. Нижний Тагил, ул.Носова, 1
заказ 377

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ФОНДА
ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ

КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
КНИГИ

ВМЕСТО
распаковка

НИЖНИЙ ТАГИЛ
2022